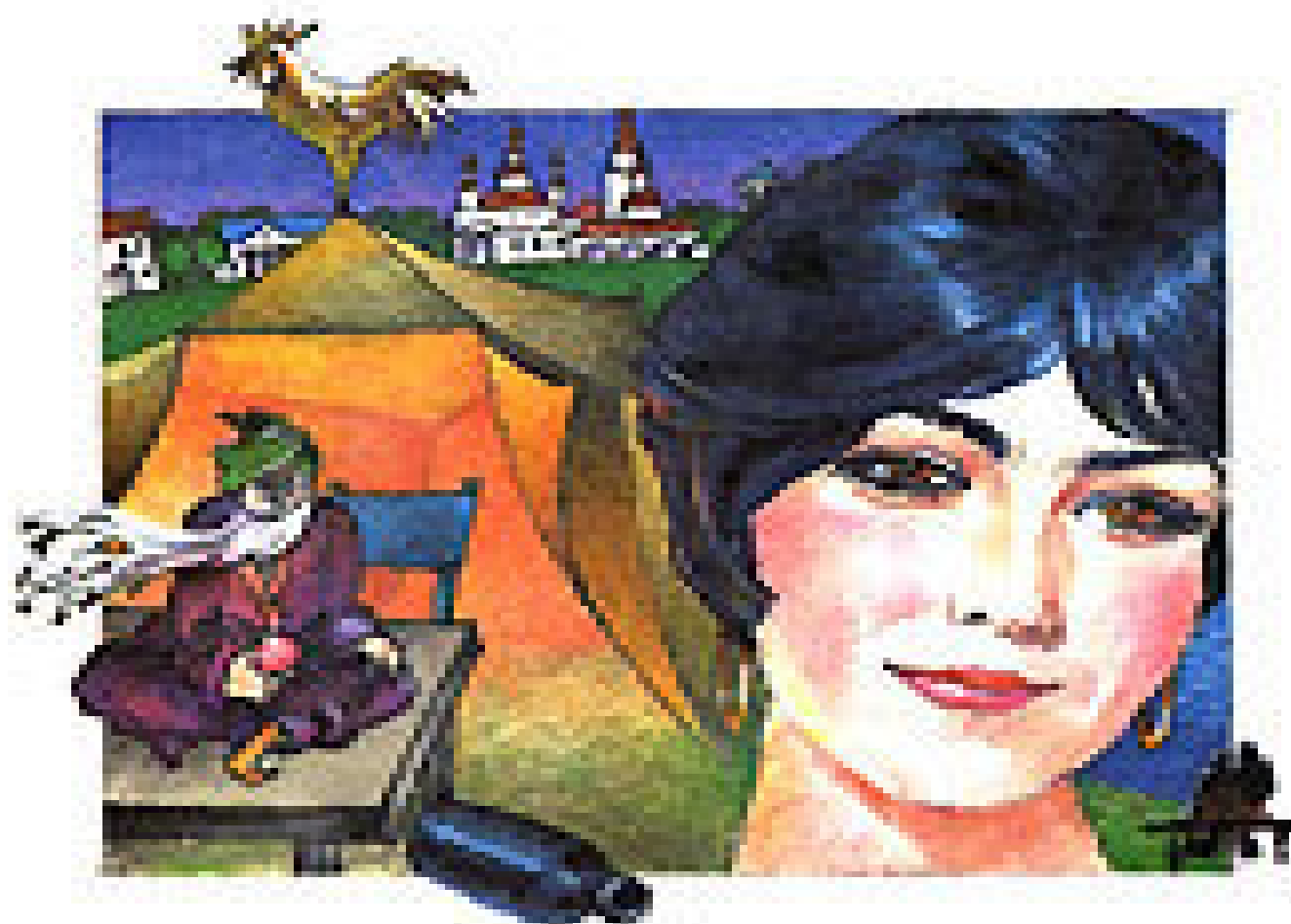

КИР БУЛЫЧЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГУСЛЯР

Annotation

В этот том серии "Взрослая фантастика" вошли рассказы о новых фантастических приключениях наших старых знакомых - Корнелия Удалова, Александра Грубина, старика Ложкина, профессора Минца и других смешных и трогательных жителей уже известного читателям города Великий Гусяр.

- [Кир Булычев](#)
 - [Возвышение Удалова](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Действие](#)
 - [Съедобные тигры](#)
 - [Разлюбите Ложкина!](#)
 - [По примеру Бомбара](#)
 - [Настой забвения](#)
 - [Когда Чапаев не утонул](#)
 - [Сны Максима Удалова](#)
 - [Жильцы](#)
 - [Опозоренный город](#)
 - [Яблоня](#)
 - [Сильнее зубра и слона](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Гусяр — Саратов](#)
 - [Дар данайцев](#)
 - [Градусник чувств](#)
 - [Каждому есть что вспомнить](#)
 - [Два сапога – пара](#)
 - [Плоды внушения](#)
 - [Сапожная мастерская](#)
 - [Подоплека сказки](#)

- [Отцы и дети](#)
 - [Отражение рож](#)
 - [Платье рэкетира](#)
 - [Новый Сусанин](#)
 - [Пришельцы не к нам](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Кир Булычев
Возвращение в Гусляр

Возвышение Удалова

Водевиль в одном действии с прологом

Пролог

Корнелий Удалов шел полем, отягощенный ведром с грибами. Грибы были незавидные, большей частью сыроежки и даже валуи, два подберезовика, один белый, но червивый, найденный на тропинке, где он лежал ножкой кверху – видно, какой-то более удачливый грибник нашел его, разочаровался и выбросил. Человек, который ходил по грибы, а несет домой банальную мелочь, склонен размышлять о тщете жизни и о том, что время бежит слишком быстро, а мы так и не научились тратить его с пользой. Он понимает, что ему уже за сорок, а главного в жизни еще не сделано и даже не выяснено, что в жизни главное. Такого человека обязательно начинают преследовать оводы и кусать комары, его печет солнце, а на лысину ему прыгают кузнечики. Конечно, неплохо бы идти лесом, но человеку обязательно надо пересечь клеверное поле, тяжелое и рыхлое после недавнего дождя. И поэтому человек мечтает о тени, о квасе в холодильнике и думает о том, что никогда больше не пойдет в лес...

И в этот момент раздался грохот, потрясший всю Вселенную, заставивший сжаться листья на деревьях и замолкнуть певчих птиц. Нечто громадное, сверкающее, окутанное паром и неземным огнем рухнуло точно посреди поля и оказалось шаром из обугленного металла. Шар достигал четырех метров в диаметре и, очевидно, был космическим кораблем – либо советским, либо американским, либо неземного происхождения.

Пока Удалов стоял неподвижно, размышляя о превратностях судьбы и радуясь тому, что эта чушка не упала ему на голову, в шаре открылся люк, и из него поочередно вышли три инопланетных пришельца, отличительной чертой которых было наличие трех ног. Пришельцы повертели зелеными головами, оглядывая местность, и, никого не заметив, побежали к лесу.

– Стойте! – закричал Удалов. – Стойте! Я не причиню вам зла! Я ваш брат по разуму!

Однако пришельцы либо не захотели, либо не смогли понять успокаивающих слов Удалова. Они мчались к лесу так, что только магнитные подковки сверкали на их каблуках.

Удалов испугался, лег на землю и немного полежал, прижав щеку к траве. Он решил, что пришельцы сбежали потому, что их корабль сейчас взорвется. Удалов лежал и ни о чем не думал, а корабль все не взрывался и стоял посреди поля с открытой дверью.

Уставши ждать смерти, Удалов поднялся, смахнул с колен цветы клевера и раздавленных муравьев и медленно направился к инопланетному кораблю. В нем пробудился дух исследователя.

Перед дверью он задержался и спросил:

– Здесь кто остался, чтобы войти со мной в контакт?

Нельзя сказать, что он ожидал ответа, – спросил только для того, чтобы проявить вежливость.

Ответа не последовало. Удалов поставил на землю ведро с грибами и вошел в космический корабль. Внутри было полутемно, и Удалову пришлось с минуту привыкать к полумраку. Потом он разглядел приборы и руль, которым управлялся корабль, а также койки космонавтов и их личные вещи, забытые в ходе бегства. Удалов присел на стульчик и задумался, что же делать дальше. Видно, придется идти в город и сообщить о космическом корабле куда надо.

По кораблю, где в тесноте и неудобстве жили космонавты, были разбросаны детали одежды, посуда и всякие мелочи. Удалов нашел там голубую каскетку с кометой вместо звездочки и примерил ее. Каскетка пришлась впору. И когда Удалов заглянул в зеркальце, висевшее над рулем, собственный вид ему очень понравился. Затем он поднял с койки хороший инопланетный бинокль и выпянул наружу, чтобы проверить его силу. Бинокль оказался сильным. В него Удалов увидел, как к кораблю, подпрыгивая на кочках, несется зеленый «газик», в котором сидят люди в штатском. Когда «газик» подъехал поближе, Удалов узнал среди пассажиров автомашины лично товарища Батыева, председателя гусярского исполкома, в просторечье главгора.

Удалов приветственно поднял руку. Машина затормозила, и пассажиры вышли из нее, пораженные редким зрелищем. Они надеялись, что упавший космический корабль – наш, советский, и они смогут первыми, раньше партии и правительства, прижать к своей груди смелых космонавтов. Но на корабле не было опознавательных знаков и по форме он был подозрительным.

И тут приехавшие увидели, что в двери корабля стоит человек в голубой не нашей каскеточке с изображением кометы и с большим иностранным биноклем на груди. Человек этот был невысокого роста, плотный, и весь его остальной костюм изобличал в нем местного жителя – грибника или рыболова.

– Пупыкин, ты что здесь делаешь? – спросил заместитель Батыева по имени Семен Карась.

Он хотел сказать «Удалов», потому что был давно знаком с Корнелием Ивановичем, но в растерянности назвал его именем директора бани Пупыкина, который ничем на Удалова не был похож.

– Пупыкин? – спросил человек в сером пиджаке, которого Удалов уже встречал на совещаниях. Он достал синюю книжечку и записал в нее несколько слов.

От леса бежали деревенские дети с полевыми цветами и кричали:

– Слава космонавтам!

– Я не Пупыкин, – сказал Удалов.

– Он не Пупыкин? – спросил человек в сером пиджаке.

– Постыдились бы, товарищи, – сказал Батыев. – Внешнее сходство не должно вводить в заблуждение.

– Я и сам вижу, что не Пупыкин, – сказал Карась. – Я против света смотрел.

– Откуда будете? – спросил Батыев.

Он не получил ответа, потому что Удалов был растерян и молчал. Молчание Удалова смутило Батыева. Человек в сером пиджаке снова достал из кармана синюю книжку, раскрыл ее и спросил на иностранном языке:

– Ар ю американ?^[1]

Не дождавшись ответа, он задал другой вопрос:

– Вот из йор таск? Ар ю э спай?^[2]

– Здравствуйте, коли не шутите, – сказал Удалов, спрыгивая на землю и протягивая руку товарищам из горисполкома. – Не узнали, что ли? Удалов я, из стройконторы. Корнелий Иванович Удалов.

Его слова были заглушены звонкими криками пионеров и школьников, которые приветствовали космического героя.

Сквозь детские голоса до Удалова, отличавшегося острым слухом, донеслись слова человека в сером пиджаке, сказанные на ухо Батыеву:

– Допускаю, что он может быть из КНР. Там производят опыты. Нельзя спускать с него глаз. Ясно?

Батыев отступил на шаг. Он смотрел на Удалова с неприязнью.

Удалов надвинулся на Батыева, и тот отступил еще на шаг. Удалов повернулся к Семе Карасю, но между ними втиснулась группа школьников, которые нагрузили Удалова букетами цветов, а один из детей защелкал аппаратом, фотографируя прибытие Удалова из космоса.

Человек в сером пиджаке неуловимым движением протянул руку к мальчику с фотоаппаратом и изъяс камеру. Мальчик было заплакал, но человек в сером пиджаке сказал строго:

– Аппарат получишь обратно. Мамку пришлешь, ясно?

Мальчик пошел через поле к лесу, одинокий и грустный, но никто из его товарищей не заметил этой маленькой трагедии. Не заметил и Удалов, который пытался в этот момент пробиться сквозь букеты к Семену Карасю и кричал ему:

– Не Пупыкин я, не Пупыкин! Пупыкин в бане, а я Удалов!

– Я и сам вижу, что не Пупыкин, – сознался Карась. – Какой ты Пупыкин? Пупыкин же в бане. Он и ростом выше.

– А Удалов? – спросил Корнелий Иванович.

– Удалов стройконторой заведует, – сказал Семен Иванович. – Какой ты Удалов?.. Удалов ростом пониже будет.

Батыеву надоело ждать на ветру.

– Попрошу в машину, – сказал он. – Разрешите... подвиньтесь... вот сюда... попрошу...

Человек в сером пиджаке выяснил, кто из детей отличники учебы и поведения, и составил из них охрану космического корабля.

Удалова посадили между человеком в сером пиджаке и самим товарищем Батыевым, и соседи сильно сжали Удалова локтями. Карась сидел рядом с шофером.

– Трогай, – сказал Батыев шоферу.

– А грибы мои? – спросил Удалов.

– Грибы?

– Ведро тут стояло, с грибами. Сыроежки, правда...

Человек в сером пиджаке изогнулся, рука его странным образом вытянулась метра на три, быстрыми движениями обшарила землю, не

задевая при этом детей, и нашла ведро с грибами. Но Удалову ведро не отдали, поставили рядом с шофером.

Машина взвыла и поскакала по кочкам. Дети кричали вслед: «Слава героям-космонавтам!» – и расходились по местам, чтобы охранять корабль. Те же, кто плохо учился или плохо вел себя в школе, остались в стороне и смотрели на корабль издали.

Пока «газик» несся к городу, гудя и разгоняя встречный транспорт, человек в сером пиджаке достал из кармана ножичек и начал тихо перепиливать ремешок, на котором висел бинокль. В это время товарищ Батыев по договоренности с ним отвлекал внимание Удалова, показывая ему окрестности и делясь успехами.

– Поглядите налево, – говорил он. – Вы видите богатые колхозные поля, засеянные злаками и овощами. Несмотря на неблагоприятные климатические условия, мы в этом году намерены перевыполнить планы по производству кукурузы на силос, а также по откорму крупного рогатого скота. Некоторые отдельные враги ставят под сомнение возможности нашего района в деле производства бобовых. Но поглядите направо...

– Ш-шшш, – сказал человек в сером, – направо смотреть нельзя.

Удалов знал, что направо смотреть можно, потому что там строилось здание свинарника под его, Удалова, руководством. Но человек в сером, наверное, не знал, что это здание свинарника, а потому на всякий случай запретил смотреть. Его можно было понять. Сегодня ты свинарник, а завтра – объект.

– Можно, – сказал Удалов. – Смотрите, это свинарник.

Тут же человек в сером свободной рукой вежливо, но энергично прикрыл Удалову рот.

Так они и ехали дальше. Человек в сером пилил ремешок и, когда уставал, обыскивал карманы Удалова со своей стороны. Батыев достал из кармана газету и начал читать Удалову статью о международном положении, медленно, но верно произнося отдельные длинные и трудные слова. Жесткая ладонь человека в сером на всякий случай лежала на губах Удалова, и потому тот не мог сказать Батыеву, что эту статью он уже читал и, хоть очень благодарен за внимание, предпочел бы послушать про спорт.

– Куда его? – спросил Батыев, когда машина въехала в город. – К вам?

– Ни в коем случае, – сказал человек в сером. – Все будет официально. Может быть, его на наших менять будем. Может, из Москвы позвонят. К тебе поместим.

– Ко мне нельзя, – возразил Батыев. – Я номенклатура.

– Тогда к товарищу Карасю, – не стал спорить тот, что был в сером пиджаке. С ним тоже не спорили.

Удалова провели в кабинет Карася. Они быстро шли коридором, впереди Карась, за ним Удалов, сзади человек в сером, который не оставлял попыток перепилить ремешок, а совсем сзади милиционер Селькин, которого взяли с площади.

Действие

Секретарша Карася, Мария Пахомовна, давнишняя приятельница удаловской жены Ксении, увидела это шествие, но не разобралась в его значении.

– Корнелий Иванович, здравствуй, – сказала она. – Грибов набрал?

Ведро с грибами осталось в машине под охраной шофера, но Удалов все равно ответил женщине открыто и прямо, как всегда всем отвечал.

– Какие там грибы! – сказал он. – Одни сыроежки. Правда, три белых.

Он забыл, что белый был один и тот червивый. Человек в сером подтолкнул Удалова в спину, а милиционеру велел остаться возле Марии Пахомовны. Уже скрываясь в двери кабинета, он обернулся и сказал:

– Он такой же Удалов, как ты курица. Понятно?

– Нет, – сказала секретарша.

– Потом поговорим, – сказал человек в сером. – Понятно?

– Нет! – воскликнула бедная женщина. – Корнелий Иванович, что происходит?

Карась зашипел как змея.

Хлопнула обитая черной кожей дверь, и они остались в кабинете втроем.

– Вот так, – сказал человек в сером, подходя поближе к Карасю и говоря шепотом, чтобы Удалов не слышал. – Неизвестно, может быть, он знает русский язык. Поэтому нужна осторожность...

– Знаю язык, знаю, – вмешался Удалов, который все слышал.

– Не перебивайте, – сказал ему человек в сером и принялся вновь шептать на ухо Карасю: – Их обучают нашему языку. Так что в его присутствии ни-ни. Я уже дал указание осмотреть его корабль. Думаю, его сбили наши славные соколы из хозяйства Пантелеенко. Теперь вы будете его отвлекать. Поговорите с ним, а я пойду на связь.

Серый человек испарился, будто его и не было. Удалов мог бы поклясться, что дверь он не открывал и к окну не приближался. Сеня

Карась был несколько смущен обществом Удалова и начал листать англо-русский разговорник, разыскивая какое-то нужное выражение.

– Семен, – сказал Удалов, когда они остались одни, – не узнаешь ты меня разве?

Карась наконец нашел нужное выражение и произнес:

– Ду ю лайк аур кантри?^[3]

– Этого я не понимаю, – сказал Удалов. – Это я забыл. Раньше знал иностранные языки, потом забыл.

Карась Удалова понял и испугался. Он был мужчиной некрупным, но полным в животе и чем-то похож на Удалова.

– Нравится ли вам пребывание в нашей стране?

– Если ты, Семен, – сказал удрученно Удалов, – все еще думаешь, что я китаец, то ошибаешься, потому что я русский и живу на Пушкинской, дом шестнадцать. А если мое слово меньше значит, чем слова вашего товарища, с которым я раньше почти не встречался, то мне это обидно.

– Его к нам из области перевели. – Карась осекся, взял себя в руки, вспомнил, что не имеет права иностранному космонавту выдавать внутренние тайны, и схватился за разговорник. – Вот из йор нейм? – спросил он и на всякий случай перевел: – Как ваше имя?

– Удалов мое имя, – ответил устало Корнелий Иванович.

– Знаю, – сказал Карась с некоторым раздражением, какое испытывает руководитель, сталкиваясь с тупостью подчиненного. – Знаем. А на самом деле как?

– Допрашивать меня не здесь надо, – возразил Удалов. – Хотя оснований для этого не вижу. Ведро мое видел? С грибами? Вот я за грибами и шел. А тут корабль упал. Я в него зашел, шапочку взял, а вы приехали. Ну в чем я виноват перед народом и правительством?

– А он куда делся? – строго спросил Карась.

– Кто?

– Который сначала прилетел?

– Которые там были, на трех ножках, в лес сбежали.

– Почему же это они в лес сбежали? Тебя испугались?

– Может, и меня, но вряд ли. Так ты, Семен, лучше бы ловил настоящих пришельцев, чем известного работника городского хозяйства брать в плен и возить под охраной.

– Понимаешь, Удалов, какое дело... – ответил Карась, как бы признавая этим, что и Удалов имеет право на существование. – Ты не представляешь, какой хитрости достигают наши идеологические противники. Для них прикинуться моим знакомым соседом Удаловым ничего не стоит.

– А где же тогда Удалов?

– Чего пристал – где да где? Нет Удалова! Закопали. Может, ты сам и закапывал!

– Это сам себя, что ли?

– Давай не будем притворяться, а?

– Я тебе это припомню. Ты лейку вчера просил? Черта с два теперь получишь.

– А ты не грози. Мне твоя вдова даст.

Тут за дверью послышался страшный шум и грохот ломающейся мебели.

– Ни с места! – взвизгнул Карась, прижав тяжелым животом Удалова к письменному столу и взяв в руку массивную пепельницу.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась Ксения Удалова с дымящейся кастрюлей в одной руке и паспортом в другой. Весть о том, что Удалова взяли, настигла ее на кухне, и, не выпуская из рук кастрюли, она схватила паспорт Корнелия, сунула туда свидетельство о браке и побежала в горисполком.

– За что взяли? – крикнула она с порога. – Ничего он не сделал, а если чего натворил, то по незнанию. Отпустите, умоляю вас и заклинаю последними словами!

Карась оробел, стал отступать, но тут в открытую дверь быстрыми шагами вошел человек в сером пиджаке и остановил Ксению такими словами:

– Гражданка Удалова, вы можете утверждать, что этот иностранный космический агент был раньше вашим мужем?

– Как так? – удивилась Ксения. – Вот его паспорт.

– Я не про паспорт. Уверены ли вы, что этот человек некоторое время проживал в вашей семье под видом вашего мужа? Это может иметь важное значение на суде.

– Ты ему, Ксюша, не отвечай, – сказал Удалов, освобождаясь от хватки Карася. – Он тебя на провокацию берет.

– Так он в паспорте прописан. С давних лет. Ребенок у нас есть, – сказала Ксения.

– А какие у него особые приметы? – поинтересовался человек в сером.

– Какие? Ну, лысый он, чавкает, когда щи ест...

– Это не приметы.

– А какие приметы?

– Родинки, шрамы и пятна на коже. Где, как, когда?

– Родинки? – удивилась Ксения. – Родинки есть...

– Ксюша! – предупредил Удалов.

– Вспомнила! Конечно, родинка есть, только место у нее не очень хорошее.

– Ксюша!

– Вы можете сказать мне это по секрету, – сказал человек в сером костюме. – На ухо. Вот сюда.

– Можно, Корнелий?

– Говори, – махнул рукой Удалов. – Все говори. Только чтобы этот кошмар скорее кончился.

Вошел милиционер с ящиком, из которого торчали разноцветные прутья и свисали волосы проводов.

– По вашему указанию, – доложил он, – сняты все секретные навигационные приборы нарушителя воздушного пространства. Приборы извлечены с помощью молотка и отвертки.

Милиционера звали Пилипенкой, он жил в Красноармейском переулке, за углом от Пушкинской, и, конечно же, знал Удалова, поэтому поздоровался и сказал, ставя ящик на стол перед Карасем:

– Как хорошо, Корнелий, что я тебя встретил!

– Чего уж тут хорошего...

– Я не шучу. Я по делу. Ты же обещал поделиться по части опыта работы в народной дружине с нашей молодежью из речного техникума. Никакой сознательности у тебя нет!

– Уж и не знаю... – вздохнул Удалов, бросив неуверенный взгляд на типа в сером пиджаке.

– Я понимаю, что ты занят, – сказал Пилипенко, неправильно истолковав уклончивый ответ соседа. – Мы все занятые.

Тут человеку в сером надоело ждать, когда друзья наговорятся, и он раздраженно заметил:

– Занятый, так проходи, не мешай работать.

– А чего это вы себе со мной позволяете? – удивился милиционер, который был человеком независимым и даже смелым. В прошлом году он один обезоружил двух преступников, приехавших в Гусяр на гастроли из Лебедяни.

– А то и позволяю. Выйди отсюда!

Милиционер возмущенно вышел. Вся спина его выражала возмущение.

Убедившись, что свидетелей не осталось, человек в сером подозвал к себе жестом Ксению и прошептал:

– Говорите мне на ухо.

– А чего говорить-то? – смутилась Ксения.

– Докладывайте шепотом о месте, форме и размере родимого пятна у вашего супруга.

Ксения густо покраснела и сказала:

– На этой...

– На какой этой?

– На букву «я»...

– Говори, Ксюша, говори! – подбодрил ее Удалов.

– Так ты сам знаешь, вот и говори!

– Стоп, стоп, стоп, стоп! – закричал человек в сером. – Без подсказок! Будете подсказывать, удалю с поля!

Карась не удержался и захихикал – ему эта ситуация показалась очень смешной.

– Задержанный! – обратился человек в сером к Удалову. – Следовать за мной.

Он широким жестом распахнул дверцу пузатого шкафа, в котором хранились вымпелы, значки, памятные медали и труды классиков марксизма.

– А ну, заходи за дверь, чтобы никто не видел!

Удалов зашел.

– А теперь раздевайся! – велел человек в сером.

Удалов решил было сопротивляться, но передумал – угаданная родинка может его спасти. Он зашел за дверь, распустил ремень и спустил брюки.

Человек в сером пиджаке взял за руку Ксению, провел ее за дверь шкафа и сказал:

– Ну, показывайте.

Карась заглянул через дверцу шкафа сверху, но Ксения замахнулась на него кастрюлей, из которой почти весь суп уже вылился, чтобы не подглядывал.

– Пусть трусы снимет, – сказала она. – Сними, Корнюша, не стесняйся. Тут все свои.

Корнелий спустил трусы, и человек в сером пиджаке нагнулся, чтобы разглядеть родинку в указанном месте. Родинки не было.

– Вчера еще была, – удивилась Ксения.

– Ясно, – сказал человек в сером пиджаке. – Одевайся. Этого мы и ожидали. Ваш брат всегда попадает на мелочах. Небось не думал твой шеф, что мы брюки с тебя снимем!

– погоди, – сказал Удалов, все еще находясь в позе пингвина, который разглядывает своего детеныша, укрывшегося у него между лап для спасения от жгучего мороза Антарктиды. – Должна быть.

Человек в сером пиджаке пронзил Ксению взглядом и произнес с гипнотизирующей силой:

– Вы, гражданка, у своего мужа видели родинку. А у этого родинки нет. А кстати, вы у своего мужа когда-нибудь видели такую фуражку с таким гербом?

И он указал на голубую каскетку с изображением кометы, которую Корнелий забыл снять в помещении, хоть и был человеком воспитанным.

И тогда Ксения залилась горькими слезами и сказала:

– Но он такой похожий!

– Ксения!

– Не приближайтесь к ней! Если вы – это вы, то где родинка?

– Ксюша, может, ты не там посмотрела? – молил Удалов. – Мне же не видно в таком месте!

Карась крепко схватил Удалова за руки, чтобы он не прибегнул к секретным приемам джиу-джитсу.

– Спасибо вам, вы наш человек, – сказал человек в сером пиджаке, крепко пожимая руку Ксении и выталкивая ее в прихожую.

– Может, я плохо посмотрела, – сказала Ксения. – Может, я стороной тела ошиблась?

– Все ясно, все ясно, не давайте себя запутать. Нет у него родинки ни с какой стороны.

И он стал подталкивать Ксению к двери.

– Ксения, заботься о ребенке! – крикнул Удалов вслед жене. Он был на нее не в обиде.

Ксения плакала. Человек в сером пиджаке все-таки выставил ее за дверь, где она присоединилась к милиционеру и Марии Пахомовне. Те встретили ее сочувственно, и Мария Пахомовна сказала:

– А как замаскировался, стервец!

Милиционер Пилипенко сказал:

– Любопытно, что они с настоящим Удаловым сделали? Может, под поезд бросили? Они обычно под поезд кидают... А я ему про народную дружину сказал... Не стоило раскрывать наших карт.

Ксения тихо рыдала.

В кабинете Карась человек в сером пиджаке извлек из кармана моток тонкой и прочной капроновой веревки, и Удалов удивился тому, как много у этого человека вмещается в карманы, а потом почему-то подумал, что его сейчас будут вешать, и даже бросил обреченный взор на люстру, прикрепленную за крюк к высокому потолку, хотя, конечно, никто его вешать не собирался.

– Думаю, для надежности стоит привязать его к креслу, – сказал человек в сером пиджаке. – Если мы его упустим, нам не простят.

– Конечно, товарищ, – согласился Карась. – Я его держать буду. А вы туда сообщили?

– Уже вылетают, – сказал человек в сером пиджаке, разматывая веревку. – Ждем с минуты на минуту. Наши люди дежурят на аэродроме. Поэтому и надо спешить. Между нами говоря...

Карась вздрогнул и выразительно повел глазами в сторону Удалова.

– Ничего, – сказал человек в сером. – Я проверял, он по-русски плохо понимает. Будем менять его на нашего человека. Может, даже уже договоренность есть.

– А с кем меняться будете? – спросил Удалов.

Человек выразительно покрутил пальцем у виска.

– Ладно уж, договаривайтесь с кем хотите, – махнул рукой Удалов. – Только скорее. А то у меня стресс.

– Я тебе покажу стресс! – пригрозил человек в сером, прикручивая Удалова к креслу.

Карась подвинул по столу ящик с приборами, выломанными из космического корабля, и достал лист линованной бумаги.

– Я буду фиксировать, – сказал он.

– Правильно. Вам бы у нас работать, – похвалил его человек в сером пиджаке.

– Спасибо, – с чувством сказал Карась, развинчивая ручку. – Никогда не поздно.

Человек в сером пиджаке вытащил из ящика длинный цилиндр с двумя шишками на концах и с оборванными проволочками, свисающими с боков.

– Хотя бы с этого начнем, – сказал он. – Это что такое? Для чего употребляется? Для съемки?

– Честное слово, не знаю, – сказал Удалов. – А вы это откуда выломали? Могут быть неприятности.

– Удалов, – укоризненно сказал Карась, – как тебе не стыдно грубить товарищу майору?

– А я вам не Удалов, – ответил Удалов, терпение которого уже иссякло. У него за какие-нибудь два часа отобрали доброе имя, национальность, жену, сына, народную дружину, а взамен оставили только чужую голубую каскетку. – Я неизвестной национальности нарушитель воздушного пространства.

– Записывай, Карась! – сказал человек в сером пиджаке, не скрывая торжества в голосе. – Признался в том, что проник в воздушное пространство незаконно и с целью... С какой целью?

– Какая вам лучше, с той и проник.

– Проник с целью взорвать объекты в районе города Великий Гуслияр.

– Но он этого еще не говорил, – попытался соблюсти приличия Карась.

– Сейчас скажет, – ответил человек в сером.

– Скажу, – согласился Удалов. Веревка резала ему руки, и хотелось пить.

– Тогда записывай, Карась. Он уже во всем сознался.

Карась начал записывать крупными буквами удаловские признания по части его вредного образа действий, а человек в сером пиджаке подсказывал ему детали. Потом обернулся к Удалову, который с тоской смотрел, как за окном беседуют голуби:

– Предупреждаю, что тебе придется на каждом листе внизу подписываться.

– А у меня руки связаны...

В этот момент в дверь громко постучали.

– Мы же заняты, – возмутился Карась.

Человек в сером сказал:

– Одну минутку. Сейчас я им отвечу.

Из своего бездонного кармана он достал пистолет-пулемет и снял предохранитель. На цыпочках подошел к двери. Удалов и Карась невольно замерли. Карась пригнулся к столу, а Удалов вжался в кресло. Человек в сером резким движением распахнул дверь. Он поднял пистолет-пулемет так, чтобы тот был нацелен в грудь любому, кто попытается войти в кабинет.

– Руки! – коротко сказал он.

В дверях кабинета стоял сам товарищ Батыев. Он побледнел и медленно поднял руки.

И в то же мгновение два незнакомых Удалову человека вынырнули из-под мышек товарища Батыева, влетели в кабинет и выбили оружие из рук человека в сером. Оружие отлетело к потолку и дало короткую очередь. Посыпалась штукатурка.

Один из вбежавших ударил ребром ладони по горлу человека в сером, и, пока тот медленно, как в фильме с приключениями, падал на персидский ковер машинного производства, второй из вбежавших незнакомых людей воскликнул:

– Да это же Матвей из второго отдела!

– Перестарался майор, – сказал второй незнакомец с искренним сочувствием и, выпянув в прихожую, приказал милиционеру Пилипенко вынести и положить где-нибудь бесчувственное тело товарища Матвея.

Только потом, когда товарищ Батыев догадался опустить руки, товарищ Карась, бережно поддерживая под локоть, провел его к своему столу, а Мария Пахомовна быстренько вымела осыпавшуюся штукатурку, пулеметные пули и гильзы, вспомнили об Удалове.

– Это он? – спросил Батыев, словно впервые встретился с Корнелием.

– Это...

Дальше Карась заговорил шепотом, и Удалов, который был очень доволен, что его все-таки не подстрелили, не стал прислушиваться к разговору начальства. В другом случае он бы доказывал и спорил, даже, может, напомнил бы Батыеву, как тот три дня назад грозился снять Удалова с занимаемой должности за то, что его контора не выполнила ремонт дома отдыха. Но теперь он молчал. Он только думал, что, судя по современной международной обстановке, лучше, если его признают американским космонавтом, а не китайским или еврейским. Ведь если признают американским, то допросят, погрозят, подержат в тюрьме (в Москве ведь, в столице, не в нашей провинции), и тебе придется признать, кто и зачем тебя подослал. Потом наверняка международное сотрудничество возьмет верх, и отправят Удалова обратно в Соединенные Штаты Америки в порядке обмена, там он поживет, пока все не выяснится, вернется обратно, приодевшись и даже купив кое-чего для жены и сына. Но если придется признаться в том, что ты китаец, тогда путь твой, Корнелий, лежит в город Пекин, где тебе обломают собачьи ноги-руки и отправят в деревню навоз перебирать, перевоспитываться. Ну а если признают евреем? Вышлют к ним, на их родину. А по дороге обязательно доберутся до Удалова палестинские экстремисты и взорвут его пластиковой бомбой. И за дело. А если не взорвут – и того хуже, забреют Удалова в еврейскую армию, сделают ему обрезание, и занесет песок его кости в суровой Синайской пустыне... Слеза покатила по щеке Удалова. А за полуоткрытой дверью все плакала, не могла удержаться Ксения, которая вспомнила уже, что ошиблась с родинкой. Та родинка была вовсе не у Удалова, а у давнего знакомого ее молодости, о котором Удалов и не знал, но большое душевное расстройство и напряжение как бы застили туманом глаза Ксении, и она спутала местоположение... Теперь-то она ясно вспомнила, где настоящая родинка, удаловская, но тот человек, который задавал вопросы, только что был пронесен мимо в таком состоянии, что уже ничем не интересовался. И Ксения не знала, у кого требовать, чтобы с Удалова снова сняли штаны.

– Развяжите его, – сказал товарищ Батыев громовым голосом.

Эти слова дошли до задумавшегося Удалова не сразу. Только когда один из незнакомцев стал распутывать веревку на его онемевших руках, он понял, что пришло освобождение.

Сам товарищ Батыев лично помогал разматывать Удалова, а Семен Карась дрожащей от переживаний рукой налил воды в хрустальный стакан из графина и поднес стакан Удалову, тому самому Удалову, которого только что за человека не держал. И тогда Удалов понял, что его все-таки решено считать американским гражданином.

Товарищ Батыев сказал:

– Надеюсь, вы не обиделись на наших сотрудников, которые проявили бдительность, и я думаю, когда ваши товарищи встретят впервые наших посланцев, они тоже проявят бдительность. Разве в этом есть что-нибудь удивительное?

– Нет, ничего удивительного нет.

– Представьте себе... – Товарищ Батыев был руководителем современного склада, с университетским значком в петлице и в хороших очках, привезенных из командировки на конгресс энтомологов в Испанию. Там он выступал в роли большого специалиста по сосновому точильщику и видел много интересного из архитектурных памятников и тяжелой жизни местного населения. – Представьте себе, что вы гуляете по лесу и тут падает наш корабль. Без опознавательных знаков. Вы ведь тоже можете решить, что корабль подослан с определенной целью...

Тут товарищ Батыев осторожно подмигнул, потому что ему надо было улаживать отношения с этим чертовым пришельцем, которые так преступно испортили слишком ретивые подчиненные.

Удалов не знал – откуда ему, связанному, было знать, – что после сигнала товарища Матвея в сером пиджаке в области началась паника, которая докатилась по проводам до самой Москвы. Оттуда тут же пришло сообщение, что, по всем данным, корабль, приземлившийся под Великим Гусляром, не был ни американским, ни китайским, ни каким другим, а самым настоящим межзвездным кораблем, вестником далеких звездных миров, на которые указывал Циолковский и контакта с которыми давно ждали в соответствующих кругах. Больше того, высказывалось мнение, что инопланетные пришельцы могут первоначально с целью контакта приземлиться в какой-нибудь буржуазной, империалистической или, на худой конец, неприсоединившейся стране. На это компетентные люди резко возражали, так как инопланетные пришельцы, будучи передовыми в области идеологии, никогда не позволят себе идти на контакт с

отсталыми в общественном отношении формациями, хотя могут быть введены в заблуждение. И поэтому, когда из Москвы позвонили товарищу Батыеву и сказали, что реактивный самолет вылетает в ближайшие десять минут, имея на борту ответственных товарищей, а последующие самолеты полетят следом, Батыев понял – или пришелец, прилетевший во вверенный ему район, будет приемом доволен, или он сам будет недоволен жизнью в целом.

И тут же обнаружилось, что, пока Батыев получал накачку из Москвы, за пришельца взялся майор из городского управления и уже привязал его к стулу веревкой. Но самое тревожное, что по его приказу из корабля выломаны все ценные приборы и отправлены в горисполком на предмет выяснения их шпионской сути.

С минуты на минуту могли прилететь академики, генералы и руководители правительственных органов. И пришелец, очень похожий на директора стройконторы Удалова, сидит привязанный к креслу и подвергается непристойному допросу.

И хоть пришелец, растирая поврежденные веревкой руки и стряхивая с себя штукатурную пыль, упавшую на него после столь неудачной стрельбы в кабинете Карася, делал вид, что не обижается, Батыев с каждой секундой все более проникался справедливым гневом на этого идиота Карася, не говоря уже о КГБ в целом. Но с КГБ взятки гладки. Они всегда при исполнении. А вот с Карася мы спросим. Без снисхождения.

– Ты чего ему подсовываешь! Ты чего подсовываешь нашему дорогому инопланетному гостю! – воскликнул Батыев, отводя в сторону толстую руку Карася со стаканом воды.

– Она кипяченая, – только и мог сказать Карась.

– У тебя что, представительской нет? У тебя, хочешь сказать, в нижнем ящике стола нет бутылки коньяка «Двин»?

– «Двина» нет, – бормотал Карась, потому что наступил его последний час. – Есть «Мартель», на областной конференции давали.

– А ну!

Карась изогнулся и извлек из нижнего ящика стола бутылку французского коньяка большой выдержки и начал зубами скусывать пробку. Один из незнакомцев элегантно, привычным движением вынул бутылку изо рта у Карася, свинтил пробку, второй незнакомец поднес стакан, и тот тут же был наполнен коньяком.

Товарищ Батыев лично поднес стакан Удалову.

– Примите, – сказал он. – С дороги никогда не мешает.

– Ну что вы, – сказал Удалов. – Днем, в рабочее время...

Карась, которому никто ничего не объяснил, все еще держал Удалова за американско-китайского космического шпиона и полагал, что поведение товарища Батыева объясняется в первую очередь тем, что к врагам угодил какой-то наш космонавт и его нужно срочно выменять, пока не наговорил там лишнего. А может быть, думал он, произошло какое-нибудь потепление в международном климате и этого шпиона вовсе решено сделать общим международным героем. А вот мысли о том, что есть жизнь на других мирах, Сеня Карась не допускал, потому что не мог смириться с тем, что Земля круглая. Он про все знал, читал газеты и так далее, отмечал вместе со всем народом День космонавтики, но в душе считал Землю плоской, а остальное – требованиями текущей политики.

– Не отказывайтесь, – настаивал товарищ Батыев, поднося стакан к самым губам Удалова. За стеклами импортных очков его глаза сверкали строго, как на квартальном совещании по сельскому хозяйству.

– Только если за компанию, – сказал Удалов наконец. – Только если с вами.

Громкий вздох облегчения вырвался из груди Батыева. Пришелец не сердился!

Батыев сделал пальцами знак, и незнакомец тут же налил во второй стакан и ему.

Карась попытался из бутылки слить себе в третий стакан, но незнакомец ему не позволил. Он знал, кто тут прав, кто виноват.

– Закуску, – приказал Батыев.

Карась засуетился, позвонил Марии Пахомовне, и та принесла из холодильника на тарелочке чуть подсохшие бутерброды с семгой. Сделала она это моментально, потому что обрадовалась облегчению в судьбе Корнелия Ивановича, которого по необразованности хотели посчитать за американского шпиона. Когда она выдала тарелочку и вернулась к себе в приемную, то сказала Ксении, ожидавшей на кожаном диване:

– Сердце мне подсказывает, что все образуется. Твоего Сам из стакана поит.

– Лучше бы отпустил. Я сама ему поднесу дома, – сказала Ксения. – Где ты видела, чтобы главгор простого директора стройконторы из рук поил? Не кончится это добром.

Не могло быть более ошибочного мнения. Батыев выпил с Удаловым. От французского коньяка перехватило дух, и, прежде чем приняться за бутербродики, пришлось им похватать с минуту воздуха ртами, как рыбам на суше. Но ничего, обошлось. Оба они были привычные.

Батыев искательно поднял взор к ополовиненной бутылке. Карась сказал: «С легким паром», дверь распахнулась от удара, так что все подскочили, а незнакомцы схватились за бедра – хотели достать табельное оружие, да не успели, и ворвалась на этот раз Ксения, которая поняла, что с переменой начальства есть надежда отспорить мужа.

– Снимай штаны! – закричала она, тяжело дыша, отчего ее полная упругая грудь бешено вздымалась. – Я покажу.

Батыев стоял, двигал ртом, но произнести ничего не смог. Удалов хотел было сказать, объяснить, но от принятого коньяка произошла временная местная анестезия языка. Карась зажмурился. Незнакомцы все еще рассуждали, стрелять или не стрелять, как Ксения завопила снова:

– Снимай штаны, говорят тебе!

Тут Батыев в полной тишине начал быстро рассупонивать ремень, не отрывая взгляда от груди Ксении, а Удалов испугался, что он может, пользуясь служебным положением, соблазнить Ксюшу, и двинулся к нему, чтобы воспрепятствовать. Батыев отталкивал его локтем, повторяя почти беззвучно:

– Какая баба! Какая баба! Жанна д'Арк!

Штаны его упали на пол, обнаружив длинные серые трусы, а Удалов постарался подхватить их, только Ксения не потеряла присутствия духа. Она поглядела на мужские прелести Батыева и приказала ему:

– Одевайсь! Не про тебя спрос. Я хочу родинку у Удалова показать. Вспомнила я, на другой ягоdice и поближе к серединке! Давай, Корнюша, покажи этому козлу свой зад.

Батыев стоял, придерживая едва державшиеся штаны, а Карась, который уже сообразил, что к чему, стал давиться от непочтительного

смеха и объяснять, что Ксения – жена Корнелия Удалова из стройконторы и приняла космического путешественника за своего мужа, что и пытаются доказать с помощью родинки, с которой произошел конфуз в присутствии товарища майора.

Ксюша тоже пришла в себя, смутилась, отвернулась от Батыева, и Корнелий, успокоив ее, как мог, вывел из кабинета. Ксения принюхивалась на ходу и уже подозревала мужа, что он придумал эту инсценировку, чтобы напиться с новыми приятелями. Но Корнелию удалось уговорить жену подождать немного в приемной у Марии Пахомовны.

Когда Удалов вернулся в кабинет, Батыев уже привел себя в порядок и, смущенно улыбаясь, протянул Удалову второй стакан коньяку. Карась стоял рядом и судорожно облизывался.

– Бабы у нас тут огонь! – сказал Батыев смущенно. – Опять конфуз с космонавтом – что же нам, русским людям, так не везет в межпланетном содружестве!

– Согласен, – сказал Удалов, принимая стакан.

– Давай за баб употребим, – предложил Батыев.

– Так она ничего, – сказал Удалов. – А сейчас за меня переживает. Можно понять. Сколько же прожили!

– Это бывает, – согласился Батыев. – Огонь баба!.. А ты женись на ней. Свадьбу сыграем. Как ее зовут, Семен?

– Ксения, – сказал Карась. – Ксения Удалова.

– Ну вот, женим тебя на Ксении. Найдешь свое человеческое счастье!

Батыев возмечтал, чтобы космический странник дал согласие. Это была бы инициатива, которую одобрит и Политбюро – такой шаг к межгалактической дружбе! А если устроить так, чтобы свадьбу сыграть у них...

– А меня к себе на свадьбу позовешь, – сказал Батыев. – Согласен?

Удалов согласился. Но сказал:

– Только вот перед соседями неудобно.

– С соседями поговорим.

– А сын?

– Сына я усыновлю, – сказал Батыев.

Больше у Корнелия аргументов не осталось, и они выпили по второму стакану.

Приятное тепло разлилось по утомленному происшествиями удаловскому телу. В голову ударило и принесло расслабление и добрую любовь не только лично к товарищу Батыеву, но и к другим, милым и отзывчивым людям.

– Ну и как там у вас? – спросил Батыев, усаживаясь напротив Удалова с бутербродиком в руке. – Большого прогресса достигли?

– Ничего, не жалуемся.

Удалов понимал, конечно, что его опять не за того принимают, но спорить не стал, не хотелось обижать хорошего товарища Батыева. За такой коньяк можно и душой покривить. А то еще снова привяжут.

– Долго к нам летели?

– Как вам сказать...

– Понимаю, понимаю... – Батыев окинул взглядом присутствующих в кабинете, но никто из них не изъявил желания уйти.

– Один добирались?

– Сюда-то?

– Сюда.

– Вот меня товарищи привезли. Товарищ Карась и еще один, его майором тут называли.

– Понятно. – В голосе Батыева звякнул металл. – С этими товарищами мы разберемся, поговорим, не беспокойтесь. От ошибок не гарантирована ни одна система. У нас ошибок меньше, чем в системе капиталистической эксплуатации, но, сами понимаете, люди есть люди... И хоть мы уже уничтожили социальные причины пьянства, хулиганства и проституции, отдельные случаи тем не менее имеют место под влиянием враждебной нам пропаганды.

– И проституция наблюдается? – удивился Удалов.

Об этом он раньше в родном городе не слышал, ему не сообщали.

– Нет, – сказал товарищ Батыев. – Не в прямом смысле, а в больших городах и только в виде исключения.

– Ага, – сказал Удалов.

– А вы русским языком хорошо владеете, – сказал Батыев. – Почти без акцента. У себя на родине изучали?

– Дома, – согласился Удалов. «Интересно, – подумал он, – а какой у меня теперь акцент? Постараюсь следить за собой, чтобы не было никакого акцента».

– Этот гражданин, – Карась пытался вернуть себе расположение товарища Батыева, но не знал, как это сделать, – также хорошо владеет и английским языком. Мы с ним беседовали.

– Чего? – испугался Батыев.

Он понял, что, если эти сведения проникнут в западную прессу, там поднимется бешеная кампания, направленная на дискредитацию нашей страны. Наймиты пера тут же заявят, что инопланетный пришелец летел вовсе не к ним, а на Запад и его попросту захватили наши истребители-перехватчики и заманили в плен.

– Я точно говорю, – настаивал Карась, который хотел показать свою образованность. – А вы подтвердите: мы по-английски с вами говорили?

– Это он говорил, – сказал Удалов. – На каком языке он со мной говорил, не скажу, не уверен. Но все требовал, чтобы я ему какие-то сведения сообщил...

Карась заметно задрожал. Он понял, что сказал лишнее. Это поняли и незнакомцы, которые с обеих сторон сдвинулись и прижали его локти.

– Удалов! – взмолился Карась, забыв, кто перед ним сидит. – Скажи, что я по настоянию органов. Скажи, что я по разговорнику. Скажи им, что я никаких языков не знаю!

– Это точно, – сказал Удалов, который был добрым человеком и зла не помнил. – Он по наущению и по разговорнику.

Но было поздно. Незнакомцы быстро вывели Карася из его кабинета, а тот почти не сопротивлялся, только кричал по пути:

– Я же неграмотный! Я же алфавита не знаю!

По выходе Карася Батыев нагнулся поближе к Удалову и сказал тихо:

– Вы его не жалеете. Он заслужил. Интриган, знаете?

– Знаю, – сказал Удалов. Раньше бы не сказал, да еще Самому. Но сейчас был пьян и решил, что городу лучше будет без Карася, народ станет жить свободнее, зажиточнее, средние руководящие кадры получают больше личной инициативы. Уж очень этот Карась наглый взяточник и мздоимец. Все это он и сказал товарищу Батыеву. Батыев

с готовностью поддержал соображения Удалова и даже изъяснил удивление и почти восторг по поводу того, как в далеких звездных мирах осведомлены о жизни его родного города.

– Я надеюсь, вы нас не осудите, – продолжал Батыев. – Наши товарищи вынули из вашего корабля некоторые детали. Надеюсь, не самые жизненно важные, но вынули. Хотели поближе ознакомиться. Заблуждались. Я бы мог отмежеваться, но считаю своим долгом нести ответственность за все, что происходит во вверенной мне части нашей страны.

– Так я что вам скажу, – доверительно сообщил Удалов. – Если взяли, значит, надо на место положить. А то неудобно получится.

– А если осторожно положим, жаловаться не будете?

– А мне что? – сказал Удалов. – Мне это дело до лампочки.

По этому поводу Батыев обрадовался, а потом предложил еще принять, что и сделали с помощью двух незнакомцев, которые вернулись в кабинет и присутствовали, даже сказали им вслух: «За ваше здоровье».

После этого Удалов совсем полюбил товарища Батыева, а Батыев полюбил Удалова. Только Удалов любил с открытыми глазами. Он знал, что Батыев – это главгор, но хороший, душевный человек. То есть любил он не кого иного, как Батыева. А Батыев заблуждался. Если бы он поверил, что Удалов – это Удалов, то разлюбил бы. А пока они обнялись и спели популярные песни. Если Удалов где забывал слова, товарищ Батыев ему подсказывал и не удивлялся – инопланетный пришелец вправе не знать про Каховку и про тайгу, которая под крылом самолета, хотя, конечно, стыд и позор ему не знать песню, где действие происходит на пыльных тропинках далеких планет. Об этом он со всей прямоотой сказал Удалову, и Удалов не обиделся, понял. Незнакомцы тоже пели, но вполголоса, чтобы не затенять руководящих товарищей. А за дверью, в приемной, грустила Ксения, различала высокий и веселый голос мужа, но не вмешивалась, а только повторяла: «Вот пусть он у меня попробует домой вернуться!»

По окончании песен обнялись и хотели было пойти в пляс, но в дверь заглянул милиционер Пилипенко и сказал, что там рвется какой-то из области. Его впустили, но оказалось, что это не настоящий из области, а просто какой-то профессор, специалист якобы по

иноземным цивилизациям. Он в Удалове не признал пришельца, чем очень обидел и Батыева, и Корнелия, и они вместе с незнакомцами профессора из кабинета выгнали, чтобы не выдавал себя за кого ни попадя и не вводил в заблуждение.

– Ты только подумай, – сказал потом Батыев Удалову. – Он тебя за простого человека принял. Это же, можно сказать, оскорбление.

– А я не прост, – ответил Удалов. – Простых людей вообще не бывает.

Батыев обнялся с Удаловым и поцеловался с ним в губы троекратно. Потом они договорились звать друг друга на «ты».

Тут и приехали товарищи из области. Они были совсем трезвые и потому не сразу разобрались, кто пришелец, а кто свой. Им объяснили, а один из них сразу сказал:

– Это только доказывает, что во всей Вселенной действуют одни и те же законы.

– Наши законы, – сказал ему секретарь обкома Чингисов и тоже троекратно поцеловался с Удаловым.

– Поздравляем вас, товарищ, с благополучным прибытием! – крикнул он.

Обнимаясь с Удаловым, он уловил исходящий из его рта запах хорошего коньяка, и у него отлегло от сердца. Он ведь тоже всю дорогу беспокоился, доволен ли пришелец, хорошо ли ему.

– Я с ним принял бутылочку, – сказал ему Батыев, понизив голос. – Вы уж простите, я так не употребляю, только за компанию или по делу...

– Знаем, как ты не употребляешь, – сказал ему секретарь обкома. Но не сердито, а так, по-братски.

Батыев подумал, что, если все дальше гладко пойдет, открывается прямая дорога в область.

Секретарь обкома сделал знак рукой, и его секретари и незнакомцы, которые с ним приехали, внесли заготовленный на всякий случай сундук с припасами.

– Сейчас, – сказал Чингисов, – по случаю нашей встречи, а также, раз уж вы устали с дороги, устроим маленький закусон.

– Ну, гуляем! – сказал Удалов с некоторым ужасом.

Все обрадовались, забили в ладоши, а журналист, который уже снял удаловское объятие с Чингисовым, вытащил магнитофон и

попросил:

– Ну, два слова, первые впечатления.

– Речь скажи, – поддержал журналиста секретарь. – Если надо, то мой референт Рабинович сейчас подготовит.

– Это правильно, – согласился Удалов, – пускай подготовит. Все-таки мероприятие.

Со стола сбросили телефон и чернильный прибор, постелили чистую скатерть, принесли из райкомовского буфета приборы и хлеб с маслом, а Удалов в это время немного вздремнул в кресле, надвинув на лоб каскетку. Все говорили шепотом, не беспокоили, а товарищи Батыев и Чингисов проверили все, что написал референт Рабинович, кое-что вычеркнули, кое-что добавили. Рабинович оправдывался.

– Я, – стонал он шепотом, – раньше не имел опыта написания выступлений для столь отличающихся от нас товарищей. Но показания товарища из местного горкома и общее впечатление убедили меня, что прилетевший к нам с отдаленных звезд товарищ проникнут нашим, прогрессивным образом мыслей. Я думаю, что нужно по возможности записать его речь, может, ее возьмут на московское телевидение, на первую программу.

А Удалову снился сон, связанный с его дальнейшим повышением. Во сне он уже подлетал к Москве, и самолет, несущий его на борту, медленно приземлялся в аэропорту Шереметьево. К самолету раскатали красную ковровую дорожку, а из здания, украшенного красными флагами, вышли руководители партии и правительства и солидно направились навстречу первому гостю из иной звездной системы, который прибыл сюда, чтобы поделиться знаниями, опытом строительства и вообще проявить дружбу и сотрудничество. И вот все встречающие отстали на один шаг от первого встречающего, и тот раскрыл объятия...

Тут Удалов очнулся и удивился. Как же это он во сне считал себя не советским человеком! Ему стало немного страшно и стыдно, но тут же он подумал, что, вернее всего, он уже не Удалов, а самый настоящий звездный пришелец. Ведь не зря же даже близкий человек, жена, не нашла приметной родинки. И поэтому, когда Чингисов протянул ему бумажку с речью для произнесения на торжественном обеде, Удалов блеснул глазками на накрытый стол и понял, что обязан отработать надвигающуюся выпивку и сказать приготовленные слова.

В кабинете уже стояла кинокамера, горел свет и суетились операторы. Незнакомая женщина в белом подошла к Удалову, причесала его немного и подмазала ему щеки розовой пудрой. Удалова провели за стол, и по обе стороны его встали Чингисов и Батыев.

Подняли первый тост за дружбу и процветание. Подняли второй тост за проезд. Потом Удалову подмигнули, и он развернул бумажку, написанную товарищем Рабиновичем, с помарками других товарищей.

– Дорогие товарищи! – прочел Удалов. – Дамы и господа!

Удалов окинул взглядом стол, но ни дам, ни господ не заметил. Потом сообразил, что передача будет рассчитана на весь мир и потому нужно мыслить широко. И он продолжил чтение, несколько задерживаясь на сложных словах и читая их по складам.

– Разрешите мне приветствовать вас на советской земле в канун большого праздника – завершения очередного пятилетнего плана...

За дверью послышались шум и суетня. Кто-то кого-то в дверь не пускал. Незнакомцы, удивленные и возмущенные попыткой вторжения, бросились к двери и, к сожалению, опрокинули кинокамеру.

– Эх, – вздохнул Рабинович, – придется вам всю речь снова читать.

– Вижу, – сказал Удалов.

Незнакомцы старались сдерживать страшный натиск с той стороны, грудью держали дверь, но странная, неземная сила оттолкнула их, и вместе с сорвавшейся с петель дверью они были вброшены в кабинет.

«Да, – подумал Удалов снова, – есть еще враги нашей дружбы».

В дверном проеме обнаружили три странных существа совершенно фантастического вида, в одежде, которая прикрывала их почему-то только выше пояса, хотя ниже пояса у них ничего неприличного не было. Существа стояли на трех ногах каждый и махали множеством рук, чтобы навести порядок. Сначала их никто не хотел слушать и раздавались лишь отдельные крики: «Хулиганство!», но потом все трое так громко рявкнули на присутствующих, что пришлось их выслушать, потому что тот, кому не положено, так рявкать не будет.

– Это что же есть получается? – воскликнул один из трехногих монстров с явным неземным акцентом. – Не успеешь отвернуться, а тебя уже грабят? Мы есть будем жаловаться в ООН, да!

– Что такое? – спросил строго Чингисов у Батыева. – Здесь твое хозяйство, ты и разбирайся, что за претензии у товарищей.

– Да-да, – сказал Батыев. – Давайте выйдем, товарищи, поговорим, все выясним. А еще лучше заходите завтра ко мне часиков в одиннадцать на прием. Там все и провентилируем. А то, видите, у нас сейчас мероприятие по встрече с инопланетным гостем. – И Батыев указал на Удалова. Скандала он не хотел, неизвестно еще, что за стилиги и хиппи приперлись.

Трехногие взглянули на Удалова, и один из них закричал:

– Так вот кто спер мою любимую форменную фуражку!

А второй увидел, что на груди у Удалова все еще висит бинокль, и закричал:

– Ясно, кто есть похититель мой бинокль!

– Да не хотел я красть, – возразил Удалов. – Только примерил, тут меня и скрутили.

Удалов тут же снял с себя каскетку и протянул одному из трехногих. Снял с груди бинокль и протянул второму трехногому.

– Это еще ладно, – смягчился трехногий. – А куда стащили наши приборы? Что же получается за местность у вас? Такого мы еще не встречали ни на одной планете. Не успели войти в лес по случаю несварения желудка, как нас полностью обокрали, а потом еще в наш родной корабль пускать не хотели.

– Приборы? – спросил Удалов. – Приборы вон там, на тумбочке стоят, в ящике.

Трехногие подобрали и приборы. И притом качали головами, находя приборы в плачевном состоянии.

– Больше мы к вам ни ногой, – сказали трехногие хором. – Никогда. Через двадцать минут улетим на нашу родную альфу Центавра, только вы нас и видели, недостойные гусярцы!

– А жаль, – сказал Удалов вслед настоящим иноземным пришельцам.

Пришельцы ушли, захватив ящик с деталями. Будто их и не было.

А в кабинете еще несколько секунд стояло подавленное молчание, до тех пор стояло, пока оставшиеся не поставили общими

усилиями на место дверь.

Товарищ Чингисов перевел дух, словно долго бежал. Потом повернулся к Батыеву и спросил его:

– Что за психи к тебе в кабинет врываются? Как ты так всех распустил?

– Не мой кабинет, – ответил Батыев. – Карася кабинет. Это он всех распустил. Только мы его сегодня уже лишили народного доверия, сняли, будет библиотекой заведовать.

– Вот это правильно. Ты потом проверь, что за люди, зачем шумели.

– Обязательно, – сказал Батыев. – Вот завтра придут они ко мне на прием к одиннадцати, там я с ними серьезно поговорю. Они у меня разучатся без вызова в кабинет заходить.

А раз все уладилось, то товарищ Чингисов обернулся к Удалову, который собирался, пока они заняты, вырваться из кабинета, соединиться с женой и пойти потихоньку домой.

– Вы куда, товарищ пришелец? – спросил Чингисов строго.

– Домой, – сказал Корнелий Иванович. – Какой я пришелец? Вот они, настоящие, уже улетели.

– Давайте, товарищ, без штучек, – обиделся Чингисов. – У нас пока другого пришельца нет, а мы уже в Москву рапортовали. Эй, операторы-моператоры, как вас там, включайте машину, будем приветственную речь продолжать.

Загудела камера. Удалов вернулся на место, развернул бумагу и начал читать с самого начала.

Занавес

Съедобные тигры

В городе Великий Гусяр не было цирка, поэтому приехавшая труппа разбила брезентовый шатер-шапито на центральной площади рядом с памятником Землепроходцам. По городу были расклеены афиши с изображением львов и канатоходцев. Представления начинались в семь часов, а по субботам и воскресеньям еще и утром для детей.

Александр Грубин попал в цирк в первый же день, на премьеру. Он выстоял длинную очередь, записывал на ладони порядковый номер, и проходивший мимо Корнелий Удалов, увидев Грубина в очереди, сказал с усмешкой:

– Тщеславие тебя заело, Саша. Хочешь первым быть. А я через неделю без очереди билет возьму. Городок наш невелик.

– Это не тщеславие, – сказал Грубин. – Меня интересуют методы дрессировки. Ты же знаешь, что у меня есть ручные животные.

У Грубина были белый ворон и аквариумные рыбки.

– Ну ладно, я пошутил, – сказал Удалов. – Стой.

Потом отошел немного, вернулся и спросил:

– А по сколько билетов дают?

– Не больше чем по два, – ответили сзади.

– Я тоже постою, – сказал Удалов.

Но его прогнали из очереди.

Место Грубину досталось не очень хорошее, высокое. Он всем во дворе показал билет, сам себе выплал голубую рубашку, сходил в парикмахерскую, вычистил ботинки и, отправляясь в цирк, сказал своему говорящему ворону:

– Я, Гришка, обязательно с дрессировщиком побеседую. Может, говорить тебя обучим.

– Давай-давай, – согласился ворон.

Осенний ветер приносил из-за реки сырость. Цветные фонарики у цирка раскачивались, словно на качелях, и отблески их падали на головы зрителей, которые толпились у входа, спеша попасть внутрь. Встретилось много знакомых. Кое-кого Грубин знал раньше, а с

другими познакомился в очереди и сблизился на почве любви к искусству.

Арена была посыпана опилками, ее окружал потертый бархатный барьер, по которому обычно ходят передними ногами слоны и лошади. Над входом на арену разместился маленький оркестр. Музыканты настраивали инструменты. Среди униформистов Грубин узнал одного парнишку с соседней улицы и пенсионера, тоже соседа. Униформистов цирк набирал на месте.

Молодой толстенький дирижер поднялся на мостик, встал спиной к арене и взмахнул палочкой. Загремел цирковой марш, и разноцветные прожекторы бросили свет на арену, к красной занавеске, из-за которой вышел высокий распорядитель в черном фраке и сказал:

– Добрый вечер, уважаемые зрители!

В цирке было тепло и немного пахло конюшней. Запах этот за годы въелся в брезент шапито, в стулья и даже в канаты. Грубин вместе со всеми приветствовал распорядителя бурными аплодисментами и, как все, был охвачен особенным цирковым чувством. Он готов был смеяться любой шутке клоуна и обмирать от ужаса при виде прыжков под куполом.

– Воздушные гимнастки сестры Бисеровы! – объявил распорядитель, и тут же на арене показались три девушки в голубых купальных костюмах, расшитых серебром. У девушек были сильные ноги и светлые волосы, завязанные тесемками, чтобы не мешали работать. Девушки поклонились публике, и по знаку распорядителя сверху к ним спустились три одинаковые трапеции, за которые они схватились руками и медленно взмыли вверх, к серому куполу, а зрители запрокинули головы, чтобы не потерять гимнасток из виду. Гимнастки перелетали с трапеции на трапецию, хватали друг дружку в воздухе за руки и ноги, и порой казалось, что они вот-вот упадут вниз, но в последний момент они спохватывались и элегантно укреплялись на трапециях. Играл оркестр, иногда весь целиком, иногда, в особо опасные моменты, один барабан, люди аплодировали и долго не отпускали девушек с арены, и потому им приходилось несколько раз прибегать обратно, разбегаться веером по арене и кланяться, разводя руками.

Перед следующим номером выступал клоун. Клоун всем понравился. Он был обыкновенно одет, лишь ботинки велики номеров на десять. За клоуном вышли пожилые артисты – муж и жена. Муж стрелял в жену из всех видов оружия, а она оставалась невредима. Но лично Грубина больше всех потрясла Таня Карантонис. Она легко ходила по проволоке и делала на ней сальто. Таня была высока ростом, у нее были пышные волнистые каштановые волосы, вздернутый нос и очаровательная улыбка. Во втором отделении, перед самым дрессировщиком Сидоровым она появилась вновь, в качестве ассистентки фокусника Грей-Аббаса. Она подавала фокуснику вазы и зайцев, а потом фокусник поставил девушку перед вертящимися дисками, на которых были изображены цифры, и девушка угадывала сумму, разницу, произведения этих цифр и даже возводила их в немыслимые квадраты.

Но все померкло перед дрессировщиком. Дрессировщик Сидоров работал с группой разнообразных хищников. На манеже, обнесенном высокой железной оградой, он стоял в окружении тигров, белых медведей, львов и пантер. Многие в зале поражались, что Сидоров до сих пор не заслуженный артист, так удивительны были трюки, которые выполняли его звери. Номер Сидорова строился в основном на имитации. Одни животные имитировали других. Казалось бы, пустяк, но вы видели какого-нибудь прыгающего белого медведя? А трех тигров, лающих в унисон? А льва, ходящего на передних лапах, высоко задрав хвост с кистью на конце? Белые медведи играли в чехарду с леопардами, а потом даже мяукали, и тигры вторили им громким лаем. Грубин сначала даже заподозрил какой-то фокус, слуховую иллюзию, но видно было, как звери разевали пасти и звуки доносились именно с арены. В конце аттракциона Сидоров приказал белому медведю пройти по проволоке, и тот выполнил этот номер и спрыгнул вниз, перевернувшись в воздухе.

Зал был потрясен искусством дрессировщика, и многие решили прийти в цирк еще раз, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем. Даже те, кто бывал в цирке в крупных городах, никогда не слышали о таком искусстве.

После представления Грубин пытался найти Сидорова. Он хотел лично поблагодарить его за доставленное удовольствие. Для этого он спустился вниз, вышел на улицу, под ветер и дождь, зашел за забор,

окружавший фургоны труппы, и долго стоял за первым из них, глядя, как суетятся служители и Сидоров, загоняя зверей по клеткам. Сквозь шум дождя и ветра слышно было, как лают и мяукают медведи и тигры. В окнах фургонов горели огни. Откуда-то потянуло жареной картошкой. Голоса на площади стихали – последние зрители расходились по домам. Сидоров все не освобождался, давал распоряжения. Его стройная подтянутая фигура мелькала у клеток. Совсем рядом в темноте между фургонами мужской голос произнес:

– Через две недели мы в Перми. Там живут мои старики. Я тебя с ними познакомлю. Ты им наверняка понравишься.

– Ты, Вася, это говорил стольким девушкам, что верить тебе невозможно. А потом, нам никогда не быть в одном номере.

– Ты бросишь цирк. Хватит. Я смогу прокормить тебя.

– Нет. Я не могу девчат подводить.

Сначала Грубин решил почему-то, что некто объясняется в любви милой Тане Карантонис. Но потом из слов девушки понял, что это одна из воздушных гимнасток. А когда влюбленные вышли на свет, Грубин убедился, что не ошибся. Васей оказался клоун. Он сильно помолодел без грима и оказался не рыжим, а брюнетом. Клоун обнимал гимнастку за талию, и, когда они проходили мимо, Грубин вжался в тень фургончика – очень неудобно было, что забрался без спросу и подслушивает.

– Пойдем к реке, погуляем, – сказал Вася.

– Не простудишься? – спросила гимнастка. – У тебя и так насморк.

Грубина они, к счастью, не заметили. Он взглянул снова в сторону клеток под навесом. Сидорова там не было. Ну вот, сказал он себе, пропустил человека.

Дальше стоять было бессмысленно. Грубин вышел на скользкую тропинку между фургонами, подошел к клеткам поближе. Хоть бы один служитель остался! Пустота. Лишь звери возятся перед сном, обмениваются впечатлениями о прошедшем дне.

– Вы кого-нибудь ищите? – спросил приятный женский голос.

Грубин оглянулся, и если бы не полумрак, рассеиваемый лишь одной лампочкой у клеток, видно было бы, как он покраснел.

– Нет, – сказал он. – То есть ищу товарища Сидорова. Вы не думайте.

– Я ничего не думаю, – сказала Таня Карантонис.

Она была в куртке и темных брюках, плечи куртки потемнели от воды.

– Нет, вы не думайте, – настаивал Грубин. – Я очень животных люблю. У меня есть белый ворон. Хотел побеседовать с товарищем дрессировщиком. Вы не думайте.

– Вот смешной человек! – сказала Таня Карантонис. – Сидоров уже ушел. К себе в фургон. Если свет горит, значит, он не спит. А вы не пьющий?

– Почти нет, – сказал Грубин.

– Сидоров любит пьющих, – сказала она и засмеялась. – Вы не думайте, что я сплетничаю, я не сплетница.

– Что вы! – радостно сказал Грубин. В этом была рука судьбы, потому что именно Таня Карантонис более всего поразила Грубина. И вот он стоит рядом с ней, под дождем, в темноте, и она разговаривает с ним, как со старым знакомым.

– Я вас проведу к Сидорову, – сказала Таня. – А вы мне за это тоже поможете, хорошо?

– Конечно, – сказал Грубин. – Только сначала я вам помогу, а потом вы меня проводите.

– Идемте, – сказала Таня и пошла впереди Грубина к фургону дрессировщика.

– Свет не горит, – сказала Таня. – Наверное, нет его дома. В город ушел.

– Ну и ладно, – сказал Грубин, который уже готов был забыть о дрессировщике. – А чем я могу вам помочь?

– Вы в город идете?

– Да, в город.

– Если не трудно, проводите меня до столовой. Которая еще не закрылась. Я приехала сегодня, не успела себе ничего на вечер купить и голодная как собака.

– А столовая уже закрыта. Она до восьми.

– Ой, какой ужас! – сказала Таня. – Придется идти к Федюковым, а я у них уже соль занимала и яйца.

– Ни в коем случае, – сказал Грубин. – Я вас так не оставлю. У меня дома есть сосиски. И яйца. Если вы стесняетесь зайти, то я вам сейчас сюда принесу. Я близко живу, десять минут туда и обратно.

– Что вы, как вы могли подумать, что я буду вас утруждать, – запротестовала Таня и улыбнулась благодарно и светло. И от этой улыбки сердце Грубина застучало, как барабан в цирке в опасный момент воздушного полета. Грубин стоял перед Таней, приглаживал в смущении мокрые всклокоченные волосы и мечтал о том, чтобы она все-таки позволила ему побежать сейчас под дождем домой, занять у соседей масла и хлеба, принести сюда эти сосиски и другие скромные яства. – Нет, – сказала Таня решительно. – В следующий раз. В городе должен быть ресторан. В каждом маленьком городе есть ресторан. И зовется он по имени местной реки или озера.

– А у нас он называется «Золотой гусь», – сказал Грубин. – Сейчас уже почти десять, а он в двадцать три тридцать закрывается.

– А далеко идти?

– Шесть минут.

– Тогда подождите минутку, я деньги возьму. Вам не холодно?

– Не холодно. А про деньги не думайте. У меня есть.

Но Таня Карантонис не слушала. Она убежала в темноту, и слышно было, как она звенит ключами у невидимой двери.

Грубин стоял, подставив лицо ветру, чтобы не так пылало. В ветре смешивался цирковой запах конюшни и запах мокрых грибов, что росли в лесу за рекой. Он представил себе на мгновение, что Таня Карантонис пришла к нему в гости и пьет чай. Но тут же Грубин отогнал эту мысль, потому что, во-первых, в комнате у него было тесно и не прибрано, а во-вторых, о таких вещах нельзя даже мечтать.

– Я недолго? – спросила Таня.

– Нет, что вы.

– Вы не сердитесь, что я к вам не пошла. Я жутко самостоятельная.

Они вышли из-за загородки и направились через темную площадь. В окнах горели теплые желтые огни, а где-то далеко, в парке, играла гитара.

– Как я могу! – сказал Грубин. Он шел, повернув голову набок, чтобы лучше видеть Таню, и профиль ее навечно отпечатался в мозгу Грубина.

– Возьмите меня под руку, пожалуйста, – сказала Таня, и Грубин как во сне сунул руку вбок. Под мышкой у гимнастки пальцам было тепло, и Грубин отвел вниз мизинец, чтобы он находился точно под

локтем Тани и мог поддержать его, если Таня поскользнется. – Я такая трусиха, вы не представляете, – сказала Таня. – А когда первый раз в незнакомом городе, то все улицы кажутся страшными. Мне просто повезло, что я вас встретила. Спасибо Сидорову.

– Да-да, – согласился Грубин, делая усилие, чтобы вспомнить, кто такой Сидоров.

– Вы были очень любезны, – сказала Таня, когда они остановились под вывеской «Ресторан «Золотой гусь»».

– А как же вы обратно пойдете? – испугался Грубин.

– Теперь я знаю, что это близко. Ведь отсюда цирк видно.

– Нет, – сказал Грубин. – Если хотите, я вас здесь подожду.

– Сумасшедший, – сказала Таня и засмеялась. В глазах ее горели зайчики от уличных фонарей, а зубы казались ровными и белыми. – Если вы так обо мне беспокоитесь, то пойдите со мной в ресторан. Вы не голодны?

– Я голоден, – сказал Грубин смиренно, хотя никакого голода не чувствовал. Он был счастлив пойти в ресторан с Таней, но, по правде говоря, несколько разочарован, потому что ему хотелось пострадать ради Тани. А для страдания больше подходило ожидание под дождем.

– Вот и отлично, – сказала Таня. – Пошли. А потом проводите меня обратно. Договорились?

В гардеробе Таня сняла куртку, и Грубин отметил, что она успела переодеться. На ней уже было платье. Грубин поглядел в зеркало и себе не понравился. Нос был слишком велик, глаза слишком выпучены, сам он, несмотря на недавнюю стрижку, слишком худ и лохмат. «Сейчас она посмотрит на меня, – думал он, – и скривится. И тогда я уйду на улицу, под дождь».

– Причешитесь, – сказала Таня Карантонис. – Расческу дать?

Грубин давно не был в ресторане, не приходилось как-то. Зал был не полон, но дымен. Его начали переоборудовать на современный лад, но ограничились только столами, шторами и буфетом в углу. Остальное – лепной потолок и стены с позолоченным трафаретом – осталось от старых времен.

Грубин, в неустойчивости чувств, возрадовался, что надел костюм с галстуком. Играл эстрадный оркестр из четырех человек. Грубину очень захотелось, чтобы хоть кто-нибудь из знакомых увидел его здесь с прекрасной циркачкой. Но знакомых, конечно, не было.

– А вот и Сидоров, – увидела Таня. – Какое приятное совпадение! Дрессировщик сидел за столом в одиночестве. Перед ним стояли бутылка портвейна и тарелка с супом-харчо.

– Сидоров, – позвала Таня, подходя к столику. – Добрый вечер. Вы сегодня хорошо работали.

«Ну зачем я сказал ей, что ищу Сидорова!» – проклинал себя Грубин.

Вблизи Сидоров был не так привлекателен, как на манеже. У него было длинное сухое лицо в глубоких морщинах, волосы так плотно прилегали к голове, что все шишки черепа были наружу. У Сидорова были очень длинные сильные пальцы и на одном из них большой перстень. Дрессировщик лениво поднялся из-за стола, поцеловал Тане руку, и, когда выпрямился, во взгляде его Грубин уловил нечто хищное, словно дрессировщику передались качества его подопечных.

– А это кто? – спросил Сидоров, обращаясь к Грубину. – Почему не знаю?

– А это вовсе не мой, а ваш поклонник, Сидоров, – сказала Таня. – Он вас искал, а я его мобилизовала, чтобы он меня поест проводил.

– Здравствуйте, – сказал Грубин. – Грубин.

– Очень приятно, – сказал Сидоров в пустоту. – А я скучаю. Садитесь. В этой дыре есть нечего. Вот, видишь, суп ем.

– Здесь очень котлеты хорошие. По-киевски, – сказал Грубин. – Их в кулинарии продают, каждый день очередь.

– Наверное, на ружейном масле, – сказал Сидоров. – У меня желудок не в порядке.

– Правильно, давайте закажем по киевской котлете, – сказала Таня Грубину. – Я вам верю. Сидорову – никогда. Он хочет меня съесть.

– Шутка, – сказал Сидоров. – Хотел бы съесть только в переносном смысле.

– И еще возьмем вина. Сухого. За встречу и премьеру. Вы будете пить? Да, кстати, я не знаю, как вас зовут.

– Александром, – сказал Грубин.

– Значит, Сашей. А меня Таней.

– Я знаю, – сказал Грубин. – Мне очень понравилось, как вы выступали. В первый раз.

– А во второй?

– С фокусником?

– Ну да, с Аббасом.

– Но ведь в первом номере вы сами выступали, а во втором только помогали.

– Вот всегда так. Послушайте его, Сидоров. Голос народа. Придется мне уйти от Аббаса Семеновича. Хоть и жалко. Все думают, что это фокус.

– Это не фокус, – сказал Сидоров, маня пальцем официанта. – Это не фокус. Две котлеты по-киевски, бутылку сухого, бутылку коньяку и всякой закуски.

– У нас мясное ассорти есть, – сказал официант.

– Давайте. Все давайте. Это не фокус. Таня обладает феноменальными способностями к математике.

– Саша, – сказала Таня, – задайте мне любое число перемножить. Или корень извлечь.

– Ну зачем же, – сказал Грубин. – Я верю, конечно, я верю.

– А все-таки задайте.

– Ну хорошо. Сто тридцать на сто сорок.

– Восемнадцать тысяч двести, но вы мне задайте что-нибудь потруднее. Пожалуйста, я прошу вас, Саша.

Пришел официант, сказал, что мясного ассорти нет, осталось только рыбное.

– Ладно, – сказал Сидоров, – несите рыбное.

Грубин смотрел на Таню, и она покачала головой, ободряя его.

– 125 646 умножить на 6 733 687, – сказал Грубин.

Таня задумалась на мгновение, выпалила очередь цифр, и Сидоров сказал снисходительно:

– Вы не кивайте головой, товарищ. Вы возьмите карандаш, запишите и на досуге перемножьте сами. Но я со своей стороны гарантирую, что ошибки здесь нет. Таня – живая электронная машина.

– Я верю, – сказал Грубин, послушно записывая в книжку длинный ряд цифр. Потом Таня напомнила ему, что на что она множила, и тут принесли рыбное ассорти и кету семужного посола.

– Я страшно голодная, – сказала она и тут же принялась за еду.

– А мы по маленькой по случаю знакомства, – сказал Сидоров. – Ты присоединишься?

– Только сухое вино, – сказала Таня. – Завтра вставать рано. Аббас Семенович новый номер задумал. С таблицей логарифмов.

Выпили. Грубин почти не закусывал, старался не глядеть на Таню, очень стеснялся Сидорова. Бутылка коньяка опустела наполовину, и он почувствовал, как хмель завладевает головой, превращает мир в добрый и яркий спектакль, в цирковое представление, которое невозможно и нельзя прерывать и в котором ему, Грубину, тоже найдется роль. Может быть, он станет жонглером, может быть, дрессировщиком. И уйдет вслед за Таней далеко-далеко, за пределы области... Причем в этом далеком и сладком походе находилось место и для Сидорова. Он оказался совсем не таким неприятным человеком, как поначалу. Бывают люди, которые не милы с первого взгляда, а потом у них обнаруживается много хороших качеств. Сидоров был добродушен, образован и ничем не показывал перед Грубиным своего превосходства. А когда уходили из ресторана, потому что он уже закрывался и официантки по очереди подходили к столику и собирали подотчетный инвентарь – одна взяла солонку, другая – пустые бутылки, а третья – фарфоровый стакан, в котором стояли бумажные салфетки, – когда уходили, Сидоров отказался принять от Грубина деньги за оплату ужина, и Грубин даже обиделся немного, хотя Таня с доброй улыбкой успокоила его и сказала, что все еще впереди и Грубину представится возможность проявить гостеприимство – цирк остается на гастролях на две недели.

Таня пожелала мужчинам доброй ночи у циркового городка, и тут Сидоров сказал, что спать ему еще не хочется и он хотел бы погулять. И именно с Грубиным, потому что Грубин ему симпатичен. Грубин был растроган. Его случайная встреча с артистами уже переросла в дружбу.

– Спокойной ночи, Саша, приходите завтра на репетицию, – пригласила Таня и исчезла в темноте.

– Очаровательна, – сказал Сидоров.

– Да, – согласился Грубин. – Я такой буквально не встречал.

– А со многими знаком? – спросил Сидоров.

– Есть опыт, – признался Грубин, хотя понимал, что его опыт далеко уступает опыту Сидорова.

Впереди блестела река, отражая луну, прорвавшуюся в разрыв между облаками.

– Люблю природу, – сказал Сидоров.

– И животных тоже, – дополнил Грубин. – Животные вас любят, слушаются. Я никогда не видел, чтобы они так любили человека.

– Да, – задумчиво произнес Сидоров. – Они во мне своего чувствуют.

– Разумеется, – сказал Грубин, преклоняясь перед новым другом.

Дошли до реки. У берега, под откосом, словно моржи, спали баржи. Буксиры держали на мачтах фонари, хотели показать, что они начеку, спят вполглаза.

– Как вам удалось достичь такого уровня? – спросил Грубин. Решил, что вопрос этот не может вызвать неудовольствие. Вопрос приятный.

– Работой, – ответил коротко Сидоров. – Неустанным творческим трудом.

– Но ведь другие тоже работают.

– Не знают, куда приложить свои силы.

Сидоров был задумчив, как человек, который думает о чем-то, но не уверен еще, поделиться ли сокровенными мыслями с собеседником.

– Нет, друг Саша, им не добиться моих успехов... никогда.

– Конечно, чтобы белые медведи, как тигры, прыгали, а тигры лаяли. Это же надо!

Воспоминание развеселило Грубина, он взмахнул головой и залаял, подражая дрессированному тигру.

– Нет, – сказал Сидоров. – Не так. – И раза два твякнул так натурально, что Грубину даже жутко стало, еле удержался, чтобы не отбежать на почтительное расстояние.

– Вы мастер, – сказал он. – Вы мастер, товарищ Сидоров, я это могу повторить где угодно. И я даже удивлен и возмущен, что вы до сих пор не народный артист хотя бы республики. Это, простите, выше моего понимания.

– Саша, Саша! – сказал Сидоров, сдерживая слезы. – Если бы ты понял мои возможности и мои запросы! Если бы ты только понял!

– Понимаю, – сказал Грубин искренне, – понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Да что мои звери – я сам могу.

И с этими словами Сидоров вдруг напряжился, изогнулся не по-людски и взмыл в воздух. Черное тело пролетело над обрывом, и Грубин только издал вскрик:

– Ах!

Нет, это был не дрессировщик – это дикий зверь немислимым прыжком преодолел три десятка метров, отделяющих его от ближайшей баржи, и с мягким прихлопом опустился на палубу. Баржа покачнулась, и по серебряной воде пошли неровные волны.

– Гру-бин! – раздался голос дрессировщика снизу. – Ты видел?

– Не может быть, – сказал Грубин.

– Жди обратно!

Снова качнулась баржа, черное тело взмыло вверх, и с кошачьим мяуканьем странное существо замерло рядом с Грубиным. Нет, Грубин не был пьян. Не настолько он был пьян, чтобы ему померещились странные превращения дрессировщика.

– Видишь теперь, Саша, – сказал Сидоров, – почему они никогда не дадут мне заслуженного? Они мне завидуют.

Он был взволнован, но дышал ровно, будто не потребовалось от него особого усилия, чтобы совершить этот нечеловеческий прыжок.

– Ты ведь друг мне? – спросил Сидоров.

– Больше того, – заверил Грубин. – Я вас очень уважаю.

– Вижу, – сказал Сидоров. – Тогда усвой – я не дрессировщик. Я великий экспериментатор. Знаешь это слово?

– Знаю, разумеется, – сказал Грубин.

– Тогда пойдем дальше. Будем гулять. Я могу животных чему угодно обучить. Хочешь, завтра у меня тигры летать начнут? Или слоны удавами извиваться? Нет, не получится... Но не важно. Я все могу. И сам могу: что звери могут, то и я могу. Они меня уважают. Кстати, ты, Саша, меня уважаешь?

– Я вас даже люблю, товарищ Сидоров, – признался Грубин.

– Какой я дрессировщик? Я – гений! Я – владелец великой тайны! А они даже не стараются понять. Потому что недостойны. Именно так и не иначе. И я ее съем.

– Кого?

– Не важно. Меня, думаешь, звери интересуют? Никогда. Я, тебе признаюсь, средним дрессировщиком был. Самым средним. Даже в Москву меня не пускали. А если в загранпоездку, то только когда кто-нибудь заболит. И то в монгольскую Швейцарию. Понимаешь?

– Понимаю. Конечно, понимаю! Я в том году в Болгарию оформлялся, а кто поехал? Ложкин поехал!

– Я один раз в Индию пробился. Понимаешь? Город Бомбей – слышал? Поехал я тогда с тремя бурыми медведями. Велосипед они у меня работали, стойку на передних лапах – пустяки, банальность. В гостинице мы стояли, на берегу моря. Там я одного человека однажды встретил. Простой такой человек, в белых кальсонах ходил – там принято. Я, говорит, очень уважаю ваше искусство. А номер у меня так себе был, средний. Спасибо, говорю тебе, друг. И значок ему даю, естественно. Неплохой значок, с гербом города Ярославля, с медведем, как на грузовике. Понимаешь?

– Понимаю, – сказал Грубин.

Было холодно, хмель понемногу покидал голову, а в глазах все стояла картина невероятного полета товарища Сидорова на баржу и обратно. Опять небо заволочло черными тучами и ветер усилился.

Сидоров остановился напротив Грубина, уперся зрачками ему в глаза, словно хотел загипнотизировать.

– И этот человек... Мне!.. Сказал!.. Только тебе я могу доверить мою великую тайну!

– А на каком языке? – спросил Грубин. Потому что страшно было слушать, как завывал Сидоров.

– По-английски, – обыкновенно ответил Сидоров. – Я по-английски со словарем вполне прилично. А если для обычного разговора, то пожалуйста. Хочешь попробовать?

– Нет, я верю.

– А ты спроси, спроси меня по-английски.

– Я же только со словарем!

– Я тоже только со словарем, но могу. А ты со словарем, но не можешь.

– Понял, – сказал Грубин. – Извините.

Сидоров закурил. На среднем пальце сверкнул под луной массивный перстень. «Артистическая натура», – подумал Грубин.

Сидоров перехватил взгляд Грубина и произнес со значением:

– Об этом перстне и речь!

Густые облака светлого дыма поднимались над его головой и стремились к быстро бегущим облакам.

– Пошли мы с тем Рамакришной в ресторан, – продолжил Сидоров. – Он оказался профессором, биологом, только не признавали его. А знаешь почему? Завидовали его таланту. Посидели мы с ним,

выпили ихнего джина с ихним тоником – так себе напитки. Он за меня заплатил – какая у меня валюта по ресторанам ходить? И стали мы говорить про планарии.

Продолжая свой рассказ, Сидоров пошел прочь от реки, к цирку. Грубин шел рядом и внимательно слушал. Слушал и кивал, даже когда не все понимал.

– Ну что ты все киваешь! – воскликнул Сидоров. – Будто понимаешь, кто такие планарии.

– Я не перебиваю, – сказал Грубин.

– Думаешь, цветок?

– Думаю, – сказал Грубин.

– Или лиана такая?

– Не исключено, – согласился Грубин.

– А если червяк? А? Зажмурился?

– Я согласен, – сказал Грубин.

– И правильно делаешь, – сказал Сидоров. – Потому что планария – это и есть червяк. И с ним опыты делают. Какие?

– Какие?

– Его растолкут в ступке, а потом едят.

– Сырым?

– Неумный ты, Грубин! Не люди его едят, а собственные его товарищи, может, родственники, – в той же банке.

– Зачем?

– Голодные, вот зачем! Небось, когда проголодаешься, кого угодно сожрешь. А? Сожрешь или не сожрешь?

– Нет, не сожру.

– Ну и дурак! А надо жрать. Тогда тебя уважать будут.

– Не надо мне такого уважения, основанного на страхе, – торжественно заявил Грубин.

– Красиво говоришь, – сказал Сидоров. – Но меня ты не убедил. Потому что я мастер, а ты так... зритель, публика.

– Но я читаю, сам опыты ставлю.

– Расскажите вы мне, цветы мои! – презрительно произнес Сидоров.

Грубин обижаться не стал, потому что не имел права обижаться на великого артиста.

– Ты меня не перебивай, – продолжал Сидоров. – Сейчас будет самое интересное. Рассказал мне Рамакришна, царство ему небесное, что если планарией накормить других планарий, то все, что она, болезная, запомнила за свою короткую жизнь, другие тут же узнают. Допустим, умеет она выползать из лабиринта. А другие планарии не обучены. И только они пожевали подругу, как уже знают – выход прямо, потом налево, потом три раза направо! Усвоил?

– Это очень интересно, – сказал Грубин. – Честное слово, это открывает перед наукой большие просторы!

– Не в науке дело. Наука должна служить людям. Дальше мне Рамакришна поведал, что некоторые ученые старались это свойство планарий другим животным передать. Понимаешь зачем?

– Конечно! – обрадовался Грубин. – Чтобы из лабиринта... чтобы все выползали!

– Мелко мыслишь. Я другого от тебя и не ждал. Это же великая революция в науке! И в первую очередь в народном образовании! Макаренко бы от зависти тут же лопнул. А Песталоцци? Песталоцци! Ты представляешь, что было бы с Песталоцци?

Саша Грубин, честно говоря, не знал, кто такой Песталоцци. Но понял, что деятель из народного образования. Поэтому согласился, что Песталоцци умрет от зависти.

– Они, понимаешь, всю жизнь учат, учат, учат... Ну сколько можно! А мы скормили корове кашку – вот она и все знает.

Последняя фраза звучала загадочно. Сидоров опять остановился, чтобы говорить внушительнее. Медленно, доступно, в простых выражениях.

– Мой индийский друг Рамакришна сделал растворитель из смеси яиц хамелеона и нефритовой пыли. При добавлении в растертую ткань живого существа получается возможность усваивать способности.

Сидоров поддел ногтем камень, которым был увенчан перстень, и тот откинулся, как крышка кастрюльки. В углублении виднелся светлый порошок.

– Вот он, видишь? Перед смертью он мне завещал.

– Объясните еще раз, – попросил Грубин. – Вы только не сердитесь – я не все понял.

– Что тебе непонятно?

– Куда добавлять?

– В растертую ткань. В мясо!

– Значит, если планарию... растереть, то из нее получится растертая ткань?

– Молодец, Грубин. Начинаешь соображать, – открыто и добродушно, насколько позволяли его глубокие морщины, улыбнулся Сидоров. – Точно. Я возьму кого надо, подбавлю растворителя – и кушай!

– И это надо кушать?

– Я повторяю: если ты смешаешь с растворителем кашу, полученную из ткани любого существа, то приобретешь его способности! Неужели это так сложно понять?

– Непривычно, – признался Грубин. – Несложно, но непривычно. Это надо понимать, что ваш Рамакришна не только планарий растирал?

– И кошек! – произнес тихо Сидоров, и лицо его, претерпев неожиданное неприятное изменение, вытянулось вперед, скомкалось, а изо рта послышалось кошачье мяуканье. Само тело дрессировщика Сидорова изогнулось так, словно у него был большой хвост.

– Вы и кошку в кашу?.. – спросил Грубин.

– Пантеру, – сказал Сидоров. – Она все равно старая была. На списание шла.

– А ваши животные... – Грубина посетила страшная догадка.

– Мои животные тоже позаимствовали свои способности у других, – признался Сидоров. – Тигры ели петухов, а медведи крокодилов, не говоря о прочих тварях.

– Но зачем? Зачем? – в отчаянии воскликнул Грубин. – Что толкало вас на такую сомнительную деятельность?

– Сомнительную? – Сидоров расправил плечи и будто бы стал выше ростом. – Сомнительной науки не бывает! Наука сама диктует свои законы. Если открытие сделано, надо его использовать. Другого не дано! Меня еще признают на уровне Нобелевской или хотя бы Государственной премии.

– А этот ваш друг... Рамакришна? – спросил Грубин, который все с большей опаской относился к дрессировщику.

– С моим дорогим Рамакришной случилась трагедия. Я взял его к себе в ассистенты – мы проводили совместные опыты над моими

дрессированными крошками... И однажды Рамик нажрался слоновьего экстракта и вошел в клетку со львами. Он думал, что ни один лев не посмеет его тронуть... В общем, он переоценил свои силы.

– Что, пьяный был? – спросил Грубин.

– Ни боже мой! Они там, в Индии, не пьют. Только если по маленькой. – Сидоров отводил глаза – у него было лживое выражение лица.

– А раствор вам достался?

– Какой раствор?

– Из хамелеонов и нефритовой пыли?

– Тиш-ш-ше! Ты что, слышат!

– Слышат – не поймут... Ну ладно, я пошел.

– Ты куда?

– Домой.

– Да я же только начал рассказывать!

– А мне уже не так интересно, – признался Грубин. – Я думал, что вы в самом деле дрессировали своим трудом. А оказывается, каша под соусом из нефрита с хамелеонами!

– Нет, Саша, так ты не уйдешь, – сказал Сидоров и обнял Грубина за плечи. – Я хочу с тобой поделиться моими планами на будущее.

– Не надо!

– Я лучше знаю, что надо, а что не надо, – сказал Сидоров, а потом зарычал так, что у Грубина ослабло в коленях.

Сидоров засмеялся.

– Мы тут с моими мишками одного тигра слопали. Мясо жесткое – две мясорубки сломал, не поверишь... Теперь у меня в номере медведи на двадцать метров прыгают. Я тоже могу. Показать?

– Не надо, ты уже показывал.

Они подходили к цирку – впереди горели его ночные огни.

– Ты думаешь, что я эгоист, все для себя? – сказал Сидоров. – А я не такой! Я для народа хочу, для человечества, чтобы все могли! Чтобы детишек рыбой кормить, а они чтобы с грудного возраста не тонули. Некоторых можно и летать научить. А почему нет? И Красной Шапочке – ты только послушай, какая умора! – Красной Шапочке привить от волка характер: он ей зубы покажет, а она ему в ответ!

Тут Сидоров расхохотался так, что в доме рядом раскрылось окно и женский голос закричал:

– Милицию позову! Спать не дают!

– Так что же вы не спешите делать человечество счастливым? – спросил Грубин. – Что вас останавливает?

– Эх, Саша, куда я пойду со своим эпохальным открытием?

– В Академию наук, – сказал Грубин. – Куда же еще.

– А они меня спросят: в каком институте вы разрабатывали свою тему? И кто был ваш научный руководитель?

– Но вы им объясните все как было – и про Индию... и про Рамакришну!

– А ты меня в сумасшедшем доме будешь навещать? Апельсины носить будешь?

Сидоров глубоко и печально вздохнул.

– Эх, Саша! – сказал он. – Неужели я не понимаю, что с таким открытием мог бы прославиться! Я не хочу, чтобы оно попало к милитаристам. Что хочешь... я простой советский человек, я хочу через научную общественность достичь законной славы.

– Ну и достигайте! – сказал Грубин.

– У меня же только цирковое училище за плечами, как ты не понимаешь! Мне нужен диплом университета! Мне нужен талант физика или на худой конец математика. Тогда я экстерном экзамены сдам, а там уж докторскую дадут, до академика пустяки останутся.

Сидоров всхлипнул, и глаза его сурово блеснули под луной.

– А если не удастся – уйду за кордон, – сказал он.

– Зачем?

– Там к человеку гуманнее относятся. Устроюсь в Иране – мне же цены не будет: скормлю взводу партизан одного тигра – такой взвод двух батальонов стоять будет!

– Ох, Сидоров, вы меня пугаете, – сказал Грубин. У него уже весь хмель выветрился.

Сидоров заметил, что Грубин загрустил, и сказал:

– Шутка. Шучу. Я все-таки в нашу Академию наук пойду. А может, в Комитет по делам спорта. Понимаешь: рекорд мира по прыжкам в высоту – наш. Только съешь зайца. Рекорд мира по бегу на длинные дистанции – наш...

– Только съешь оленя, – подсказал Грубин.

– И выгонят меня, – подытожил Сидоров.

– Это почему?

Они стояли перед входом в цирковой лагерь. В фургончиках уже погасли огни, тигры приглушенно лаяли и кудахтали в клетках.

– Образования нет, – сказал Сидоров. – Английский знаю со словарем. А формального образования нет.

– Так вы учитесь, заочно...

– погоди. – Сидоров перешел на громкий шепот. – Я знаю, что им скажу. Я скажу, что я кандидат наук, только кандидатское удостоверение потерял. Пусть меня проверяют.

– А каких наук кандидат?

– Математических.

– А сможете?

– Смогу. Есть у меня один план. Выношенный уже. Только тебе говорить нельзя. У тебя нервы слабые.

– У меня слабые? – обиделся Грубин. – Тогда я уйду.

– Нет, не уходи. Ты только поклянись, что ни одной живой душе ни слова.

– Клянусь.

– Тогда слушай. – Сидоров наклонился к самому уху Грубина и прошептал: – Я Таню Карантонис съем.

– Чего?

– Я не всю, я немножко. Тебе тоже достанется, не беспокойся. Математика всем нужна. Я однажды удава ел – отвратительно, как резина. Зато теперь могу в любую щель проникнуть, будто у меня костей нету. Показать?

– Нет, – сказал Грубин, с тоской глядя на темные фургончики. Он знал, что Сидоров не врет.

– Ну и ладно. У этой Тани замечательные способности к математике. Мы ее с тобой съедим – и сразу в академию. Тебе тоже кандидата дадут. Будешь моим заместителем. Понял?

– Понял, – сказал Грубин, стараясь унять внутреннюю дрожь.

– Откладывать нельзя. Я бы ее и раньше съел, но все в разных городах выступали. А сегодня наконец наступил момент. Ты иди, иди, завтра придешь, я тебе помогу. Всю математику знать будешь. Сколько будет дважды два – назубок.

И Сидоров тихо засмеялся.

– Я с тобой, – сказал быстро Грубин.

Он понял, что оставлять Сидорова одного нельзя. Жизнь прекрасной Тани в опасности. Нельзя допустить преступления! Только сам он может его остановить, милиция не поможет. Если он, Грубин, придет в милицию и скажет, что этот артист съел Таню Карантонис, все решат, что Грубин сошел с ума, и выгонят его прочь. А Сидоров в отместку напустит своих тигров на невинного Грубина.

Эти мысли мелькали в голове Грубина как молнии, пересекались и с треском бились внутри о черепную коробку.

– Я с тобой, – сказал Грубин.

– Свидетелей мне не нужно, – возразил Сидоров. – Ты меня выдашь. Я вообще-то тебе зря все рассказал. Может, я пошутил.

– Хорошо. – Грубин сделал вид, что послушался Сидорова. – А я уж решил, что на самом деле.

– Иди-иди, – сказал Сидоров. – Поздно уже.

– Хорошо, – согласился Грубин.

Сидоров руки не протянул и скрылся за оградой. Грубин понимал, что он не ушел, слишком уж тихо было вокруг. Значит, стоит – следит за Грубиным.

Саша повернулся и медленно пошел прочь. В ботинки заливала вода и хлюпала там. Спинай Грубин ощущал холодный, как вода, взгляд дрессировщика. Далеко сзади раздалось басовитое «ку-ка-ре-ку!». Тиграм не спалось.

Грубин осмелился обернуться лишь тогда, когда брезентовый купол полностью растворился в темноте. Он постоял, прислушиваясь. Потом медленно пошел обратно. Он шел не прямо к воротам, а забирал левее. Вот и изгородь. Невысокая, можно перелезть. Грубин прислушался. Все тихо. Он перемахнул через изгородь, изгородь пошатнулась. Грубин замер. У Сидорова есть какой-то план. Он должен сделать так, чтобы убийство прошло безнаказанным. Может быть, он попросту заманит Таню в клетку к тиграм и скажет, что она сама виновата? На него это похоже. Ведь он сам тигра ел. Как же отыскать фургон Тани?

Грубин крался по проходу между фургонами. Слабый отсвет упал на мокрую землю. Будто где-то неподалеку светилось окошко в сторожке. Грубин завернул за фургон. И в самом деле там горело

маленькое окошко. Грубин, гоня от себя надежду, подкрался к нему, приподнялся на цыпочки.

Таня Карантонис сидела в халатике за столом и читала книжку.

У Грубина от сердца отлегло.

Она была жива.

Но Сидоров мог быть поблизости. Грубин прижался к стене фургона. Дождь стекал с крыши прямо ему за шиворот. Но Грубин уже так промок, что лишние капли не ощущались.

Так прошло минут двадцать. Сидоров не появлялся. Грубин невероятно продрог. Ногу свело судорогой. В любой момент он мог умереть от переохлаждения организма. Появился насморк, потом начало щекотать в носу. Грубин сдерживался. Разок чихнул в ладонь, почти неслышно. И тут у него начался приступ. Он чихал, чихал так, что, казалось, должны были сбжаться люди со всего города. Он чихал, согнувшись пополам, сотрясая стену фургончика, и не было даже сил отойти в сторону.

В таком вот согнутом положении его и обнаружила Таня Карантонис, выскочившая из фургона. Свет из открытой двери упал на Грубина, и Таня его сразу узнала.

– Что случилось? – спросила она в ужасе.

– Не... не...

– Заходите немедленно внутрь. Сидоров утонул?

Приступ прошел. Стараясь восстановить дыхание, Грубин поплелся к двери. Он еще не разобрался, хорошо или плохо, что Таня обнаружила его. Но по крайней мере он не умрет от холода.

Таня протянула тонкую сильную руку, помогая ему подняться по ступеням.

– На вас лица нет, – сказала она. – И сухого места. Все-таки что же случилось?

– Ничего, – смог наконец ответить Грубин. В фургоне было сравнительно тепло, и лампа над столом освещала учебники.

– Где Сидоров?

– Готовится, – сказал Грубин.

– Вы себя плохо чувствуете? – спросила Таня.

– Нет. Дайте соберусь с силами. Извините меня.

– За что?

– За то, что ворвался в такое позднее время.

– Так вы же не ворвались. Я сама вас позвала. К чему же готовится Сидоров?

– Чтобы вас убить.

– Убить? – засмеялась Таня. – За что же он будет меня убивать?

– За математику.

– Вы себя плохо чувствуете?

– Послушайте меня, Таня, – сказал Грубин тихо, но убедительно. – Я совершенно нормальный человек. Хотя, может быть, сейчас и не похож на нормального. Но Сидоров вас хочет съесть.

– Он всегда так говорит. Это его любимая шутка. Он в общем не злой.

– Это не шутка, Таня. Он вас и в самом деле хочет съесть. Чтобы овладеть вашими знаниями в математике.

– Так зачем же для этого меня есть? Учиться надо.

Таня не переставала улыбаться. Она, хоть и полагала Сидорова чудачком, все равно не боялась его. Она решила отвлечь Грубина от ненормальных мыслей.

– А я вот русским языком занимаюсь, – сказала она. – Я к математике способная, а к русскому языку не очень. Я двадцать школ сменила, пока с мамой и папой ездила по циркам. Вот и хромает у меня грамотность. Знаете, я парашют через «у» написала в диктанте. Смешно, правда?

– Нет, все это не смешно. Вам грозит опасность. И если мы не поймем сегодня его за руку, русский язык вам никогда не понадобится. Не перебивайте меня. У него как звери выступают? Они у него изображают других зверей. А почему? Потому что он одних зверей другими кормит и всю информацию из клеток им передает, как планарии.

– Ничего не понимаю, – сказала Таня.

В этот момент Грубин замер и прижал палец к губам. Таня тоже замолчала.

Кто-то неподалеку поскользнулся, угодил, видно, в лужу и выругался.

– Садитесь за стол, – прошептал Грубин. – Как ни в чем не бывало.

Сам он нырнул в открытый шкаф, спрятался среди платьев. Блестки царапали кожу, и пахло пудрой.

Таня и в самом деле подчинилась настойчивости, прозвучавшей в голосе Грубина. Она села за стол, и тут же Грубин в щель между платьями увидел за стеклом мокрое длинное лицо дрессировщика. Грубин весь сжался, как перед прыжком в воду. Заскрипели ступеньки. В дверь тихо постучали.

– Кто там? – спросила Таня, не вставая с места.

Она вдруг побледнела.

– Это я, Сидоров, – сказал дрессировщик, открывая незапертую дверь. – У меня сигареты кончились, а все спят. У тебя, Танечка, не найдется?

– Вы же знаете, что я не курю, – сказала Таня, поднимаясь и отходя на шаг назад.

– Не бойся, девочка, – сказал Сидоров. – У меня в голове только хорошие мысли.

С Сидорова стекала вода, от гладко причесанной головы поднимался пар. Сидоров быстро дышал. Он сделал два шага по направлению к Тане.

– Спокойно, милая, – сказал он. – Я только погреюсь. Посижу и погреюсь. Ты не возражаешь?

– Вы пьяны, Сидоров, – сказала Таня. – Идите спать.

– Нет, – сказал Сидоров и вынул из кармана руку. В руке был нож. Сидоров прыгнул вперед.

Но Грубин прыгнул ему навстречу. Он, хоть и не ел никогда тигров, был готов к действиям Сидорова. Он был мужчиной и защищал жизнь женщины. Он не мог допустить, чтобы Таню съели.

Они столкнулись в воздухе. Нож дрессировщика скользнул по руке Грубина и выпал.

– Ты! – вскричал Сидоров, отлетая в угол. – Ты! Предатель! Иуда! Сам не ешь и другим не даешь!

Грубин успел наступить на нож и схватил стул. Сидоров на четвереньках отползал к двери.

– Держите его, – сказала Таня. – Мы его свяжем!

Дрессировщик метнулся назад, громадным прыжком выскочил из фургона. Грубин бросился за ним.

Снова вышла луна, и видно было, как фигура, мало схожая с человеческой, несется к клеткам.

Еще мгновение – звякнул засов, и Сидоров оказался за прутьями решетки.

Саша и Таня бежали к клеткам и почему-то молчали, не звали на помощь, не будили людей. Как будто стеснялись того, что происходило у них на глазах. А у них на глазах голодные тигры, раздраженные гадкой погодой, невыспавшиеся, кинулись к дрессировщику. Короткая схватка, сплетение тел, рычание, лай и мяуканье...

Открывались двери фургонов. Артисты выскакивали, разбуженные шумом, повсюду загорались огни.

Но когда удалось войти в клетку, все было кончено. Сидорова растерзали хищники.

Никто не заметил, как Грубин нагнулся у решетки и поднял свалившийся с пальца Сидорова перстень старинной индийской работы...

Дня через два Таня Карантонис сидела у Грубина в маленькой, хоть и прибранной, но все-таки захламленной комнате. Они пили чай. Соседи уже раза по три заглядывали – кто просил соли, кто сахару. Соседей измучило любопытство.

– Спасибо за ужин, – сказала Таня. – Вы все приготовили лучше, чем в ресторане.

– Старался. – Грубин поглядел на Таню с нежностью. – А как цыпленок табака под утюгом? Неплохо?

– Я бы никогда не догадалась, что под утюгом, – сказала Таня.

Она осунулась, похудела за эти дни – то допрос у следователя, то собрание в цирке.

– Так, значит, следствие решило, что это был несчастный случай? – спросил Грубин, хотя и сам все знал.

– Да. В состоянии опьянения Сидоров забрался в клетку с тиграми и погиб. Ужасно все это! Ведь из-за меня, понимаете, из-за меня!

– Отлично понимаю, – сказал Саша Грубин. – Если бы он не погиб, то вас бы не было в живых.

– Ужасно! – повторила Таня. – А вы говорили про перстень. Он у вас?

– Да. В Москву его отошлю, на исследование.

– Но ведь признайтесь, Саша, что это был бред. Что он был больной человек.

– Рад бы, – сказал Грубин.

– Признайтесь, мне будет легче.

– Вы умеете звукам подражать?

– При чем здесь это? Не умею.

– Тогда прокукарекайте.

– Я не умею.

– Попробуйте.

Таня улыбнулась вымученной, усталой улыбкой.

– Вы хотите меня отвлечь?

– И все-таки.

Таня открыла рот, и тут дом огласился веселым натуральным петушиным криком.

– Ой! – сказала Таня и зажала рот рукой.

– Вот видите, – сказал Грубин. – Мы же с вами цыпленка табака ели.

– И вы туда подсыпали растворителя?

– Да, иначе как бы вы мне поверили?

– Как вам не стыдно!

Старик Ложкин, натуралист-любитель, который жил над Грубиным, сказал жене:

– Скрытным Грубин стал. Петуха дома держит. А зачем?

– Это у него циркачка сидит, звукоподражательница, – ответила жена и вернулась к прерванному вязанию.

Разлюбите Ложкина!

История, рассказанная здесь, относится к моральным неудачам профессора Минца, несмотря на то что с научной точки зрения здесь и комар носа не подточил бы. Минц о ней не вспоминает, любое поражение, даже маленькое, он попросту выбрасывает из памяти. Случилось это вскоре после переезда в Великий Гусяр известного ученого, без пяти минут лауреата Нобелевской премии Льва Христофоровича Минца. Он бежал из Москвы, от забот и славы, от международных конгрессов и торжественных собраний. Он выбрал Великий Гусяр местом постоянного пребывания, потому что из этого города была родом его мама и когда-то в детстве она возила Левушку к родственникам. Минцу запомнилась торжественная просторная тишь этого вольного городка, синева неба и реки, покорно ждущие разрушения церкви и церквушки... Город пребывал в запустении, в немилости у области, но в этом была прелесть тихого увядания, происходившего от отсутствия какой-либо промышленности.

Минц переехал в Великий Гусяр и временно поселился в доме № 16 по Пушкинской улице. Встревоженные его появлением и полные подозрений, городские власти тут же предложили Минцу переехать в трехкомнатную квартиру в Заречной слободе, в новом доме. Но Минц от квартиры отказался, ибо узнал, что лишает жилья очередницу с четырьмя детьми и неблагополучным мужем.

– Мне многого не надо, – сообщил Минц в гордом. – Две комнатки на первом этаже – мечта одинокого мужчины.

Вскоре Минц завалил обе комнаты книгами, рукописями и научными журналами, которые приходили к нему со всего света. Районный почтовый проверяльщик извелся, пытаясь разобраться в экзотических языках, и в конце концов сдался, пришел к Минцу и попросил того переводить хотя бы названия журналов и книг – для чекистской отчетности. Что Минц и делал. Они выпивали с проверяльщиком по две кружки пива, доставать которое приходилось сотруднику органов.

Для городка от Минца была прямая выгода. Он с удовольствием решал неразрешимые задачи городского быта и пригородного

сельского хозяйства. На общественных началах.

Никогда не отказывал Минц и своим соседям по дому. Но тут не все выходило у него удачно.

Порой просьба была связана с неожиданным изобретением, которое приводило к последствиям, никем не предусмотренным. В доме к Минцу относились тепло, но настороженно. И шли к нему за помощью только в крайних случаях.

Так случилось и в тот приятный октябрьский день, когда бабье лето уже отпело, полоса дождей тоже миновала и установилась прохладная, с ночными заморозками, свежая и чистая погода и лишь набегавший из Сибири ветер легонько снимал с деревьев золотые листья и раскладывал их на черных мокрых тротуарах.

В тот день Минц долго гулял по берегу реки, размышляя о путешествии во времени, которое намеревался изобрести, хотя знал, что изобрести его невозможно. Попутно он доказал теорему Ферма, но встретил Удалова, соседа по дому, и забыл гениальное доказательство.

Беседуя о погоде и шахматах, Минц с Удаловым, в то время еще средних лет крепким мужчиной с лысинкой, добродушно окаймленной пшеничными кудряшками, вошли во двор дома и увидели, что за крепким столом для игры в домино томятся в ожидании партнеров Саша Грубин с Василь Васильичем.

– К нам, к нам! – позвал Василь Васильич. – Ты, Христофорыч, козла забивать умеешь?

– Не выношу вида крови, – начал было Минц, но тут же сообразил, что здешний козел не имеет отношения к животному миру, лукаво улыбнулся и закончил фразу: – Простите, вы, очевидно, имели в виду игру?

– Да вы когда-нибудь в домино играли? – спросил Удалов.

– Сам не играл, но видел, как играют другие. И понял, что это несложно.

– Тогда сидайте!

Минц с трудом втиснул тугой живот в щель между столом и скамейкой, достал из портфеля синий козырек на резинке и натянул на лысину, потому что эта часть двора была залита вечерним солнцем.

Минц сидел напротив Удалова и потому должен был играть вместе с ним против Грубина и Василь Васильича. Удалов был этим

несколько огорчен, потому что хотя и верил в замечательные научные способности Минца, но в игре предпочитал иметь дело с надежными партнерами.

– Шесть к шести, а два к двум? – спросил Минц, выражая в этих словах всю сущность игры в домино.

– Это так, но в жизни все сложнее, – заметил Грубин и рассказал Минцу о рыбе и дублях.

Минц послушно кивал козырьком. Он был заинтересован.

Разобрали кости. Началась игра. Удалов следил за Минцем во все глаза, потому что понимал – придется всю игру брать на себя. И когда Минц на втором ходу ошибся, Удалов сказал ему не без ехидства:

– Проигравшие лезут под стол. Это вам известно, Лев Христофорович?

– Очень любопытно, – ответил ученый. – Но нам с вами это не грозит.

После четвертого хода Минц надолго задумался. Будь на его месте кто другой, игроки бы такого мыслителя заклевали. Но Минца перебивать не посмели.

Вдруг Минц положил свои кости на стол и сказал:

– Удалов сделает рыбу находящейся у него фишкой с пятью и тремя точками.

Хоть терминологически профессор высказался неправильно, слова его произвели впечатление. Игра была еще в самой середине, и такие предсказания делать было рано.

Удалов поглядел в свои кости. Три-пять у него была.

– Если не верите, давайте доиграем, – сказал Лев Христофорович. – Можно даже с открытыми фишками.

Когда предсказание Минца полностью подтвердилось, он встал из-за стола и сказал:

– Полагаю, что больше меня приглашать не будут. Да я и сам не хотел бы портить вам игру. Понимаете, у меня фантастическая математическая интуиция. А правила домино для человека, знакомого с теорией игр, не представляют трудностей.

Всем стало грустно, тем более что возразить Минцу было нечем. Ясно, что приглашать его более нельзя.

Минц выбрался из-за стола и выпрямился. Освещенная солнцем, его полная фигура производила странное, двойственное впечатление.

С одной стороны, он казался толстым человеком. С другой – может, оттого, что головка у него была маленькая, похожая на птичью, – он казался человеком худым...

Тут в ворота вошел старик Ложкин.

Ложкин был на пенсии, но два месяца в году трудился на старом месте. Сейчас истекал первый месяц его пенсионной службы. Ложкин был помят, зол и пропитан пылью.

– И что меня понесло? – пожаловался он соседям. – Сидел бы дома, пенсия, слава богу, нормальная, никто меня за руку не тянет.

– Что у тебя случилось? – спросил Василь Васильич.

– Разучился в городском транспорте ездить в часы пик, – сказал печально Ложкин. Его гвардейские усы поникли, как у Тараса Бульбы. – Все лезут, все толкаются, все злобятся. Совершенно забывают, что я пенсионер и ветеран. На службе никакой радости по поводу моего прихода. Год меня не было, а даже никакого поздравления. Молодежь совершенно обнаглела. Я больше скажу: приду сейчас домой, а Матрена вместо «здравствуйте, обедать садитесь» и так далее начнет меня пилить.

Как будто в ответ на слова Ложкина на втором этаже распахнулось окно и высунулась голова старухи Ложкиной.

– Супостат! – воскликнула она с чувством. – Масло купил?

Ложкин готов был заплакать, и другие мужчины ему сочувствовали. А Минц настолько растрогался, что сказал старику вслед:

– Как освободитесь, зайдите ко мне. Может, что-нибудь мы с вами придумаем.

Вскоре и Минц ушел к себе, а Василь Васильич задумчиво произнес:

– Не стал бы я на месте Ложкина соглашаться на услуги Христофорыча. Сначала вроде бы и выгодно, а потом оборачивается другим концом.

Удалов кивнул, соглашаясь с соседом.

Ложкин сел вместо Минца, и они поиграли еще минут сорок. Потом все пошли по домам, а Ложкин к Минцу.

При виде Ложкина, несмело остановившегося у двери, Минц, который сидел за столом и читал книгу в своей обычной манере –

быстро перелистывая страницы и запоминая при этом все написанное до последней запятой, широко улыбнулся.

– Вы не боитесь последствий? – спросил Лев Христофорович.

– Я в жизни через многое прошел, – осторожно заметил Ложкин. Он чуял приближение удачи.

– Отлично! – Из ящика стола Минц вытащил часы «Полет» с одной стрелкой. – Наденьте и пользуйтесь!

– Разъясните! – потребовал Ложкин. Но застегнул на левой руке черный ремешок.

– Все просто, – сказал Минц, которому не терпелось вернуться к чтению. – Сейчас вы надели регулятор окружающего эмоционального фона. Это вовсе не часы, но из соображений безопасности пользователя и удобства в обращении регулятор замаскирован под часы. Если вы начнете поворачивать головку так, чтобы стрелка двигалась вперед, то уровень положительного эмоционального фона будет расти. Если нужда в нем пропадет, поставьте головку часов на исходную позицию – ноль часов. И эмоциональный фон станет нейтральным.

– А я ничего не понимаю! – с вызовом заявил Ложкин. – Я слушаю вашу чепуху и ничего не понимаю.

– Объясняю для вас персонально, – сказал тогда Минц, и Ложкин почувствовал себя умственно отсталым. – Вам надоела человеческая злоба. Вам надоело, что вас не любят. Как только вы переведете стрелку вперед, люди начнут лучше к вам относиться.

– Так просто?

– Так просто. Вы свободны. – Минц сел на стул и открыл книгу.

Ложкин был неглуп. Он тут же повел стрелку направо, и вдруг Минц вскочил со стула, отбросил книжку, раскрыл объятия и воскликнул:

– Ложкин, я тебя люблю! И если ты не хочешь, чтобы я тебя целовал, а мне хочется тебя целовать, немедленно отведи стрелку назад.

Ложкин быстро отвел стрелку назад – ему не хотелось целоваться с профессором Минцем.

– А почему так получается? – спросил Ложкин, потому что был доволен и хотел поговорить. На самом деле плевать ему было на науку.

– Внутри этих часов, – сказал Минц, отходя от Ложкина, – тончайший прибор, который сначала улавливает ваши биотоки, а затем посылает нужной длины волны в мозг окружающих людей. Идите, Ложкин, идите к людям, они вас полюбят. Но будьте осторожны. Любовь – рискованное чувство.

Ложкин ничего не ответил. Ни спасибо, ни прощай. Пока прибор еще не проверен, нечего Минца баловать!

Он поднялся к себе. Жена взяла. Ложкин подошел поближе и сдвинул стрелку на три часа.

– Откуда новые часы? – спросила жена. – У тебя с утра денег не было.

Ложкин двинул стрелку еще на три часа. При таком излучении Минц уже лез целоваться.

– Я тебя спрашиваю! – прикрикнула на него жена.

– Что у тебя на обед, Матильда? – спросил Ложкин.

– Я тебе сорок лет как не Матильда, а Матрена, – огрызнулась жена.

Или прибор никуда не годился, или у жены был сильный иммунитет против Ложкина. Пришлось подвинуть стрелку еще на три часа.

Матрена вздохнула и неожиданно спросила:

– Хочешь, картошечки поджарю?

Ложкин чуть не упал – такого он не слышал от Матрены уже лет пятнадцать.

– Ты чего молчишь, дуралей? – проворчала с нежностью жена. – Сейчас, пока ты лапы моешь, я за сметанкой сбегая.

Ложкин отмахнулся и, почти уверовав в прибор, поспешил вниз, во двор, где соседи за столом перемешивали костяшки.

Прибор стоял на девяти часах. Но Ложкин не спешил подходить к столу, хотел увеличивать этот самый фон постепенно.

Соседи не заметили Ложкина, они разговаривали между собой.

– Боюсь, – сказал Василь Васильич, – как бы Минц не навредил старику Ложкину.

– Мне даже сходить к нему хочется, – поддержал Василь Васильича Грубин, – предупредить надо Ложкина, чтобы он был осторожнее. Старикан-то хороший.

Это чтобы Грубин о нем доброе слово сказал?.. Такого быть не может. У Ложкина кольнуло в сердце.

– А что, в самом деле славный мужик, – согласился личный неприятель Ложкина Корнелий Удалов. – Я с тобой пойду, может, защищать его придется.

– И меня не забудьте, – сказал Василь Васильич. – Хочется мне пожать мужественную руку нашего соседа.

Они как по команде встали, даже домино не подобрали. И пошли к Ложкину. Но не домой, а к кусту сирени, за которым тот стоял.

Ложкин хотел было отступить, но соседи накинулись на него с объятиями, хлопали по плечам, даже немного помяли от радости. Так что Ложкин с трудом вырвался от них и быстро ушел со двора, надеясь испытать прибор на чужих людях. Ведь соседи в глубине души любят его, хотя обычно стесняются это показать.

Ложкин спешил по улице. Некоторые люди, попавшие в сферу действия часов, начинали его любить и кивали или кричали что-нибудь радостное. Чтобы не пожимать чужих рук, Ложкин отвел стрелку обратно. Стало спокойнее. Любовь имела и недостатки.

На остановке стояла толпа – автобусы в Гусяре ходят редко и нерегулярно. Автобус появился набитый, и Ложкин с трудом в него втиснулся. Все не любили друг друга и ругали правительство и городской транспорт.

Ложкин с трудом перевел стрелку на три часа вперед и приготовился вздохнуть с облегчением. Но ничего из этого не вышло. Вместо того чтобы дать Ложкину воздуха, пассажиры сдвинулись со всех сторон, старались его обнять, пожать ему руку, облобызывать... Ложкин решил, что если его не задавят, то он задохнется.

А в такой атмосфере трудно отвечать взаимностью на любовь. И даже становятся неприятны голоса:

– Отойдите, дайте мне поглядеть на нашего героя!

– Ах, какой он красивый, как славно сохранился!

– Пустите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

В автобусе возникла страшная давка, Ложкин задыхался, а женщина рядом с ним упала в обморок, но, к сожалению, осталась стоять. А Ложкин, как назло, не мог никак дотянуться до часов «Полет», чтобы отодвинуть стрелку назад.

– Умираю! – прохрипел Ложкин.

– Он умирает! – С этими словами окружающие сдвинулись еще теснее.

Ложкин уж не помнил, как вылез из автобуса, как умудрился, несмотря на возраст, дворами уйти от толпы, и, лишь оказавшись в сквере у Параскевы Пятницы, он опомнился и вернул стрелку назад.

И вовремя, потому что из песочницы стали выскакивать малые дети и с криками: «Наш дедушка приехал!» – бежали к нему.

Отдышавшись на скамейке, Ложкин принялся рассуждать. Он уже понял, что обращаться с человеческой любовью надо осторожно. Оказывается, люди не знают предела своим чувствам, не понимают, что губят любовь невинного прохожего.

Конечно, можно вернуть прибор Минцу, но жалко. Неужели ты, умный человек Ложкин, не догадаешься, как его использовать с выгодой?

И Ложкин почти придумал, как использовать прибор, но тут его попутал бес.

В овощном магазине служит одна кассирша. Ужасно развратное существо. По крайней мере в глазах Ложкина. Он встречал ее на улицах с разными мужчинами, тогда как на Ложкина она внимания не обращала, и это было обидно, ибо при виде ее в Ложкине просыпались желания и даже страсти давно прошедших лет. Ложкин не раз пытался заигрывать с ней, но кассирша отводила карие глаза, являла старому коню свой чеканный толстогубый профиль и черные кудри и делала вид, что не слышит его любезностей.

И вот в тот момент, когда Ложкин уже почти придумал, как использовать прибор, он увидел, что по улице сразу за сквером идет – видно, возвращается со службы – та самая кассирша.

Ложкин вскочил и на прямых, плохо сгибающихся ногах припустил за кассиршей. Услышав шаги, та обернулась и, видно узнав назойливого старика, презрительно поморщилась.

На улице темнело, начали зажигаться окна, вот-вот загорятся фонари, так что кассирша не заметила, как назойливый старик перевел стрелку наручных часов и прибавил скорости.

Но тут ее охватили сомнения.

А почему она убегает от этого товарища? Чем он ей неприятен? Хоть и пожилой, он тем не менее строен и вовсе не толстый. Днем она его заметила у кассы – и лицо было не лишено приятности...

Кассирша обернулась. В свете уходящего дня она поняла, что преследующий ее мужчина настолько ей приятен, что стоит разглядеть его получше. Кассирша притормозила.

Ложкин, не рассчитав скорости, врезался в нее. Высокий упругий бюст принял его, как амортизатор. Все тело кассирши охватила сладкая истома: так вот каков он, ее преследователь!

Ее полные губы отыскивали лоб старичка и стали покрывать его жаркими поцелуями.

Редкие прохожие, видевшие эту сцену на плохо освещенной улице, с умилением кидали взгляды на целующуюся пару, уверенные в том, что наблюдают встречу дедушки и внучки после долгой разлуки.

– Оу! – рычал дедушка.

– Иди ко мне! – отвечала внучка.

И в этот момент старичок ощутил сильный удар по голове жестким предметом. Как потом выяснилось, этим предметом была хозяйственная сумка его супруги Матрены Тимофеевны, наполненная пакетами с солью, потому что кто-то еще с вечера сказал ей, что скоро начнется война и надо закупать соль.

– Ах ты! – закричала Матрена Тимофеевна.

Испуг несчастной кассирши – жертвы дьявольского эксперимента – был так велик, что она смогла преодолеть чувство к Ложкину и убежать прочь. И по мере того как она удалялась от часов «Полет», в сердце ее поднималась волна изумления: «И что на меня нашло? Так я скоро примусь козлов целовать!»

Как следует отдубасив своего мужа, которого давно подозревала в том, что он скрытый сексуальный маньяк, Матрена Тимофеевна уморилась и потащила домой соль, а Ложкину приказала купить наконец масло и тут же возвращаться, если он не хочет попасть на товарищеский суд в качестве обвиняемого. И еще добавила, что за то, что остался в живых, он должен быть благодарен чувству любви к нему, что поселилось с недавнего времени в сердце Матрены Тимофеевны.

Ложкин побрел в магазин, уже ненавидя Минца и всю его затею. Эта так называемая любовь пока что оборачивалась какой-то странной стороной. Ложкин уже жалел, что согласился на эксперимент. Может, в Москве или в Париже, где народу бесчисленно, с часами «Полет» можно затеряться и использовать их анонимно. У нас же в Гусяре ты

всегда на виду, тебя сразу застукают или ославят в сплетнях... Что делать? Нет ответа.

Ложкин вошел в гастроном и, к своему ужасу, обнаружил, что перед закрытием в молочный отдел выстроилась очередь. Все беспокоились, что не успеют купить продукты до закрытия, ругались и взаимно друг друга ненавидели.

Стоя в дверях, Ложкин подумал, что, видно, наш национальный характер сформировался под влиянием вечных наших очередей. И потому основными чертами стал страх, что не хватит, и боязнь не успеть вкупе с ненавистью к тем, кто стоит впереди тебя. В этом смысле...

Ну что будешь делать? Без масла домой лучше не возвращаться. Убьют. Но и становиться в хвост очереди тоже нельзя. Не успеешь.

Так что сама судьба снова толкнула Ложкина на использование часов.

Он перевел стрелку на три часа вперед, и в очереди люди стали на него поглядывать. Среди них были знакомые, они-то просто улыбались.

Ложкин еще перевел стрелку вперед – не было времени на улыбки и сюсюканье. И смело пошел к прилавку.

И тут очередь забыла о том, что ее цель – приобрести молочные продукты. Люди кинулись к Ложкину, принялись его обнимать, лобзать и в экстазе валить на пол.

– Мне масло нужно! – кричал Ложкин. – Только масло! Идите вы все в рай!

Никто его не слушал. За исключением выбежавшей на крик и также охваченной любовью к старику-покупателю директорши Ванды Казимировны. Она принялась метать в Ложкина пачками замороженного масла, чтобы он мог отнести их домой. Пачки ударили людей по головам, попадало и в Ложкина, он кричал и сопротивлялся, но лишь через несколько минут смог схватиться за часы. В гневе и расстройстве Ложкин перевел стрелку куда дальше назад, чем было дозволено, – в минусовые деления...

И не сразу сообразил, что любовь к нему сменилась недоброжелательством, отвращением, а затем и ненавистью...

Люди отпрянули от отвратительного старика. Им хотелось поскорее покинуть магазин. Только подальше от этого уroda!

Все забыли уже о том, что минуту назад стремились целовать его руки.

– Я его обслуживать не буду! – закричала продавщица, стараясь скрыться в подсобке.

– А вот ты, Ванда Казимировна... – сказал Ложкин, кинувший взгляд на часы и сообразивший, что же произошло. – А вот ты меня обслужишь. В порядке очереди, в которой никого, кроме меня, не осталось.

Ванда швырнула в Ложкина пачкой масла и юркнула в подсобку.

– Вот и отлично, – сказал Ложкин, оставив деньги на тарелочке в кассе, потому что был порядочным человеком. – И нужна ли нам любовь, если она выражается в хватании и обнимании?

Ложкин уже сам забыл о сладком моменте единения с кассиршей. Он думал трезво и холодно... На автобусной остановке стояла толпа. Ложкин держал стрелку в нейтральном положении. Он был спокоен, как космонавт перед взлетом в космос. Сейчас должна была подтвердиться его теория. Тогда он окажется самым умным ученым нашей планеты, куда умнее Минца.

Склоняясь набок, подошел перегруженный автобус: желавшие вылезти на этой остановке нажимали на правый бок.

Ложкин встал на изготовку. Автобус затормозил. Люди посыпались из него.

Ложкин перевел стрелку далеко назад и направился к двери автобуса.

Как он и ожидал, все шарахались от него, охваченные нелюбовью к старику.

– Разлюбите Ложкина! – повторял старик, подходя к дверям.

К этому времени народ уже повыскакивал наружу и, стараясь не приближаться к Ложкину, кинулся врассыпную.

Ложкин спокойно ступил в полупустой автобус. Оставшиеся в нем пассажиры ринулись в переднюю дверь. Но не успели, потому что водитель, почувствовав затылком что-то очень неприятное, захлопнул двери, дал газ и помчал машину по улице.

Ложкин спокойно стоял в одиночестве, поглядывая в окна, стараясь понять, где проезжает автобус. И когда увидел родную улицу, перевел стрелку в нейтральное положение. Водитель затормозил и открыл дверь. Ложкин вышел из автобуса и пошел домой.

Когда Ложкин проходил мимо двери Минца, тот услышал, высунул лысую голову и спросил:

– Как дела? Любит ли вас народ?

– Мне не нужна любовь, – ответил Ложкин и перевел стрелку назад так решительно, что Минц от отвращения к старику захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Из коридора донесся удовлетворенный дьявольский смех Ложкина.

С тех пор Ложкин с часами не расстается. Никто его не любит, но всюду его пропускают без очереди.

По примеру Бомбара

В помещении «Гусярского знамени» – осенняя тишина, редактор уехал в область на совещание. Миша Стендаль смотрел в окно и мечтал о значительном материале, который перепечатает «Литературная газета». Еще ни одного материала Миши Стендаля «Литературная газета» не напечатала, правда, он туда ничего и не посылал. В центральной печати лишь два раза появлялись его заметки. В журнале «Вокруг света» поместили сообщение о подледном лове крокодилов на пригородном озере Копенгаген, и еще один журнал опубликовал репортаж о встрече жителя Великого Гусяра Корнелия Удалова с инопланетными пришельцами под рубрикой «А если это не пришельцы?». Слава избегала Мишу Стендаля.

Вчера неожиданно пошел обильный снег, а деревья облететь не успели, и снежные шапки, как взбитые сливки, лежали на мокрых зеленых листьях. По тротуару, шаркая галошами, шел знакомый Мише старик Ложкин, нес под мышкой черную школьную папку, в которой хранились письма и жалобы, большей частью необоснованные. Старик Ложкин, похоже, направлялся в редакцию, и Стендаль пожалел, что в доме нет заднего хода.

Но тут его внимание отвлеклось отдаленной суетой на площади. Нечто белое двигалось в сторону редакторского дома, а за этим белым бежали мальчишки и шли взрослые люди.

Стендаль прижался к стеклу носом, ему мешали очки, но снимать их он не стал, потому что без них плохо видел и терял сходство с молодым Грибоедовым.

Хотя в городе нередко были удивительные события, Мише еще никогда не приходилось видеть, как по улице едет русская печь без видимых колес и с высокой трубой, из которой идет дымок.

На печи сидел молодой человек в хорошем синем костюме, при галстуке. Рядом лежала аккуратная поленница дров. Молодой человек взял одно бревнышко, склонился вниз и приоткрыл дверцу топки. Там уютно светило оранжевое пламя. Молодой человек затолкал полешку в печь, захлопнул дверцу и вновь принял непринужденную позу.

– Эй, прокати! – кричали мальчишки, бегая вокруг. Молодой человек не обращал на них внимания. Взрослые шли гурьбой сзади, обсуждая технические данные машины.

Когда печь поравнялась с дверью в редакцию, молодой человек похлопал ладонью по трубе, и печь послушно остановилась. За спиной послышалось мерное сопение. Миша обернулся. Сзади стоял старик Ложкин.

– Придется написать, – сказал старик. – Непорядок.

– Чего написать? – не понял Стендаль.

– Жалобу.

– На что?

Старик быстро нашелся:

– Он без номера ездит. И без прав, наверное. А если кого задавит?

– А на печки номера не выдают, – рассеянно сказал Стендаль.

Молодой человек ловко спрыгнул с лежанки, что-то быстро сказал зрителям и скрылся в дверях редакции.

Старик Ложкин уселся за свободный от бумаг стол, раскрыл папку и достал оттуда лист чистой бумаги в клетку. Стендаль направился было к двери, но тут по коридору простучали четкие шаги, в комнату заглянул молодой человек в синем костюме и спросил:

– Где я, простите за беспокойство, могу увидеть главного редактора?

– А что вам нужно? – вежливым голосом спросил Стендаль, прижимая указательным пальцем дужку очков к переносице.

– Мы письмо писали, – сказал молодой человек, входя в комнату и с осуждением глядя на разбросанные бумаги и застарелый беспорядок.

Стендаль хотел предложить гостю присесть, да не посмел, потому что стул был пыльным, а уборщица уже четвертый день хворала.

Неловкую паузу заполнил Ложкин, который отложил ручку и спросил строго:

– Ваш транспорт?

– Печка-то? Моя.

– Не ожидал, – сказал Ложкин.

«Сейчас он скажет, что номера нет, – испугался Стендаль. – А молодой человек может подумать, что Ложкин – наш газетный

начальник».

– Это товарищ Ложкин, – пояснил он молодому человеку. – Пенсионер, к нам зашел на минутку.

Ложкин грустно вздохнул и поднял палец, словно хотел возразить.

– А где же редактор? – спросил молодой человек.

– Редактор в области, на совещании. Вы можете говорить со мной. Я литературный сотрудник газеты. Моя фамилия Стендаль.

– Слышал, – сказал молодой человек. И тут же покраснел, потому что догадался, что слышал не о Мише Стендале, а о его великом однофамильце.

– Даже не родственник, – улыбнулся Стендаль. – Меня часто спрашивают. А о чем вы нам письмо писали?

Молодой человек тоже улыбнулся и сказал:

– Ну и грязищу вы тут развели.

– Уборщица захворала, – сказал Стендаль. – Но, если хотите, садитесь.

– Я садиться не буду. Я хотел только поговорить по поводу письма, которое мы с братом писали. А ответа пока нет. Я думал, что появились сомнения, вот и приехал их развеять. Раньше собраться не мог. Мы с братом лесники – летом охрана, посадки, экологический баланс приходится поддерживать... Вот сейчас немного посвободнее.

– А где сапоги покупали? – строго спросил Ложкин, которому было обидно, что его участия в разговоре не требуется.

– Васина жена, Клава, в Ленинград ездила, за деталями. Вот и купила там.

– Правдоподобно, – сказал Ложкин. И стало ясно, что во всем он видит обман и ответу не поверил. Молодой человек снова зарделся.

– Не обращайтесь внимания, – попытался его ободрить Стендаль. – Так вы о печке писали?

– Что вы! – удивился лесник. – Разве бы мы стали беспокоить по пустякам? А я вам даже не представился. Фамилия моя Зайка. Такая, простите, фамилия. Брат мой Василий, а я Терентий Зайка. Живем в лесном массиве, в Заболотье.

– Так это же далеко...

– Не близко. Километров сто тридцать будет. Точно не скажу, спидометр сломался.

– И вы весь путь на этой?..

– Я на мотоцикле хотел. Но Вася, он старший, велел печку взять. Решил, что больше впечатления произведет, что мы не какие-нибудь жулики. С нами еще батя живет, но он уже в годах и больше теорией занимается. Все издания читает. А как свежую идею углядит, кличет нас и говорит: «Детишки мои, я тут обмозговал...» Ну и мы сразу за работу. Артуром нашего батю зовут. Артур Иванович Зайка.

– Очень даже странное имя, – сказал Ложкин, который тем временем обошел Терентия сзади и рассматривал его костюм и прическу.

– А какой принцип действия у печи? – спросил Стендаль.

– Принцип действия не наш, чуждый, – снова вмешался Ложкин, держа перед собой, как щит, черную папку.

– Так вы, может, письма не получали?

– Наверное, в отделе писем лежит. А у сотрудницы сегодня выходной. Вы про печку мне не рассказали.

– Печка обычно работает, – ответил Зайка, – как и положено, на дровах. Дома стоит, как запасная. В морозы мы топим ее, лабораторию обогреваем, парники. А иногда ездим, если что тяжелое надо перетащить. На дровах работает.

– Знаем мы, какие дрова, – сказал неугомонный Ложкин.

– Дрова не ворованные, – обиделся Терентий. – Мы же санитарные рубки проводим.

– А колеса где? – спросил Стендаль.

– Колеса? Где же это вы видели печь на колесах? Она у нас на воздушной подушке. А вот про письмо...

– Может, вы мне своими словами расскажете? И мы вместе подумаем.

– Я сразу понял, что затеряли, но не обижаюсь. Мы с Васей новый способ передвижения предлагаем. Для наших лесных участков он годится или для пожарников. Вы меня, товарищ Бальзак, поймите правильно...

Стендаль не стал поправлять гостя. Но тут снова вмешался Ложкин.

– Отойди в сторонку, Стендаль, – сказал он.

Терентий заметил свою оплошность с фамилией и опять покраснел. Ложкин оттянул Стендаля за рукав в угол и громко

зашептал:

– Ты что, не видишь?

– Чего не вижу?

– Типичный инопланетный пришелец. Проник к нам в доверие.

Ты когда-нибудь видел, чтоб в таком костюме на печке ездили?

– Я вообще не видел, чтобы на печке ездили.

– Ты мне печкой зрение не застилай. Ты на детали смотри. Они всегда на деталях попадают. Ты такой галстук видел? У нас в универмаге видел? Неземного цвета.

– Ах, оставьте, товарищ Ложкин! – сказал Стендаль.

– Зря вы меня подозреваете, – сказал Терентий, который все слышал. – Я вам и паспорт могу показать, и военный билет. Мы грамотами награждены.

– Я не сомневаюсь, – поспешил заверить его Стендаль. – Не надо документов.

– Документы ему сделали, – настаивал Ложкин. – А вот с галстуком накладка вышла.

– В Вологде куплен, – возразил Терентий.

– Я бы и то лучше придумал, – съязвил Ложкин.

– А вы хоть видали живого пришельца?

– А как же? Различаем.

– Пришельцы у нас бывают, – сказал Стендаль. – Но к нашему разговору это отношения не имеет. Продолжайте, пожалуйста, Терентий Артурович.

– Наивный простак, – обвинил его Ложкин, снова сел, достал лист бумаги из папки и сделал вид, что все дословно записывает.

– Так вернемся к нашему разговору, – сказал Терентий, который уже привык к Ложкину. – Вы Бомбара читали? «За бортом по своей воле»? Моя любимая книга.

– Я тоже к ней хорошо отношусь, – сказал Стендаль, присаживаясь на край стола. – И тоже люблю море.

– Дело не в море. От нас оно далеко и неактуально. Бомбар что доказал: если твой корабль утонул, погибать из-за этого совсем не обязательно. Почему люди в лодке гибнут? Потому что боятся погибнуть. Парадокс, но правда. Они, так сказать, себя заранее хоронят в морской пучине.

– Правильно, – сказал Стендаль. – Психологический шок.

– И этих людей мы можем понять. Ведь страшно.

– Страшно.

– Учтите, – пригрозил Ложкин, – у нас океана нет и не предвидится.

– Я о Бомбаре только к примеру сказал, – продолжал Терентий, не обращая внимания на Ложкина. – Для ощущения психологии. Наш батя, когда Бомбара прочел, говорит нам: «Ребятишки, у меня идея в психологическом плане. А что, если страх человеческий, который есть главный ограничитель наших дерзаний и планов и вообще прогресса, влияет не только на плавание по океану, но и на другое?» Тут мы с братишкой и задумались.

– И поплыли по реке Гусь, питаюсь планктоном, – не удержался Ложкин.

– Мы о чем задумались? Возьмем, к примеру, лыжника, который прыгает с трамплина. Если посчитать, с какой высоты лыжник прыгает, то ведь это смертельно! А он хоть бы что. Почему?

– Как почему? – удивился Стендаль. – Он же вперед прыгает. С разгона.

– Но вниз тоже.

– Но больше вперед.

– А если лыжник струсит, как потерпевший крушение? Если он перестанет равновесие держать?

– Тогда он упадет.

– Расшибется?

– Конечно.

– Что и требовалось доказать. Тогда вот, придя к такой мысли, мы с Васей стали думать, как без лыж обойтись.

– Нельзя, – сказал Стендаль. – Нужна начальная скорость.

Терентий поглядел на Мишу снисходительно, как академик от физики на кандидата исторических наук, который сомневается в пимезонах.

– Это дело можно проверить, – сказал он.

– Что проверить?

– Проверить, как идеи Бомбара приложимы к нашей скромной действительности. Пошли?

– Куда?

– На испытания метода без лыж по Бомбару. Правда, мой братишка это лучше делает, красивее. Но в принципе у любого получится. Главное – заранее не помереть от страха.

– Пришелец, – сказал Ложкин убежденно, следуя за молодыми людьми к выходу.

– Нет, мы гусярские, – ответил с достоинством Терентий Зайка.

На улице, подойдя к печке, Терентий нагнулся, подкинул полешек в топку и сказал:

– Забирайтесь, не качает. Это я по городу медленно езжу, а на шоссе до шестидесяти даю.

По улице шел провизор Савич в пальто нараспашку и думал о чем-то своем, значительном. Вдоль груди у него струился сиреневый галстук, точно такой же, как у пришельца Зайки.

– Здравствуйте, – сказал Стендаль. – Где галстук покупали?

– А, здравствуйте, Миша. В универмаг вчера привезли. Вам нравится?

И Савич проследовал далее, не заметив печки. А Стендаль обернулся к Ложкину и спросил:

– Как будет с галстуком?

– Дьявольская хитрость, – сказал Ложкин.

– Куда поедем? – спросил Стендаль, устраиваясь на лежанке и стараясь сохранить достоинство, потому что раньше на печках не ездил.

– Я на ней не поеду! – воскликнул Ложкин. – Еще в космос умыкнете. Я читал, что там человеческие рабы нужны. Вы мне скажите куда, и я пешком пойду.

– Рабы нам нужны, – ответил Терентий без улыбки. – Рабочих рук в лесу ой как не хватает.

– Вот-вот. Я издали погляжу. А куда идти?

– К колокольне, на берег, – сказал Терентий. – Где раньше торговые ряды стояли.

Печка беззвучно приподнялась и поехала вперед. Лишь потрескивали дрова да разговаривали любопытные зрители.

– Товарищи, разойдитесь, – сказал им Терентий. – Нездоровое любопытство. Уставились, как на машину «Кадиллак».

Зрители послушались и освободили дорогу.

– Сейчас я поднимусь на колокольню, – сказал Терентий, когда печка, набрав скорость, двинулась по улице. – Там отперто, я проверял. Вы останетесь внизу и будете наблюдать. Ясно?

Колокольня была высока, над ней кружились вороны и тянулись серые облака. Печка замерла на краю высокого обрыва у реки Гусь. От колокольни ее отделял засыпанный мокрым снегом, с проплешинами зеленой травы пустырь. В будущем году на пустыре должны были строить новую гостиницу. От реки тянуло пещерным холодом.

– Ну, пока, – сказал Терентий, спрыгивая с печки. – Я бы плащ взял, холодно, но эксперимент должен быть чистым.

Не произнеся больше ни слова, Терентий скинул пиджак на руки Стендалю и четкими шагами направился к колокольне. Стендалем овладели тревожные и высокие предчувствия, и он понимал, что обыденными словами можно лишь сорвать торжественность момента.

Прошло минуты три. Стендаль стоял, облокотившись о теплую стенку печки, ждал, но ничего не происходило, лишь кричали вороны да прибежал старик Ложкин.

– Где пришелец? – спросил он.

– Терентий Артурович на колокольне. Он сейчас будет демонстрировать опыт.

– Он пришелец, ему все дозволено, – сказал Ложкин.

На вершине колокольни, на площадке у звонницы, показалась маленькая человеческая фигурка. Была она столь незначительна и беззащитна, что у Стендаля сдавило в груди.

– Ах! – сказал Ложкин, предчувствуя недоброе. Не таким уж он был злым и бессердечным человеком. – Если что случится, даже с пришельцем, все равно жалко.

Маленькая фигурка поднялась на площадку, и несколько секунд человек, широко расставив руки, старался удержать равновесие. Потом шагнул вниз...

Стендаль от ужаса непроизвольно зажмурился. Ложкин сказал: «Ах!» А вдруг он сумасшедший? И они его не остановили?

Стендаль открыл глаза. Человек все еще падал. Но как-то странно. Он будто шел по воздуху, по пологой дуге, расставив в стороны руки и перебирая ногами все чаще по мере того, как приближался к земле. Последние несколько метров он быстро бежал по воздуху и, достигнув земли, не упал, а продолжал свой бег и,

добежав до Стендаля, обхватил его руками, но так, чтобы не помять свой пиджак.

– Извини, Бальзак. – Он тяжело переводил дух. – Ветер меня сносил. И замерз я основательно. Давай пиджак. Ну, как эффект?

– Я думал, не переживу, – сказал Стендаль, отдал пиджак и постарался дышать глубоко и мерно, чтобы успокоить сердце.

– Пришелец, – сказал Ложкин, не отнимая ладони от сердца, – разве можно так пугать простых земных людей?

– Нет, – ответил Терентий твердо. – Не пришелец, а последователь Бомбара, убежденный в силе человеческого духа, в материальном его проявлении.

– Мистика, – сказал Ложкин.

– Никакой мистики, – возразил Терентий. – Результат трехмесячного эксперимента. Мы с Василием рассудили, что можно прыгать с любой высоты по принципу трамплина. Чем скорее ты падаешь вниз, тем скорее перебирай ногами и иди вперед. И ни на секунду не останавливайся. А то каюк. И никто об этом раньше не догадывался, потому что люди как срывались вниз, так уже все, пиши пропало. А надо равновесие соблюдать и помнить, что никакого падения нету, а есть только страх и разыгравшиеся нервы. Но пока людям не покажешь, они не верят. Вот сознался бы я вам, что хочу сойти пешком с колокольни без помощи лестницы или летательного аппарата. И что бы случилось? Поймали бы, связали и вместе с печкой – в клиническую больницу. Ведь со стороны даже посмотреть жутко, а когда сам впервые начинаешь, еще страшнее.

– Я бы на первом метре помер от страха, – признался Стендаль.

– Умер бы и не испытал бы власти Человека с большой буквы над силами природы. Как Колумб.

– А отчего он умер? – спросил Стендаль, хотя понимал, что вопрос глупый.

– Нет, ты меня не понял. Я имел в виду, если бы Колумб трусил, никогда бы не открыл Америку, а, как и ты, на первом бы метре умер. Человеку все должно быть подвластно – и земля, и вода, и воздушный океан. Это наш батя так сформулировал. А вы письма в редакции теряете.

Терентий дружески положил руку на плечо Стендалю. Опыт удался, и он теперь на редакцию не обижался. В Стендале он видел

союзника, а для настоящего ученого много значит общественная поддержка.

– Если хочешь, Бальзак, я тебя научу. Начнем, правда, с небольших высот.

– Я пошел, – сказал Ложкин. – Сердце колет. Кордиамину приму.

Он ушел, шаркая галошами, а Терентий сказал ему вслед:

– Не поверил. Собственными глазами видел, а не поверил. И многие еще не верят. А ты?

– Я верю. И сам бы попробовал. Только страшно.

– Ничего. Мне в первый раз тоже было страшновато. Поехали? Подвезу тебя и домой отправлюсь. Кстати, если вздумаешь без меня тренироваться, начинай со стола. А то ушибешься...

У дверей редакции они расстались. И договорились, что через два дня, когда Стендаль сдаст номер газеты, он приедет к Зайкам с фотокорреспондентом. Стендаль долго смотрел вслед печке. В редакцию возвращаться не хотелось. Шел уже шестой час, начало смеркаться. Стендалю представилось, как он делает шаг с невыносимой высоты и шагает дальше как ни в чем не бывало, только ветер свистит в ушах и разлетаются в стороны вороны. Только бы не потерять равновесия...

Вялый мокрый снег валил с неба. Стендаль шел, не думая, куда идет, и ноги принесли его к реке, к пустырю за колокольней. Он кинул взгляд на колокольню, но искушение взобраться туда поборол.

Далеко внизу, под обрывом, текла темная холодная река, посреди нее плыл одинокий плотик. Стендаль старался думать о будущей статье и даже решил назвать ее «По следам Бомбара». А дальше дело не пошло, потому что Стендаль вновь представил себе, как делает шаг... С дальнего низкого берега донесся женский крик. Стендаль присмотрелся. Там, неясная в сумерках, металась одинокая женская фигура. Что такое? Правильно, на плотике, замерев от ужаса, сидел маленький сорванец.

Вчера бы Стендаль рассудил, что мальчишке ничего не угрожает. В конце концов плотик прибьет к берегу. И может, сам Стендаль начал бы искать спуск с обрыва... Все это было бы вчера. А сегодня Стендаль даже не задумывался. Он владел великой тайной. Главное – идти вперед и не терять равновесия.

Самым страшным и трудным оказался первый шаг – воздух, зыбкий и бесплотный, не желал держать тяжелое человеческое тело, словно болото, тянул вниз. Захотелось закричать, сжаться в комочек, чтобы не так ужасен был удар... Но Стендаль удержал раскинутые в стороны руки и заставил себя сделать быстрый шаг вперед и еще один шаг и тут почувствовал, что идет, идет, проваливаясь вниз, но тем не менее не падая... Он считал – раз-два-три, все ускоряя счет и понимая, что надо взглянуть вниз, далеко ли до воды, но взглянуть было некогда – надо было считать, ускоряя шаг и опираясь о воздух руками.

И вдруг случилось самое страшное – неожиданный порыв ветра толкнул его, и очки легонько соскользнули на нос. Стендаль сделал то, что делает каждый человек, когда его очки сползают на нос, – он поправил их. Рукой.

И, как птица с подстреленным крылом, тут же рухнул вниз.

На счастье, в тот момент Стендаль был только метрах в четырех-пяти над черной водой и лишь десяти шагов не дошел до плотика.

Белый столб воды, словно от разрыва снаряда или мины, поднялся вверх. Уходя в обжигающую холодом глубину, Стендаль успел подумать, что теперь он обязательно простудится.

А вода уже выталкивала его наверх, и Стендаль быстро замахал руками, отфыркиваясь и, конечно же, потеряв очки.

Плотик был недалеко. Его Стендаль различил сквозь пелену мокрого снега и сразу вспомнил о мальчишке. Цель прежде всего. Не чувствуя холода, Стендаль рванулся к плотику и уцепился за его край. Он плыл к берегу, толкая плотик перед собой. Сорванец на плоту не двигался, замер, молчал, наверное, думал о том, как его взгреют дома.

Наконец, а Стендалю казалось уже, что прошла вечность, он проплыл двадцать метров до берега. Под ногами обнаружилось скользкое покатое дно. Стендаль выпрямился, вода была по бедра, и воздух был теплым, даже горячим, после студеной купели.

Он увидел женщину, подбежавшую к кромке воды, и сказал ей усталым, полным значения голосом, как пионер, остановивший поезд, которому грозило крушение:

– Держите ваше соковище.

– Господи! – сказала женщина. – Ты вылезай из воды-то, простудишься.

Она нагнулась, взяла с плотика ведро с бельем и протянула свободную руку Стендалю, чтобы помочь ему выбраться на берег.

– Мостки обломились, – сказала она. – Сама не понимаю, как это случилось. Как уж я испугалась!..

Стендаль стоял на берегу рядом с женщиной, и его била крупная, как судорога, дрожь.

– Ты как же прыгнул-то? – спросила женщина. – Я даже и не заметила откуда. Пойдешь ко мне, погреешься.

– Давайте ведро, – сказал Стендаль. – Я... я... я помогу вам его донести.

Любой, даже успешно закончившийся эксперимент (на это указывает и Бомбар) чреват опасностью побочных эффектов. На следующее утро Стендаль слег в жестокой ангине. Через три недели он выбрался к Зайкам и узнал, что за два дня до него там побывал корреспондент одного столичного журнала.

Настой забвения

Этот настой профессор Минц не изобретал. Руслан Хабаев, народный медик из Нижнеселенгинска, прислал ему пучок травы кут на анализ. Лев Христофорович исследовал траву и подтвердил действие ее сока на живые организмы – принявший настой этой травы забывал то, что с ним происходило ранее. В зависимости от дозы время провала памяти изменялось. От одного дня до одного месяца.

Определив химическим путем состав сока и выделив активный агент, Минц сделал для себя некоторый запас этого средства, но применения ему не придумал. В один прекрасный день Минц повстречал во дворе Ксению Удалову. Соседка вела сына в школу и была удручена.

– Что случилось, Ксюша? – спросил добрый Минц. – По глазам вижу, что беда.

– И не говорите, Лев Христофорович, – откликнулась Ксения. – Третий день жизни нет. Увидела я во сне страшный кошмар. Будто возвратилась домой, а мой Корнелий с актрисой Акуловой в одном неглиже распивают водку.

– Но ведь это неправда! Ваш супруг – примерный семьянин. А актрисе Акуловой в нашем городе нечего делать.

– Мама сервиз разбила, – сообщил Максимка. – О папину голову.

– Не может быть! – воскликнул Минц. – А зачем?

– Они же из него водку пили, – ответила Ксения.

– Но только во сне! Не на самом деле.

– Конечно, не на самом деле! Но ведь пили! Сама видела.

– Давайте зайдем ко мне на минутку, – сказал Минц. – Может быть, я смогу быть вам полезен.

У себя в комнате Лев Христофорович отыскал на полке маленькую бутылочку с настоем забвения, накапал Ксении в стакан, разбавил водой и предложил выпить. Притом, чтобы не было недомолвок, разъяснил Ксении, что она забудет происходившее с ней в течение последних четырех дней.

Поблагодарив, Ксения отвела Максимку в школу. Как назло, именно в тот день Алла Степановна, учительница по русскому, по

прозвищу Марфута, женщина добрая, но уставшая от постоянных неудач Удалова-младшего, вызвала Максима к доске и осталась его ответом недовольна.

И тогда она предупредила, что на следующем уроке обязательно будет гонять мальчика по всем правилам грамматики, а в случае очередного прогула будет вынуждена вызвать в школу родителей.

Максим вышел из школы как в воду опущенный. Не потому, что раскаивался, а потому, что ему грозила катастрофа: через два дня день рождения – и обещанный велосипед. Завтрашний провал перечеркивает велосипед и грозит телесными наказаниями.

Максим брел, волоча по пыли портфель, и даже начал подумывать, не взяться ли за учебники, но тут увидел во дворе профессора Минца, который сидел под кустом сирени и читал иностранный журнал. В тот миг утренние события проснулись в памяти Максимки. Он понял – надежда есть! Если Марфута забудет о своем злодейском намерении, велосипед можно спасти.

Максимка знал, что, когда Лев Христофорович читает, его и пушками не отвлечешь. И еще он знал, что дверь к Минцу никогда не запирается.

Через пять минут Максимка пошел домой. В портфеле лежал заветный пузырек.

За обедом, чтобы проверить профессора, Максим спросил маму:

– Как твой сон, не беспокоит?

– Какой сон? – не поняла Ксения.

– Об актрисе Акуловой.

Корнелий в ужасе прижал к губам палец.

Но Ксения не заметила этого отчаянного жеста.

– Ешь, сынок, а то остынет, – сказала она.

И Максимка поверил профессору Минцу.

После обеда Максим пошел к дому Марфуты, решив, что не вернется домой, пока не накапает ей в чай или в суп настоя.

Он хотел разыграть кающегося грешника, попросить о дополнительных занятиях. Все равно она забудет.

Дверь открыла Марфутина мать, она сказала, что Алла Степановна уехала в Потьму на совещание и вернется только к ночи.

Это была трагедия. Не приходится же к учительнице ночью в виде кающегося грешника.

Расстроенный Максимка уселся на берегу речки и стал думать.

В реке текла вода, много воды, но в кран Марфуты эта вода не попадет. А какая попадет?

И тут Максим сообразил: вода попадает в дома из водопровода. Если найти, где водопровод начинается, влить туда пузырек, то хоть капля доберется до учительского дома.

Сообразительный мальчуган пробрался на городскую водопроводную станцию и, пользуясь доверием тамошнего дежурного, которому Максим рассказал, что готовит доклад о работе водопровода, был допущен к водозабору и вылил в городскую сеть пузырек с настоем.

Это случилось в восьмом часу вечера. В десять Максим уже спал сном праведника. Ему снился велосипед, на котором каталась актриса Акулова...

Великий Гусляр просыпается рано. Идут на работу люди, тянутся к базару подводы и «жигулята», спешат пассажиры к первым автобусам, с реки доносятся голоса матросов и рыбаков...

Семья Кобчиковых проснулась в предвкушении большого праздника. Пока Зина чистила зубы, мать все поучала ее через дверь в ванной:

– Все начинается с ЗАГСа. Ты там должна им показать, кто в семье будет командиром.

– Ах, оставь, мама! – отвечала Зиночка. – Он у меня ручной.

Белое платье висело на плечиках и блестело стеклярусом. Все уже сидели за столом, завтракали, пили чай, только Зиночка не могла оторваться от платья. Наступал ее День.

Наконец она присоединилась к семье.

Отец, в черном костюме, при галстукке, тем временем уже встал из-за стола.

– Ты куда, папа? – спросила Зина, наливая себе из чайника.

– Куда-куда, на службу пора, – ответил папа.

И Зина весело рассмеялась.

– Разрядился как петух, – проворчала мать, отодвигая чашку. – Извозюкаешь костюм-то.

– Мама! – Зиночка сочла, что шутка идет слишком далеко.

Она нервно пила чай.

– А ты чего? – спросила мать. – Весь техникум тебя ждет не дождется, пока ты на урок явишься.

– Мама! – Но тут возмущение Зиночки тем, что родители позволяют себе так шутить в день ее свадьбы, уступило место беспокойству – в самом деле, не опоздать бы на занятия.

Зиночка побежала к себе одеваться и в изумлении увидела, что у ее кровати на плечиках висит белое подвенечное платье.

– Мама! – закричала Зиночка. – Мама, ты что здесь повесила?

Мать вошла на крик и замерла в изумлении.

– Я не вешала, – сказала она.

– Я знаю! – обрадовалась Зиночка. – Это отец купил, сюрприз хотел сделать. Он знает, что я... что мы с Колей дружим...

– Он с ума сошел! Так же сплзить можно!

– Красивое платье, – одобрила Зиночка. – А может, он в самом деле сделает мне предложение?

– Теперь деваться некуда, – сказала мать. – Платье куплено. Так что ты ему намекни.

Когда Зиночка подбежала к техникуму – она и в самом деле опоздала, – у входа маялся Коля. Несмотря на теплый сентябрьский будний день, он был в новом черном костюме.

– Ты что разоделся? – спросила Зиночка.

– Сам не понимаю, – ответил Коля. – Состояние какое-то приподнятое. Будто тебя целый месяц не видал, а сейчас увидел. Понимаешь?

– Честно, Коля?

– Честно, Зина. А может, пойдем распишемся?

Нет, не зря таинственное белое платье появилось дома.

– Жди меня после техникума, – сказала Зиночка, – поговорим. Мне надо подумать...

А между тем Зинин отец Кобчиков, понимая, что напрасно надел черный костюм, шагал по улице и удивлялся – еще вчера деревья стояли зеленые, а сегодня начали желтеть. Что с климатом делается! И все из-за спутников.

С этими мыслями он вошел в горуправление и поднялся к себе на второй этаж, заглянул по пути в приемную к Батыеву, того еще не было, но Людмила сидела за машинкой, красила ногти. Перед ней стоял какой-то приезжий и уныло повторял:

– Вы же вчера сказали, чтобы я пришел...

– Не помню, – отвечала Людмила. – Никогда вас не видела.

А сам Батыев с утра поднялся злой. Почему – не знал, но злой. Стал собираться на работу. Подумал, что виноват в этом настроении Карась. Копает под него тихой сапой, а на вид – пальцем можно раздавить. И тут в дверь позвонили. Жена была на кухне, Батыев сам открыл. Там стоял почтальон, отдал заказное письмо.

Батыев расписался, разорвал конверт. В конверте почему-то лежали два билета на поезд Вологда – Туапсе на тридцатое сентября.

– Это что еще такое? – взревел Батыев и кинулся на кухню. – Ты зачем билеты заказывала?.. Почему на тридцатое сентября? Мы же в отпуске в июле были.

– На тридцатое? – удивилась жена. – Какие билеты?

– Смотри!

И тут взгляд Батыева упал на отрывной календарь, что висел над кухонным столом. На календаре была дата – 28 сентября.

– Кто листки отрывает? – еще больше рассердился Батыев. – Кто целый месяц оторвал? Ты совершенно за внуками не следишь!

– Васечке до календаря не дотянуться, – сказала жена, продолжая рассматривать билеты. – Может, ошибка?

– Знаю я, какая ошибка, – догадался Батыев. – Это Карась подстроил.

– Но зачем?

– А вот сейчас приеду на службу, вызову его и уволю! Хватит!

Снизу гуднула машина – пора ехать.

А у Карася в то время были свои неприятности. Он, как встал, полез в гардероб, в свой ящик, достать чистую сорочку. И вдруг пальцы его нащупали на самом дне нечто завернутое в бумагу. Ничего не понимая, Карась вытащил сверток, развернул его. В бумаге была коробочка, на которой было написано по-французски. Это были духи. Почему французские духи лежат под его сорочками?

Карась хотел спросить об этом у жены, но жена уже вошла в комнату и сама увидела мужа с духами в руке.

– Это что такое? – спросила она.

– Я у тебя хочу спросить, что это такое? – искренне ответил Карась.

Разница между супругами заключалась в том, что Карась не помнил, как и почему французские духи оказались в его белье, а его жена была убеждена, что ей-то он никогда бы не купил французских духов. Значит, он купил другой, попался и теперь нагло лжет.

Так что Карась на работу опоздал, и это было плохо, потому что надвигался последний этап борьбы с Батыевым. Не сегодня-завтра в области должны принять решение, а пока надо таиться и не давать злобному, подозрительному Батыеву предлогов для расправы.

Карась добежал до управления, прижимая к глазу холодный пятак, пригнувшись, мелькнул коридором и юркнул за свой стол – справа от стола, за которым уже сидел Кобчиков в черном костюме, что само по себе было подозрительно.

– Батыев не проходил? – робко спросил Карась у Кобчикова, на что сослуживец ответил, что вроде бы только сейчас прошел.

Пронесло, возрадовался Карась. Тут зазвонил телефон, и какой-то пенсионер начал кричать, что у них в доме уже месяц трубу никак не заварят, потоп. Карась обиделся, ответил, что про трубу стало известно только вчера, а пенсионер все кричал: «Вы на календарь поглядите, бюрократы!» Карась поглядел на календарь – на календаре был конец сентября, чего быть не могло, потому что сентябрь только-только начинался. Кобчиков обернулся к соседу по столу и спросил:

– Карась, нам премию за август давали?

Карась понял, что не помнит... А вдруг он духи купил на премию? Но для кого? Неужели для Людмилочки, батыевской секретарши? Но ведь они же договорились тайно, что соединятся в тот день, когда он, Карась, займет это место...

И тут по управлению разнесся жуткий зловещий рык.

В следующее мгновение в комнату ворвалась перепуганная Людмилочка и завопила:

– Карася к Батыеву, на полусогнутых!

Карась хотел перекреститься, но не посмел и потому попросил упавшим голосом Кобчикова:

– Пойдем со мной, а? Ты в месткоме, он при тебе меня съест не посмеет.

Батыев стоял спиной к ним в собственной приемной, перед собственной дверью. К двери была привинчена табличка: «С.

КАРАСЬ». Батыев старался отколупнуть табличку ногтями, но винты не поддавались.

Карась зашатался от страха. Чья-то злая шутка, такая несвоевременная, могла стоить головы.

Кобчиков поддерживал осевшего Карася. Людмила рычала. В двери приемной заглядывали другие сотрудники.

– Я вам гарантирую, – промямлил Кобчиков, – что Карась никогда и в мыслях...

Батыев оторвал табличку, метнул ее в окно, потом полез, глядя на Карася оловянными глазами, в карман за платком. С платком из кармана выпала книжечка. Кобчиков подобрал ее и протянул Батыеву.

– Это еще что? – прорычал тот, раскрывая ее. Прочел, что там написано, выронил книжечку и упал в обморок.

Кобчиков книжечку подобрал. Она была пенсионной книжкой на имя товарища Батыева.

Пока Карася и Батыева откачивали, Кобчиков прошел в кабинет и позвонил в область. И спросил в орготделе, кто у них в Гусяре начальник? И ему ответили, что начальник уже две недели как Карась, а Батыев на заслуженном отдыхе. О чем Кобчиков и сообщил сослуживцам.

Батыева повели вниз, на отдых, а Карась, собравшись с духом, вошел в кабинет, занял место за большим столом и вдруг воскликнул:

– Здесь все мое!

Остальные проверили: в самом деле, на столе были вещи Карася – папка, блокнот, ручки и даже фотография супруги с детьми.

– Кто помнит, как это случилось? – спросил Кобчиков.

Никто не помнил.

А Карась уже пришел в себя и сказал незнакомым, батыевским голосом:

– Попрошу очистить мой кабинет. Работайте спокойно. Кого надо, вызову. А вы, Людмила Иосифовна, оставайтесь.

– Это наваждение... любимый, – сказала Людмила, когда они остались вдвоем.

– Будут тебе духи, – пообещал Карась. – Но не сразу.

Несмотря на то что подобные истории происходили в тот день в разных концах города, во всех домах и учреждениях, порой даже

более трагические или куда более забавные, нежели те, о которых рассказано, жизнь продолжалась. Своим чередом.

Когда впоследствии профессор Минц размышлял, почему же город к вечеру смирился с пропавшим месяцем, он понял, что жизнь, за редкими исключениями, течет однообразно и месяц сентябрь во всем схож с октябрем.

Наиболее лукавые чиновники с тех пор в критических ситуациях ссылаются на объективную забывчивость.

Среди гусярцев была по крайней мере одна персона, которая ни о чем не забыла. Учительница русского языка Алла Степановна по утрам пьет молоко. Так что, когда она пришла в школу и начался урок, первым делом к доске был вызван Максим Удалов. Оказалось, что грамматические правила ему неведомы. Она вызвала в школу Ксению Удалову, и Максим не получил велосипеда на день рождения.

И не огорчился. Он не помнил, что ему был обещан велосипед, а Корнелий Удалов, разумеется, не помнил, что обещал подарить велосипед сыну.

Когда Чапаев не утонул

Удалов с Грубиным шли мимо кинотеатра. Была субботняя первая половина дня, и дел до самого обеда не намечалось. На сеансе 11.30 шел кинофильм «Чапаев».

– Саша, – спросил Удалов, – ты давно это кино смотрел?

– Любимый фильм моего детства, – сказал Грубин. – Тогда еще не было широкого экрана и телевизора. Как бы теперь психическую атаку показали бы!

– А может быть, и не лучше, – сказал Удалов. – Всему свое время.

– Что, купим билеты по десять копеек и пойдем в компании с мальчишками? – спросил Грубин и пошел к кассе.

Перед кассой было пусто. Даже странно, что никто не хотел смотреть такую заслуженную картину.

– Что? – спросил Грубин у сонной кассирши Тони. – Нынешнее поколение детей предпочитает «Семнадцать мгновений»? Так дай же по билету старожилам этого света.

– Дети ничего не предпочитают, – сказала Тоня. – У меня только последний ряд остался.

– А куда же остальные билеты делись?

– А остальные куплены вместе с прошлым сеансом. По два раза, сорванцы, смотрят.

Они вошли в пустое фойе кинотеатра, где за стойкой буфета тосковала пожилая женщина, а по стенам висели поблекшие фотографии наших, советских, кинозвезд из настенного календаря. Купили по пиву, заели бутербродами с голландским сыром. Удалов спросил:

– Ты сколько раз, Саша, эту картину наблюдал?

– «Чапаева» имеешь в виду? Раз десять.

– И я раз пять, – сказал Удалов. – Потом перестал. Очень меня травмировало то, что Чапаев в реке утонул. Я все ждал, может, разок не утонет. А он тонет.

– Таких глупостей я даже в детстве не думал, – сказал Грубин, и тут, видно, утренний сеанс кончился, открылись двери в зал, и оттуда к буфету наперегонки выскочили сто пятьдесят мальчиков и пять

девочек. Все они бежали, зажимая в кулачках мелочь на конфеты и лимонад. Грубину с Удаловым пришлось вцепиться в стол, чтобы их не снесло этим потоком. Дети толкались у стойки, спешили насладиться, прежде чем начнется следующий сеанс.

Один из самых шустрых детей, мальчик лет десяти с лукавым взором и множеством царапин на носу и на щеках, первым успел добыть себе пирожное эклер и стакан лимонада и присел за стол к взрослым.

Ел он быстро и сказал Грубину с Удаловым:

– Вы бы пошевеливались, а то опоздаете.

– До начала десять минут, – сказал Грубин, а Удалов, у которого был собственный ребенок, добавил:

– Так со взрослыми разговаривать не следует, мальчик.

– Ну, как хотите. Не достанется места, и все тут. Я же из лучших побуждений.

– У нас на билетах места указаны, – сказал Грубин.

– Места! – воскликнул мальчишка с пафосом. – Какие могут быть места, когда каждый хочет быть поближе к экрану!

– Чепуха, – сказал Удалов, а Грубин поверил ребенку, одним плотком допил пиво, дожевал бутерброд и сказал Корнелию:

– Я пойду и тебе займу.

Но Корнелий уже спешил за Грубиным. Они отыскивали приличные места, в центре зала, лучше тех, что были положены им по билету. Сели. В зале оставалось много народу. Некоторые из ребят берегли свои хорошие места, другие просто не имели финансов, чтобы сбегать в буфет.

– И вы все это кино по второму разу смотрите? – спросил Грубин у соседа.

– Многие и на третий раз остались бы, – сказал лукавый мальчишка.

– А если фильм шел бы весь день?

– Кое-кто бы остался. Но некоторые бы сбежали, от голода.

– А ты почему такой исцарапанный?

– Кошку дрессировал. А вы чего на эту картину пошли?

– Соскучились по ней, – сказал Грубин. – Захотелось детство вспомнить.

– Нашли чего вспоминать, – сказал мальчишка с презрением. – Я жду не дождусь, чтобы с этим детством покончить.

В зал тем временем влетали из фойе мальчишки и девочки и неслись занимать свободные места. И что удивило Удалова: прямо перед ними, в пятом ряду, пустовало в центре одно место, и никто его не занимал, и даже никто на него не покушался. «Может, стул там сломанный?» – подумал Удалов. И хотел было подсказать одному ребенку, который стоял в проходе с конфетой в зубах, но без места, чтобы он туда шел, как в зале начал меркнуть свет, и тогда последним не спеша вошел невысокий худенький мальчик в очках. Мальчик жевал мороженое, и на него все смотрели с уважением, и для того, чтобы мальчику пройти на его место, все, кто сидел в том ряду, поднялись и посторонились.

– Он, наверное, отличник, – сказал тихо Удалов, глядя на странного мальчика.

– Или большой хулиган, – сказал Грубин. – Самбист.

– Ничего подобного, – сказал лукавый сосед. – Это Тиша Зеленко, он не отличник и не хулиган, но большой человек.

Большой человек опустился на свой стул в середине пятого ряда и сделал движение ручкой, чтобы сидевшие впереди немного раздвинули головы и ему не мешали. И сидевшие впереди раздвинулись, хоть им так сидеть было неудобно.

– А почему он большой человек? – спросил Грубин.

Мальчик Тиша услышал эти слова, обернулся и поглядел на Грубина строго.

Тут свет погас, и начался мультфильм про Чебурашку. Мультфильм все отсмотрели без особого восторга, потому что знали его наизусть и там не было драматических событий. Потом начался сам фильм. Все в нем было как надо. Удалов с Грубиным вспоминали, что, казалось бы, совсем вылетело из памяти, и даже удивлялись, как это они могли забыть такие известные кадры. Зал реагировал на кино, как и было ему положено, – с энтузиазмом, восторгом, а когда надо, и негодованием, а события тем временем шли к своему трагическому концу.

Вот уже отступают чапаевцы, и помощи ждать неоткуда. Вот уже виден высокий обрыв реки Урал, и все ближе наши к этому обрыву. В зале царило молчание, почти бездыханное. «Эх, если бы...» – подумал

Корнелий Удалов, когда Чапаев уже плыл через реку Урал и пули шлепались о воду в непосредственной близости... Сколько раз он смотрел этот фильм и надеялся, что на этот раз Чапаев преодолеет-таки водную преграду, спасут его, придут на помощь...

Но вот чапаевская голова уже скрылась в водах, и Удалов даже непроизвольно прикрыл глаза, чтобы не переживать вновь такой неприятности. И тут в зале поднялся общий детский крик и топанье ногами. «Держись! – кричали дети. – Еще немного! Тиша, давай! Тиша, спасай Чапая!»

– Ого! – сказал Грубин, и в голосе его было такое удивление, что оно заставило Удалова приоткрыть зажмуренные глаза. И он увидел невероятное зрелище: Чапаев вновь показался на поверхности и, хоть был ранен, плыл с трудом, видно было, что на этот раз ему удастся добраться до берега. И навстречу ему уже вбегали в воду товарищи, и почему-то среди них оказались и верный Петька, и Анка-пулеметчица, и даже неизвестно откуда взявшийся комиссар. Дети начали хлопать в ладоши, потом зажегся свет, и никто из зала не вышел, даже самые малыши, пока со своего места не поднялся мальчик Тиша Зеленко, усталый, но довольный. А когда он проходил мимо, то лукавый сосед Удалова сказал ему:

– Сегодня у тебя лучше, чем вчера.

– Вчера не было Анки-пулеметчицы, – ответил Тиша, блеснув очками.

– Слушай, мальчик! – опомнился наконец Грубин, когда Тиша Зеленко покинул зал, сопровождаемый шумной толпой сверстников. – Слушай! – Он схватил за рукав соседа. – Как он это сделал?

– Он не первый раз так делает. Пока Тиша с нами не ходил, Чапаев всегда тонул. А теперь конец хороший. И каждый раз другой.

– Но как он это делает? – спросил Грубин. – Гипноз это, что ли?

– И зачем вы только на детские сеансы ходите? – ответил вопросом мальчик. – Так вы все испортите. Если его мать узнает, скандал начнется! Тиша Зеленко такой образованный! Он все про войну знает – и про Гражданскую, и про Отечественную. У него миллион книг про войну, он чуть было в прошлом году на второй год в пятом классе из-за этого не остался. И потому родители ему запретили ходить на военные фильмы. «Если, – говорят, – про животный мир, про строительство, ходи, развлекайся. Про войну – ни-

ни». А Тиша сильно переживает. Он обязательно будет военным историком. Несмотря на все строгости.

Разговаривая так, они вышли на улицу и шли под летним каникулярным солнцем.

– Как же случилось, что этот мальчик смог конец фильма переделать? – спросил Грубин.

– А может, теперь для детей счастливый конец сделали? – спросил Удалов. – Специально для детских сеансов? Чтобы не травмировать психику?

– Чепуха это, – ответил невежливо мальчик. – Вчера Тишу Зеленко родители дома заперли, нам его выкрасть не удалось. Так утонул Чапаев за здорово живешь. Нет, это все Тишкина работа. Он так это за всех представляет, чтобы Чапаев не утонул, что тот и не тонет. Разве не понятно?

– Понятно, – сказал Грубин задумчиво, потому что у него было развито воображение.

– Непонятно, – сказал с раздражением Удалов, у которого тоже было развито воображение, но которому возмутительна была власть пятиклассника над классическим произведением киноискусства. – А может...

И тут сомнения, одолевавшие Удалова, приняли иную форму. Тут он подумал, что, может, все куда проще, чем кажется. Может, зря они поддаются шуткам малышей, может, Чапаев вовсе и не погиб? А только в кино это так изобразили?

– Удалов, – прервал течение мыслей друга Грубин, – надо нам с мальчиком Тишей обязательно побеседовать. Это же явление психологического порядка и первостепенного значения. Наука не может игнорировать.

– Ах да! – спохватился Удалов. – Конечно. Только я в это мало верю. Это какой-то фокус.

– Только Тихон с вами разговаривать не будет, – сказал мальчишка. – Он мамашу свою боится. Вдруг она узнает, чем он в кино занимается. Он же обещал родителям за ягодами в лес пойти.

– Мы его не выдадим. Слово, – сказал Грубин. – Но интересы науки твой Тиша должен учитывать.

– Попробую, – сказал мальчуган и побежал за Тишей.

Минуты через две он Тишу привел. Тот был скучен и говорил нехотя. Не верил он в науку, опасался родительского гнева.

– Мальчик, – сказал Удалов ласковым голосом, – ты что в кино наделал?

– Ничего не наделал, – сказал Тиша. – Смотрел, как все.

– А кончается картина как?

– Кончается тем, что Чапаев реку переплыл.

– Ага. А потом что с ним стало?

– Потом он в боях погиб. При штурме Перекопа. Он уже корпусом там командовал.

– Лживый ребенок, – сказал Удалов вполголоса. – Нечего нам с ним делать.

– погоди, – сказал Грубин. – Так не пойдет. Я тебе даю слово, как исследователь исследователю. Ни слова родителям, ни слова в школе. Но у тебя такие способности, что они представляют интерес. Есть у меня одна книга. «Жизнеописания российских фельдмаршалов». Издана она сто с лишним лет назад. В ней биографии, которых ты нигде больше не встретишь. Хочешь ли ты ее получить задаром?

– Хочу, – сказал мальчик.

– Тогда ты мне должен оказать содействие.

Удалов вздохнул. Не одобрял он этой мистики.

– Спрашивайте, – сказал Тиша Зеленко совсем как взрослый. – Только где гарантия, что я эту книгу получу?

– Мое слово, – просто ответил Грубин, и мальчик ему поверил. – Скажи, как тебе удастся оказать влияние на кино? Ты гипнозом действуешь?

– Нет, что вы! – сказал мальчик. – Я просто очень хочу, чтобы Чапаев не утонул. Так сильно хочу, что просто ужас. И все ребята хотят. Вот он и не тонет.

– Но ты каждый раз новый конец делаешь?

– Немножко. Сегодня я про Анку-пулеметчицу вспомнил. Чтобы она участвовала. А в прошлый раз Чапаева из воды комиссар вытащил.

– А позавчера Петька за ним нырнул, – сказал мальчик.

– Так, – задумался Грубин. – Раз ты такой феномен, будем тебя испытывать. Что дальше в кино идет?

– Детектив, – подсказал собеседник. – Про одного филателиста...

– Отлично, – сказал Грубин. – Вот мы сейчас все и проверим. Сеанс еще не начался?

– Вот-вот начнется.

– Удалов, беги за билетами! На всех.

– Четыре братья?

– Четыре бери.

– А меня дома ждут, – сказал Тиша, которому хотелось пойти на детектив.

– Я скажу твоей маме. Сам скажу, – обещал Грубин.

Так они вчетвером оказались в кино. На этот раз в зале сидели и взрослые, шума не было, все переживали сдержанно.

– Ты знаешь, чем кончится? – спросил шепотом Грубин у лукавого мальчика.

– Знаю. За этим длинным будут гнаться по крышам, он упадет прямо в бетон. Я уже три раза смотрел, я все новые кино смотрю.

– Отлично, – сказал Грубин. – Слушай, Тиша. Ты можешь захотеть, чтобы он не погибал в бетоне?

– Зачем? – удивился Тиша. – Туда ему и дорога.

– Нет, все-таки он живой человек, его еще перевоспитать можно, новую жизнь начнет. Спасем его, а? Если спасешь, книга твоя.

– А вы же так обещали?

– Да, если ты науке поможешь.

Грубин был нежадным человеком, книгу он все равно бы отдал, но требовались дополнительные методы воздействия. Если этот мальчик мог переделать видимый мир силой своей недетской воли, то он должен был захотеть это сделать.

Тиша вздохнул и сосредоточился. Блестел очками, глядел в экран.

Началось самое драматическое в фильме. Длинный бегал по крышам, а за ним бегали преследователи.

– Ну! – почти крикнул Грубин, когда герой фильма пошатнулся, готовясь погибнуть на глазах у зрителей. Тиша весь напрягся, подался вперед.

Длинный балансировал на краю крыши, вот-вот упадет.

Побалансировал и благополучно свалился в яму с жидким бетоном.

«Может, еще вынырнет», – подумал Грубин.

Но тут кадр сменился, началась сцена на другую тему. Вышли из кино молча. Тиша чувствовал себя виноватым, про книгу даже не упоминал. Удалов с облегчением вдыхал свежий воздух. Он устал развлекаться. Грубин был расстроен провалом эксперимента, но полагал, что отрицательный результат – тоже результат.

– Что же, до свидания, – сказал Тиша. – Спасибо за кино.

– Постой, – остановил его Грубин. – Зайдем ко мне, книжку возьмешь.

– Да я же не оправдал, – сказал мальчик совсем как взрослый.

– Слово надо держать, – сказал Грубин. – Ты все-таки принял участие в эксперименте. Зато мы теперь знаем, что ты к этому явлению с Чапаевым, наверное, не имеешь отношения.

– Не имею, – согласился мальчик.

– И, может даже, это явление было кажущееся.

– Конечно, – сказал мальчик.

Грубин взял расстроенного ребенка за руку, так они и дошли до дома. Грубин вынес ценную книгу и распрощался с Тишей Зеленко, который поспешил домой, чтобы получить заслуженное наказание за столь долгое отсутствие.

– Так что же это было? – спросил Удалов, прощаясь с Грубиным.

– Сдвиг в психике при массовом воздействии, – сказал Грубин, но эти слова ничего не значили и ничего не объясняли.

На следующее утро было воскресенье. Удалов поднялся поздно, в домино играть не хотелось, в гости было рано. Спустился к Грубину. Того дома не было. Куда-то ушел с утра. Удалов отправился гулять один и незаметно для себя вновь оказался перед кинотеатром. Было около одиннадцати. Сеанс девятичасовой еще не кончился, до следующего было далеко. И тут Удалов понял, что там, в зале, картина подходит к концу. И вроде бы какое дело Удалову до этого, но стремление увидеть еще раз конец и выяснить, что же случилось с полководцем – потонул он все-таки или выплыл, одолело Удалова. И он подошел к окошку кассы и уговорил кассиршу дать ему билет на сеанс, который начался больше часа назад. Кассирша очень удивилась, билета давать не хотела, но Удалов объяснил ей, что его сын там сидит, а его надо извлечь наружу, потому что бабушка из деревни приехала.

Удалов вошел в зал и встал сзади, у стенки. Картина подходила к концу. Уже беляки напали на штаб дивизии. Вот уже отстреливаются из последних сил защитники штаба. Вот близка река. В зале творится что-то неопишное. Уж очень ребята переживают за полководца. А он плывет через реку Урал, и пули шлепаются в воду совсем близко... И утонул Чапаев. Хоть и кричали ребята, переживали. Утонул. Никто не смог его спасти...

Зажгли свет. Удалов со всеми пошел к выходу. Не к выходу на улицу, а к выходу в буфет. Там он постоял в очереди за пирожными, выпил стакан лимонада и понял, что надо идти домой. Фокус не удался. Видно, у него нервы растрепались. И Чапаева жалко было.

Но домой Удалов не пошел. Удивительно, он сам не мог бы объяснить почему, но он вернулся в зал, устроился в последнем ряду, чтобы никто его не видел, и поглядел вперед. Место в пятом ряду пустовало. Не было сегодня мальчика Тиши.

И вдруг Удалов услышал тихий голос:

– Корнелий, ты что здесь делаешь?

Вот странно! В последнем же ряду за колонной сидит Грубин.

– Ты давно здесь?

– Первый сеанс отсидел. А ты?

– Конец только видел.

– А Тишка не приходил?

– Нет, не приходил.

И тут в двери в окружении ребят появился Тиша. Шел он быстро, склонив голову, под мышкой держал книжку про фельдмаршалов и на укоры и попреки друзей говорил:

– И ничего у меня не получится. Меня вчера научно проверили. Нет во мне таких способностей.

– Мы тебе поможем, Тишка, – говорили ребята. – Ты не дрейфь.

Тишка обернулся, разыскивая кого-то глазами. Удалов испугался, что его, и нырнул под стул. И увидел совсем близко от своей головы трепаную шевелюру Саши Грубина. Оказывается, тот тоже не хотел попадаться на глаза ребенку. Так они и просидели, пока не зажегся экран.

– Как ты думаешь, получится? – спросил Удалов Грубина, когда Чапаев на экране рассказывал о тактике с помощью картофелин.

– Не думаю, – сказал Грубин. – Не всегда можно вот так, руками, в душу лазить и подвергать все исследованию. Наверное, мы что-то погубили.

– Значит, ты веришь, что было?

– Верю.

Дальше они сидели молча. А когда настали последние минуты в жизни Чапаева, все ребята в зале начали кричать: «Держись, Василий Иванович! Еще немного осталось!» А другие кричали: «Тишка, давай!» И в этом крике раздался тонкий и грустный голос: «Не могу, ребята!» – «Давай-давай! – кричали другие. – Спасем Чапая!»

А тем временем голова полководца уже скрылась под водой, уже взяли враги верх над героем, и в зале поднялся вой, рев, шум, и Тиша даже привстал, а Грубин и Удалов, которые незаметно для себя орали вместе со всеми Тишке, чтобы он постарался, заметили, как Тишка поднял кулачки, борясь с тяжелой правдой киноискусства, и тогда голова Чапаева поднялась снова на поверхности, навстречу Чапаеву с берега кинулись его друзья и соратники. И вытащили его на мелкое место. Чапаев остался жив.

Удалов с Грубиным подождали, пока все выйдут из зала. Удалов хотел было подойти к мальчику и укорить его за то, что вчера он себя не проявил, а сегодня вот проявил, но Грубин остановил его и сказал:

– Не лезь, Корнелий. Тут все сложнее, чем просто эксперимент. Понимаешь?..

Сны Максима Удалова

Обстановка была на вид непринужденной. Ксения Удалова взяла себе шапку из мохера, Корнелий Иванович с Грубиным смотрели по телевизору хоккейный матч, а Максимка готовил уроки и одним глазом следил за экраном. Но за внешним спокойствием этой картины скрывались бурные страсти. Аутсайдер выигрывал три шайбы у без двух минут чемпиона, а до конца игры оставалось восемь минут. Если так будет продолжаться, то удаловский «Спартак» получает реальные шансы, а грубинские без двух минут чемпионы остаются ни с чем. Удалов ломал пальцы, а Грубин теребил кудри. Друг друга они в этот момент не любили.

– Нет, – сказал Удалов, – так быть не может. Такого счастья не бывает.

И посмотрел на часы.

– Все бывает, – ответил Грубин. – Ксения, ты нам чайку не поставишь?

Грубин старался владеть собой.

– Не бойся, дядя Саша, – сказал Максимка. – Победа будет за чемпионами. Сейчас они пять безответных загонят.

– Уроки делай! – взъелся на сына Удалов. – Не то в другую комнату выгоню.

– Гони не гони, – ответил Максимка, – а дядя Саша будет спать спокойно.

В этот момент чемпионы загнали первую безответную.

Удалов встал, подошел к столу, за которым сидел Максимка, и, взяв одной рукой его за ухо, а второй захватив тетрадь и учебник, повел сына вон из комнаты. Максимка не сопротивлялся.

– Что делать, – сказал он, – Джордано Бруно тоже на костре сожгли.

– Начитался, – заметила Ксения. – Теперь отцу грубишь.

В этот момент чемпионы отквитали еще одну шайбу. Удалов забыл о дерзости сына и бросился обратно к телевизору, чтобы своим присутствием как-то остановить неблагоприятное развитие событий. Он с отчаянием плядел на экран и подсказывал хоккеистам

правильные действия, а хоккеисты-аутсайдеры его совершенно не слушались, растерялись и начали допускать такие ошибки, что комментатор был вынужден сделать строгий выговор за малодушие.

Матч закончился победой чемпионов с перевесом в две шайбы. Грубин мог торжествовать, но ему хотелось чаю, и он отложил торжество на следующий раз, потому что его друг Корнелий был вне себя от гнева.

Разлив чай по чашкам, Ксения позвала сына.

– Чай будешь пить, горе луковое?

«Горе луковое» несмело возникло в дверях. На лице его блуждала торжествующая ухмылка.

– Иди уж, – сказал отходчивый Корнелий Иванович. – Как ты догадался?

– А я во сне видел, – заявил ребенок, усаживаясь за стол.

– Бывают совпадения, – согласился Грубин.

– А я во сне видела, – сказала Ксения, – словно по нашей улице слон идет.

– Ну и что? – буркнул Удалов.

Он вспомнил, что «Спартак» лишается шансов, и снова помрачнел.

– А то, что картошка сегодня крупная в магазине была. Пять штук на кило. Слоны, а не картошка.

– Так ты во сне именно этот матч видел? – спросил Грубин.

– А какой же? Даже удивился: как во сне, пять шайб за семь минут.

– Врет, – сказал Удалов.

– Я еще не такое могу увидеть, – ответил Максимка. – Я один раз, в том месяце, пятерку себе по контрольной увидел.

– И получил? – спросил Корнелий Иванович. – Что-то я такого праздника не помню.

– А я в тот день мороженым объелся, температура поднялась, и я дома остался. А то бы обязательно получил. Если я что увидел, считай, сделано.

– Ох! – сказал Удалов.

– Корнелий! – остановила его руку Ксения. – А ты, Максим, допил – уходи. Видишь, отец не в духе.

Дня через два Грубин стоял утром во дворе, снимал с веревки свои высохшие холостяцкие вещи, а мимо бежал в школу Максимка Удалов.

– Дядь Саша, – обрадовался он, увидев соседа, – а я сон видел.

– А кто сегодня играет? – не удивился Грубин, который давно уже привык не удивляться необычным вещам и событиям, потому что жизнь в городе Великий Гусляр – самая главная неожиданность, которая может случиться на свете с человеком.

– Нет, не про хоккей, – сказал Максимка, – а про старика Ложкина.

– Так что же сделает старик Ложкин?

– Его в милицию заберут за хулиганство, – сказал Максимка. – Смешно, правда?

– Ох, твое счастье, – сообщил Грубин, – что это ты мне рассказал, а не кому еще.

– Что же я, не понимаю, кому рассказывать? Мне тоже своя рубашка ближе к телу.

Максимка иногда бывал не по годам рассудителен.

– И все-таки, – заметил Грубин, – мог бы кого иного выбрать для своих шуток. Старик Ложкин сам кого хочешь в милицию отведет. Он же первый друг закона и порядка.

– Вот и смешно, – сказал Максимка. – Ну, ладно, я в школу пошел, у нас сегодня литература первая, а я плохо стихи запоминаю.

Вечером, часов в шесть, старшина милиции Пантелеймонов ввел во двор старика Ложкина. Ложкин стеснялся неожиданной скандальной славы, отворачивался от взглядов и возгласов соседей и делал вид, что ведут вовсе не его, а кого-то другого.

Старшина Пантелеймонов вел за собой ложкинский велосипед с погнутым передним колесом.

– Матрена Тимофеевна! – воскликнул он, становясь посреди двора. – Принимай своего хулигана.

– Что такое, что такое? – Старуха Ложкина высунулась по пояс из окна на втором этаже. – Быть этого не может.

– Ну зачем вы так, – сказал Ложкин милиционеру укоризненно. – Люди же смотрят.

– А это и есть гласность закона, – сказал старшина. – И профилактика.

– Чего он натворил-то? – спросил Корнелий Удалов. – Может, на поруки брать пора?

– Нет, мы его так отпустим, – сказал Пантелеймонов. – Он на козу на велосипеде наехал, травму ей нанес, а потом скрылся с места происшествия. Пришлось чуть ли не городской розыск объявлять, да хорошо, что свидетели нашлись. Теперь будет штраф платить.

– Нечего козам на проезжей части делать, – пробурчал Ложкин. Но тут выбежала из дома его жена, приняла старика с велосипедом, а старшина Пантелеймонов ушел.

На следующий день Грубин без особого дела ошивался с семи часов во дворе, ждал, когда Удалов-младший пойдет в школу.

– Поджидаешь, дядя Саша? – спросил лукавый мальчуган. – А говорил, что Ложкина арестовать нельзя.

– Оказывается, можно, – сказал Грубин. – Так что ты сегодня во сне смотрел?

– Не беспокойся, – сказал Максимка. – Тебя не касается.

– Но интересно же с научной точки зрения.

– Какая же может быть научная точка зрения на Ваську Борисова? – удивился Максимка.

– Так что же будет с Васькой Борисовым?

– А ничего, – сказал Максим и пошел к воротам.

– И не мечтай. – Грубин в два шага обогнал молодого человека и вынул из кармана яблоко «джонатан».

Максимка улыбнулся:

– Угостить хотите? Так я уже завтракал.

Он ловко обогнул Грубина и продолжил путь к воротам, но потом сжалился и сказал:

– Кидайте яблоко. Ваську Борисова по английскому вызовут, а он будет стоять и глазами хлопать. Так ему и надо... отличнику.

Грубин довольно долго стоял посреди двора и думал. Он уже почти не сомневался в том, что неизвестный ему Васька Борисов сегодня из школы без двойки не уйдет. Но как объяснить странное явление природы, проявившее себя в скромном доме № 16 по Пушкинской улице? Ведь чудес не бывает, сказки также в большинстве случаев оказываются ложью или имеют под собой естественное основание. А что делать с вещими снами?

Грубин обратил внимание на то, что окно в квартире профессора Льва Христофоровича Минца, временно проживающего в городе Великий Гусяр, распахнуто. Перед окном профессор делал утреннюю зарядку.

– Лев Христофорович, – спросил Грубин, – как бы вы объяснили вещие сны?

– Вещих снов не бывает, – сказал профессор Минц, и тут же голова его исчезла за подоконником, потому что он сделал приседание.

– Теоретически, – сказал Грубин. – Чисто теоретически. Если бы вещие сны были...

– Рассмотрим, – голова профессора возникла вновь, – теоретическое предположение.

Голова исчезла. Грубин ждал.

– Все ясно, – сказал профессор, закончив упражнение. Он глубоко дышал, разводил руки в стороны. – Я бы – ух – сказал – ух, – что мы имеем дело – ух – с временным сдвигом – ух. Понятно?

– Нет!

– Субъективное время при вещем сне движется быстрее, чем объективное. – Профессор растирал себя махровым полотенцем, и луч весеннего солнца ослепительно отразился от его потной лысины. – Субъект во время вещего сна движется по оси времени поступательно и, естественно, заглядывает в будущее. Затем просыпается и возвращается в обычное состояние. Проще пареной репы. Когда-нибудь напишу об этом статейку. Практического значения не имеет, но парочку интересных уравнений я в этом усматриваю. Спасибо, Саша.

– И никакого практического значения?

– Ровным счетом никакого.

Профессор исчез – ушел готовить себе завтрак, а Грубин чуть нахмурился. Он не стал говорить Льву Христофоровичу о своем открытии – победила свойственная Грубину деликатность. Не хотелось ему раньше времени травмировать ребенка, подвергать его излишнему вниманию науки. Вместо этого Грубин направился к Корнелию Удалову, чтобы поговорить с ним как с отцом феномена.

Отец феномена как раз спускался по лестнице, направляясь в контору. Грубин сказал:

– Я провожу тебя, Корнелий.

Корнелий удивился, но возражать не стал.

Когда друзья вышли на улицу, Грубин сказал:

– Что будем с Максимкой делать?

– Опять чего набедокурил? – Удалов встревожился – неужели с раннего утра неприятности по семейной линии?

– Я о том, что ему снится, – сказал Грубин.

– Как он про хоккей угадал?

– И другое. Я тебе должен глаза открыть. Вчера утром он мне неприятность с Ложкиным предсказал. Включая милиционера...

Друзьям бы обернуться, посмотреть, не идет ли кто сзади. Ведь беседа не предназначалась для чужих ушей.

Но они были так увлечены, что не заметили старуху Ложкину, которая все услышала и примчалась домой в заметном озлоблении.

– Николай, – заявила она, – все твои вчерашние несчастья были подстроены.

– И без тебя знаю, – сказал Ложкин. – Кто, кроме моих врагов, мог так умело козу на проезжую часть выпустить? Я вот сейчас сижу и думаю: кто? Может, наш бывший старший бухгалтер?

– Нет, не старший бухгалтер, – сказала Ложкина. – А твои дорогие соседи Удаловы.

– Ну чего ты мелешь? Они даже козы не имеют. Не говоря об отсутствии на месте события.

– Нет, не все Удаловы, хотя не исключаю, что все, а Максимка. Хулиган малолетний. Он во сне подсмотрел и повлиял. Понимаешь?

– Нет, – сказал Ложкин, – не понимаю. Этого никто в здравом рассудке не поймет.

– Так слушай, я сама только сейчас узнала. Удалов с Грубиным обсуждали. Грубин говорит, что научное событие, а Удалов грозится – выпорю.

– Ему лучше знать. Продолжай.

– Значит, Максимка во сне подсмотрел, как тебя с милицией и позором домой приведут. Заранее.

– Заранее? И не предупредил? Ну, соседи...

И вечером, дождавшись, когда семья Удаловых собралась вместе, Ложкин, накопивший за день солидный запас гнева, ворвался к ним с официальным заявлением.

– Я все знаю! – вскричал он. – Чему сына учишь?

Удалов сразу почувствовал неладное, вскочил из-за стола и стал приглашать Ложкина к чаю, но тот был неумолим. Чего он хотел, не сразу стало понятно, но, когда Удалов наконец разобрался в сбивчивых речах соседа, он внутренне содрогнулся.

– Нет! – воскликнул он. – Никогда. Не позволю ребенка калечить!

– Тогда я к общественности обращусь, – сказал Ложкин. – Общественность тебе покажет, как ребенка использовать в целях опорочивания честных пенсионеров.

– Послушай, Ложкин. – Удалов пытался вытолкнуть соседа грудью в коридор. – Максимка еще ребенок. Разве можно? А вдруг ему это психическую травму нанесет?

– Не нанесет.

– Вы о чем там? – спросила Ксения.

– Сейчас скажу ей, – прошептал Ложкин. – Тогда не выкрутишься. Соглашайся!

– Нет.

– Пап, – послышался спокойный голос феномена. – Я все слышал.

– А ты, стервец... – И тут Удалов осекся. Сын Максимка, еще вчера особых надежд не подававший, сегодня приобрел новое качество. И вроде он сын Удалову, и вроде бы уникальное, самостоятельное явление. И уже не потаскаешь его за ухо и не дашь ему подзатыльник – совестно перед мирозданием.

– Попробуем, – сказал Максимка. – Мне не жалко. Только чтобы завтра в школу не ходить.

– Максимушка, голубчик, – засуетился старик Ложкин, – да я тебе сам справку напишу, письмо твоему учителю сделаю.

– Ну, постараюсь, – сказал Максимка. – Телевизор досмотрю и постараюсь.

Тут Ксения Удалова не выдержала. Вышла к мужчинам в прихожую.

– Что за дела? – спросила.

– Сейчас, кисонька, сейчас, миленькая, – сказал Удалов слишком ласковым голосом. – Расходимся.

– Расходимся, – поддержал его Ложкин. – Сыночка твоего похвалить я приходил. Такой мальчик растет, сердце мое стариковское

радуется. Приятно сознавать, что наша смена достойна наших дел и дел наших отцов, включая дедов...

Удалов вошел в комнатку, где стояла кровать сына.

За перегородкой возилась, укладываясь спать, Ксения.

– Не спишь? – спросил он.

– Собираюсь, – сказал Максимка. – Ты мне инструкции повтори.

– Может, не будем?

– Давай, папа. Ты его знаешь. Не отвяжется. Ты не представляешь, сколько он у наших ребят мячей отобрал.

– Ну, значит, постарайся, сынок, думать о том, как придет завтра к нам во двор милиционер и при всем народе реабилитирует старика Ложкина. Скажет, что не виноват он в наезде на козу... Даже думать противно, какими тебе вещами с детства заниматься приходится.

– Ничего, папа, я постараюсь это во сне увидеть, – успокаивал отца мальчик. – Мне уже приходилось. Вот ты, наверное, думаешь, что Васька Борисов просто так пару по английскому схлопотал? Нет, я специально об этом вечером думал. Вот, думаю, неплохо бы Ваське Борисову пару по английскому схлопотать. Очень уж он задается. Ну и что, если отличник, разве задаваться нужно? Ты меня понимаешь?

– Понимаю, сынок.

– Я тут подумал, папа, и решил, что надо мне пользу людям приносить. Ну, старик Ложкин, конечно, исключение, и на козу он без моей помощи наехал. А вот тебе бы я мог помочь.

– Как же ты бы мне помог?

– Еще не придумал. Придумаю – обязательно скажу. Может, ко дню рождения подарок... Ну, чтобы поймал ты щуку в десять килограммов.

– Таких щук в нашем озере давно не осталось. Выловили.

– Я подумаю. Ну, что бы тебе, папа, больше всего хотелось?

– Как что? Ясное дело, квартальный план выполнять.

– Какой это квартальный план?

– Не надо, – прошептал Удалов. – Не думай об этом, сынок.

– Ты не беспокойся, папа. Мне нетрудно. Я эти сны как орехи щелкаю.

Удалов нахмурился. И в самом деле несправедливо, что его родной сын помогает вещими снами довольно склочному старику,

который заслуженно должен платить штраф за травмированную козу, а у его отца план горит. Но забота о здоровье сына пересилила.

– Нет, – сказал Удалов. – Ты мне не поможешь. Здесь никто не поможет. У меня дом стоит в лесах, до третьего этажа леса, а на пятый этаж лесов не хватает – лесопилка подвела. Понимаешь? Но ты лучше о козе думай. Чтобы она пришла. То есть не так думай, ты о Ложкине думай, о милиционере Пантелеймонове думай, а о лесах на доме ты не думай и о квартальном плане тоже не заикайся...

Удалов не заметил, что глаза его сына смежились, дыхание стало ровным. Он еще некоторое время бормотал, разрываясь между надеждой и жалостью к ребенку. Потом махнул рукой и ушел к себе.

А утром Удалов проснулся от странного шума за окном. Люди выбегали со двора, бежали по улице, взмахивали руками, куры кудахтали, собаки лаяли, мотоциклы ревели.

– Что случилось? – закричал Удалов из окна. – Может, космический корабль спустился? Или бананы в овощной магазин завезли?

Но никто ему не ответил.

Удалов кинул взгляд на мирно досыпающую семью и метнулся на улицу, за народом.

Человеческий поток нес Удалова через центр города, к району новостроек.

И там центром притяжения гусярцев возвышалось сооружение странного вида. Возвышалось оно точно на месте, где вчера еще находился пятиэтажный кирпичный дом, завершение которого срывалось из-за отсутствия строительных лесов.

Бывший дом являл собой скалу, густо обросшую лесом. Лес был необычный для природных условий города – в нем соседствовали сосны, финиковые пальмы, липы и дубы, бамбуки и растения вовсе невиданные. Так как деревья росли не только наверху, но и из стен дома, некоторые стволы тянулись параллельно земле, и дом был схож с гигантским ежом.

Но еще удивительнее для зрителей было то, что в густых лесных зарослях на вершине недостроенного дома стояла белая коза и занудно, пронзительно, как испорченная пластинка, повторяла:

– Николай Ложкин невиновен!

Жильцы

Грубин изобретал объемный телевизор.

В свое время он создал обыкновенный, потом собрал цветной, когда их еще не продавали в магазинах. Тот, цветной, показывал во всем великолепии красок любую черно-белую программу.

А теперь ему хотелось создать объемный. В любом случае это дело недалекого будущего, лет через десять-пятнадцать такой можно будет приобрести в кредит в любом специализированном магазине. Так чего же ждать?

Полгода Грубин трудился. Все свободные деньги он тратил на транзисторы, провода и кристаллы, соседи трижды жаловались в милицию – дышать невозможно из-за постоянных утечек инертных газов, спать трудно из-за ночных взрывов, к тому же часто перегорают пробки. Грубин оправдывался, спорил, сопротивлялся, но не уступал.

Профессор Минц, сам значительный ученый, спустился как-то к Грубину на первый этаж и сказал:

– Саша, я специально проглядел всю доступную литературу. На нынешнем уровне науки эта проблема практически неразрешима.

Минц стоял посреди комнаты, по пояс скрытый отвергнутыми моделями, схемами, поломанными деталями, инструментами, изоляционными материалами. Грубин отмахивался паяльником и возражал:

– Кто-то должен изобрести первым. Вы уперлись в невозможность и верите в нее. Я не верю и изобрету.

– Дело ваше, – вздохнул профессор Минц. – Я все-таки оставляю вам последние журналы по этому вопросу. Посмотрите на досуге. Куда положить?

– Куда хотите. Вряд ли я буду их читать. Вы думаете, что Галилей читал в журналах статьи о том, что Земля не вертится?

– Тогда не было журналов. Но я полагаю, что он был широким и любознательным ученым.

– Нет, не читал, – не слушая профессора, продолжал Грубин. – Он с детства знал, что Земля не вертится. Ему хотелось доказать обратное.

Минц все-таки оставил журналы. Он полагал, что Грубин кокетничает. Пахло паленой изоляцией.

Вечером того же дня Грубин демонстрировал частичные успехи соседу и другу Корнелию Удалову. Изображение на экране двоилось и было нечетким. Но порой казалось, что часть экрана заметно вспучивается, выгибаясь в комнату. Тогда Удалов говорил:

– Гляди, объем!

– Вижу, – отвечал Грубин. – Значит, в принципе достижимо. Главное – не читать тех самых статей.

Беда была в том, что объемной могла становиться, к примеру, рука диктора, или галстук, или, наконец, один из этажей дома. За счет выпуклости в экране образовывалась впадина. Электронные трубки не выдерживали и лопались.

– Одолжи сотню, – сказал Грубин. – Я на мели.

– Ты же знаешь, – сказал Удалов, – Ксения уже прячет от меня деньги.

Но опыты продолжались. В начале ноября Грубин позвал Удалова поглядеть на очередное достижение. Диктор, читавший последние известия, наполовину вылез из экрана. Тут он прервал речь и оглянулся по сторонам, словно понял, что попал в другую комнату. Удалов приблизился к экрану и заглянул сбоку. Нос диктора был вне телевизора.

– Саша, – сказал Удалов, – какая же это объемность? Он в самом деле наружу вылез.

– А ты чего хотел?

– Должно только казаться.

– Вот тебе и кажется.

– Да ты встань на мое место, погляди!

– Чего глядеть? Уж нагляделся. Настоящая объемность должна быть со всех сторон.

Тут раздался взрыв, и трубка разлетелась на куски. Никто не пострадал. Удалов ушел ужинать.

Окончательная победа пришла к Грубину вечером в пятницу, когда не перед кем было похвастаться. Все ушли в кино.

Грубин включил первую программу. Показывали балет. Видно было, как далеко вглубь уходит сцена, как оттуда набегают на Грубина

балерины. Одна с разбегу выскочила за рамку, но, видно, сообразила, что падает со сцены, ухватилась за край и перемахнула обратно.

Эпизод с балериной так взволновал Грубина, что он выключил телевизор и задумался. Ведь он мечтал о полной объемности изображения и добился своего. Но возник побочный эффект: для тех, кто был внутри телевизора, комната Грубина тоже казалась реальным миром. Балерина побывала вне экрана, но смогла вернуться.

Надо бы пойти к Минцу посоветоваться, какова физическая основа этого явления. Но Минц все поставит под сомнение, привлечет авторитеты и в результате докажет, что этого быть не может.

Значит, надо убедиться самому.

Грубин положил перед экраном подушку, чтобы чего не случилось, и снова включил телевизор.

Балет кончился. Показывали цирк. Элегантная дрессировщица в блестящем наряде ходила в глубине экрана и погоняла палочкой крупных животных – тигра, льва и медведя. Животные прыгали с тумбы на тумбу, рычали и становились на задние лапы. Дрессировщица никак не подходила к краю экрана, звери тоже оставались вдали. Грубин опечалился – дрессировщица ему понравилась. На мгновение ему пригрезилась судьба Пигмалиона, который изваял скульптуру и полюбил ее. Если бы дрессировщица вышла из телевизора, она бы осталась на некоторое время здесь и Грубин узнал бы, как ее зовут. За грезами он упустил момент, когда дрессировщицу начали снимать другой камерой и она оказалась к Грубину спиной.

Лев надвигался на женщину, а она, отступая, как бы манила зверя за собой. Грубин потянулся к телевизору, чтобы выключить его. Он был согласен на дрессировщицу, но не терпел дома львов. Но выключить телевизор он не успел: в тот момент, когда его рука прикоснулась к кнопке, дрессировщица оступилась, споткнулась о край экрана, и лев, почуяв ее мгновенную слабость, прыгнул, скотина, на свою повелительницу. Дрессировщица сделала еще один быстрый шаг назад, конечно, не удержалась, с высоты рухнула на подушку у экрана, а за ней стрелой вылетел лев... И тут же трубка лопнула, посыпались осколки стекла, в телевизоре что-то зашипело, шипение передалось на громоздкую приставку, занимавшую чуть не половину комнаты, послышался треск, и стало темно – перегорели пробки.

Грубин ощупью выбрался из комнаты и, взяв в привычном месте свечу и спички, полез чинить пробки. Хорошо, что никого нет дома. Еще вчера Ксения Удалова предупреждала: «Пережжешь еще раз, Саша, добьюсь, что тебя выселят из дома, жизни не пожалею на это доброе дело».

Взбираясь на стремянку, Грубин краем уха прислушивался к тому, что происходит в его комнате. Разумеется, он понимал, что вся история с объемным изображением – кажущееся явление, но все равно встречаться со львом не хотелось.

Свет загорелся. Грубин не спеша слез со стремянки, потушил свечу и с минуту постоял перед своей дверью.

– Ну, – сказал он сам себе, – пошел, изобретатель.

Он приоткрыл дверь на сантиметр. Внутри было тихо и пусто. Как и следовало ожидать. Ни девушки, ни льва. Грубин подошел к телевизору и опечалился, потому что для продолжения опытов придется покупать новую трубку, а денег нет и занять не у кого.

Подушка перед экраном была завалена осколками трубки. Чем-то эти осколки напомнили Грубину новогоднюю елку. Он подумал, что на подушке придется спать, потому взялся за угол ее, чтобы стряхнуть осколки на пол, но тут его взгляд упал на нечто цветное. Грубин приподнял крупный осколок и увидел, что на подушке лежит дрессировщица – без чувств, ростом с цыпленка. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Ведь на экране все фигурки очень маленькие и естественные человеческие размеры – плод воображения зрителей, а если телевизионное изображение выпадает из экрана, то оно должно быть меньше экрана.

Осознав это, Грубин оглянулся в поисках льва. Хоть лев был размером с крысу, по характеру он остается львом. Льва не было видно.

Дрессировщица лежала на подушке, очень похожая на настоящую. Грубину захотелось снова включить телевизор и поглядеть, осталась ли дрессировщица на арене или тигр с медведем бегает без присмотра?

Грубин осторожно потрогал дрессировщицу пальцем, чтобы понять, пройдет ли палец насквозь или нет. Палец не прошел. На ощупь дрессировщица была теплой и упругой. От прикосновения она открыла глаза. Глаза были темные.

– Ну, не ожидал, – сказал ей Грубин с некоторой укоризной. И в самом деле он ожидал иного. Если уж объемность оказалась такой реальной, лучше бы дрессировщица была ростом побольше.

Дрессировщица показалась Грубину совсем молоденькой. Даже странно, что в таком возрасте ее доверили хищникам.

– Ну, что мне с тобой делать? – спросил Грубин.

Девушка открыла рот, но никаких звуков не получилось. Девушка заплакала, но беззвучно, словно звук выключили. В дверь постучали.

– Кто? – спросил Грубин.

Вместо ответа раздался крик.

Грубин обернулся. Удалов с побелевшими от ужаса глазами стоял в дверях, приподняв ногу, в которую вцепилось небольшое желтое животное.

– Не бойся, – сказал Грубин, – это лев.

Дрессировщица рыдала, а Грубин думал, как бы ей объяснить, что все обойдется... Вдруг она иностранка, гастролирует у нас? А вдруг начнется международный скандал?

– Какой еще лев? – возмутился Удалов, размахивая ногой, чтобы стряхнуть хищника. Хищник отлетел по дуге в сторону и исчез в груди бракованных транзисторов. – Ты чего крыс развел? Ты представляешь, если Ксения узнает?

– А ты ей не говори.

– Нельзя. Она все равно узнает. Я конспиратор никакой. Чего там у тебя?

Удалов подошел к Грубину и заглянул ему через плечо.

– Мама родная! – сказал он. – Куклами занялся!

В этот момент дрессировщица приподнялась на локте и попыталась сесть. Если встречу со львом Удалов еще пережил, то при виде ожившей дрессировщицы силы оставили его. Он опустил голову и тихо пошел вон из комнаты. Грубину бы его остановить, объяснить научность феномена, но мысли его были столь встревожены, что ухода друга он не заметил.

– Что же произошло? – спросил Грубин у дрессировщицы. – Пожалуй, тут нет ничего удивительного. Ведь все живое состоит из электронов. И ты из электронов. Так что мы с тобой в чем-то одинаковые. Только ты кажешься, а я настоящий.

Дрессировщица обратила к Грубину умоляющий взор и протянула тоненькие ручки.

– Просишь, чтобы вернул в телевизор? – спросил Грубин.

Дрессировщица закивала головкой.

– Прости, но в настоящий момент у меня нет средств, чтобы приобрести новый кинескоп. Кроме того, боюсь, что есть повреждения в приставке. Придется потерпеть. Ты есть хочешь? А пить будешь? Значит, эти функции у тебя отсутствуют? Придется тебе пока отдыхать.

Грубин отыскал старую коробку из-под ботинок, положил в нее тряпочку и на всякий случай поставил блюдце с водой.

– Ложись, – сказал он. – Утро вечера мудренее.

Он перенес дрессировщицу в коробку и добавил:

– Если ты стесняешься, то я свет погашу.

Дрессировщица, конечно, ничего не ответила. Грубин подошел к шкафу, распахнул его и стал думать, что бы завтра продать – новый костюм или плащ? Решил, что все-таки продаст костюм, завернул его в бумагу. Потом заглянул в коробку. Дрессировщица не спала.

– Ну что ты будешь делать! – сказал Грубин. – Женщина есть женщина. Я на твоём месте давно бы спал.

Ночью Грубин проснулся от ужаса. Что-то шуршало неподалеку. Он вспомнил, что по комнате бродит взбешенный лев. Для Грубина он не опасен, а для девушки – страшный хищник.

Грубин вскочил и босиком пробежал к выключателю. Если девушку растерзали, то она, немая, не могла даже позвать на помощь.

Зрелище, представшее его глазам, успокоило и даже развеселило. Дрессировщица, не раздеваясь, спала на тряпочке, положив головку на живот льву. Видно, в темноте лев отыскал свою хозяйку. И правильно, лев-то ручной, только на чужих кидается...

Утром, пока гости из телевизора еще спали, Грубин сбегал, продал одному человеку костюм за полцены, дождался открытия универсама, купил кинескоп, кое-что перекусить и вернулся домой.

Дом жил субботней утренней жизнью. Профессор Минц сидел у окна, читал журнал, Ксения Удалова выбивала во дворе ковер, юный Гаврилов гулял по двору с транзисторным приемником наперевес, в коридоре Грубину встретилась какая-то кошка. Он сначала принял ее

за льва, а потом встревожился: как бы кошка не пронюхала, что у него за жильцы.

С жильцами ничего плохого не произошло. Они проснулись, сидели в коробке, дрессировщица заплетала львиную гриву в косички, а при виде Грубина вскочила и стала делать руками выразительные движения, которые Грубин истолковал так: «Ну сколько это может продолжаться? Вы оторвали меня от близких и любимой работы, утащили в разгар представления. Будьте любезны вернуть меня в коллектив!»

– Сейчас, – ответил Грубин. – Примем меры. Не беспокойся... А ты ведь даже не представляешь, какое значение для мировой науки имеет твое существование...

Этого дрессировщица, как человек искусства, конечно, не поняла.

К вечеру Грубину удалось наладить телевизор. Дрессировщица ничего не пила, не ела. Лев тоже не требовал пищи.

Пора включать. Зажужжали лампы, включились печатные схемы, задрожали стрелки могучей телеприставки, и на экране возникла надпись: «Публицистическая студия «Дискуссионный клуб».

Тут же показали строительный пейзаж, уставленный башенными кранами, а на переднем плане стоял молодой человек с микрофоном в руке, который рассказывал зрителям о непорядках на этом строительстве. У ног молодого человека крутила поземка, подмораживало. Грубин хотел было, не тратя времени даром, отнести жильцов к экрану, но замешкался, потому что дрессировщица и лев были без теплой одежды. Пока он думал, как поступить, раздался грохот. Грубин увидел выражение ужаса на лице дрессировщицы. Он обернулся к экрану. Поздно...

Кинескоп снова лопнул, телевизор вышел из строя, и виной тому был молодой человек, выпавший из телевизора. Все еще сжимая в пальцах микрофон, он сидел на столе и стряхивал с себя мелкие осколки стекла.

– Этого еще не хватало! – в отчаянии воскликнул Грубин.

Когда Грубин пересаживал молодого человека в коробку из-под ботинок, тот отчаянно сопротивлялся и даже умудрился цапнуть Грубина за палец. Видно, находился в шоке, не соображал, что происходит. А звуков, как и девушка, не издавал.

При виде новенького лев замотал гривой, выражая недовольство. Зареванной девушке пришлось удерживать льва обеими руками, а молодой человек, не обращая на остальных жильцов внимания, принялся вылезать из коробки. Пришлось его отсадить в пустой ящик из-под гвоздей. Молодой человек принялся метаться по ящику и колотить в стенку кулачками.

Грубин совсем опечалился. Он попал в финансовую, научную и моральную пропасть. Придется обратиться за советом и помощью к профессору Минцу.

Стоило прийти к такому решению, как дверь в комнату распахнулась и на пороге возник сам профессор Минц, словно отчаянные мысли Грубина проникли сквозь потолочные перекрытия.

– Здравствуйте, голубчик, – сказал профессор, протискиваясь к центру комнаты. – Говорят, здесь у вас чудеса.

– С Удаловым разговаривали?

– Что же делать, если вы таитесь. Говорят, что разводите желтых крыс и живых кукол. Так что же произошло?

– Сами поглядите. – Грубин, поддерживая профессора под локоть, подвел его к коробке из-под ботинок.

При виде огромной лысой головы профессора дрессировщица метнулась ко льву, словно ища защиты. Минц замер над коробкой, легонько почесывая кончик носа.

– Откуда? – спросил он наконец.

– Из телевизора, – признался Грубин. – Переборщил я с объемностью. Вот и стали вываливаться.

– А, фантомы, – успокоился профессор. – А я уж испугался, что вы начали опыты по минимализации живых людей.

– Как вам сказать... – возразил Грубин. – Что-то есть в них от живых людей. Даже переживают.

– Любопытно. Но давайте отвлечемся от эмоций.

Профессор протянул руку, чтобы взять дрессировщицу и рассмотреть ее поближе. Лев приподнялся на задние лапы и попытался прикрыть собой девушку.

– Очень любопытно, – повторил профессор, отбросив льва в угол коробки и умело подхватив дрессировщицу двумя пальцами. – Полное впечатление реальности...

– Вы ей не повредите? – спросил Грубин.

– Зачем же вредить? Я вижу, вы загипнотизированы функциональностью этих изображений и опускаетесь на уровень темного Удалова.

– Они же проявляют чувства.

– А чем питаются?

– Ничем.

– Вот видите! Вы, голубчик, оказались в положении зрителя перед телевизором, который верит приключениям, имеющим быть на экране. А это всего-навсего сценарий и операторское мастерство.

– А вдруг это она и есть?

– Не понял.

– Та, что выступала. А вдруг она сюда переместилась?

– Простите, Саша, но с такими мистическими настроениями вам лучше науку бросить. Наука не терпит сантиментов. Идите в поэты, воспевайте фей и русалок, начните верить в привидения и астрологию.

В голосе профессора звучал металл. Для него наука была богом, семьей, возлюбленной, родной матерью – всем. Колебания он рассматривал как предательство.

– Этот голографический фантом я забираю с собой, – сказал Минц. – У вас еще есть?

– Есть еще один, – сказал Грубин. – В том ящике сидит.

– Добудьте еще несколько образцов. Мы должны оперировать не случайными находками, а широким ассортиментом экземпляров.

Дрессировщицу он все еще держал двумя пальцами.

– Вот вам деньги. На три кинескопа. Потом рассчитаетесь. Наука требует жертв. Кстати, загляните потом ко мне, возьмите аргентинский сборник. Там статья Рудольфа Перейры о возможной фантомизации при стереоэффектах. Оттуда сможете многое почерпнуть в теоретическом плане. И еще одно: как только пустите установку, вызовите меня.

От двери Минц обернулся и добавил:

– Я рад за вас, коллега. Вы сделали большое дело. Учиться надо.

Дрессировщица простирала к Грубину ручки. Дверь за профессором захлопнулась. Грубин заглянул в коробку. Лев в отчаянии лежал на дне, положив голову на лапы.

– Нет! – крикнул Грубин, бросаясь за профессором. Он налетел на стол, ушиб колено, опрокинул на пол стопку печатных схем. – Стойте!

Спина профессора была уже в конце коридора.

– Что такое?

– Пускай она пока у меня побудет.

– Вы о ком?

– Пускай девушка у меня побудет. Лев очень переживает.

– Какой еще лев?

– Отдайте, пожалуйста.

– Саша, я поражен, – сказал Минц. – Из вас никогда не получится настоящего экспериментатора. Вы даете чувствам обмануть себя.

Грубин подошел к профессору и протянул ладонь.

– Ах вот что, – насупился профессор. – Ясно... Держите свое сокровище.

Профессор передал девушку Грубину и развел руками.

– Простите, – сказал он сурово. – Я не сразу понял. Но должен вас заверить, что у меня и в мыслях не было примазываться к чужой работе и славе. Так что ваши опасения беспочвенны.

Высказавшись, профессор сердито потопал по коридору, к лестнице.

– Лев Христофорович! – крикнул вслед Грубин. – Вы не так поняли!

– Еще как понял! Не впервые сталкиваюсь с такими настроениями в научных кругах. Деньги можете пока не возвращать. Я не мстителен.

Ступеньки взвизгнули под тяжелыми шагами профессора.

– Эх, – махнул свободной рукой Грубин. – Как вам объяснишь!

Словно муха пробежала по ладони: дрессировщица, сидя там, неловко повернулась и задела его каблучком. «Ну что ж, – подумал Грубин, – настоящего ученого из меня не выйдет. А жаль».

Грубин возвратил дрессировщицу в коробку и сказал:

– Пойду за новым кинескопом. Учти, если не получится, придется тебе остаться тут навсегда. Средства у нас кончились.

Лев прыгал по коробке, как котенок, радовался встрече...

Грубин вернулся через час, склоняясь под тяжестью трех кинескопов. Первым делом он проверил, как себя чувствуют жильцы.

В коробке было мирно, а вот журналист исчез. Исхитрился вылезти из ящика. Вот незадача. Сейчас бы работать, каждая секунда на счету, а надо искать беглеца. А то станет жертвой какой-нибудь кошки.

– Что делать? – спросил Грубин дрессировщицу. Как старый знакомый, он рассчитывал на сочувствие.

Дрессировщица вскочила, не понимая, что еще стряслось.

– Пропал твой напарник, – объяснил Грубин. – Сбежал. Где искать – ума не приложу.

Дрессировщица задумалась, а потом показала на льва.

– Предлагаешь использовать? Умница! А то мне без помощников час пришлось бы потратить – видишь, какой здесь беспорядок? Как бы только лев его не покалечил.

Грубин выпустил жильцов из коробки, а сам принялся за работу.

Для дрессировщицы со львом комната казалась минимум городской свалкой в несколько гектаров. Они медленно пробирались сквозь завалы, и порой Грубин терял их из виду. Минут через десять Грубин настолько увлекся любимым делом, что забыл о жильцах. Прошло еще полчаса, прежде чем он спохватился: где же они? Он вскочил, принялся крутиться, осторожно переступая, чтобы не наступить на них невзначай.

Увидел он жильцов в необычном месте. Они сидели в ряд на грубинском галстуке, забытом под столом. Втроем. Дрессировщица увидела в вышине встревоженное лицо Грубина и помахала ему, утешая: продолжай, мол, трудиться, мы уж как-нибудь без тебя разберемся.

Грубин вернулся к установке. Но бывает же так: нужно спешить, а работа не клеится. До позднего вечера бился Грубин. Даже не поел.

Для жильцов время тянулось еще медленнее. Они забрались в коробку – все-таки свой угол, – о чем-то переговаривались знаками. Порой молодой человек принимался взволнованно ходить из угла в угол, а лев поворачивал голову ему вслед.

Наступила ночь. Грубин не ложился. Ему казалось, что жильцы побледнели. Их электронная структура в любой момент могла отказать – и погибнут люди. Ничего не оставалось, как работать и надеяться...

В половине пятого Грубин не выдержал, свалился на кровать, а когда очнулся, уже наступило воскресенье. Три часа коту под хвост!

Он метнулся к коробке, как мать к колыбельке больного младенца. Жильцы спали – лев посередке, люди по бокам, прижавшись к зверю.

При виде этой картинки Грубин смахнул набежавшую слезу. Притащил махровое полотенце, накрыл спящих и обернулся к машине.

– Нет, – прошептал он, – ты покоришься!

Он стиснул зубы и схватил отвертку, словно винтовку. И через час сопротивление телевизора было сломлено. Начали разгораться лампы, дрогнули стрелки приборов, и знакомый гул наполнил помещение.

Главное теперь – не упустить момент. Грубин был как сапер, который ошибается лишь раз. Если кто-то еще вывалится из экрана или перегорит трубка – лучше пулю в лоб.

По экрану пошли цветные полосы. Грубин бросился к коробке, подхватил ее – и обратно к телевизору. От сотрясения жильцы проснулись и хлопали глазами от ужаса и непонимания.

– Держитесь, ребята! – воскликнул Грубин. – Сейчас или никогда!

На просветлевшем экране обозначилась группа поющих детей. Спиной к экрану стоял дирижер. Он находился в опасной близости от рамы, и поэтому, выхватывая из коробки пленников и бросая их без церемоний внутрь, Грубин не спускал с дирижера глаз.

Жильцы так и не поняли, что же произошло. Один за другим они оказались внутри телевизора – дрессировщица, молодой человек и лев. Дети, увидев льва, бросились врассыпную, дирижер отпрыгнул, и хорошо еще, что Грубин его подстраховал – подхватил на лету и кинул обратно... Продолжения этой драматической сцены Грубин не увидел. Раздался страшный треск. На всей улице вылетели пробки, в комнате зазвенели стекла и распространились горелые запахи...

Грубин с облегчением вздохнул и опустился на пол у телевизора. И тотчас заснул. И не слышал, как шумели соседи, стучались к нему, грозили милицией...

Однако на этом история не закончилась.

Грубин прервал опыты. Следовало освоить теорию. Грубин помирился с Минцем, читал журналы. Профессор переводил ему непонятные места с иностранных языков. Чтобы расплатиться с

долгами, Грубин много работал, экономил на питании и все ждал того часа, когда создаст базу для новых достижений.

К весне Грубин исхудал, волосы стояли дыбом, глаза провалились так глубоко, что их не было видно. Удалов, который собрался в отпуск, пожалел друга и достал ему соцстраховскую путевку.

Так они попали в Сочи.

Как-то друзья гуляли по городу, и вдруг Грубин замер, словно пораженный молнией.

– Гляди, Корнелий! – вскричал он.

– Что? Где?

– На афишу пляди! Узнаешь?

На афише была изображена дрессировщица. Она стояла, опираясь рукой о гриву льва. Кроме одежды, она во всем совпадала с жиличкой.

– Кто такая? – спросил Удалов.

– Да я ж ее из телевизора вытащил! А ты еще удивлялся.

– Не может быть!

Грубин уже влек Удалова в сторону цирка. Удалов не сопротивлялся. Только бормотал:

– Почему не может быть, очень даже может быть... Скажи, Саша, она в коробке жила?.. Саша, а вдруг она на тебя в обиде?

Чем ближе они подходили к цирку, тем меньше было в Грубине уверенности. О чем они спросят дрессировщицу? Подозревает ли она, что ее уменьшенная копия прожила три дня в коробке из-под ботинок?

Грубин замедлил шаги. Впереди показался цирк.

– Корнелий, – сказал он, – может, домой пойдём?

– Нет уж. Истина прежде всего. Погляди, это не она?

Грубин поглядел вперед. У служебного входа стояла девушка.

– Она.

– Тогда иди.

– Ни в коем случае.

– А то я сам пойду.

– Может, не надо?

Удалов быстро пересек площадь. Грубин остался на месте. Удалов подлетел к девушке, но она его не заметила. Она смотрела в другую сторону. Грубин проследил за ее взглядом. К девушке спешил высокий молодой человек в кожаной куртке. Он поднял руку, приветствуя дрессировщицу. Тот самый молодой человек!

Мысли Грубина носились по кругу, как мотоциклисты по гаревой дорожке. Надо было отозвать Удалова. Но как отзовешь, если он уже вцепился девушке в рукав, и Грубин, хотя стоял в ста шагах, отчетливо, видно, на нервной почве, слышал каждое слово.

– Простите, девушка, но ваше лицо мне знакомо, – это голос Удалова.

– Я вас не знаю, – это голос девушки.

– Что ему от тебя нужно? – это голос молодого человека.

– Может, вы меня в цирке видели? – это голос девушки.

– Нет, я вас в другом месте видел. Вы в доме шестнадцать на Пушкинской улице бывали? – это голос Удалова.

– Мы спешим, – это голос молодого человека.

«Откуда же ей знать о доме шестнадцать?» – это мысли Грубина.

– И вы не знаете моего друга Александра Грубина? – это голос Удалова.

– Простите, не встречала, – это голос девушки.

«Откуда ей знать, как меня зовут?» – это мысли Грубина.

– Тогда простите за беспокойство, – это голос Удалова. – А на афише лев? Это ваше животное?

– Это Акбар.

– Как же, помню, он меня за брюки хватал.

Молодые люди посмотрели на Удалова как-то странно и пошли прочь.

И вдруг, словно ощутив настойчивый взгляд Грубина, девушка посмотрела через площадь. Встретилась с ним взором. Грубин даже сжался.

– Сережа, – сказала девушка. – Откуда мне так знакомо лицо того человека? Очень знакомо. У меня с ним связаны неприятные воспоминания.

Молодой человек взглянул на Грубина. Пожал плечами.

Они пошли дальше. Но через несколько шагов остановился уже молодой человек.

– Ты права, – сказал он. – Где-то я его встречал.

Удалов вернулся к Грубину.

– Пустой номер, – сказал он. – Забудь об этом.

Опозоренный город

Клеймо позора, поставленное судьбой на лбу Великого Гусяря, как и всякое клеймо, несмываемо. В его появлении не обвинишь масонов, сионистов, ЦРУ и мафию.

Сами виноваты.

Но признаться в этом невозможно.

Началось с того, что в окрестностях Великого Гусяря совершил посадку самый обыкновенный космический корабль из системы Сципиона. В корабле был один космонавт, имени которого никто не знает.

Цели у пришельца, по-видимому, были вполне безобидные. Может быть, ему понадобилась крапива, которая считается в Галактике универсальным воспитательным средством, а может, он хотел нарвать ландышей для своей подруги.

Космонавт выбрал безлюдное место в лесу неподалеку от Великого Гусяря, нашел там ярко-зеленую поляну и ударил по тормозам!

Пока корабль медленно приближался к земле, космонавт посмотрелся в зеркало и остался собой доволен. Выглядел он как самый обыкновенный гусярский грибник. Это на случай, если состоится случайная встреча в лесу. Космонавт строго соблюдал правила невмешательства!

Корабль коснулся земли, трава расступилась, на поверхности появилась черная грязь, и оказалось, что по недосмотру капитана и приборов корабль опустился в небольшую, но глубокую трясины.

Космонавт срочно открыл верхний люк похожего на гигантское серебряное яйцо корабля и выскочил на его последнее сухое место.

Космонавт постоял еще полминуты на макушке корабля. Он еще не терял надежды, что корабль вот-вот коснется дна трясины, но, когда черная грязь стала собираться со всех сторон к его ботинкам, космонавт поднатужился и сиганул на сухой бережок, находившийся метрах в десяти от макушки корабля.

Космонавт постоял минут десять, глядя, как макушка исчезает в трясины, как чавкнула, засасывая его, жижа, как успокоилась,

покачавшись, болотная грязь.

Космонавт готов был плакать.

Положение, в которое он попал, можно назвать трагическим.

В десятках световых лет от дома и ближайшей технической станции, совершенно один на планете, куда раньше почти не ступала нога существа из цивилизованной Галактики, он должен был достать из глубокой трясины свой тысячетонный корабль и улететь отсюда, не выходя на связь (это категорически запрещалось) с местными властями и прессой.

Если же не удастся выполнить этой нереальной задачи, ему не остается ничего, кроме самоубийства. А самоубийство было для того космонавта невыносимым и даже отвратительным актом.

Так ничего и не решив, космонавт отправился пешком в Великий Гусяр, по дороге надеясь что-нибудь придумать.

Как каждый путешественник по Вселенной, космонавт учился на курсах выживания. Он мог тридцать две минуты сдерживать дыхание, подниматься с глубины в полкилометра без акваланга, падать с шестого этажа и не разбиваться, умел общаться со встречными на их языках, бегал быстрее американских негров и плавал лучше, чем крокодил.

Он знал о хитростях, к которым можно прибегать космонавтам на чужих планетах.

И вот, размышляя о том, как спастись, космонавт вспомнил об одной хитрости, которая могла ему помочь, если жители Земли были склонны к распространенному в Галактике греху, вернее, скажем, слабости. Следовало проверить свое предположение. Раздумывая об этом, космонавт вошел в Великий Гусяр.

Крайние улицы города застроены одноэтажными домиками с палисадниками, однако по мере приближения к центру дома становятся выше, достигая в самом центре высоты в четыре этажа.

Между домами стоят пережившие антирелигиозную пропаганду церкви, по улицам ездят велосипедисты и мотоциклисты. «Мерседесов» космонавт не заметил, хотя в земных марках машин разбирался отлично.

Направляясь к центру Гусяра, пришелец изучал расположение магазинов и лавок.

Во всех магазинах и лавках космонавт подолгу замирал перед прилавками, разглядывая товары и стараясь понять, какие из них пользуются спросом, а какие не вызывают интереса покупателей.

Наконец он убедился в том, что никто не покупает кофейный напиток «Бодрое утро», изготовленный из экологически чистых продуктов: желудевой муки, жженой коры боярышника и некоторых других любопытных компонентов. Пожалуй, этот продукт годился для психологического опыта.

Космонавт присел на скамейку в садике, что возле церкви Параскевы Пятницы, и стал смотреть на бегущие облака. Вел он себя точно как паук, неподвижно и даже лениво поджидающий свою добычу.

Добыча появилась через десять минут в лице запыхавшейся от тяжелой сумки бабушки, имени которой мы не знаем.

Бабушка просидела молча минуту или две, прежде чем ее сосед обратился к ней с вопросом:

– Давление беспокоит?

Бабушка повернула голову и увидела рядом человека скорее молодого, чем зрелого, но того типа мужчин, которые внушают доверие именно пожилым женщинам. Из таких выходят замечательные зятья, но никудышные мужья.

– Давление замучило, – согласилась бабушка. – С утра в голове так стучит и стучит, будто поезд идет и никак не пройдет.

– А у моей мамы прошло, как рукой сняло. Сам тому свидетель.

– И что же она делала? – заинтересовалась бабушка.

– Вот не знаю, есть ли у вас в магазинах – средство на первый взгляд странное, можно сказать, никогда не догадаешься, но у моей мамы как рукой сняло.

И тут космонавт замолчал и стал смотреть на облака, будто ничего интереснее в жизни не видел.

– Да вы говорите, говорите, если не скрываете.

– Вообще-то я дал слово маме никому не говорить. Но вам, чувствуя искреннюю симпатию и сочувствие, я открою тайну.

– Я вам обещаю: никому ни слова! – на всякий случай произнесла бабушка.

Молодой человек уже не слушал ее. Словно молитву, словно длинное языческое заклинание, он бормотал:

Растворить в воде горячей
Две-три ложки на стакан.
И считай до сорока:
Суть лечебную обрящешь!

– Как вы сказали? – взволновалась бабушка. Она боялась забыть.

– Вам записать или будем учить? – спросил космонавт. – Кофейный напиток «Бодрое утро».

– Лучше бы записать, память пошаливает.

Космонавт записал четверостишие печатными буквами. Потом сказал:

– Лучше не кипятить. Доведите до кипения, но не кипятите.

– Поняла. – Бабушка с трудом оторвалась от бумажки. – Две-три ложки на стакан, суть лечебную обрящешь!

Она не видела космонавта. У нее была высокая цель в жизни.

Космонавт пошел в гостиницу, обольстил дежурную и получил койку в полулюксе. Там жили еще три человека. Из области.

Не снимая обуви, космонавт улегся на свою койку и стал думать. Думалось хорошо, потому что в разгар трудового дня никого в полулюксе не было.

Первый шаг, сделанный им, еще ничего не значил. Даже в случае удачи. Слух, пущенный таким способом, мог заглохнуть, натолкнувшись на нелюбопытного посредника. Следовало придумать следующий ход в том же направлении. Ведь прежде чем пришелец мог приняться за основную идею, ему следовало сбить город с толку, раскатать его, как лодку, запутать, как ребенка в дремучем лесу.

Нужна была следующая нелепица.

– Эврика! – воскликнул пришелец, поднимаясь с койки после получасового раздумья. – Эврика!

Разумеется, слово «эврика» – лишь приблизительный перевод его высказывания.

Пришелец вышел на центральную улицу и стал разыскивать предмет своей следующей диверсии.

Он подошел к лотку, с которого полная усатая женщина торговала нетипичными для Гуслияра фруктами, а именно бананами, ананасами,

киви и манго. Три или четыре человека стояли в очереди, не волнуясь, не крича и не боясь, что фрукты кончатся, – такие наступили времена!

Космонавт подождал, пока подойдет его очередь, выбрал гроздь бананов пожелтее и не стал уходить далеко, чтобы скушать бананы тайком, а, наоборот, вышел к детской песочнице, в которой учились возводить замки малыши. Их мамы и бабушки сидели на лавочках рядом.

Подстелив большой носовой платок, космонавт положил гроздь бананов на лавочку рядом с собой. Потом отломил от грозди один банан и медленно, даже демонстративно очистил его. И делал он это так элегантно, что молодые мамы смотрели на него и подспудно думали: как жаль, что судьба выдала мне в мужа Петю или подсунула Васю. Почему бы ей не подождать и не выдать меня за этого скромного, полного внутреннего достоинства человека?

И тут этот достойный человек в мгновение ока разрушил приятный образ.

Очистив банан, он выбросил в урну сам плод, оставив в руке шкурку. И принялся пожирать шкурку со странной, нечеловеческой жадностью.

Только попрошу не думать, будто космонавту это доставляло удовольствие. Наоборот, космонавт в обычной жизни никогда бы не пошел на такой извращенный трюк.

Некоторые мамы начали ахать, другие отворачивались. А космонавт думал, что для следующего эксперимента ему следует взять куриные яйца. Можно очень эффектно выливать содержимое себе под ноги и хрустеть скорлупой...

Мамаши разочарованно молчали, а чья-то бабушка, держа в руке пачку напитка «Бодрое утро», направилась к пришельцу, чтобы сделать ему внушение. Но сделать внушения она не успела, так как ее обогнала девочка Вера трех лет. Девочка Вера подошла к дяде, который ел кожуру банана, и сказала:

– Ты дурак, да?

– Нет, – ответил космонавт, с радостью прислушиваясь к тишине, упавшей на садик. – Я не дурак.

– Зачем ты кожуру кушаешь? Надо кушать банан.

– Ты не права, девочка, – ответил космонавт. – Я ем то, что полезно.

– Тогда ты ешь, что полезно, а мне дай, что бесполезно. – И девочка Вера показала на остальные бананы. Тут ее мама, приятного вида, склонная к полноте крашеная блондинка, подбежала к пришельцу, подхватила Верочку и потянула ее прочь, сказав при этом:

– Вы уж простите ребенка, она у меня такая впечатлительная.

– Вот, – сказала бабушка с пачкой «Бодрого утра». – Так вот детей портят. Показывают им какие-нибудь глупости, а они повторяют.

– Ах, – удивился пришелец, – вы, наверное, не читали книги профессора Полежаева «Живите долго, живите с удовольствием»?

– Нет, не попадалась, – сказала бабушка, с некоторым ужасом глядя на то, как молодой человек очистил второй банан, снова выбросил серединку, а жует шкурку.

– Там черным по белому сказано на основе статистики. Именно кожура банана обладает удивительным омолаживающим эффектом. Люди, регулярно принимающие по четыре кожуры ежедневно перед едой, не только приобретают, извините, удивительную потенцию в любви, но и все морщины на них разглаживаются, не говоря о надпочечниках.

– Вот уж, – сказала бабушка с презрением, – люди скажут!

– А вот вы попробуйте купить в Японии банан! – сказал космонавт. – Да что в Японии – поезжайте в Москву. У нас там за бананами с вечера очереди выстраиваются.

– Ну уж и вправду... – пропела бабушка.

Одна из мамаш потянула своего ребеночка к выходу из садика.

– Ты куда, Дуся? – спросила ее товарка.

– Так пора уже, у меня Георгий через полчаса прийти на обед должен.

И сказала она это таким лживым голосом, что остальные поняли – Дуся спешит скупить все бананы.

Понял это и космонавт, который ласково кинул вслед Дусе:

– Помногу кожуры зараз опасно! Может произойти катастрофическое омоложение организма.

Со свойственной русскому народу отзывчивостью Дуся крикнула в ответ:

– Не учи ученую!

Этот крик как бы послужил сигналом прочим женщинам собирать своих детей и покидать садик.

Последней ушла бабушка, прижимая к груди пачку «Бодрого утра».

Космонавт вытянул ноги в купленных с утра ботинках фирмы «Саламандер», о чем давно мечтал, и, потянувшись, стал придумывать новую каверзу для гусярцев.

Следовало охватить опасными слухами иные слои населения.

Для этого космонавт пошел к винному магазину.

Прошли те времена, когда за водкой люди давились, убивали друг друга. Теперь ее – залейся.

Но, несмотря на это, у гусярских любителей спиртного есть прочная память о местах, с которыми связаны светлые воспоминания. Главное такое место – винный отдел гастронома № 1. И чего сюда только не привозили! И чего здесь только не выбрасывали, и за чем здесь только не давились! Святое место. Разве можно покупать теперь водку в другом магазине, даже если она везде без очереди?

– Что любопытно, – сказал космонавт, обращаясь к людям у витрины, – что любопытно, так это нарушение технологии.

– А в чем дело? – недоверчиво спросил человек с детским прозвищем Красноносый Олень. Сейчас не время и не место объяснять, при каких драматических обстоятельствах Вениамин Уткин потерял свое имя и приобрел индейское прозвище.

– Газеты читать надо, – сказал космонавт строго. В этой аудитории приходилось говорить строго, другой речи многие не понимали.

– В газетах ничего уже нет, – заметил Погосян. – Газеты все продались.

– А «Экспертизу» вы читали? – спросил, не смущаясь афронтом, пришелец.

– Это какую такую экспертизу?

– В «Экспертизе» – приложении к «Известиям» сказано, что сейчас по всему миру ищут виноватого. Из-за конкурентной борьбы водка «Российская» уже вторую неделю выпускается на два градуса крепче, чем раньше. В ней, вы мне не поверите, сорок два градуса!

– Врешь, – сказал тогда Красноносый Олень. – Я вчера ее пил. Водка как водка.

– То-то тебя вчера в канаве видели, – заметил Погосян.

– Вот видите, – сказал пришелец. – Не выдержал товарищ. Вы же понимаете, что не водка важна. Лишний градус – вот что человека ломит!

– А то! – сказал человек из толпы.

– «Российская», – сказал пришелец, – но не любая «Российская», а только с зеленой этикеткой.

Тут мимо прошли две девушки, которые на ходу, оживленно беседуя, жевали шкурки бананов. Зрелище было настолько необычным, что собеседники на минуту забыли о водке, а космонавт порадовался тому, что его действия уже начали приносить плоды.

– На два градуса, говоришь? – спросил Погосян, человек доверчивый и простой. – Это что же получается?

– А получается, что ты выпил литр. А на самом деле не литр, а литр и пятьдесят грамм, – пояснил человек из толпы.

– Бесплатно? – спросил Красноносый Олень.

– Вот именно, – сказал пришелец и отправился дальше смущать город подобно дьяволу, хотя, конечно же, дьяволом он не был, а был самым простым бухгалтером, который нечаянно попал на чужую планету и должен был с нее улететь.

Беспокойство, царившее в человеческом муравейнике, космонавта радовало. Его прикидки оказались правильными, интуиция его не обманывала. Но для того чтобы нанести городу Великий Гусляр последний сокрушительный удар, требовались время и дополнительные мозговые усилия.

Любой город, как живой организм, обладает венами и артериями. Это улицы. А наполнение их – кровь города, его обитатели. Направление потоков всегда определено и полезно. Утром люди несутся на работу, заполняя артерии и средства транспорта, днем неработающие и работающие ходят по магазинам, вечером по венам стекаются к своим жилищам, а потом порой покидают их снова, совершая вылазки в кино или на дискотеку.

Пришелец же занимался тем, что эти потоки перекраивал, чтобы организму стало невмоготу и он запутался в действиях своих эритроцитов.

Дикая очередь, как тромб, собралась у двух магазинов, в которых обнаружился кофейный напиток «Бодрое утро». Опустошив ларьки с бананами, толпа женщин, в основном молодых, скопилась у речной

пристани, потому что им сообщили, что там, в слободе Заречной, в ларьке у Кавиньякяна еще остались бананы.

Мужчины носились от лотка к лотку, разыскивая «Российскую» в сорок два градуса крепостью...

Оставались неохваченными дети.

– Сегодня, – сказал пришелец, наклонившись к третьекласснику, – в клубе речников будут показывать восемнадцать серий про черепашек ниндзя, но бесплатно...

Так что к обеду во многих семьях не дождались своих родных мальчиков и девочек.

Ну а пожилое поколение мужского пола?

Для них пришелец не пожалел денег, купил корзину белых грибов, для чего пришлось опустошить весь рынок, затем встал на автобусной остановке в самом центре и каждому интересующемуся выдавал бумажку с планчиком. А на планчике было показано, где расположены буераки, в которых космонавт якобы собирал белые грибы, которых там осталось на два грузовика.

Последним ударом того утра было сообщение, сделанное пришельцем Корнелию Удалову. Хотя пришелец, конечно же, не догадывался, что имеет дело с самим Корнелием Удаловым, которого на дешевой иноземной мякине не проведешь.

– Странно, – сказал он, подойдя к Удалову, который ждал автобуса на углу Пушкинской. – Я такого еще не видел.

– Чего не видели? – из вежливости откликнулся Удалов.

– Такого всплеска. Двадцать лет рыбачу, но чтобы так плеснуло – даже не представлял, что это возможно.

Каким шестым чувством пришелец угадал, что Удалов – завзятый рыболов, неизвестно. Но Удалов сразу насторожился.

– Где? – спросил он.

– Да вон там пруд. Видите – церковь, а за ней пруд.

– Да что вы! – засмеялся Удалов. – Какой еще всплеск? В том пруду только лягушки водятся.

– Странно, очень странно, – подумал вслух космонавт. – Я на берегу сидел, а он прямо у моих ног прошел.

– Кто?

– Сом. Небольшой, метра полтора, но я его видел собственными глазами. Не был бы я здесь проездом, взял бы спиннинг и порадовал

бы семью славным уловом. Благо что далеко ехать не надо.

Тут подошел автобус.

Удалов, который этого автобуса ждал, остался стоять на мостовой и хлопать глазами, а пришелец спокойно вошел в автобус, где повторил рассказ о соме двум молодым бездельникам, которые подняли пришельца на смех, а на следующей остановке соскочили.

Так что когда Удалов, поборов в себе сомнения, прибежал к пруду с удочкой и сачком, на берегах его, словно лягушки, сидели двадцать шесть рыболовов разного возраста.

Удалов плюнул, но уселся, раздвинув локтями конкурентов помоложе.

Теперь, когда город пришел в состояние организма, схватившего свинку в тяжелой форме, космонавт решился на главный трюк.

От этого зависела его судьба.

И судьба зависела от того, готов ли Великий Гуслияр добровольно кинуться в пропасть позора и унижения.

Здесь ошибок быть не могло. Космонавт, как и сапер, имел право лишь на одну ошибку. И она может стать роковой.

Ему были нужны мужчины. В расцвете сил.

Мужчины стояли возле стадиона «Речник» и лениво рассуждали о шансах одноименной футбольной команды. До начала матча оставалось более получаса. Сначала космонавт прислушался к беседе. Беседа, как он и рассчитывал, не имела к футболу никакого отношения.

Разговоры в семьях, пораженных недугом сплетни и слуха, запутанных в паутину сомов, банановых шкурок, напитка «Бодрое утро» и еще трех или четырех мероприятий, запущенных инопланетянином, проходили на редкость однообразно, но эмоционально и закончились не в пользу мужчин. И мужчины совершенно потерялись, верить или не верить... А кому верить? Очень хотелось верить. Русскому человеку всегда хочется верить, и всегда находятся люди, которые говорят ему: «Верь мне, Иван Иванович! Я те укажу!»

– Но что интересно, – вмешался в разговор космонавт, – Удалов таки сома в пруду взял! Метр двадцать. Я видел.

– Двух сомов, – поправил космонавта мужик в синем тренировочном костюме.

– И шуку, – сказал третий.

– Шуки не было, – сказал человек в синем костюме. – Я его видел. Два сома и осетр.

– Да какой осетр! – озлился юноша в американской каскетке. – Откуда в той луже осетру быть! Там одни пиявки водятся.

– И что, сома не взял, сома не взял? – разозлился человек в синем.

– Ну, сома взял, – признал парень, чтобы не схлопотать по затылку.

– Это что, – остановил его жестом бывший спортсмен с лиловым лицом пьяницы. – А вот машину с белыми грибами видели?

Начался спор. Некоторые видели, другие не видели или не верили...

– А я вот тоже в это не верю, – сказал космонавт громко, так что остальные замолчали. – Хоть я и приезжий, но меня удивляет, сколько всякой чепухи про вас люди распространяют. Честно говоря... – Тут космонавт запнулся, вытер вспотевший лоб, и все окружающие вдруг поняли, что если до этого незнакомец и не врал, то намеревается врать. – Честно говоря, я боюсь – пойду завтра на болото за редкими растениями, а кто-нибудь у вас вспомнит эту глупую сказку и за мной увяжется. А я не выношу некомпетентных попутчиков. Не потому, что золота жалко, нет, не жалко мне золота, а вот некомпетентности не выношу.

С этими словами пришелец повернулся и пошел прочь, а все болельщики, числом более двадцати, кинулись за ним и, окружив, отрезали ему пути к отступлению.

– Я вас попрошу, – сказал человек в синем тренировочном костюме, явный лидер по психологическому типу. – Какие такие редкие растения?

– Руки прочь! – воспротивился допросу инопланетянин.

– А ты документ покажи на редкие растения! – кричал мужик, метр с кепкой, борода из ушей.

– Из ЦРУ он, из ЦРУ!

Космонавт с удовлетворением отмечал, что разнообразие и сила слухов растут на глазах. Завтра весь город будет говорить, как агента поймали – воду в пруду травил, плевал в колодцы.

– Да какие растения! – вздохнул, сдаваясь, незнакомец. – Конечно, я за канистрой приехал. За канистрой от бронепоезда.

– Говори! – строго приказал мужчина в синем. Остальные быстро и мелко дышали.

– Только чтобы никому ничего! – велел космонавт. – Это сами понимаете.

– Понимаем, понимаем, как не понять, – поспешили с ответом слушатели.

– В революцию в болото кинули. Вывозили на бронепоезде казну Северного фронта. Но красные настигали. Понимаете? Они туда, красные – туда! Они сюда, красные – сюда! И тогда генерал Миллер приказал кидать канистру в болото!

– Повторите фамилию генерала, – попросил старичок, похожий на лабораторную белую мышку. Он держал блокнот и хотел записать.

– Только без записей! – предупредил космонавт, и соседи накинулись на старичка, отобрали блокнот, а самого его выгнали пинками из группы окружения.

– У меня карта есть, – сказал инопланетянин. – Кто смотреть хочет? Только чтобы один.

– Я буду смотреть, – сказал человек в синем.

– Нет-нет, выборы! Надо выбирать делегатов! – возразил метр с кепкой.

– Вот карта, – сказал космонавт и достал из кармана заранее заготовленный листок.

Он стал объяснять по листку, в какой части болота лежит канистра с золотом, остальные подглядывали через плечо пришельца, сопели, но ничего не понимали.

– Ты нас веди, – сказал старичок из заднего ряда.

– Зачем же я вас поведу? – удивился пришелец. – Мне экскаватор нужен, а не толпа оболтусов. Мне лопаты нужны, насосы. Мне техника нужна!

– Так техника туда не пройдет! – крикнул метр с кепкой.

– Посмотрим, – сказал пришелец. – В случае чего по трупам.

Это заявление многих воодушевило. Значит, вождь им попался серьезный.

– А ведь точно, – сказал старичок из заднего ряда. – Помню, были такие разговоры в двадцатые годы. Я тогда еще был пацаном, но помню.

Не прошло и часа, как с шоссе на восьмом километре съехали на проселок экскаватор, три самосвала, ассенизационная машина с большой гофрированной трубой, чтобы отсасывать жижу, автокран, «газик», а за этой собранной непонятно откуда и непонятно как техникой спешили пешеходы с лопатами, граблями и садовым инвентарем.

Машины завязали в грязи на проселке, люди вытаскивали их на плечах, ухали, матерились, боролись, но не сдавались. Казалось, они форсируют Днепр. Но не получилось бы такого массового ослепления, если бы город не был подготовлен, размягчен, встревожен и приведен в смятение лавиной слухов, которые на него были обрушены.

Пришелец даже не стал вмешиваться в организацию работ. Только показал круглое пятно трясины, где следовало искать канистру, а остальную руководящую деятельность препоручил человеку в синем тренировочном костюме.

Люди выстроились в цепочки. Одни помогали экскаватору рыть отводные каналы, другие вместе с ассенизационной машиной отсасывали жижу, третьи грузили самосвалы... Всем нашлось дело. И все были охвачены тем самым трудовым порывом, в котором человек забывает, ради чего он вкалывает столь самоотверженно. Главное – работать!

Через час трудов над поверхностью болота показалась макушка схожего с гигантским яйцом космического корабля. Все восторженно завопили, понимая, что это и есть канистра.

– Теперь удвоим осторожность, товарищи! – заявил пришелец и приказал экскаватору перенести себя в центр жижи.

Там он под рукоплескания товарищей по труду спрыгнул на свой корабль.

– Удвоим усилия, друзья! – крикнул он. – Конец близок. Сокровища уже почти у нас в руках.

Некоторые стали спрашивать, что он там мелет о сокровищах, ведь ловим осетрину, а другие решили, что сейчас пойдут белые грибы, – много было предположений.

Совершенно спокойно пришелец открыл верхний люк, забрался в корабль, который был уже наполовину освобожден от грязи.

Все настороженно замолчали.

Почувствовав неладное, пришелец высунул голову из люка и крикнул:

– Отойти на двадцать шагов! Мною обнаружена мина! Пока не обезврежу, не подходить!.. Прекратить работы! Ну, кому я говорю – отведите экскаватор, машину, чего доброго, погубим!

Все подчинились, а метр с кепкой крикнул пришельцу:

– Осторожнее обезвреживай, береги себя!

– Береги! – поддержали его разные голоса.

Растроганный пришелец задрал люк, через перископ проверил, нет ли близко зрителей. К счастью, все послушались его – отошли на сухое место, расселись вокруг болотца на корточках.

«Прощайте, друзья!» – мысленно произнес пришелец.

Космический корабль не сразу, а после минутной схватки с грязью вырвался вверх и, увлекая за собой черные потоки болотной жижи, рванул к небу... Еще через минуту он скрылся из глаз.

...Много любопытных историй расскажут вам в Великом Гусяре. Но никогда вы не услышите рассказа о том, как гусярки жевали банановую кожуру, пили напиток «Бодрое утро», а их мужья ловили осетров в пруду или запускали из болота канистру с золотом.

Правда, нет-нет, да вдруг какая-нибудь красotka съест шкурку банана и выбросит сердцевину. А еще кто-то почти нечаянно опустит леску в пруд... Но это исключения, атавизм.

Яблоня

– Прошу обратить внимание.

Было похоже на научно-популярный фильм, где замедленной съемкой вам показывают, как распускаются цветы и зреют ягоды. Зеленый тонкий росток вылез из земли и начал на глазах набирать силу, крепнуть, толстеть, подрастать, и люди поняли, что оторвать глаз от такого зрелища нельзя. Оно притягивало так, как притягивает горящий костер или ровный бег приюба.

Из оцепенения вывел резкий голос Минца:

– Грубин, срочно ко мне в кабинет! Под столом лежит бумажный мешок. Только не рассыпь. Удалов, еще воды!

В голосе Минца была такая уверенность в своем праве приказывать, что Удалов с Грубиным со всех ног бросились выполнять приказы. К тому времени, когда Грубин приволок бумажный мешок, зеленый росток достиг десятисантиметровой высоты и выпустил несколько листочков. Земля вокруг стала сухой и пошла трещинками. Минц первым делом опрокинул на росток ведро воды, знаком прогнал Удалова за следующим, а сам взял у Грубина мешок и пояснил:

– Удобрения.

Видно, росток нуждался в помощи. Сразу стало заметно, что внизу, возле земли, стебель стал коричневеть и покрываться тонкой корой.

– Можно передохнуть, – сказал Минц. – Удалов полет.

Он отошел к столу, сел на скамейку так, чтобы не выпускать растения из виду.

– Это из семечка? – обрел наконец голос старик Ложкин.

– Вот именно, – улыбнулся Минц. – Из самого обыкновенного семечка – самая обыкновенная яблоня.

– И яблоки будут? – спросил растерянно Погосян.

– И яблоки.

– А когда?

– Часа через полтора, – сказал Минц. – Этот сорт относится к числу поздних.

Когда через час с рынка вернулась Ксения Удалова, она застала странную картину. Мужчины сидели за столом для домино и глядели, как на могучей раскидистой яблоне, выросшей посреди двора за то время, пока ее не было, наливаются зеленые плоды. Ксения окинула мужчин подозрительным взглядом, полагая, что они напились и потому яблоня мерещится им так сильно, что этот бред оказывает влияние и на нее. Среди мужчин она сразу углядела профессора Минца, но не увидела мужа. Потому спросила:

– Где Корнелий?

– Я тут, – ответил Корнелий.

Он бежал через двор с двумя полными ведрами.

– Я тут, кисочка, – повторил он, выливая воду под яблоню. – Ты хотела что-то спросить?

– Я только хотела сказать, что гулянки не доведут тебя до добра, – сказала Ксения и пошла домой.

А Минц между тем рассказывал:

– Я подумал: если в растениях заложена информация, когда им расти, когда распускать листья и когда плодоносить, то мы, люди, этой информацией можем воспользоваться. При условии, что моя догадка верна.

– Какая догадка? – спросил Ложкин.

– А что, подумал я, – ответил Минц, – если в информации закодированы не приказы, не разрешения, а запреты? Представьте себе ребенка. Он видит кучу шоколадных конфет, которые выложили на стол, потому что родители ждут к чаю любимую тетю. Ребенок топает к столу и тянет свою лапку к конфете. Ну ладно, одну ему еще разрешают съесть. А как потянулся за второй, ему сразу – шлеп по ручке! Остановись. Конфеты плохо влияют на здоровье и вызывают диатез. Может, в самом деле родители в тот момент думают не о диатезе, а о том, что тетя останется без конфет. Не важно. Родители выполняют свою биологическую функцию – запрещать излишества. Подумайте, смысл воспитания на девяносто процентов в запретах. Не будь их, человечество давно бы вымерло от обжорства или простуды. У растения нет таких родителей, которые бы велели ему не плодоносить или сбросить листья, потому что их все равно погубит мороз. Некому их учить жизни, кроме собственных клеток, кроме тех

внутренних воспитателей, которые заложила в них природа. Вам понятен ход моих мыслей?

Все согласились, что понимают. Поглядели на яблоню. Яблоки начали желтеть, и некоторые даже покраснели по бокам.

– Итак, представил я... Слушайте внимательно. Итак, представил я, генетический код, который регулирует жизнь любого растения, играет роль неумолимого и строгого родителя. Растение хочет вырасти быстро. Но родитель говорит: и думать не смей. Откуда ты возьмешь столько воды и питательных веществ, чтобы в два часа вымахать до самого неба? Ты погибнешь от жажды и голода. Терпи, расти год за годом, не торопись, жизнь имеет свои прелести. Любуйся, упрощенно говоря, закатами и восходами. Растение хочет любви и плодоношения, а родитель ему говорит: погоди. Все вокруг ждут осени, чтобы принести плоды. Не высовывайся, поджимай корешки и погружайся в спячку.

Тут Минц насупился, видно, пожалел растение. Насупились и его слушатели.

– Да, судьба, – сказал Удалов и почему-то посмотрел с опаской на собственные окна.

Из окна выпянула сердитая Ксения, поглядела на яблоню. Яблоня ей не нравилась. Яблоне быть на дворе не положено. И не положено яблоням в мае сгибаться под тяжестью зрелых плодов. Ксения погрозила Удалову пальцем, и тот быстро отвернулся.

– Может, все это и хорошо для диких растений, которые живут без помощи человека и с ним, можно сказать, не общаются. Совсем иначе обстоит дело с домашними растениями. Им-то чего слушаться своего родителя? Им надо служить нам беспрекословно. И тогда я взял отросток кактуса, который растет у меня на окне. Видели?

– Видели, – сказал Ложкин. – Только я латинское название забыл.

– Не важно, – сказал Минц. – Не в названии дело.

И все строго поглядели на Ложкина, потому что и в самом деле латинское название ничего не меняло.

– Обработал я его химическим путем. Сделал срез. Нейтрализовал фактор запрета, скажем, снял с растения инстинкт самосохранения. И что же?

Все молчали. Не смели прерывать.

– Я угадал, – сказал Минц скромно. – Через час на моем новом кактусе распустился цветок. Правда, он цвел недолго...

Минц указал пальцем на яблоню, на землю вокруг нее, еще засыпанную лепестками.

– Вот и все, – сказал Минц. – Дальнейшее ясно.

Он поднялся с места и сделал шаг к яблоне. Протянул руку к ближайшему яблоку. Дернул. Яблоко послушно отвалилось от черенка и осталось на ладони ученого. Минц обернулся, чтобы отдать яблоко Удалову, но в этот момент другое яблоко, сорвавшись с вершины дерева, ударило Минца по лысине. Он резко отскочил в сторону. Но еще два или три яблока успели его задеть. Красные сочные яблоки раскатывались по земле, по двору, и это было удивительное осеннее зрелище. Минц сказал:

– Столкновение головы с яблоком порождает не только болевые ощущения, но и усиливает мыслительные процессы. Мне надо идти.

И Минц поспешил к себе в кабинет, потому что в голове его рождалось новое изобретение, о котором еще было рано говорить.

Листья яблони желтели на глазах и начали осыпаться. Ложкин пошел за корзиной. Соседка Гаврилова пришла с кастрюлей. Наконец соблаговолила спуститься и Ксения. С ведрами. Она с опаской поглядывала на странную яблоню, но плоды все же собирала.

Чтобы не объясняться с женой, Корнелий Удалов сунул в карман яблоко. Ему хотелось поговорить с людьми о загадках генетики. Ему хотелось о них размышлять. Так он дошел до парка. Вечерело. В пивном баре было пусто. Корнелий взял кружку пива, соленую сушку и отошел в сторонку. Там, у высокого столика, стоял знакомый ему Иван Пузилло, которого он угостил яблоком и которому рассказал о событиях прошедшего дня. Пузилло кивал головой, слушал, но думал о своем.

– Ты ешь, – говорил ему Удалов. – Видишь, какое сочное. По всем параметрам настоящее.

Пузилло кивал.

– Перспективы понимаешь? – спросил его Удалов. – Ты их не понимаешь на своем посту директора бани. Мы же с Минцем совершим переворот в сельском хозяйстве.

– Я уже не директор бани, – сказал Пузилло. – Меня перекинули.

– Не суть важно, – сказал Удалов. – Не перебивай. За день наша яблоня даст пять-шесть урожаев. Понимаешь? Возьмем яблоневого сада. Обычных размеров. За сезон – тысяча урожаев. Может, полторы тысячи. Многотонные составы с яблоками и грушами мчатся из Великого Гусяра во все концы страны...

– Многотонные? – спросил Пузилло печально. – Может, не надо?

– Надо. Научный прогресс не затормозишь, – возразил Удалов. – Кроме того, начинаем разводить ананасы. Выбираем жаркий день, за этот день – тридцать урожаев с куста. Пять тонн с гектара. И это в наших условиях, в северной России. Теперь возьмем бананы...

– Этого я и боюсь, – сказал Пузилло. И пошел куда-то.

– Не веришь? – крикнул вслед Удалов. – Приходи к нам во двор. Там первая яблоня растет. Завтра высаживаем на опытном участке.

Тут Удалов заметил, что совсем стемнело, и поспешил домой. Яблоня стояла посреди двора и в сумерках казалась куда более могучей, чем днем.

– Ага, – сказал Удалов, поднимаясь к себе. – Следующий шаг – разведение строевого леса. Утром посадили – вечером готово бревно. Надо будет завтра с Минцем побеседовать. И про ананасы не забыть. Давно хочется побаловаться ананасом.

На лестнице Удалов столкнулся со своей супругой Ксенией. Она несла в руках таз и громко требовала отдать ей на расправу этого самого профессора. Удалов еще не знал, в чем дело, но на всякий случай начал отступать. Далеко он отступить не успел, потому что с улицы ворвалась соседка Гаврилова с большой кастрюлей.

– Издевается? – спросила она. – Издевается над одинокой женщиной.

Женщины остановились перед дверью в квартиру Минца. Удалов осторожно последовал за ними.

– Открывайте, Лев Христофорович, – сказала Ксения притворно ласковым голосом. – Поглядите, что вы натворили.

Минц приоткрыл дверь. Был он в халате и шлепанцах, готовился отойти ко сну.

– Простите, – сказал он. – Чем могу служить?

– Смотрите, – сказала Ксения. – Смотрите, предатель!

Она подняла таз и подставила его к самому носу Минца.

– Что это? – спросил он.

– Что? Это у вас надо спросить. Час назад это были яблоки.

Удалов протиснулся сквозь толпу сбежавшихся соседей. Заглянул в таз. Таз был полон бурой жижей.

– Только я собралась их ребенку предложить, – говорила Гаврилова, – только собралась... хорошо еще, что не успела.

– А я варенье сварить хотела.

– Ах! – сказал Минц. – Я все понял. Я во всем виноват. Старый дурак. Ну кто же мыслит только до середины? Кто, я спрашиваю?

– Что случилось? – спросил Ложкин. – Объясните, не таитесь.

– Все просто. Мы сняли ограничения с растений. Растения в считанные часы достигают половой зрелости и дают плоды. Но ведь ускоряется все! Понимаете, все! Значит, и гниют их плоды в тысячу раз быстрее. Все, что быстро растет и быстро зреет, так же быстро умирает и рассыпается в прах... Простите меня, люди.

Наступила тишина. Даже буйная Ксения поняла, что профессор не хотел никому причинить зла... И тут все услышали, как во дворе раздаются короткие злые удары. Удалов первым выбежал наружу. В синеве сумерек он увидел, что перед яблоней стоит Пузилло и машет топором, вонзая его не очень умело в толстый узловатый ствол старой яблони.

– Остановись! Что ты делаешь! – крикнул Удалов. – Это же эксперимент! Это же народное добро!

Пузилло словно не слышал. Он еще раз взмахнул топором, и яблоня, обламывая безлистные ветки, тяжело рухнула на землю.

– Варвар! – закричала Ксения. – Мы тебя засудим.

– Судите меня, люди, – сказал Пузилло, роняя топор на землю. – Но у меня не было другого выхода.

– Почему же? – спросил профессор Минц.

– Потому что я пять дней назад назначен директором плодоовощной базы.

– И что?

– А то, что помещение у нас небольшое, скромное. Мне вчера уже грозили выговором за то, что я не успеваю урожай обработать. Растить яблоки – это каждый может. А вот сохранить их попробуйте...

Заведующий базой Пузилло замолчал, понурился. Минц подошел к нему и положил руку на плечо.

– Я вас понимаю, – сказал он. – Вы не преступник, а человек, попавший в тяжелые обстоятельства и не нашедший выхода. Но не беспокойтесь. К сожалению, выговор вам не грозит.

– Вы отказались? – воспрял Пузилло.

– Мы отказались, – вздохнул Минц. – Временно. – Он поставил ногу на толстый ствол яблони, и нога провалилась внутрь ствола. Ствол оказался трухлявым...

«Со строевым лесом тоже придется подождать», – подумал Корнелий Удалов. И все же ему очень хотелось побаловаться ананасом.

Сильнее зубра и слона

– Вам письмо, Мишенька, – прошелестела редакционная секретарша, беленькое пушистое существо с детским точным прозвищем Курочка.

Миша Стендаль поморщился. У него сидел пенсионер с жалобой, шел солидный разговор о водопроводе, пенсионер величал Мишеньку по отчеству, так что обращение Курочки было неуместным.

– Положите на стол, Антонина Панфиловна, – сказал Миша.

Курочка вспыхнула от такого афронта и обиженно уцокала каблучками из комнаты. Миша вздохнул и обратился к пенсионеру:

– Продолжайте, я слушаю.

А сам покосился на письмо. Письмо было личное. «Гор. Великий Гусяр. Редакция газеты «Гусярское знамя». Т. Стендалю М.А.».

Но главное – обратный адрес. Стендаль даже перестал слушать пенсионера, только поддакивал и ждал момента, когда можно будет письмо вскрыть. Обратный адрес был такой: «Гусярский район, Заболоцкое лесничество. Зайке Терентию Артуровичу».

Терентий Зайка был старым знакомым Стендаля, представителем семейства талантливых изобретателей. Месяца три назад Зайка приезжал в город на самоходной русской печи своего изобретения, и тогда Стендаль написал о нем яркий очерк, который был перепечатан в сокращенном виде в областной газете.

Стендаль давно просился к Зайкам в гости, ждал приглашения. И вот письмо...

Наконец пенсионер ушел. Стендаль сразу потянулся к письму, вскрыл его и прочел следующее: «Здравствуй, дорогой друг Михаил Бальзак!» Слово «Бальзак» было аккуратно вычеркнуто и поверх написано «Стендаль». Терентий вечно забывал, с каким великим писателем Миша однофамилец, – рассеянность, простительная для самородка.

«Пишет тебе Терентий Зайка, если вы меня не забыли. Жизнь у нас тихая, природа начинает оживать после зимней спячки, хотя до весны еще не близко. Зимний период для нашей семьи выдался занятый. Надо подготовиться к лету, к

борьбе с лесными пожарами, вредными насекомыми и туристами, подкармливаем диких животных, ведем текущие дела и немало времени отдаем научной работе. Как вы знаете, Миша, наш батя Артур Иванович, мой брат Василий и лично я склонны к размышлениям. Раза два приезжали корреспонденты, жаль, что тебя с ними не было, но мы с чужими людьми держим себя сдержанно, потому что некоторые из них гонятся за сенсацией. Печка наша на ходу, не жалуемся. Последние три месяца мы посвятили биологии. Кое-чего добились. Если тебе интересно, приезжай к нам в субботу или воскресенье, буду ждать тебя с нетерпением, адрес ты знаешь.

Остаюсь преданный тебе друг Терентий».

От Гусяра до Заболотья полтора часа на автобусе, а оттуда до кордона по проселку час пешком, если не будет попутки.

Когда Стендаль, одурев от долгой езды и духоты, выбрался из автобуса, его ждали.

Стоял хороший, яркий, морозный, искристый мартовский день. Солнце светило по крышам, бросало сиреневые тени от голых деревьев на серебристый снег, посреди площади стояла большая беленая – на снегу не сразу различишь – русская печь. В печке трепетал огонь, из трубы тянулся прозрачный дымок, рядом с печкой стоял Терентий Зайка собственной персоной в темном костюме, при галстуке, в блестящих ботинках.

– Эй! – обрадовался корреспондент. – Терентий! Какими судьбами? Не простудись!

– Здравствуйте, Миша, – ответил Терентий. – А я за вами.

По площади шли люди, бежали дети, никто не обращал внимания на русскую печь, на которой приехал Терентий. В округе привыкли к чудачествам Заек, но уважали за талант и добрый нрав.

В истории человечества встречаются гениальные изобретатели. Порой они имеют обыкновение уединяться для того, чтобы готовить гибель всему живому, или сходят с ума от одиночества. Совсем иное дело Зайки. Эта дружная семья состоит из Артура Ивановича, его сыновей Василия и Терентия, а также из Васиной жены Клавдии. В

обыденной жизни эта семья ничем не отличается от окружающих. Василий и Терентий окончили в Заболотье среднюю школу, отслужили в армии, работают, учатся заочно в лесотехническом институте. Василий в этом году защищает диплом. Артуру Ивановичу не пришлось получить высшего образования – война помешала. Однако он начитан, способен к иностранным языкам. В лесной глуши выучил английский, французский, японский, хинди, санскрит, латынь и некоторые другие. Полиглотство Артура Ивановича не пустое, оно направлено на чтение журналов и научной литературы. Василий и Терентий – верные помощники отцу и мастера золотые руки. В силу того, что они работают коллективом, Зайкам удалось сделать некоторые изобретения, которые не по зубам целым научно-исследовательским институтам как у нас, так и за рубежом. Клава в этом коллективе служит здоровой оппозицией, критическим центром. Если она признала новую работу, работе открывается широкая дорога. Если забраковала, лучше сменить тему.

Есть в деятельности Заек и недостаток – мало кто с ней знаком. Виной тому излишняя скромность. Они даже порой заблуждаются, полагая: если даже что-то изобрели, все равно в больших городах это давно известно.

Терентий принял у гостя из рук тяжелую сумку с гостинцами и покачал головой:

– Зря вы себя так утруждали, Миша.

Стендаль забрался на лежанку, укутал ноги тулупом, Терентий подбросил в печку дровишек. Печка немного приподнялась на воздушной подушке, накренилась, сильнее потянуло дымом. Терентий сидел спереди, свесив ноги и управляя изящно вырезанными из дерева рычагами.

Печка шла мягко, километров сорок, не больше, ели покачивали темными лапами, белки выбегали на дорогу, приветствовали лесника взмахами хвостов.

– Ой! – сказал Стендаль. – Погляди.

На краю дороги стоял бурый медведь оранжевого цвета. Медведь сложил на животе лапы и мычал, покачивая головой.

– Что, красиво? – спросил Терентий, притормаживая.

– Красиво? Да медведь-то оранжевый.

– Ясное дело, оранжевый, я не дальтоник, вижу.

Терентий метнул в медведя бубликом, тот подхватил подарок и удалился в лес.

– Мы преследовали две цели, – сказал Терентий, прибавляя скорость. – Во-первых, контроль над крупными хищниками. Его издали видно, хочешь – наблюдай, хочешь – контролируй численность.

– А вторая цель?

Оранжевая точка мелькнула в просвете между стволов и исчезла.

– Вторая цель – создание новых мехов. Ты еще увидишь – у нас два зеленых волка бегают.

– Это великолепно! – воскликнул Стендаль. – И цвет крепко держится?

– Цвет натуральный. Другого не держим. А вот насчет великолепно или нет, у нас разногласия.

– Почему же?

– А потому, что медведю тоже питаться надо. На одних ягодах не проживешь, а он теперь в лесу как светофор. Вот и пришлось ему обратиться за помощью к людям. Подкармливаем. Или вот взять, к примеру, зеленых волков...

И тут Стендаль увидел, что по дороге, низко опустив головы и вытянув в струнку хвосты, вслед за печкой несутся два зеленых волка. Зрелище было почище, чем оранжевый медведь.

– Вот они!

– Они, это точно. Не бойся, они не кусаются. Они обедать торопятся.

И в самом деле, волки обогнали печку и пронеслись дальше.

– Летом такому волку раздолье – маскировка в лучших традициях. А зимой он – как пальма на снегу. Тоже пришлось взять на снабжение.

За такой беседой и коротали дорогу.

– А ты чего, Терентий, без пальто, в одном костюме? – спросил Стендаль. – Тоже изобретение?

И уже догадывался: или в синем костюме Терентия вживлены электрические нитки, или, может, вокруг него лежит силовое поле.

– С детства, – ответил Терентий, – имеем обыкновение обливаться холодной водой. Батя нас всегда в строгости держал. Вася, тот раньше в проруби регулярно купался. Теперь Клава возражает.

– Ясно, – сказал Стендаль с некоторым разочарованием. Очень уж сложно сплеталось в Зайках научное, передовое с обыденным. Печка въехала в открытые ворота.

– Вы уж простите за нескромность, отведайте нашего, домашнего, – сказал Артур Иванович, приглашая гостя за стол. Стол был уставлен снедью.

Миловидная Клава в широких джинсах и белой, расшитой большими цветами куртке навыпуск смущенно зарделась, когда Стендаль похвалил пищу – телятину в кляре, артишоки, малиновый мусс, протертый луковый суп и другие неприхотливые достижения домашней кулинарии.

– А ты, Клавачка, не стесняйся, – сказал Василий, очень похожий на младшего брата, такой же золотоволосый, тонкий и аккуратный. – Гость воздаст тебе должное. Чего уж стесняться.

После сладкого Клава подала мужчинам кофе.

– Сами выращиваем кофе, – сказал Терентий. – В теплицах, на гидропонике. Жаль, ты рано приехал, ананасы еще не успели. К апрелю первые пойдут.

– А мы ему в город пошлем, – сказал Артур Иванович. – Пусть побалуется витаминами.

– Большое спасибо, – сказал Стендаль.

Он наслаждался уютом и гостеприимством Заек. От камина тянуло теплом, под ногами лежали разноцветные экспериментальные шкуры диких животных. В душе жило сладкое томительное ощущение грядущих чудес.

Артур Иванович, словно угадав мысли Стендаля, произнес:

– Мы о вас, Миша, простите за прямоту, наслышаны от Терешки. Он очень тепло отзывается.

– Ну что вы!

– И вот решили мы показать вам наши последние опыты, а вы уж сами думайте, что достойно опубликования на страницах прессы, а с чем еще надо погодить.

– Я готов! – Стендаль вскочил с мягкого кресла, готовый к действиям.

Зайки вывели Стендаля на голубой заснеженный двор. Уже вечерело. Примораживало. Солнце спустилось к вершинам елей.

За высокой проволочной сеткой виднелось несколько темных холмиков.

– Ну вот, – сказал Артур Иванович. – Полагаем, простите, что это может вас заинтересовать. Поди сюда, баловница.

Один из холмиков зашевелился, и из него вытянулась вверх длинная шея с клювом на конце. Открылись стеклянные глупые глаза, страус поднялся на ноги и медленно, словно делал большое одолжение, подошел к загородке. Вид страуса был несколько необычен, ибо он казался одетым в толстую шубу – такие у него были длинные перья или шерсть, даже ноги были укутаны. В мороз он чувствовал себя легко и вольно, не подумаешь, что тропическое существо.

Артур Иванович угостил страуса конфетой, и тот вежливо взял ее сквозь сетку.

– Другие не встают, – сказал Артур Иванович, показывая на остальные холмики, из которых выросли длинные шеи и клювы повернулись к людям. – Другие на яйцах сидят. Это наше главное достижение. Что морозоустойчивые – куда ни шло, но что яйца на снегу научились высидывать – большое достижение. С пингвинами скрещивали. Внешний вид и размеры страуса, а повадки пингвиньи.

Стендаль смело сунул руку в загон, потрепал птицу по клюву и чуть не лишился пальца.

– Осторожнее, – укорил его Василий. – Он чужих не признает. Неукротимая птица.

– Значит, Миша, – подытожил Артур Иванович, – работаем мы в двух основных направлениях. Первое направление ты видал – это разноцветные животные. Вторая задача, которую решаем, – продолжал Артур Иванович, – приближение некоторых тропических животных, даже, простите за выражение, экзотических, к нашим условиям.

– Замечательно, – сказал Стендаль. – Вы разрешите написать об этом в нашей газете?

– Пиши, милый, – сказал Артур Иванович. – Пиши. Поможешь преодолеть трудности по внедрению в жизнь.

Они пересекли двор и пошли по просеке.

– А теперь, если хочешь, покажем тебе один незавершенный опыт, – сказал Артур Иванович. – Не для публикации, а для интереса.

Просека кончилась, упершись в поляну. Там находился загон, обнесенный толстыми бревнами.

Посреди загона стоял зубр, какого Стендалю не приходилось видеть даже в зоопарке. Ростом он превосходил Стендаля, в длину достигал трех метров, морда у него была тупая и безжалостная. Первобытное чудовище. Но, правда, натурального цвета. Стендаль, хоть и не трус, отступил на шаг от загородки.

– Внушает почтение? – спросил Терентий. – Вельзевулом зовут.

Вельзевул оглядел присутствующих маленькими злыми глазками и вдруг без предупреждения наклонил голову и бросился на людей. Бревно, из которых была сложена изгородь, содрогнувшись от страшного удара, и по всему лесу прокатился жуткий гул. С деревьев посыпался снег, взлетели испуганно вороны. Зубр отошел на несколько шагов назад, чтобы возобновить нападение.

– Дикая сила, – сказал уважительно Артур Иванович. Он был здесь самый маленький, даже ниже и легче Клавы, но единственный не отпрянул назад, когда зубр штурмовал бревенчатую преграду.

– Клава, ты готова?

– Готова.

– Смотри, осторожнее, – сказал Василий. Он был серьезен.

Что-то будет, понял Стендаль.

Клава подошла к изгороди, оперлась рукой о бревно и легко перелетела в загон.

– Стойте! – вырвалось у Стендаля.

Но никто не поддержал его.

Зубр медленно повел головой в сторону Клавы, пытаясь уразуметь своим маленьким мозгом, кто посмел нарушить его уединение.

– Ты, Миша, не беспокойся, мы не изверги, – улыбнулся Терентий. – Мы Клаву любим.

– Обратите внимание, пресса, – сказал Артур Иванович. – Это зрелище, простите за беспокойство, достойно внимания.

Клава спокойно ждала, пока зубр приблизится к ней. А тот сначала отступил для разгона и начал рыть снег копытом.

И вдруг с глухим ревом бросился на Клаву.

Та стояла прямо, дубленка распахнулась, шапочка чуть сбилась набок.

«Беги», – беззвучно шептал Стендаль.

Но Клавочка и не думала бежать. Она дотронулась кончиками пальцев до рогов несущегося Вельзевула, и все дальнейшее произошло так быстро, что Стендалю захотелось закричать, как при наблюдении хоккейного матча по телевизору: «Еще раз покажите! В замедленном темпе!»

Потому что Клава, взявшись за рога зубра, не только остановила эту махину, но и умудрилась неуловимым движением повалить зубра в снег.

И когда Стендаль опомнился, Клава уже стояла над тушей и придерживала ладошкой голову своего противника.

– Отпустить? – крикнула Клава.

– Отпусти, чего животное унижать, – откликнулся Артур Иванович. – И сюда беги, а то спохватится.

– Я быстро. – Клава отпустила зубра и легко побежала к изгороди. Зубр и не думал подниматься, он лежал, моргал глазками и переживал. Словно бандит, которому дал достойный отпор маленький ребенок.

Клавдия уже стояла рядом с мужчинами.

– И что ты думаешь, Миша, по этому поводу? – спросил Терентий.

– Ничего не думаю, – сознался Миша. – Она что, какое-то место знает, чтобы его выключить?

Клава весело засмеялась. Она приблизилась к журналисту, дотронулась тонкими пальчиками до его груди, и в тот же момент Стендаль понял, что поднимается в воздух. Земля находилась где-то далеко внизу и притом была наклонена. Там же, внизу, всей семьей стояли Зайки и, задрав головы, улыбались. А Клава держала Стендаля

над головой на одной руке, и это не составляло для нее никаких трудностей, потому что она при этом спросила гостя:

– А скажите, Миша, это правда, что в гусярском универмаге японские складные зонтики давали?

– Простите, я не в курсе, – откликнулся сверху Стендаль, хотя положение, в котором он находился, не склоняло к беседе о японских зонтиках.

– Отпусти его, Клава, – сказал Артур Иванович. – Он уже убедился. А то наука превращается в дешевые шутки.

Клава осторожно поставила Стендаля на снег.

– Пошли домой, – сказала она. – Надо мне отдохнуть.

Зубр медленно поднимался на ноги, отворачиваясь от унизивших его людей.

– Клава, иди вперед с Васей, – сказал Артур Иванович. – Ты помнишь, где глюкоза лежит?

– Сейчас, одну секундочку, – ответила молодая женщина, – надо еще одно дело сделать, а то все руки не доходят.

Она свернула с дороги к вылезающему из чащи клыкастому пню в три обхвата.

– Осторожно, шубку не замарай, – предупредил ее Артур Иванович.

Клава легонько пошатала пень, как хирург пробует больной зуб, прежде чем взяться за него щипцами. Пень громко заскрипел.

– Ты его туда, в сторону положи, – сказал Василий. – Я его потом распилю.

Клава рванула пень, оглушительно взвыли рвущиеся корни, и откатила громаду, куда велел Василий.

– А теперь пошли, – сказала она, запахивая дубленку.

Василий с Клавой покинули гостя. Остальные вернулись в горницу к камину.

– Как тебе, Миша, достижения Клавы? – спросил Терентий.

– Я с нетерпением жду объяснений! – ответил Стендаль, прихлебывая из кружки квас, чтобы остудить свои чувства.

– Проще простого, – сказал Терентий. – Надо только задуматься. А мы, Зайки, очень даже любим задумываться.

Артур Иванович согласно кивнул.

– Вот ты задумывался, по какому принципу работают мышцы?

– Ну, сокращаются. И расслабляются...

– Это не принцип, – вздохнул Терентий. – А принцип у них – как у любого двигателя: сжигают топливо, выделяют энергию, совершают работу.

– Ну, разумеется, – согласился Миша.

– То-то, что не разумеется. Вот ты можешь, например, поднять двадцать килограммов.

– Больше, – утвердительно возразил Миша.

– А спортсмен может сто или даже двести. Для этого он такую массу мускулов на себе наращивает – смотреть страшно. И все чтобы жалких двести килограммов поднять. Очень неразумно мы устроены.

– Здесь, Тереша, прости за вмешательство, ты не прав, – блеснул голубыми глазами Артур Иванович. – Устроены мы разумно, только ограничитель стоит на нашей машине. Чтобы топлива на подольше хватило. Умный человек пятьдесят килограммов на спину взвалит и весь день топает. А топливо в мышцах себе горит, идет гликолиз, хранится актомиозин. Подробностей тебе говорить не будем, все равно, прости за недоверие, не поймешь.

– Не пойму, – покорно согласился Стендаль.

– А если нам нужно все топливо сразу истратить, костер зажечь? Ведь мышцы на это способны. Их волокна такой крепости и эластичности, что ты, Стендаль, прости, не представляешь. Может, помнишь, в школе опыты делали: лягушачью лапку электротоком раздражи, она целую гирию поднимет. Так вот, представь себе, что мы

ограничитель сняли, подбросили в мышцу креатинфосфат. И пускай все топливо в мышцах сгорит за десять минут, зато результат достойный.

– А потом что? – спросил Стендаль. – Ведь природа жестоко наказывает тех, кто пренебрегает ее законами.

– Смотри, как правильно рассуждает! – обрадовался Терентий.

– А ты не злоупотребляй, – сказал Артур Иванович. – Сделал свое дело, сразу в постельку, прими компенсацию и следуй режиму. Что же это за изобретение, если во вред человеку? И пока мы не изобретем способа быстро в человеке потерянную энергию восстанавливать, мы наше средство в народ не пустим, не опасайся.

– А когда опыты закончите? – спросил Стендаль деловито.

Ему уже виделась статья, которая прославит его в журналистском мире.

– Не спеши. Может, еще год работать будем. А то получится опасное для окружающих баловство.

– Как жаль, что я не взял фотоаппарат!

– Еще успеешь.

Стендаль не слушал. Он уже представлял себе, какие возможности откроются перед людьми. Ведь если в мозгу у человека тоже есть мышцы, можно будет за минуту придумать то, над чем бьешься месяцами и впустую. Правда, эту мысль он высказывать вслух не стал, потому что не был уверен, есть ли в мозгу мускулы.

– И когда, вы думаете, можно будет об этих опытах написать?

– В конце лета приедешь, поговорим. А что, про мех и страусов для газеты не подойдет?

Стендалю даже стыдно стало, словно он опорочил другие, тоже важные открытия.

– Я и не думал так. Я обязательно напишу о ваших замечательных достижениях.

Но проблема мышечного ограничителя настолько захватила воображение журналиста, что он с трудом мог думать о чем-либо ином.

Автобус приехал в Гусяр в двенадцатом часу ночи. Он остановился на площади, и немногочисленные пассажиры вышли на скрипучий снег. Стендаль поежился от крепкого морозца, поднял воротник и поспешил домой.

Славный выдался день. День больших открытий и встреч с интересными людьми. Пройдет месяц, может, два. Зайки пришлют, как договорились, условленную телеграмму, и Стендаль сразу опубликует в газете статью об антиограничителе. Первым из всех журналистов мира. Таковы преимущества дружбы с великими изобретателями. А пока надо написать очерк о домашнем хозяйстве лесников... И там будет светлый образ отважной и работающей Клары, такой простой и такой привлекательной женщины...

Гусляр — Саратов

Духовой оркестр — слабость Льва Христофоровина Минца. Духовой оркестр в Великом Гусляре отличный, он получил диплом на конкурсе в Вологде.

По субботам, когда оркестр выступает на открытой эстраде в парке, профессор Минц откладывает все дела, идет в парк и слушает музыку, которая напоминает ему времена молодости. Порой к нему присоединяется Саша Грубин или старик Ложкин, тоже поклонники солидных вальсов и танго об утомленном солнце.

В ту субботу Минцу с Грубиным не повезло. В городе была небольшая эпидемия гриппа, из-за чего оркестр временно лишился барабанщика и кларнетиста. Этих специалистов пришлось позаимствовать в джазовом ансамбле, игравшем обычно в ресторане «Великий Гусляр». Молодые люди, вторгшиеся в оркестр, нарушили консервативную традицию, они спешили, сбивали с толку тубу и литавры, отчего вальс «На сопках Маньчжурии» приобрел оттенок синкопированного легкомыслия.

Разочарованные ценители отошли от эстрады и присели на голубую скамейку неподалеку от пивного ларька. Высокие столики для пивохлебов, как неуважительно называл их старик Ложкин, отделялись от скамейки кустами сирени.

Минц и Грубин молчали, думали о науке, о смысле жизни и других проблемах, когда за кустами послышались голоса.

Басовитый, значительный голос произнес:

— Ты пей, Тюпкин, не стесняйся. Сегодня у меня большой день.

— А что, Эдуард, мысль есть или удача пришла?

— Мысль.

За кустами помолчали. Видно, тянули пиво.

— И какая? — раздалось через полминуты. Голос у Тюпкина был негромок и деликатен.

— Радикальная, — ответил Эдуард. — Задумал я переправлять материю на расстояние. Скажем, в Саратов.

— Ого, — тихо произнес Грубин.

— Я вас всегда уважал, Эдуард, — сказал Тюпкин, — но такие мысли почти невероятны.

— Нет преград для смелого полета ума, — ответил скромно Эдуард.

— И собираетесь внедрять? — спросил Тюпкин.

— Дай мне месяц, — ответил Эдуард. — Через месяц я эту проблему расколю, как грецкий орех. А пока — никому ни слова. Сам понимаешь, вокруг завистники, недоброжелатели.

— Разумеется, Эдуард, разумеется, — согласился Тюпкин.

Звякнули кружки о столик. Раздались шаги, и уже издали донесся вопрос Тюпкина:

— А как: я узнаю об успехе вашей идеи?

— Через месяц, на этом же месте, — ответил Эдуард. — В это же время. И я скажу — удалось или ошибка.

Некоторое время профессор Минц и Грубин сидели в полной растерянности. Первым пришел в себя Грубин.

— Нет, — сказал он. — Для нашего маленького городка напор гениев невероятен. Нарушение статистики. И я его не знаю.

— Я тоже не знаю, — сказал Минц. — Не слышал раньше такого голоса. Но дело не в напоре гениев. Дело в том, что передача материи на расстояние невозможна.

— Почему? — спросил Грубин.

— Потому что в ином случае я давно бы это изобрел.

Это был аргумент, спорить с которым Грубину было нелегко. Да и не хотел он спорить. Он глубоко уважал профессора Минца как

человека и как мыслителя.

— Но если... — начал он неуверенно.

— Если это возможно, то я изобрету. Хотя бы для того, чтобы доказать самому себе, что как профессионал в науке я сильнее любого дилетанта. Я владею методом...

— Но допустим, у него, у Эдуарда, талант?

— Допускаю, — сдержанно сказал профессор и поспешил к дому.

В последующие дни Лев Христофорович буквально пропал. Выбежит утром в магазин за кефиром и на почту, куда на его имя поступали из Москвы редкие приборы и транзисторы, и сразу обратно, в кабинет-лабораторию. Если пройти по коридору, то услышите, как он ворчит, беседует сам с собой и с невидимыми соперниками.

Так прошло двадцать четыре дня. Все жильцы дома № 16 по улице Пушкинской давно уже знали о причине затворничества профессора — Грубин рассказал. Все с нетерпением ждали исхода заочной борьбы двух титанов — неведомого Эдуарда и любимого Льва Христофоровича. Несколько раз Грубин с Удаловым ходили к пивному ларьку в парке, проводили там вечера, но никого, схожего с Тюпкиным или Эдуардом, там не встретили. Предположили, что Эдуард тоже не покидает своей лаборатории.

На двадцать пятый день профессор вышел из кабинета, спустился во двор, где его соседи играли в домино в лучах заходящего солнца. Игроки замерли при виде Льва Христофоровича, вглядываясь в его умное усталое лицо.

— Ну и как? — нарушил тишину Удалов.

— Передача предметов на расстояние возможна, — сказал Минц. — Теоретически возможна.

— А практически?

Профессор вздохнул. Он был самолюбив.

— Еще придется поработать? — спросил Грубин.

— Придется, — сказал профессор. — Пошли ко мне.

Непонятного вида установка стояла посреди комнаты. По обе стороны вертикальной стойки, опутанной приборами и начерно прикрепленными печатными схемами, располагались две небольших платформы.

— Вот, — сказал профессор. — Вот то максимальное расстояние, на которое я могу передать материю. На сегодняшний день...

Он взял со стола бутылку кефира, поставил на одну платформу, включил ток, нажал несколько кнопок. Раздалось низкое жужжание, и бутылка исчезла с платформы, тут же возникнув на другой.

Раздались аплодисменты. Грубин и Удалов горячо поздравили профессора с принципиальным открытием.

— Сегодня метр, — сказал Удалов. — Завтра — на Луну.

— Конечно, так, — согласился Минц. — Но до Саратова нам далеко. Вы, друзья, не представляете, сколько нужно для этого энергии.

— Значит, и у Эдуарда не получится, — сказал Грубин. — Ведь в данной ситуации вы, Лев Христофорович, как Аполлон.

— А он Марсий? — Лев Христофорович кинул взгляд на пыльную свирель, лежавшую на подоконнике. — Нет, я никогда не буду снимать шкуру с человека, посвятившего себя науке. Даже если он ошибается, даже если он переоценил свои силы. Пускай дерзает и дальше.

— Я попробую? — спросил Удалов.

— Можно, — сказал профессор. — Вот этот рычаг до нулевой отметки, эту клавишу не до конца. Ясно?

Удалов подошел к телепортирующей установке, но не удержался, перевел рычаг за нулевую отметку, а клавишу выжал до отказа.

Бутылка исчезла, но на другую платформочку не выскочила. Вместо этого послышался глухой удар и возмущенный крик со двора.

Там, облитый кефиром, стоял старик Ложкин и был разгневан.

Пришлось просить прощения, а потом разрешить ему телепортировать свои часы.

— Сделаем рычаг побольше, — сказал Удалов, — уже завтра добьемся ста метров.

Он не был удивлен и не чувствовал себя виноватым. Он был участником. А добрый Саша Грубин между тем сбегал за кефиром, чтобы Минцу было что пить утром.

Напряжение росло. Приближался день, когда к пивному ларьку придет соперник. Как у него? Саратов или не Саратов? А может, провал?

С одной стороны, хотелось провала, потому что человек слаб, и патриоты из дома № 16 хотели приоритета для своего профессора. С другой стороны, врожденное чувство справедливости желало успеха неизвестному самоучке и славы городу в целом.

Ровно через месяц после того, как случайно был подслушан разговор в парке, Удалов, Грубин и Минц пошли +уда вечером. Играл духовой оркестр, играл хорошо, солидно, барабан и кларнет вышли с бюллетеня. Вечер был теплым, славным, за пивом стояла очередь. Соседи подошли к крайнему столику. Возле него нашли небольшого, сутулого человечка, который в одиночестве пил пиво.

— Тюпкин? — спросил Удалов.

— Я — Тюпкин, — сказал тот испуганно. — Ноя ни при чем.

— Эдуард придет?

Тюпкин захлопал глазами, но ничего не ответил.

— Не беспокойтесь, — сказал Грубин. — Мы к вам претензий не имеем. Нам нужен Эдуард. И не столько он, сколько его открытие.

— Не знаю, — пискнул Тюпкин. — Не в курсе.

— Неправда, — сказал Удалов. — Вы ждете Эдуарда, потому что он назначил вам здесь свидание по поводу его мысли о передаче материи на расстояние. В частности, в Саратов. А нам любопытно узнать, удалось ли...

И вдруг маленький Тюпкин пригнулся и бросился кустами к эстраде.

Вообще-то не к лицу серьезным людям гоняться по парку за всяким Тюпкиным, но на этот раз речь шла об открытии мирового значения. Поэтому пришлось догонять.

Тюпкина настигли на берегу реки, где он пытался спрятаться под скамейку.

— Зря ты так, — сказал Удалов, извлекая человечка. — Ты сознайся и иди себе на здоровье. Мы зла не имеем.

— Имеете, — возразил Тюпкин, дрожа, словно выкупался в проруби. — Только я ни при чем. Я так с ним разговаривал. Я вообще его почти не знаю...

— Не так, не так... — поморщился Грубин. — Все по порядку.

— По порядку в милиции спрашивайте, — сказал Тюпкин. — Взяли его сегодня. Сразу после обеда.

— Как? Такого ученого? — Профессора Минца охватили гнев и жалость к коллеге. — Где его содержат? Это ошибка! Мы сейчас же освободим!

— Не освободить, — сказал Тюпкин. — Его с поличным взяли. Он как раз со своего склада материю в Саратов отправлял.

— Со склада... — Удалов нахмурился, потому что начал догадываться о том, что произошла трагикомическая ошибка.

— Откуда же еще, — сказал Тюпкин. — Он складом заведовал, материю воровал и на сторону сбывал. Плохой человек, недостойный, но с размахом.

Когда соседи возвращались к дому, оживленно обсуждая события, Грубин сказал:

— Если с этого Марсия снимут шкуру, я не возражаю. Но свою положительную роль в науке он сыграл.

— Это точно, — согласился Удалов. — Без подсказки Льву Христофоровичу на эксперимент не пойти бы.

— Почему? — вдруг обиделся профессор. — Идея витала в воздухе. Из воздуха я ее изъял и материализовал. Если бы подсознательно не думал о телепортации, сразу бы понял, что жулики разговаривают.

В этот момент с неба на мостовую упал котенок, мяукнул и бросился бежать.

— Немедленно домой! — крикнул Удалов. — Подросток Гаврилов забрался к вам в кабинет. Если его не остановить, он перетелепортирует все, что есть в комнате!

И соседи побежали домой.

Дар данайцев

Часов в пять вечера, в пятницу, в середине сентября, пошел дождь. Похолодало. Удалов возвращался домой с работы и жалел, что не взял зонтика. Но дождь был таким занудным, мелким, осенним, что переждать его не было никакого смысла — лучше было потерпеть и добежать поскорее до Пушкинской улицы.

Когда Удалов перебежал площадь, то услышал над головой какой-то гул, поднял голову и таким образом стал первым гусярцем, который увидел, как на город опускается Конструкция.

Космического корабля за облаками не было видно. Так и осталось неизвестным, приближался он к Великому Гусяру или обронил Конструкцию из космоса.

Удалов еле успел метнуться в сторону, к зданию музея, а Конструкция тяжело ухнула на асфальт, продавив его. В стороны побежали узкие трещины.

Удалов перевел дух и пригляделся к Конструкции.

Вид ее был неприятен. Под острыми углами из центрального столба выростали оси и стержни, частично снабженные колесами и шариками, которые, как только Конструкция как следует встала, начали вращаться с различными скоростями. Господствующий цвет Конструкции был черным, кое-где поблескивал металл. Высотой она достигала метров пяти и производила чуть заметный, но неприятный скрежущий звук.

Удалов, забыв о дожде, раздумывал, чем бы могла оказаться Конструкция и насколько она опасна для населения, но ничего придумать не мог, потому что ничего подобного еще не видел.

Из задумчивости его вывели удивленные голоса горожан, сбегавшихся на площадь. Вскоре народу накопилось немало, и пришедший старшина милиции Перепелкин с помощью пожарников обнес центр площади канатом на столбиках, чтобы никто не приближался к Конструкции до приезда ученых.

Ученые прилетели на вертолетах тем же вечером, а к утру подоспели другие, менее оперативные, на автобусах и служебных машинах. С этого дня площадь кипела толпой специалистов самых

различных областей знания, к тому же приходилось как-то защищать Конструкцию от туристов и зевак. Но, несмотря на суровую охрану и принятые меры, к утру третьего дня на металле Конструкции появились две надписи. Одна говорила о личных отношениях какой-то Любы и какого-то Пети, а вторая была еще лаконичнее: «Были: Коля, Ира, Шляпиков из Сызрани». Так как ни одно сверло, ни один бур не смогли оставить на Конструкции ни единой царапины, осталось тайной, каким образом Шляпиков с друзьями и Петя запечатлели себя. Поиски Шляпикова продолжаются.

Пока ученые осматривали, обмеряли и зарисовывали Конструкцию, в доме № 16 по Пушкинской улице шли горячие дебаты, зачем и почему из космоса забросили Конструкцию и чем это грозит Земле в целом и Великому Гусярю в частности.

Романтически настроенный Удалов энергично мерял короткими шагами захламленный кабинет профессора Минца и рассуждал:

— Основное чувство в космосе — сотрудничество, дружба. Мне приходилось с некоторыми встречаться, редко кто настроен к нам отрицательно.

— Это еще не значит, — возразил известный скептик старик Ложкин.

— Должна быть цель... — задумчиво произнес профессор Минц, рассматривая фотографию Конструкции. Наяву ее уже нельзя было увидеть, потому что, спасая от туристов, ученые прикрыли ее брезентовым куполом, который раньше употреблялся для цирка шапито.

— Зачем они бросают на Землю эту отвратительную, на наш непосвященный взгляд, Конструкцию? — продолжал Удалов. — С одной только целью. Приобщить.

— Приобщить? — спросил Грубин. — Если приобщить, то к чему?

— К космическому прогрессу.

— Чепуха, — сказал профессор Минц. — Когда я приобщаю кого-то, я прилагаю к прибору объяснительную записку. На понятном языке. На что нам приобщение, если мы не знаем, к чему нас приобщают?

— Вот! — воскликнул Удалов радостно. — Именно так! Казалось бы, чепуха, а на самом деле все продумано! Представьте себе, сидят

сейчас на своей планете наши продвинутые братья по разуму. И думают: доросла ли Земля до уровня космических цивилизаций? Можно ли принять ее в галактическое содружество? Ну, как им решить этот вопрос?

— Приехать и спросить, — сказал Ложкин.

— Тебя спросишь, — возразил Удалов, — а ты необъективный. Всю картину исказишь.

— Я не лжец!

— Ты путаник. Любой из нас путаник. И неосведомленный. Я вот, например, не в курсе последних успехов теоретической механики. Может, только Лев Христофорович все науки знает. Да и то... Попробуй-ка найди объективного.

— Ага, — сказал Минц. — Найти нелегко.

— И вот присылают они нам Конструкцию. Такой мы раньше не видали. И эту Конструкцию нам' надо расшифровать и пустить в дело. Не знаю уж, чем она должна заниматься — может, сады сажать, может, землю копать, следят за нами и думают — справимся или не справимся? Справимся — получим все блага экономической и научной помощи и прогресса. Не справимся — антракт еще на сто лет.

Все задумались. Идея Удалова звучала соблазнительно. Был в ней смысл. Только упрямый Ложкин возразил:

— Так зачем они к нам ее спустили? Тогда бы в Москву или в Париж. Там специалисты, там общественности больше.

— А вот ты и не прав, Ложкин, — сказал Удалов. — Выбирали они по жребью. Самый обыкновенный город, самых обыкновенных людей. От того, что не в Москве, — что изменилось. Ты погляди, вся гостиница забита академиками, по три человека на койке спят.

— Я знаю, — тихо сказал профессор Минц. — Я все понял.

Он поднялся, подошел к окну, взял с подоконника самодельную свирель, сунул ее в верхний карман замшевого пиджака, обвел задумчивым взглядом соседей и разъяснил:

— Конструкцию опустили именно сюда, потому что там знают, что в этом городке живу я. И задача эта — лично для меня. Для скромного Марсия. К сожалению, все сбежавшиеся сюда Аполлоны — бессильны.

С этими словами профессор покинул комнату, а Удалов спросил:

— Кто этот Марсий?

— Бог войны, — сказал Ложкин. — Только он себя переоценивает. Они ведь академики, а он простой профессор.

— Марсий был всего-навсего сатиром и играл на свирели, — сказал Грубин. — Аполлон содрал с него за это шкуру.

— Так плохо? — расстроился Удалов. — Неужели так плохо?

Академики обмерили, освоили, исследовали Конструкцию еще несколько раз и не смогли прийти к единому мнению. Минц с ними почти не общался, хотя со многими учился на одном курсе в университете. Он думал.

Конструкция мирно поскрипывала на площади под брезентовым куполом, старик Ложкин обходил площадь стороной, потому что не верил данайцам, а Лев Христофорович незаметно для окружающих построил двадцать разного размера моделей Конструкции и бессонными ночами вертел их в руках, размышляя, куда бы их можно было определить.

И вот, когда через месяц, узнав о Конструкциях все, что было возможно, и не сделав никаких практических выводов, кроме того, что Конструкция является предметом неизвестного происхождения и назначения, академики собрались на последнее заседание под куполом шапито, туда вошел профессор Минц с большим чемоданом в руке. Пока академики обменивались заключительными мнениями, он сидел в стороне и крутил в пальцах свирель. Потом попросил слова.

— Уважаемые коллеги, — сказал он. — Отдавая дань вашей эрудиции и упорству, я хочу обратить ваше внимание на методологический просчет, который вы коллективно допустили. Вы априори признали Конструкцию неведомой, загадочной и не подлежащей утилизации. Я же решил, что Конструкция — не более не

менее как испытание нашему интеллекту, нашей изобретательности, нашему разуму. Раз она сброшена к нам не случайно, следовательно, Мы должны выдержать испытание. Вы уклонились от этого. Пришлось всю тяжесть мышления мне взять на себя.

После этого профессор Минц открыл чемодан, а академики сдержанно выразили свое недовольство слишком самонадеянным тоном и манерами своего провинциального коллеги.

Из чемодана Лев Христофорович извлек множество Конструкций, от трех сантиметров до полуметра размером, и разложил их на асфальте рядом с их громадным прототипом.

— Коллеги, — продолжал он. — Мне удалось обнаружить, что наши космические испытатели оказались даже хитрее, чем я подозревал с самого начала. Конструкция имеет не одно утилитарное решение, а по крайней мере двадцать.

Профессор поднял самую маленькую модель, ловко вытащил из кармана нитку с иглой, вставил в модель и на глазах изумленных академиков в мгновение ока заштопал с помощью этого устройства разорванный занавес, у которого когда-то выстраивались униформисты.

— Это, — сказал он, — революция в швейном деле. Благодарите не меня. Благодарите наших друзей из космоса.

С этими словами он поднял другую модель.

— Показываю вам, — произнес он, — прогрессивные ножницы для стрижки овец.

Он быстро подошел к одному из академиков, обладавшему буйной шевелюрой, и провел моделью Конструкции над головой коллеги. Коллега оказался наголо обрит, чем весьма возмутился.

— Далее, — сказал Минц, отбрасывая вторую и берясь за третью модель, — мы видим машинку для прокладывания подземных трасс для трубопроводов.

Лев Христофорович опустил модель на пол, нажал на нее, и она тут же вгрызлась в асфальт, пропала из глаз, чтобы через пятнадцать секунд вынырнуть на поверхность в трех метрах от Минца.

— Далее... — сказал Минц, подхватывая четвертую модель.

Академики замолкли перед таким невероятным напором изобретательской мысли. Тишина под куполом стояла гробовая. И все услышали, как сверху приближается утробный рев. Минц замер.

Академики вскочили на ноги. Старшина милиции Перепелкин вбежал под купол и закричал:

— Космический корабль неизвестной конструкции!

— Все ясно! — голос Минца перекрыл рев гравитонных двигателей. — Они увидели, как я раскусил эту загадку. Нас примут сейчас в галактическое содружество.

Все высыпали наружу, глядя, как схожий с волчком, ярко расписанный космический корабль осторожно/опускается на площадь.

Минц вышел вперед. Никто не посмел остановить его в час галактического торжества. Загадочно улыбаясь, профессор крутил в пальцах простенькую свирель.

Открылся люк. Из корабля вышел инопланетянин, одетый небрежно, притом босой. Он вежливо кивнул собравшимся, огляделся и спросил:

— Где?

— Там, — сказал Минц, указывая на купол шапито.

— Ах, да! — сказал пришелец и совершил короткое движение указательным пальцем, отчего купол мгновенно испарился и возник вновь в сложенном состоянии метрах в ста от Конструкции. — Лишнее это, — продолжал пришелец. — Она не боится дождя и холода. Вечная вещь. Но в любом случае спасибо.

Пришелец наклонил голову, разглядывая Конструкцию. Потом взгляд его упал на профессора Минца, который вытащил из кармана маленькую модель Конструкции, что должна была совершить поворот в швейном деле.

— Ах, молодец, — сказал пришелец, улыбаясь. — Похоже, похоже... Копиист?

— Нет, — улыбнулся в ответ Минц. — Своего рода рационализатор.

— Ну-ну, — сказал пришелец. — Я-то думал, что заберу ее у вас. Ошибка вышла, везли на Сперлекиду, а почтари сбросили в другом секторе. Ну, думаю, заберу и поставлю где надо. А вам, оказывается, понравилась. Копии делаете, на площади под брезентом держите. Ну, спасибо!

— Мы же понимаем, — сказал Минц.

— Понимание искусства — великий дар Космоса, — согласился пришелец. — Я отдал созданию этой скульптуры два года жизни!

Минц незаметно спрятал в карман маленькую модель Конструкции. Кто-то из академиков хмыкнул. Инопланетный скульптор обвел глазами площадь и сказал:

— Правда, мыслить категориями большого пейзажа вы не научились. Это мы исправим.

Движением пальца он перенес на другой берег реки Гусь церковь Параскевы-Пятницы, другим — отодвинул с площади старинное здание музея, третьим убрал гостиный двор. Теперь ничто не мешало гусярцам со всех концов города видеть жуткую черную Конструкцию.

И улетел.

А Конструкция стоит на площади и по сей день. Мало кто любит ее в городе, но неловко как-то выбрасывать космический дар.

Зато профессор Минц выкинул в речку свою самодельную свирель.

Градусник чувств

Ни биография, ни анкетные данные Эммы Проскуряковой нас не интересуют. Важно лишь одно – эта стройная зеленоглазая девушка отличается крайней замкнутостью. Посудите сами: четыре раза Эмма ходила в кино с Михаилом Стендалем, сотрудником городской газеты, два раза была с ним в кафе, провела вечер на скамейке в парке, но ни взглядом, ни словом не раскрыла своего к Стендалю отношения.

А Стендаль кипел. От овладевшего им чувства и от незнания, разделяет ли это чувство прекрасная Эмма.

Наконец, провожая Эмму из кино, он осмелился спросить:

– Эмма, вот мы гуляем, а скрывается что-то за этим?

– А что? – спросила Эмма.

– Может, я неточно выразился, но, с другой стороны, я вчера ночью написал стихотворение.

– Вы мне его уже прочли, – сказала загадочная Эмма. – Я с интересом выслушаю любое ваше новое произведение.

– Эх! – сказал тогда Миша Стендаль.

И до калитки, за которой обычно скрывалась Эмма, они прошли в полном молчании.

На следующий день Миша Стендаль был у профессора Минца, знаменитого ученого, временно живущего в Великом Гусляре. Профессор Минц принял его в своей небольшой комнате и на вопрос Миши, как дела на птицеферме, ответил:

– Дорогой юноша, вы задели оборванную струну моей души.

Профессор Минц порой любил выражаться изысканно. Он погладил себя по сверкающей лысине и указал на клетку, в которой скучало странное существо с клювом.

Стендаль пригляделся к существу. Оно было похоже на барана и на курицу. Точнее, на барана размером с курицу или на курицу, покрытую бараньей шерстью.

– Я рассчитываю на статью, – сказал Стендаль.

– О чем писать? – вздохнул ученый.

– Начать с того, как вы задумались...

– Я задумался над тем, что картофель мы научились чистить машинами, а вот птиц приходится ощипывать руками. Это непроизводительно.

– И вы решили...

– И я решил вывести обнаженную курицу. Что нетрудно при моем опыте. И я ее вывел. Но голые цыплята простужались. Мы изобрели для них попонки, но цыплята росли, а менять попонки по росту непроизводительно. Проще ощипывать птицу.

– И тогда вы...

– Тогда мы переслали яйца обнаженных кур и всю документацию нашим индийским и кубинским коллегам, для которых проблемы климата уже решены самой природой, и стали думать дальше.

И я вывел породу кур, покрытых бараньей шерстью, кур, которых не нужно резать, побрил – и снова выпускай пастись. Притом новая природа, назовем их «куровцы», в отличие от овец несет яйца.

– Но теперь вы...

– Да, теперь я неудовлетворен. Оказалось, что куровец трудно стричь по причине их небольшого роста и подвижности. Ощипывать кур было легче.

– Но неужели сам факт замечательного эксперимента...

– Сам факт бессмыслен, если он не приносит пользы человечеству, – отрезал профессор. – Кроме того, я обнаружил, что у кур, покрытых шерстью, вырабатывается комплекс неполноценности. Они чураются своих перьевых товарок. И я нашел этому причину.

Профессор Минц сделал шаг к письменному столу, заваленному научными журналами, рукописями и приборами, разгреб завал, вытащил из него градусник, подобный тем, которыми меряют температуру воды в детских ванночках, и потряс им перед носом Стендаля.

– Принесите мне из коридора вторую клетку. В ней петух, – приказал он журналисту.

Стендаль подчинился. Клетка с петухом была накрыта старой скатертью, и, когда Минц стянул скатерть с клетки, петух встряхнул гребнем, попытался расправить крылья и заклекотал подобно орлу.

– Чудесный экземпляр, – сказал Минц. – Люблю петухов. Глупы, но сколько чувства собственного достоинства!

Он поднес градусник к клетке с курчавой куровцой, которая глядела на петуха, нервно переступая желтыми ногами.

– Что вы видите на шкале?

Столбик ртути полз вверх и остановился примерно на двадцати градусах по Цельсию. О чем Стендаль и сообщил профессору.

– Правильно. А теперь поднесем градусник к петуху.

Столбик обрушился вниз, проскочил нулевую отметку и показал пятнадцать градусов мороза.

– Ясно? – спросил Минц.

– Нет, – признался Стендаль.

– Странно. Вы производите впечатление неглупого молодого человека. Это же не просто термометр, а термометр, измеряющий эмоции. Отношение одного живого существа к другому. Ноль – никакого отношения. Если столбик ртути пошел вверх, значит, отношение положительное. Чем выше он поднимается, тем горячее эмоции. Двадцать градусов по Цельсию – степень положительного отношения куровцы к обыкновенному петуху.

– А наоборот... – догадался Стендаль.

– И наоборот! Петух презирает куровцу. И это факт.

– Невероятно! – воскликнул Стендаль. – Я напишу об этом.

– Ни в коем случае. Опыты с куровцами я закрываю. Я не могу вывести расу презираемых отщепенцев – кур, на которых их товарки будут смотреть с презрением, цыплят, которых будут обижать сверстники, петухов, которых не одарит любовью ни одна подруга.

– Я не о том, – сказал Стендаль. – Я о градуснике.

– Ах, оставьте, молодой человек! Я потратил на изготовление термометра полчаса. Это же вспомогательный прибор.

– И все-таки...

– Все. Наш разговор окончен. С завтрашнего дня выводим длинношерстных коров-мериносок.

Стендаль распрощался и покинул комнату в состоянии преклонения перед концентратом изобретательского гения, обитавшим в тугом теле профессора.

Да, рассуждал Стендаль, пересекая двор, полчаса мышления – и перед нами замечательный прибор. Но изобретателю прибор замечательным не кажется. Ему это уже неинтересно, он пошел

дальше. А ведь сколько применений может найтись такому градуснику... Стендаль остановился посреди двора.

– Да, – сказал он вслух. – Именно так.

И вернулся к профессору.

– Простите, – сказал он от двери, потупив взор, – у меня к вам личная просьба.

– Да? – Профессор заложил пальцем страницу в книге.

– Я, простите, нахожусь в таком положении, когда мне очень важно... Ах нет! Не это...

Стендаль заметил, что рука профессора начала совершать медленное движение к карману замшевого пиджака, где должен был храниться бумажник с деньгами.

– Вы не могли бы одолжить мне на два часа ваш градусник? Я верну вам его в полной сохранности, сегодня же...

Стендаль заметил, как на ближайшую к нему стену упал алый отблеск – от его щеки.

– Вы влюблены? – спросил строго профессор.

– В некотором смысле...

– Я, честно говоря, зарекся давать в руки любителей мои изобретения.

– Но мне только узнать... понимаете, вверх или вниз? Только узнать, и все. Я же не буду воздействовать...

– Эх, молодежь! – сказал укоризненно профессор. – В мое время мы заглядывали друг другу в глаза.

– Но здесь особый случай.

– Все случаи особые. Стандартных не бывает, – сказал профессор. – Иначе бы любовь потеряла романтический ореол. Возьмите термометр, молодой человек. Желаю личного счастья!

Дорогу до редакции Стендаль провел в размышлениях. Градусник оказался столь велик, что употребить его незаметно было невозможно. Жаль, что он не похож на наручные часы. Придется его вынуть в присутствии Эммы. Но под каким предлогом?

– Тебя главный спрашивал, – встретил Стендаля Степан Степанович, редакционный ветеран, пушкинист-любитель. – Велел, как появишься, – к нему. На ковер.

– А что? – Стендаль рухнул на грешную землю и мысленно ушибся: беседы с главным редактором редко проходили

безболезненно, Малюжкин полагал, что его газета – центр Вселенной.

– Мы же начинание профессора Минца подхватили, на весь район аванс дали, а ты очерка не несешь.

– Эта тема закрыта, – сказал Стендаль. – Все. Выводим мохнатых коров.

– С твоим профессором не соскучишься. Только вряд ли Малюжкин тебя поймет. Он уже оттрапортовал, сам понимаешь...

Стендаль положил на стол свою потертую папку. Мысли его сразу же покинули редакцию и перенеслись в тот близкий миг, когда он наконец узнает, да или нет... да или нет... А вдруг этот градусник реагирует только на кур?

Стендаль осторожно раскрыл папку, извлек градусник. Сердце колотилось. Руки дрожали. Градусник был теплым и увесистым.

– Ты чего? – спросил Степан Степанович, поднимая голову. – Градусник купил? Детей купать? Да у тебя и детей-то нет.

Стендаль смотрел на шкалу. Ртутный столбик покачался у нуля, пополз вверх и замер в районе семи градусов. Немного. Стендаль полагал, что Степан Степанович ему симпатизирует.

– Нет, – сказал он, стараясь казаться равнодушным. – Новая модель. Мгновенно измеряет температуру, влажность, давление и насыщенность воздуха пылью. Минцу прислали на испытания.

– Ой, Миша, Миша! – вздохнул Степан Степанович. – Взрослый парень, а шутишь над пожилыми.

Он сел обратно, а ртутный столбик пополз вниз.

– Простите, Степаныч! – взмолился Стендаль. – Я не шутил над вами. Вы знаете, как я вас уважаю.

Редакционная секретарша, тайно влюбленная в Стендаля, о чем знала вся газета, заглянула в комнату.

– Миша, – сказала она, – вас главный спрашивает.

Стендаль тут же направился к ней, не спуская глаз со шкалы. По мере приближения к секретарше столбик начал расти. Когда температура поднялась до двадцати пяти, Стендаль спрятал градусник за спину и улыбнулся секретарше.

– Спасибо, – сказал он.

– За что, товарищ Стендаль? – зарделась секретарша.

– Сте-е-енда-а-аль! – донесся отдаленный рык.

Редактор Малюжкин глядел в упор на стоявшего в дверях Стендаля. Взгляд из-под густых черных бровей был ясным и твердым. Малюжкин был красив и величествен, седеющие упругие кудри и глубокие морщины в углах рта придавали ему сходство с каким-то известным киноактером.

– Садись, Михаил, – сказал Малюжкин.

Стендаль положил градусник на колени так, что письменный стол закрывал его от взора главного редактора.

– У профессора Минца был?

– Только что от него, – сказал Стендаль.

– Как новая порода пернатых, то есть... – Малюжкин улыбнулся, – волосатых?

– Профессор отказался от дальнейших опытов.

– Не надо шуток, – сказал Малюжкин. – Не время. Несколько хозяйств запросы прислали. Есть возможность возглавить движение. Отказываться поздно. Надеюсь, ты так и сказал профессору?

Стендаль покосился на градусник. Под столом было темно, пришлось вытянуть его оттуда. Столбик нервно метался возле нуля.

– А мы, – продолжал задумчиво редактор, – уже шапку придумали: «Золотое руно птицеферм!» Красиво?

– Это, конечно, хорошо, – согласился Стендаль. – Но профессор уже начал выводить длинношерстных коров. И мы можем набрать другую шапку: «Золотое руно скотных дворов!»

– Издеваешься? В тот момент, когда наша газета может прославиться на всю область? Иди и без согласия профессора разводить длинношерстных кур не возвращайся. Если к шести не будет согласия, пеняй на себя.

Стендаль вздрогнул. В шесть у него было свидание с Эммой.

– Товарищ редактор! – взмолился он. – Профессор не согласится. Профессор меня не примет. Профессор занят.

– Ах, все отговорки! – сказал Малюжкин. – Все отговорки. А в номере должны быть новые данные о курах. Без сомнения.

Стендаль понял, что правдой здесь ничего не добьешься. Главное было – выиграть время.

– Профессор Минц, – сказал Стендаль, – попал под машину. Ничего страшного.

– Как ничего страшного? Гордость науки нашего города – под машиной, а ты считаешь, ничего страшного? Где он? В больнице?

– В городской. Его завтра выпишут. Легкие ушибы.

– Сейчас же звоню туда, – сказал Малюжкин, протягивая руку к телефону.

– Зачем? Он не может разговаривать. У него нервный шок.

– Странно. А ты уверен, что это не шутка?

– Такими вещами не шутят, – сказал Стендаль, проклиная себя за душевную слабость.

Одна ложь всегда тянет за собой другую. И остановиться нельзя. Надо лгать. Пускай завтра на него обрушатся все громы и молнии. Через полчаса он должен стоять у входа в городской парк. А дальше... Ему будет все равно.

– Ты уверен? – настаивал Малюжкин.

– Я знаю это наверняка, – сказал Стендаль мрачно. Собственная ложь была отвратительна, но остановиться он не мог. – Потому что все это произошло на моих глазах. Профессор спас меня.

– Спас тебя?

– Да. Мы стояли с ним на улице. Ребенок выбежал на мостовую, и груженный самосвал... – Стендаль перевел дыхание. Он чувствовал, что излагает воображаемое событие языком газетной заметки, – не успев затормозить, был вынужден выехать на тротуар. На пути грузовика оказался сотрудник городской газеты М. Стендаль. Всего мгновение оставалось до трагедии. Но в этот момент находившийся рядом известный ученый Л.Х. Минц успел оттолкнуть Стендаля в сторону, получив при этом легкие телесные повреждения... Так и было.

– Не может быть! – Стиль рассказа убедил Малюжкина, что Стендаль говорит правду. – Какой поступок! Но ты уверен, что завтра он вернется к нашим курам?

– Вернется, – сказал Стендаль дрожащим голосом.

– Тогда срочно пиши небольшое сообщение. Назови его «Так поступают настоящие ученые!». Изложи все как было. Ни слова неправды. В завтрашний номер. Ясно?

– Ясно.

Стендаль понял, что ложь засосала его, как бездонное болото. Спасения нет.

Сжимая в потной руке градусник, Стендаль поднялся.

– Я пойду?

– Иди. Одну минутку. Как напишешь, сразу в больницу. Не забывай, кто тебя спас. Вот, возьми пять рублей. На все купишь цветов. Самых свежих. От газеты. От коллектива. Иди.

Стендаль взял свободной рукой деньги.

– А это градусник? – догадался Малюжкин. – Для него? Он просил?

Стендаль кивнул. Говорить он не мог. Он отступил к двери. Спина. Поэтому не заметил, как дверь отворилась.

Сзади раздался знакомый быстрый голос:

– Извините, что ворвался! Разыскивал вашего молодого сотрудника. Он забыл у меня свою белую кепочку. А я проходил мимо...

Стендаль не мог заставить себя посмотреть в глаза редактору Малюжкину. Он не мог заставить себя обернуться и посмотреть в глаза профессору Минцу. Он смотрел на градусник, направленный шариком ртути в сторону главного редактора газеты.

И в наступившем молчании Стендаль увидел, как столбик ртути стремительно катится вниз. Вот уже тридцать градусов мороза, сорок... Послышался легкий треск. Стекланный столбик не выдержал эмоционального мороза, исходившего от редактора Малюжкина, лопнул, и ртуть серебряными брызгами разлетелась по кабинету.

До назначенного свидания оставалось всего пятнадцать минут.

Каждому есть что вспомнить

Почти все человеческие трагедии начинаются исподволь, с незаметного пустяка. Именно незаметность первого толчка и делает трагедии столь неожиданными и сокрушительными.

Выступая на квартальном совещании в горисполкоме, Корнелий Удалов почему-то сослался на опыт своей молодости, на творческое горение строителей, возводивших в конце сороковых годов здание универмага. И был доволен тем вниманием, с которым выслушали этот исторический пример слушатели.

После совещания к Удалову подошел товарищ Белосельский и сказал:

– Пора делиться опытом с молодежью.

После чего он подозвал редактора гусярской районной газеты Малюжкина и добавил:

– Товарищ Малюжкин, не проходите мимо.

– Не пройдем, – ответил Малюжкин.

Уже на следующий день после работы к Удалову домой явился Михаил Стендаль, корреспондент и старый знакомый Корнелия Ивановича. Он присел на край скамейки под сиреневым кустом и некоторое время наблюдал, как Удалов с Грубиным проигрывали в домино соседям по дому – Ложкину и профессору Льву Христофоровичу Минцу.

Корнелий Иванович догадывался о цели визита Стендаля, но, будучи человеком скромным, делал вид, что тот зашел к нему случайно, скажем, занять опарышей для рыбалки.

Когда партия кончилась, Миша с прямоотой, свойственной молодости, разрушил эту иллюзию, сказав:

– А я за статьей пришел.

Все насторожились, потому что раньше Удалов никогда статей не писал.

– Может, сам напишешь? – предложил Удалов неуверенно. – Я скажу, что надо, ты в библиотеке старые газеты посмотришь, а?

– Нет, Малюжкин велел, чтобы вы сами, Корнелий Иванович, – возразил Стендаль. – Он получил указание.

Наступила пауза. Удалов глядел в темнеющее летнее небо, по которому плыло зеленое закатное облако, и стеснялся соседей.

– С каких пор, – услышал он ехидный голос старика Ложкина, – наш Корнелий пишет в прессу?

Раньше Ложкин по меньшей мере раз в месяц относил в редакцию гневные письма, посвященные непорядкам в городе, но сейчас делает это реже – годы берут свое. Большинство писем на проверку оказывалось неточным в своей фактической основе, отношения с газетой у Ложкина не сложились, и, естественно, он не хотел, чтобы они складывались у других.

– Да это так... заметка, – ответил Удалов, краснея.

– Неправда! – сказал Стендаль, вытаскивая из кармана большой блокнот, распухший от адресов и интервью. – Корнелий Иванович выступает на наших страницах с большим материалом, посвященным истории строительных организаций Великого Гусяра и героическому труду его молодости.

– Это кто же героически трудился? – спросил Ложкин, который был убежден, что во всем мире лишь ему удалось героически потрудиться.

До этого момента Удалов был убежден, что откажется от написания статьи. Он ведь даже в школе отставал по части сочинений. Но последние слова Ложкина вызвали у него возмущение. И следующий шаг на пути к трагедии выразился во фразе, которая непроизвольно вырвалась у Корнелия Ивановича:

– Каждому есть что вспомнить!

– Корнелий Иванович прав, – подтвердил профессор Минц, аккуратно складывая в коробочку костяшки домино. В последние месяцы он пристрастился к этой игре, стараясь выключить на время непритязательного развлечения свою гениальную голову, иначе бы он мог вычислить исход любой партии в домино в самом ее начале. – Любой из нас – это сокровищница воспоминаний, уникальных, бесценных, которые, к сожалению, проваливаются в бездну времени и исчезают для потомства. Из-за этого каждое новое поколение частично повторяет наши ошибки. А мы обязаны помогать подрастающему поколению.

– Ему некогда информироваться, – заметил Саша Грубин. – Оно балдеет.

И с этими словами Грубин показал на открытое окно в квартире Гавриловых. На подоконнике сидел, укутав голову громадными наушниками, подросток Гаврилов, что не мешало, однако, стоявшему рядом динамику реветь на весь двор.

– А что? – сказал Удалов. – И напишу. Обо всем напишу. И как голодно было, и как мы мерзли, но выходили на рабочие места, и какие были сознательные.

Тут он решительно встал. Стендаль поднялся следом, но Корнелий произнес:

– Иди, Миша, отдыхай, я сам справлюсь. Завтра к обеду статья будет на твоём столе.

Удалов отправился к себе, а Ложкин сказал вслед негромко:

– Сомневаюсь. Для этого способности требуются.

Удалов поднялся по лестнице, не зная, что шагает навстречу своей трагедии. Дома была только жена Ксения. Она удивилась, потому что по выверенному жизнью расписанию Корнелий должен был еще часа полтора играть в домино, а затем прийти домой с видом измученного труженика и потребовать ужин. Ничего такого не случилось.

Удалов проследовал к столу сына Максима, уселся, отыскал чистую тетрадку, затем долго шарил по ящикам и коробочкам в поисках ручки, которая бы писала. Не нашел, взял карандаш, открыл тетрадку и замер над ней, подобно тому, как замирают почти все великие писатели, прежде чем написать первое слово.

Ксения была так поражена, что вышла из кухни, встала в дверях и спросила:

– Чего натворил?

– Натворил?

– Объяснительную пишешь?

– Нет, – сказал Удалов, – статью надо писать. Заказали мне статью.

Ксения, конечно, не поверила, потому что ее муж никогда статей не писал. Она подошла поближе и увидела, что тетрадка пустая.

– Где статья? – спросила она. – Не вижу.

– Так я же думаю. Я думаю, а ты над душой стоишь. Разве так статью напишешь?

– Интересно, что это теперь статьей называется.

Ксения, будучи женщиной доброй, но вздорной, всегда подозревала мужа в супружеских изменах, хотя он этому не давал оснований. Отсутствие оснований никак не успокаивало Ксению. Она лишь убеждалась, что муж ее не только неверен, но и дьявольски хитер, если за тридцать лет совместной жизни ни разу не попался. И поэтому она терпеливо ждала, когда же он наконец попадется с поличным.

Ксении казалось, что если она сейчас уйдет, то Удалов примется за нежное послание или, еще хуже, начнет сочинять разлучнице любовные сонеты.

Но оставаться было бессмысленно. Корнелий при своей хитрости будет сидеть, и все. Значит, следовало сделать вид, что поверила, а потом незаметно вернуться и застать врасплох.

– Нужна мне твоя статья! – сказала Ксения с презрением и медленно, не оглядываясь, ушла на кухню.

А Удалов поводил карандашом над чистой страницей и написал: «Как сейчас вспоминаю». Потом стал думать, что же он вспоминает.

Он пришел на стройку после седьмого класса, вскоре после войны, учеником. Учеником штукатура. А когда это было? Вроде бы зимой. Нет, тогда дождь шел. А там был бригадир, дядя Леша! Нет, дядя Паша! Такой, с усами. Вот усы Удалов вспомнил, и это его обрадовало. Усы стали как бы якорем. Потом дядя Паша уехал на Дальний Восток. Или в Среднюю Азию. Он был хорошим наставником. Совсем не пил и Корнелия, у которого отец пропал на фронте, жалел. В чем проявлялась его жалость? Важно вспомнить, потому что в статье хорошо бы написать о наставнике молодежи. Как он говорил: «Ты, Корнюша, как пуговица, круглый и под ногами катаешься. Все боюсь наступить». Или это он сказал не Корнелию, а Гошке Сидорову, который на Дусе женился? Нет, на Дусе он потом женился, а сначала на Маше хотел жениться. Маша такая смешливая была, черноглазая, с длинной косой. Он с ней в палисаднике целовался, только это потом уже было, в сорок седьмом, наверное.

И рука Удалова, погруженного в туманные воспоминания, вывела на странице большими буквами «Маша». Потом еще крупнее: «Машенька».

На этом сладкие воспоминания прервались возмущенным криком Ксении, которая подкралась как раз вовремя, чтобы увидеть, как

блудливая рука ее мужа выводит на странице женское имя.

– Так я и знала! – громко возмущалась Ксения, и это возмущение, ломая перегородки и стены, прокатилось по всему затихающему дому. – Развратник! Уходи к ней!

Дальнейший монолог Ксении протекал в том же духе, и нет нужды тратить время на цитаты из него.

Удалов отмалчивался даже после того, как в голову ему полетела тарелка, потому что объяснить забывчивостью и далекими воспоминаниями появление женского имени он не мог. И кто бы ему поверил?

Минут через десять он очутился на лестнице, где решил переждать затянувшуюся грозу. Он не возмущался и был даже спокоен. Его тревожило другое – за пределами воспоминаний о поцелуе Машеньки и доброте дяди Паши никаких ярких картин его память не сохранила. Но ведь если дядя Паша – еще куда ни шло – в статье помещался, то Машеньке, чтобы добиться права возникнуть на газетной странице, надо было совершить что-нибудь конструктивное.

Удалов стоял на лестничной площадке, ощущая тупую усталость. Надо было с кем-нибудь посоветоваться.

Ноги сами привели Удалова к двери профессора Минца. К счастью, из-за двери доносились шумы футбольного репортажа. Это было хорошим знаком – профессор не работал, а отдыхал. Удалов постучался и вошел.

Отдых профессора Минца – понятие условное. Да, он слушал футбольный репортаж, да, он решал кроссворд, да, он раскладывал левой рукой пасьянс «Невский проспект». Но в то же время мозг Льва Христофоровича продолжал настойчиво трудиться, завершая решение неразрешимой задачи о квадратуре круга.

– Чем могу помочь? – спросил Лев Христофорович, который был отличным физиономистом. – Семейные неурядицы?

Понятно, что монолог Ксении он слышал – его слышали и в Вологде.

– Проблема совсем иная, – объяснил Удалов. – Проблема статьи. Мне нечего сказать людям.

– Чепуха! – ответил профессор. – Каждому из нас есть о чем сказать людям.

– Я забыл, – признался Удалов. – Так, в общих чертах помню – почти сорок лет прошло, а деталей не помню. А мне статью сдавать завтра. Позор. И Ксению надо успокоить. Пока не поверит, что речь в статье о далеком прошлом, не будет мне домашнего покоя.

– Память подводит?

– Думал, у меня память как память. И вдруг – надо же! Ощущения есть, даже положительные, а деталей кот наплакал. Сроков не помню, дат... Что делать?

– Делать? – Минц задумался и пошел к широкой полке над письменным столом, где стояли известные уже всему дому и цивилизованному человечеству снадобья и средства, которых сегодня не знают, но которые завтра или послезавтра обязательно произведут переворот в науке.

Изобретения универсального гения Льва Христофоровича непредсказуемы, парадоксальны и удивительны. Они призваны благодетельствовать людей. Но, к сожалению, порой настолько опережают время, что их эффект не вписывается в обыденную жизнь. Результаты вдруг оказываются прямо противоположны ожидаемым. Именно поэтому благое намерение профессора, который шел к полке с открытиями, на самом деле было еще одним шагом к личной трагедии Корнелия Удалова.

Минц поводил рукой над бутылками и коробочками, затем его указательный палец замер над одной из них.

– Вот то, что нам надо.

Он извлек небольшую бутылочку, в которой лежали сизые, несъедобные на вид облатки. Одну из таблеток он вытряс из бутылочки на листок бумаги и протянул Удалову.

– Что это? – спросил Корнелий Иванович.

– Условно, до утверждения фармакологами, я именую это средство церебромагом. Понятно?

– Непонятно. И медициной не утверждено?

– Обычная бюрократическая волянка, – ответил Минц. – Надо проверить на мышах, тараканах, обезьянах и добровольцах. Лишь потом запускают в серию. Что разумно, но меня не касается. Я могу гарантировать полную безопасность для вашего, Корнелий Иванович, здоровья, но в то же время призываю вас к разумной осторожности.

– А что будет? – Удалов держал таблетку перед ртом, но не спешил глотать. При всем доверии к гению Льва Христофоровича он хотел и дальше наслаждаться радостями жизни.

– Ничего особенного. Церебромаг включает спящие клетки памяти. Все, что вы прожили, что видели, навсегда отпечаталось в вашем мозгу. Но проводящие пути засоряются. И вам кажется, что вы многое забыли. Но только кажется! Завтра утром вы проснетесь и убедитесь в том, что это только кажется! Глотайте.

И Удалов проглотил таблетку.

Потом он вошел домой.

Ксения, которая к тому времени убедила себя, что Удалов ушел к своей Машеньке, удивилась его возвращению, но виду не показала, была мрачна, молчалива и в глаза не глядела. А на восклицания Корнелия: «Кисочка, пойми!» – она отвечала однообразно: «Знаю, кто твоя кисочка». Но не знала о ней ничего, кроме имени, и это ее смущало и заставляло перебирать в памяти всех Машенок, Марусь, Марий и Марь-Петровн.

Удалов устал уговаривать супругу и лег спать, кинув прощальный взгляд на чистую тетрадь на столе сына – первая страница с крамольными словами была вырвана. Понятно кем.

Утром Удалов проснулся сразу. От душевного неудобства.

Он знал – случилось что-то очень плохое. Но не сразу сообразил, что именно.

Это был момент истинного начала трагедии.

Удалов еще не знал, что девятый вал обрушился на его беззащитную голову.

Он все вспомнил!

То есть он не осознал еще, что все помнит, но сжался от одного конкретного воспоминания, потому что оно было очень болезненным. Он совершенно четко представил себе, что сейчас войдет мать с перекошенным от злости лицом и скажет:

– Где чайник? Где чайник с розовыми цветочками, мерзавец, спрашиваю?

И от ужаса неминуемой физической расправы Удалов захныкал тонким и жалобным голоском, разбудив Ксению, которая, конечно, не знала, каким был голос ее мужа в возрасте пяти лет.

Потому что инцидент с разбитым чайником произошел еще до войны и наказание за этот проступок никак не соответствовало вине – чайник был разбит неумышленно, но у матери не было другого чайника. И забыл Удалов об этой экзекуции много лет назад.

Не в силах удержать слез, Удалов поднялся с постели, отворачиваясь от Ксении, потому что к нему возвратилось горькое мгновение тридцатилетней давности, когда он застал Ксению, тогда еще тонкую, игривую и недоступную, целующейся с Василием Криватым у ее палисадника, а случилось это именно в тот день, когда Удалов наконец-то решился объяснить ей в любви. И хоть впоследствии Ксения уверяла, что ее поцелуи были не более как сестринскими и объяснялись тем, что Василий уезжал на целину, горе – неожиданность жестокого удара – пронзило вдруг сердце пожилого и давно разлюбившего жену Корнелия Ивановича, и он кинул на нее взгляд, полный такой неприязни и обиды, что Ксения не посмела ничего спросить. Она привыкла говорить о своем муже, будь он рядом или отсутствовал, тоном презрительным и даже сварливым – хоть бы провалился! Муж был никчемным грузом, проклятием, вечным напоминанием о бесцельно прожитой жизни. Но в случае, если возникала, чаще всего вымышленная, опасность потерять его, в Ксении просыпалась орлица, готовая лететь в партком с заявлением: «Мой муж – никчемный мерзавец, немедленно верните мне мужа!»

И вот сейчас, встретив горький взгляд Корнелия, Ксения истолковала его ложно, мысленно связала с таинственной Машенькой и поняла, что пора готовиться к походу в общественные организации.

А Удалов, выйдя в ванную, чтобы умыться и почистить зубы, уже понял, что виной его состоянию – обострившаяся память, и начал побаиваться самого себя. Стараясь изменить течение событий, он принялся вслух себя уговаривать:

– Подумаем о приятном, а? Вспомним чего? Ну как в ЗАГС ходил с Ксенией. Или как пятерку получил на контрольной в шестом классе.

Обе эти сцены послушно и мгновенно вспыхнули в мозгу во всех деталях, вплоть до синего платья регистраторши в ЗАГСе и насморка свидетеля Семенского, но радость была чисто формальной и сердца не задела. Зато он почему-то вспомнил, как при выходе из ЗАГСа Ксения сломала каблук, и как она расстроилась из-за этого, и как тогда же, глядя на покрасневшее в неожиданном гневе лицо молодой жены,

Удалов с ужасом понял, что выбор его был неверен и ему предстоит отныне много раз, пока не кончится жизнь, видеть эти покрасневшие от гнева щеки и слышать этот визгливый голос.

Удалов, близкий к слезам, с нервно бьющимся сердцем вышел из ванной и направился было к письменному столу, чтобы приняться за статью. Разумеется, он отлично помнил теперь все наставления дяди Георгия (именно Георгия) и тот яркий день, когда они, молодые члены бригады, дав обещание завершить кладку второго этажа, не уходили со стройплощадки восемнадцать часов кряду. И Удалов уже был готов сесть за стол, чтобы зафиксировать это воспоминание на бумаге – воспоминание приятное, несшее в себе чувство удовлетворения, приобщения к созидательному труду... и вдруг он замер. Рядом с тем большим и добрым воспоминанием в памяти как клещ таилось воспоминание мелкое, присосавшееся к главному, ведь именно в тот день... С какой яркостью Корнелий мысленно увидел эту картину: вот он стоит наверху и видит, как через улицу бежит к нему песик Брысь, беспородный, никчемный, но свой. И как несущийся грузовик сшибает собачку. Буквально на глазах.

Ксения, вышедшая за мужем в большую комнату, увидела, что тот почти одет, стоит с зубной щеткой в руке над письменным столом и тихо рыдает.

Удалов спиной почувствовал взгляд жены, отбросил зубную щетку и выбежал на улицу. Но добежал лишь до ворот. Невероятная горькая боль пронзила его, как только он увидел почерневшие от старости, отполированные временем столбы у ворот... Это было в войну, у Удалова был друг Митя. Удалов жить не мог без друга Мити. И однажды он увидел, как из ворот с трудом, задев за столб осью правого колеса, выезжает тяжело груженная телега, а наверху сидит плачущий Митя – никто не сказал Удалову, что Митя с бабушкой и матерью уезжает в город Вологду, и никому из взрослых не пришло в голову, что Удалов не может жить без Мити, а Митя – без Удалова...

Корнелий Иванович гладил почерневший столб ворот и понимал, как непростительно было все эти десятилетия не думать о Мите и вычеркнуть его из памяти...

– Корнелий Иванович! – Из окна второго этажа выплянула лысая, блестящая голова Льва Христофоровича. – Как дела со статьей? Помогло средство?

– А идите вы... – Удалов махнул рукой и быстро пошел со двора. Ксения выбежала из подъезда и замерла, не смея бежать за мужем.

– Что с ним? – спросил Минц.

– Не знаю, Лев Христофорович, – ответила Ксения. – Что-то случилось. Уходит он от меня, вижу, что уходит, а я ни в чем не виновата...

А в это время Удалов стоял в ста метрах от дома. Конечно, он никуда не уходил. Он лишь старался спрятаться от воспоминаний, но каждый новый шаг наталкивал его на них.

Он замер над прудиком. Нет, это сегодня водоем кажется прудиком. А тогда, в детстве, когда Удалова сбросили в воду два пятиклассника, он представлялся большим и бездонным озером. Но страшнее тогда было не это, а то, что пятиклассники отобрали деньги, выданные матерью на молоко, и еще страшнее – то, что вечером собирались идти обедать к тете Агриппине и мать велела беречь выплаженные штаны.

Удалов побежал прочь от прудика.

Он бежал посреди улицы, ничего не видя и стараясь не смотреть по сторонам. Он боялся любого предмета, дома, камня, могущего вызвать острое сжатие в груди или неожиданную вспышку горя.

Ему даже некогда было осознать, что происходит, почему он, человек уравновешенный и скорее счастливый, чем наоборот, вдруг попал в жуткую передрыгу только из-за того, что у него хорошо заработала память. И он не видел, что за ним спешат Ксения и профессор Минц.

– Все время плачет? – спрашивал на бегу Лев Христофорович.

– Сердится! – отвечала Ксения. – Не улыбнулся ни разу, на меня волком смотрит, бешеный...

– И статью не пишет?

– Поглядел на нее и зарыдал, буквально слезы полились...

– Понятно.

Они настигли Удалова у реки Гусь.

Было такое впечатление, что он собрался топиться. Он быстро спускался по кособору, расстегивая рубаху. В этот момент он видел перед собой лишь поднимающуюся в мольбе голову Машеньки, слышал ее сдавленный крик – вода тогда была холодной и серой, и

лодка, в которой она перебиралась с того берега, перевернулась уже недалеко от Удалова, который ждал ее, и Машеньку быстро понесло течением, и надо было сделать страшное усилие над собой, чтобы кинуться в воду, холодную и злую, а он ведь плавал еле-еле и знал заранее, что Машеньку ему не спасти, но надо было все равно нырять и утонуть самому, потому что остаться на берегу тоже было нельзя. И он тогда вошел в воду по колени – вода обожгла ноги и прижала брюки к икрам и начала толкать вниз, вслед за Машенькой, и Корнелий все медлил, никак не мог заставить себя сделать еще один шаг. А потом он увидел, как совсем недалеко с берега в столбе брызг, как торпеда, врезался в воду дядя Георгий – почему он оказался тут? И он плывет, и они с Машенькой все уменьшаются и растворяются в серой мгле... А потом дядя Георгий долго болел воспалением легких, а Машенька ничего не сказала Удалову. Но это было потом.

Ксения успела забежать между водой и Удаловым и встала на его пути как танк.

– Не пущу! – кричала она.

– Пусти, – вяло сказал Удалов.

Он понимал, что хоть сейчас, с опозданием на много лет, он должен броситься в воду, чтобы искупить тогдашний свой страх. Он никогда не думал, что это так ужасно – вспомнить.

Минц нажал ладонью на его плечо, заставив сесть на траву.

– Выпейте. – Он протянул желтую таблетку. Ксения набрала в горсть воды из реки, и Удалов покорно запил таблетку.

– Что вы со мной сделали! – тихо произнес он.

– Простите, – сказал Минц, который все уже понял. – Побочный эффект.

– Я не хочу жить, – ответил Удалов.

– Мне надо было испытать средство на самом себе, – произнес Лев Христофорович. – Но и то, что мы с вами сегодня узнали, хоть и дорогой ценой, послужит темой для серьезной и в целом оптимистической статьи.

– Оптимистической? – спросила Ксения.

– Природа милосердна, – объяснил Лев Христофорович, – а я попытался лишиться ее милосердия. Память человека гуманна и потому избирательна. Мы куда острее переживаем горе, разочарование, потерю, чем радость или достижение, потому что жизнь учит нас на

наших ошибках. Но горе уходит – с горем нельзя жить рядом. В прошлом мы запоминаем хорошее. Дурное уходит в подсознание. Оно живет там как бы за занавеской. Чтобы не мучить нас. Мы с улыбкой вспоминаем о том, как мальчишкой потеряли двадцать копеек и как ужасно было остаться без мороженого, потому что эти двадцать копеек ты копил целую неделю. Мы снисходительны к ужасу, который вроде бы выветрился из памяти. А представляете, каково было сегодня Корнелию пережить все те трагедии, которые на самом деле с высоты лет давно уже перестали быть трагедиями?

– Нет, – сказал Удалов. – Там рубля два было, мне мать на молоко дала. А они отобрали. – Он вытер слезу. Он на глазах успокаивался. Видно, желтая таблетка начинала действовать. – Но ведь она утонуть могла.

Минц с Ксенией переглянулись. Они не поняли, они решили, что Удалов заговаривается.

Поддерживая Корнелия под локти, они повели его обратно.

Удалов был мрачен и старался не глядеть по сторонам. У поворота на Пушкинскую им встретился Стендаль, который спешил в редакцию.

– К двенадцати часам жду статью! – весело крикнул он.

– Нет, – вздохнул Удалов. – Писателя из меня не вышло.

В этот момент его лицо исказила жалкая гримаса.

– Я согревал ее руки поцелуями, – произнес он с невыразимой болью, – и жаром своего дыхания. Всю ночь напролет я бодрствовал подле нее и возносил к небу молитвы о ниспослании ей сна тихого и безмятежного. О Боже, сколь пламенны и искренни были мои моления! И сколь жестоко Ты их отверг!

Удалов плакал.

– Я умру сама! – воскликнула Ксения. – Он опять о ней!

– Нет, – возразил профессор, морща лоб. – Это что-то знакомое...

– Конец ее страданий приближался, – продолжал Удалов. – Я потерял ее. Она засвидетельствовала мне свою любовь в самую минуту смерти. Это все, что я в силах сообщить вам о сем роковом и горестном событии.

Удалов уселся на мостовую и закрыл лицо руками.

– Аббат Прево, – вспомнил и облегченно вздохнул Лев Христофорович. – «Манон Леско». Заключительная сцена. Смерть

Манон в диких прериях Америки.

– Правильно, – согласился Удалов. – Я читал эту книжку в восьмом классе.

Два сапога – пара

– Ты, Саша, – сказал Лев Христофорович Минц, – пытаешься добиться невозможного в пределах законов физики. Это бесперспективно.

– Не знаю. – Саша Грубин загнал длинные пальцы в лохматую шевелюру. – Но я верю в упорство.

– В упорство жука, который срывается со стекла, но снова и снова ползет вверх. А куда – не знает.

С этими словами Лев Христофорович осторожно подобрал со стекла черного усталого жучка и выкинул его в форточку.

– По законам физики, Саша, вечный двигатель невозможен.

– Знаю, – согласился Грубин. – Но прошлая модель три дня крутилась.

Минц задохнулся от возмущения. Спорить с Сашей Грубиным он считал своим долгом, но тут не выдержал.

Резким движением профессор схватил со стола лежавший там белый шар сантиметров шести в диаметре и запустил им в Грубина. Тот успел выставить вперед руки, но шар скользнул по ним и покатился в угол комнаты. Совершенно беззвучно.

– Что это еще такое? – спросил Грубин.

– А ты подними, не укусит.

– У вас никогда не знаешь, что укусит, а что нет, – сказал Саша и подобрал скользкий упругий шар.

– Что скажешь? – спросил Минц.

– Не знаю, – признался Грубин. – Мячик какой-то.

– Не мячик, а нарушение физического закона, – сказал Минц. – Не понравился мне закон, вот я его и нарушил. Но не так, как ты. Не в лоб.

– Расскажите, – попросил Грубин, понимая, что присутствует при рождении нового направления в науке.

– Ты присутствуешь, – как всегда, Минц угадал ход мыслей Грубина, – при рождении нового направления в науке. Пришел ко мне на днях Спиркин. Знаешь Спиркина?

– Нет.

– Директор нашего гастронома. Достойный человек, болеет за свое дело. Пожаловался на упаковку. Просто слезы на глазах. Присылают с фабрики молоко, кефир и прочие текучие продукты, а пакеты ненадежные. Течет молоко по полу, проливается кефир и ряженка. Жалуются покупатели, а толку нету. Что, говорит, делать?

– Это молоко! – воскликнул Грубин. – Молоко в новой упаковке. Я понял! Тонкий пластик, почти невидим...

Минц глубоко вздохнул и застучал кончиками пальцев по подоконнику, что было у него выражением крайней досады.

– Ах, Грубин, Грубин! – сказал он. – Я говорю, доказываю, убеждаю, наконец, что изменил закон природы, сломал константу! А ты мне – пластиковое покрытие, пластиковое покрытие. Да если бы я сделал пластиковое покрытие, то завод-изготовитель наверняка бы не нашел нужного пластика, а нашел бы – так нарушил бы технологию... Нет, спасти магазин от проливания жидких продуктов я мог только путем революции в физике. Иного пути нет. Гляди.

Минц взял со стола другой шар, кинул в пустую кастрюльку, достал толстую иглу и проколол оболочку шара. Шар исчез, а кастрюлька оказалась на треть наполненной молоком.

– Вот и все, – сказал профессор. – Вот и все.

– Погодите, погодите, – сказал Грубин. – Как же так?

Он взял кастрюльку, поболтал ею, чтобы посмотреть, где оболочка. Оболочки не было видно. Грубин перелил молоко в стакан, снова заглянул в кастрюлю. Кастрюля была пуста.

– Ничего не понимаю, – сказал Грубин. – Неужели оболочка пакета такая тонкая?

– Вот именно! – Минц расхохотался, как фокусник, которому удалось одурачить скептически настроенную аудиторию. – Где оболочка? Ищешь? Ищи. До вечера будешь искать, потому что твой мозг движется по проторенным путям.

– Но если нет оболочки, то как...

– Вот именно – нет оболочки! И не надо оболочки! Измени константу – и не надо оболочки.

– Какую еще константу?

– Поверхностное натяжение жидкости! Это просто и потому...

– Потому гениально, – тихо ответил Грубин.

– Именно поверхностное натяжение заставляет воду собираться в капли, когда она падает с небес на землю. Оно позволяет водомеркам бегать по реке...

Грубин глядел на Льва Христофоровича и поражался. В самом деле, тысячи умных людей обдумывали, как запаковать молоко. Пропитывали бумагу воском, изготавливали консервные банки и бутылки разного размера и формы. И никому не пришло в голову, что можно вообще обойтись без тяжелой, ненадежной и грубой тары... Какие перспективы открываются перед народным хозяйством!

– Ну, как тебе понравилась моя идея?

– Замечательно! – ответил Грубин. – Удивительно, как и все, к чему вы прикасаетесь. Вы просто Мидас! Прикоснулся – получилось золото.

– Да? – Минц был явно польщен. Он был не чужд человеческих слабостей. – Мидас – это слишком. Мидас – фигура отрицательная. Он не думал о человечестве, он думал только о себе. В этом наше принципиальное различие. Но стоит крикнуть...

Грубин внутренне содрогнулся. Он был готов поверить в любую неожиданность, в любой изгиб мысли профессора. А так как у Грубина было хорошо развито воображение, то он сразу представил себе страшную картину: профессор Минц решает пожертвовать собой, чтобы увеличить золотой запас нашей страны. И вот все, чего он коснется, превращается в золото. Сотрудники Министерства финансов стоят рядом и подают профессору небольшие слитки свинца или олова, профессор усталым жестом дотрагивается до них, и слитки, теперь уже золотые, тут же опечатывают и увозят на бронеавтомобилях в соответствующие кладовые. Профессор шатается от усталости и недоедания. И никто не может помочь ему... Никто не может придумать, как его накормить и напоить. Последним движением профессор дотягивается до бронеавтомобиля. Бронеавтомобиль вспыхивает золотым сиянием, оседает, потому что рессоры не выдерживают его веса, а рядом с бронеавтомобилем падает, выполнив свой долг перед Родиной, Лев Христофорович Минц...

– Ты о чем-то задумался, Саша? – спросил Лев Христофорович.

– Нет, – спохватился Грубин и постарался согнать с лица грусть. – Я думал о трагедии царя Мидаса.

– Тогда в дорогу, – сказал Минц.

– В какую дорогу?

– Нельзя же останавливаться на достигнутом. Если в моих силах изменить поверхностное натяжение воды, то мы должны испробовать иные возможности этого изобретения.

Профессор натянул стоявшие в углу резиновые сапоги, затем схватил со стеллажа пробирку, покапал из нее на тряпку, протер тряпкой швы сапог и направился к выходу.

Поздняя холодная весна стояла на улице. Дул пронзительный ветер, в тенистых уголках двора еще таился серый снег. На окраинах луж хрустел ледок. Минц остановился, поежившись. Грубин, догнав его, накинул ему на плечи пальто.

– Спасибо, – сказал Минц. – Ты понимаешь, куда и зачем я пошел?

– Нет еще, – сказал Грубин.

– Любое изобретение должно быть развито до пределов. Упаковка молока – лишь один из аспектов применения моего нового открытия. Причем это не самый важный аспект. Я увеличиваю тысячекратно поверхностное натяжение химическим методом. На молекулярном уровне. Состав, изобретенный мною, реагирует с молекулами жидкости и упрочивает их связи. Следовательно, мы можем обрабатывать им не только саму жидкость, но и предметы, которые с этой жидкостью будут соприкасаться. Ясно?

– Не очень.

– Я обрабатываю сапоги, и в тех местах, где они соприкасаются с водой, получается зона повышенного поверхностного натяжения. Гляди!

Минц шагнул к луже и смело вступил в нее. Вода в луже чуть прогнулась, но выдержала вес профессора. Он медленно и спокойно пересек лужу, не замочив сапог.

– А что будет дальше? – спросил гордый изобретатель, остановившись по ту сторону лужи. – Дальше мы обрабатываем своим составом шины автомобилей! И решена проблема мостов и переправ! Что ты на это скажешь?

Грубин ничего не сказал. Он любовался профессором, который резко повернулся и суворовским шагом, не обращая внимания на

лужи, направился к воротам. Он быстро шагал к реке Гусь, а Грубин спешил за ним, обегая лужи.

По реке Гусь шел лед. Льдины плыли торжественно и неспешно, от реки веяло весенним свежим холодком.

– Лев Христофорович! – взмолился Грубин. – Не надо!

– Почему не надо? Я, как исследователь, должен сам сначала все испытать.

– Пускай этим займутся специальные люди, – возразил Грубин, придерживая профессора за локоть, чтобы он не бросился в ледяную, опасную воду. – Пловцы, мастера спорта. А вдруг ваш состав кончится на середине реки? Вы ведь даже плавать не умеете.

– Я не собираюсь плавать! – возразил Минц. – Я собираюсь ходить по воде яко посуху.

– Я все-таки возражаю. Вы можете простудиться. Смотрите, какой ветер!

Минц как будто только сейчас сообразил, что и в самом деле холодно. Он заколебался. И неизвестно, чем бы кончился этот спор, если бы острый взгляд профессора не уловил движения на маленьком островке посреди реки.

– Смотрите, – сказал он. – Какая трагедия!

На островке, испуганно поджимая хвостик и лапы, в ужасе глядя на плывущие неподалеку льдины, сидел заяц. Вода поднималась, и ясно было, что бедняге долго не продержаться.

– Мы не можем ему помочь, – сказал Грубин и почувствовал, сколь неубедительны его слова.

– Не можем? Сейчас же отпусти меня!

– Не отпущу.

Тогда Минц извернулся и ловко выскользнул из пальто. Пока Грубин соображал, в чем дело, и махал пальто, как знаменем, Минц смело шагнул в бегущую воду, которая чуть прогнулась под сапогом, в два шага достиг первой льдины, прошел по ней, широко расставив руки, чтобы не потерять равновесия, так как льдина подозрительно зашаталась, и прыгнул с нее в воду. Грубину показалось, что каблуки профессора обязательно пробьют ее верхний слой. Но вода выдержала, только прогнулась сильнее прежнего, и Минц зашагал дальше, стараясь обходить льдины.

Грубин стоял на берегу, переживал, шаря глазами вдоль берега в поисках какой-нибудь лодки, хотя понимал, что лодок на берегу сейчас нет и быть не может, да если бы и была, все равно на лодке в такой ледоход профессору не поможешь. Но вот Минц уже у островка. Заяц сжался, попытался отпрыгнуть в сторону, но льдина, резанувшая краем по островку, заставила его метнуться прямо в руки профессору. Тот подхватил зайца, прижал к животу, и заяц сразу затих.

– Э-ге-гей! – закричал Минц, перекрывая шум льдин и воды. – Грубин! Жди меня!

Обратно профессор шел совсем уверенно. Он миновал уже большую часть пути, отталкивая сапогами льдины, распевая какую-то бравурную опереточную арию. И излишняя самоуверенность его подвела. Когда до берега оставалось всего метров двадцать, профессор необдуманно наступил на край льдины, и она ушла из-под ног, показав свой острый край. Профессор потерял равновесие и сел в воду. К несчастью, составом, повышающим поверхностное натяжение воды, были смазаны лишь подошвы сапог, но не брюки изобретателя. Профессор провалился в глубь реки, и это было странно для глаз Грубина, который за последние минуты уже привык к тому, что Минц идет по воде пешком. И вдруг... как будто Лев Христофорович нашел дырку в воде и ухнул в нее, как в яму. Он продолжал прижимать к груди зайца, закричавшего в предсмертном ужасе.

Грубин не раздумывал. Он бросил пальто и прыгнул на проплывавшую мимо льдину. С нее на другую. Теперь перед ним была полынья метра в три шириной. В нормальной жизни Грубину никогда бы не одолеть такого расстояния. Но сейчас он даже не размышлял, прыгнул и удержал равновесие...

Через минуту Грубин уже дотянулся до профессора и рванул его вверх. Минц буквально вылетел из воды.

От этого движения Грубин наверняка бы упал, если бы не сапоги профессора. Вылетая из воды, Лев Христофорович ухитрился подогнуть ноги и встать на корточки. Сапоги сразу принялись за работу. Для них вода была твердой. Профессор выпрямился и поддержал Грубина.

К этому времени их вынесло на середину реки. Они стояли, держась за руки. Профессор Минц на воде, а Грубин на льдине.

Профессор промок, но не чувствовал холода. Заяц тоже промок и больше не кричал, а лишь мелко дрожал.

– Спасибо, – сказал Минц.

– Н-н-не стоит, – сказал Грубин.

Ноги его подгибались после пережитого. Опасность еще не исчезла. Профессор Минц мог бы теперь добраться до берега, но Грубин был не в силах повторить свое путешествие.

– Значит, так, – сказал Минц, опираясь на Грубина и медленно, осторожно поднимая правую ногу. – Придется нам совершить не совсем элегантное, но вынужденное путешествие. У тебя какой размер обуви?

– Сорок третий, а что?

– Ничего, будет немного жать, – сказал Минц. – На одной ноге прыгать умеешь?

– Н-н-не знаю...

Профессор, стоя на одной ноге, стащил с другой сапог и протянул Грубину.

– Будем прыгать, – сказал он, – держась за руки.

И они запрыгали по воде к далекому берегу. Свободной рукой Минц держал зайца. Когда до берега оставалось метра три и стало ясно, что спасение близко, Минц вдруг сказал:

– Какое счастье, что никого не было на берегу! Мы бы стали посмешищем для всего города.

Плоды внушения

Лето прошло, а сыграть в домино все не могли собраться. Меняются времена, меняются люди. Раньше, как вечер наступит, со двора слышен гром – мастера долбят по столу костяшками. А теперь кто уехал, кто занят, кто разлюбил эту рыцарскую игру.

В октябре – вечер выдался мягким, теплым, почти летним – старик Ложкин вынес во двор заслуженную коробку, рассыпая по влажной от утреннего дождя столешнице черные костяшки. И стал ждать.

Сначала появился Корнелий Удалов. С женой повздорил. Потом выпянул из своего окошка Саша Грубин, увидел людей, подошел, сел на скамью, смахнув прилипший желтый лист. Последним появился профессор Минц Лев Христофорович.

– Трудный день, – сказал он. – Газеты читал, а еще и работать нужно.

Все согласились, что трудный день.

– И времена трудные, – сказал Ложкин.

– Да, трудные, – подтвердил Минц. – Не успеваешь прессу читать. Центральные газеты, областные газеты, городская пресса...

– Шумим, – проворчал Ложкин. – Шумим.

Старик был в оппозиции. Грустно ему было смотреть на активность молодого поколения.

Удалов размещал костяшки тщательно, как в старые времена. Но никто не спешил забрать свои.

– Тебе бы Батыева вернуть, – сказал Грубин Ложкину. – Чтобы был порядок и спокойствие.

– Молчи, кооператор, – ответил с презрением Ложкин.

Ложкину было противно считать, сколько Грубин заработал за последний месяц, делая мелодичные дверные звонки для жителей Великого Гусляра. Звонки исполняли любую мелодию, а в случае нужды говорили ласковым голосом, что хозяина нет дома. Звонки пользовались спросом. А когда Ложкин сказал, что такой звонок ему не по карману, то Грубин сделал ему в подарок звонок с негромким колокольным перезвоном, в котором угадывался «Марш энтузиастов».

Подарок Ложкина возмутил, потому что укрепил в мысли, что Саша Грубин бесстыдно обогатился, раз может позволить себе делать такие подарки.

– При Батыеве, – заметил Ложкин, – мы тоже немалого добились. Переходящих знамен завоевали штук шестьдесят. Мне звание почетного гражданина дали, семь юбилейных значков... Организованно жили. Солидно. А вот я недавно пришел к Белосельскому с жалобой на Гаврилова, а у Белосельского дверь в кабинет раскрыта. Заходи любой. Так можно и без авторитета остаться.

С Ложкиным спорить не стали.

– Ну, начнем? – спросил Удалов.

– Движение вперед, – сказал Минц, не делая попыток забрать костяшки, – вот главный закон природы.

Новые люди, новая инициатива. Смотрите, сколько перемен вокруг!

– Что же получается, движение ради движения? – спросил Удалов.

– Любое движение, – ответил Минц, – подразумевает перемены. А нам нужнее всего перемены.

– Да здравствуют перемены! – воскликнул Грубин.

Наступила пауза. Слышно было, как в соседнем дворе заскрипела калитка. Захлопала крыльями ворона, опускаясь на крышу.

– Нет, – сказал Удалов. – Любые перемены – это опасно. Некоторые так думают, что изобрел, отрапортовал, выдвинулся, а какой ценой – не важно. Есть такая тенденция.

– Есть, – сразу согласился Ложкин. – Устал я от этого.

– Значит, ты против прогресса? – спросил Грубин.

– Я за прогресс, но без лишнего изыска. Хотите историю расскажу?

– Только не выдумывай, – предупредил Грубин.

– Чистая правда, – сказал Удалов.

И он поведал соседям историю, что приключилась с ним на одной планете во время последнего космического путешествия. Название планеты он не запомнил, да и не важно это – сколько их разбросано по просторам Галактики! И на каждой свои проблемы, свои трудности. Имен действующих лиц и их должностей Удалову

также узнать не довелось. Поэтому тамошние к-армины он называл городами, а вкушера Крисслова именовал просто начальником. Это мы с вами знаем, что вкушер Крисслова – плакорисс к-армины Пр. А Удалов не знал. Зато он был свидетелем тех событий и излагал их правдиво.

– Попал я туда проездом, – начал Удалов. – Остановился в гостинице. Вечером делать было нечего, включил телевизор. Круглый такой, в воздухе висит, как раз над кроватью. Передавали про ихнего врача-психолога. Женщине делали операцию, а он внушил ей, что никакого наркоза ей не надо. Такая у него была сила внушения.

– Это я тоже видел, – сказал Ложкин. – У нас передавали.

– погоди, не перебивай, – сказал Удалов. – Сидит, значит, этот психолог в своем кабинете, вокруг телевизионная аппаратура. И говорит той женщине: расслабься, сейчас в тебя ножик войдет, как в хлеб с маслом, ты ничего не почувствуешь. Она улыбается, закрывает глаза и подтверждает: ничего не чувствую, только режут меня, как хлеб с маслом. А врачи тем временем кромсают ее своими скальпелями. Вырезали все, что надо, психолог по телевизору приказывает: открой глаза и признайся, хорошо ли тебе? Ой, хорошо, говорит та женщина. И психолог ей объявляет: все, теперь десять дней ты ничего чувствовать не будешь, а потом все заживет.

– Гипноз, – сказал Минц.

– Ясное дело, что гипноз, – согласился Грубин.

– По нашему телевизору он тоже про хлеб с маслом говорил. Неужели такое совпадение?

– А они такие слова во всех галактиках говорят, – догадался Грубин.

– Может быть, – сказал Удалов. – Главное, что потом произошло. Вернулся тот психолог домой, и тут же ему телефонный звонок от городского начальника. Прибыть на ковер. Психолог отвечает: я устал от нервного напряжения, не пойду! Только лег спать – стук в дверь и появляется начальник. Начальник был новый, активный, все искал, как бы выделиться, как бы соответствовать новым веяниям. Просто извелся от желания себя показать. Увидел он по телевизору передачу, и сердце у него забилося: понял, что есть у него шанс. Вошел начальник к психологу и вежливо говорит: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе».

– У них и Магомет есть? – спросил Ложкин, ухмыльнувшись.

– Условно, условно! – отмахнулся Удалов. – Пришел, значит, к психологу начальник и говорит: «Наша великая борьба с алкоголизмом идет с переменным успехом. То мы пьянство потесним, то оно нас». – «А я тут при чем? – спрашивает психолог. – Я непьющий». – «А ты скажи: на одного человека можешь влиять по телевизору или на коллектив замахнешься?» – «Можно и на коллектив». – «Тогда выступи, внуши людям о вреде спиртных напитков. Сделаешь – улучшим тебе жилищные условия. Не сделаешь – разоблачим в фельетоне».

Делать нечего, психолог согласился. Условия у него оставляли желать лучшего.

В назначенный час местное телевидение объявило, чтобы все спешили к голубым экранам, потому что будет чрезвычайное сообщение. Все поспешили, экраны включились, психолог посмотрел в глаза горожанам и сказал: «Дорогие товарищи зрители! С сегодняшнего дня вы больше не хотите пить водку и даже пиво. Вызывают они в вас отвращение. И склонности к этому вы больше не имеете».

Сделал он свое дело и пошел спать.

А городской начальник спать не пошел. Он сначала на себе проверил, достал из бара бутылку коньяка, покрутил в руках и подумал: зачем же люди свое здоровье губят? Но начальство – это еще не весь народ. Так что начальник к открытию винного отдела затаился поблизости и стал наблюдать.

Магазин открылся, но никакой очереди не было. За первый час зашли в него человека два-три, из тех, у кого телевизора нет. Купили они по бутылке, а распить не с кем.

С чистым сердцем поехал начальник в область. Там на совещании отрапортовал: «Наш город трезвый на девяносто девять и девять десятых процента. Не верите – проверьте! И можете нашей торговле плана по водке не спускать».

В зале зашумели, даже засмеялись. Но прошел месяц, везут из того города в область непроданную водку. И ни одной жалобы на нехватку спиртного. Пришлось поверить.

Больше всего это сообщение встревожило начальника соседнего города. Они давно с первым городом соревновались, а тут такое

событие! А надо сказать, что у начальника второго города сестра жены в первом городе жила. Так что тайна открылась скоро.

И задумал второй начальник диверсию, потому что был молод, полон сил и выдумки. Он сказал своей секретарше: «У моего соседа золотой петушок в руках, а он им гвозди забивает».

Тем же вечером перед новой квартирой врача-психолога остановилась машина. Из нее вышел помощник второго начальника и внес в квартиру фирменный торт и букет алых гвоздик.

«Это от ваших почитателей, – сказал он. – Из нашего города». – «Спасибо, – сказал врач-психолог. – Я очень тронут». – «Скажите, – спросил помощник начальника, – за какой гонорар вы согласитесь выступить по нашему городскому телевидению с лекцией о вреде алкоголя? У нас тоже еще остались некоторые пьяницы, и нам очень нужно их перевоспитать».

Не хотелось психологу ехать в незнакомый город, но его убедили, что он послужит благородному делу. Так что он согласился.

Там, на городском телевидении, он провел успешную борьбу с алкоголизмом, а начальник, который при этом присутствовал, сказал ему задушевно: «Дорогой ты наш психолог, есть у нас для тебя задание. Только ты не возражай, руками не махай, не сопротивляйся, потому что ты у нас в руках. Беда у нас в городе – совсем нет мяса и сахара». – «Ну и что?» – спросил психолог, который был далеко не такой сообразительный, как начальник. Может, поэтому и не стал начальником. Я вот вспоминаю, какой случай был у нас в Гусляре...

– Не отвлекайся! – сказал Ложкин. – Говори по делу. Без лирики.

Удалов извинился и продолжал:

– «Ты, – сказал второй начальник, – должен выступить по нашему городскому телевизору и убедить народ, что он не любит сахара и совсем не выносит мяса».

Психолог возмутился, стал возражать. А ему – гонорар! Он от гонорара отказался, тогда его арестовали и посадили в отделение за нарушение общественного порядка.

– Хорошо, что не на нашей планете, – сказал Грубин. – А то бы мы тебе, Удалов, не поверили.

– Я и говорю, что не на нашей, – сказал Удалов и продолжал: – Трое суток сопротивлялся психолог. Сломали его в конце концов. Выступил. И такая у него была сила гипноза, что на следующий день

перестали жители того города покупать сахар и мясо. И сразу прекратился дефицит.

– Безобразия! – сказал Ложкин. – За такие вещи следует судить!

– А надо сказать, – продолжал Удалов, – что первый начальник сразу хватился, что его психолог пропал. Подняли на ноги милицию, подсуетились и обнаружили, что в соседнем городе не только пить водку перестали, но люди сахара и мяса не покупают. Тут первый начальник начал на себе волосы рвать, что сам не догадался, и потребовал от соседа: «Верни психолога!» Тот психолога не вернул, только смеялся. Он готовил своего пленника к следующей акции – к отказу от масла.

Но не успел. Первый начальник уже добрался до области и поднял там страшный бум. Пробился к областному начальнику и выложил ему всю правду – себя не пожалел, но уж своего соседа разоблачил.

Вызывает область по вертушке второго городского начальника. И приходится тому везти психолога в область.

– Его домой не вернули? – спросил Грубин.

– Нет, в область перевезли. В области тоже проблемы. И областной начальник там новый, энергичный, с идеями.

Как ни крутился психолог, как ни просил отпустить его к научной и лечебной деятельности, пришлось ему по областному телевизору выступать, отучать людей от пьянства в масштабе области. А потом... – Тут Удалов сделал долгую паузу, а его друзья терпели, потому что им очень хотелось узнать, чем же кончилась та история. – Уже на следующий день психолог выступил по телевизору и убедил жителей области выйти на субботник по уборке города, а в воскресенье уехать добровольно в пригородные хозяйства на прополку.

– Ну это ты хватил! – возмутился Ложкин. – Откуда на далекой планете субботники?

– Ну, может, это четверговниками называлось. Разве так важно? – сказал Удалов. – Главное, что проположили. С энтузиазмом. И область отрапортовала. И это был последний день работы психолога в той области.

– Возмутился? – спросил Грубин.

Удалов отрицательно покачал головой.

– А что ему возмущаться? – спросил Ложкин. – Он делал хорошее дело. Разве по доброй воле народ на прополку поднимешь? Я помню, в сорок седьмом на заем подписывал. В размере двухмесячного заработка. Ох, как сопротивлялись! До принятия мер.

– Ложкин, – сказал Грубин, – ты нам когда-нибудь о своей общественной деятельности в эпоху культа личности отдельно расскажешь.

– А я что? – Ложкин уловил опасное в голосе Грубина. – Я был рядовым бухгалтером. В профкоме. Как все, так и я...

– Нет, – продолжил Удалов. – Не возмутился психолог. А если возмутился, то не показал виду. Оробел. После отсидки в ихнем отделении. Но случилось так, что в ту же ночь его отвезли в столицу.

– Правильно, – одобрил Ложкин. – Если бороться с пьянством, то в масштабе всей планеты. Одним ударом.

– Вряд ли на центральном телевидении разговор шел о пьянстве.

– Почему? – вскинулся Ложкин.

– Бороться с ним нужно, но если никто не будет покупать вино, – сказал задумчиво профессор Минц, – то встанут серьезные финансовые проблемы. Это закон Галактики.

– Правильно, – сказал Удалов. – О пьянстве речи не было. Были среди столичных начальников такие, что ставили интересы ведомства выше народных и хотели выполнить свои планы и задумки одним ударом. Первым психолога схватил министр текстильной и обувной промышленности, фабрики которого совершенно не справлялись со своими обязательствами. Психолог по его приказу внушил населению полное презрение к одежде. Тогда, помню, стояло лето, и все пошли по улицам в купальниках или трусиках, а то и вовсе обнаженные.

– А ты сам? – спросил Грубин. – Разделся?

– Я не разделся, потому что ихнего языка не знал.

– Продолжай, – сказал Ложкин. – Ври дальше.

– На следующий день до психолога добрался министр транспорта, который никак не мог решить проблему топлива. Пришлось психологу внушать народу, что ходить пешком куда приятнее, чем ездить на автомобилях и в автобусах. От этого, конечно, разладилась работа на заводах и в учреждениях, так как многие стали опаздывать. Пришлось вмешаться в дело министру труда. Он приказал психологу, чтобы тот внушил народу любовь к труду такого масштаба,

что многие вообще перестали уходить с рабочих мест, только бы не отрываться от дела.

– Славно! – воскликнул Ложкин, но никто его не поддержал.

– Начались голодные обмороки и болезненные осложнения, – продолжал Удалов. – И обеспокоились в первую очередь министр идеологии и министр культуры. Один – потому что опустели все лектории и библиотеки, второй – потому что люди перестали ходить в театры и в цирк. Обиженные министры посадили психолога перед камерами и встали за его спиной, следили, как он внушал народу любовь к изящному искусству и духовной пище. Но когда передача была в разгаре, в студию ворвался министр торговли. Экономия экономией, а магазины прогорают. В студии начался кровавый бой между министрами, и психолог постарался ускользнуть. Он очень устал от выступлений.

У выхода с телевидения психолога поджидала черная бронированная машина. В машине сидел почти голый министр обороны.

«Подожди, – сказал он, – съешь бутерброд, выпей чарку солдатской наливки. Сейчас мои молодцы возьмут студию штурмом, и тогда ты скажешь народу то, что ему в самом деле пора услышать». – «А что?» – спросил психолог упавшим голосом. – «Наш народ, – сказал министр обороны, – никак не проникнется чувством справедливой ненависти к пуляням, которые двести лет назад предательски оттяпали кусок нашего исконного болота! Ты должен внушить народу желание взять в руки винтовки и показать презренным врагам, где раки зимуют».

Психолог с грустью смотрел, как пробегают по улицам дрожащие, голодные, охваченные трудовым энтузиазмом жители столицы, и представил себе, как завтра они будут корчиться и умирать под пулями. И тогда он сказал: «Я согласен сотрудничать с вами, но при одном условии. Я должен быть уверен, что мою последнюю передачу будут слышать все жители государства без исключения». – «Разумеется», – сказал министр обороны. «Но для того, чтобы я был в этом уверен, вы должны будете приставить людей даже к министрам и прочим высоким чинам государства. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из них хоть на мгновение отвернулся от экрана». – «Справедливое

требование, – согласился министр. – Мне тоже не нужна оппозиция. Боевым энтузиазмом надо охватить всех».

И он отдал соответствующие приказания. Психолог вошел в студию, подождал, пока включатся камеры, и сказал, глядя пронзительным взором на зрителей: «Уважаемые зрители...»

Тут Удалов прервал рассказ и поглядел на замерших соседей.

– Что он сказал?

– Не тяни! – воскликнул Ложкин. – Хоть и врешь, но захватывает.

– Позвал всех на фронт? – спросил Грубин.

– Погодите. – Лев Христофорович почесал лысину. – Все не так просто. Этот психолог по натуре был наверняка интеллигентом, а по призванию – гуманистом. Значит, он... призвал к миру!

– И его тут же пристрелили, – сказал Грубин.

– Может, и нет, – возразил Минц. – Если он внушил им всем, включая министра обороны, крайнее миролюбие, то солдаты не стали бы в него стрелять. Но тогда бы он не решил остальных проблем.

– Вот именно! – сказал Удалов. – А он хотел с ними покончить. Ведь надвигалась осень. И раздетые, усталые, голодные жители наверняка бы погибли. Вот что он сказал: «Господа министры и заместители министров, господа высокие бюрократы и столоначальники! Господа, думающие о сохранении своего места, а не о собственном народе! Сейчас вас всех охватило страстное желание немедленно уйти в отставку! И никогда не возвращаться к руководящей деятельности. А прочие жители государства – живите, как жили до моих гипнотических сеансов, но, пожалуйста, поумнейте!»

– И удалось? – спросил с надеждой Грубин.

– Начальники тут же написали заявления об отставке. Они так спешили, что той же ночью собрали вещички из кабинетов и потом даже удивлялись: что это их тянуло командовать человечеством? А психолог вернулся в свой город.

– И квартиру сохранил? – спросил Ложкин.

– Квартиру он получил законно. Так что сохранил, – сказал Удалов. И добавил: – Надеюсь, что сохранил...

– Не было этого. – Ложкин складывал костяшки домино в коробку. – И быть не могло. Даже на отдаленной планете.

Удалов пожал плечами и пошел к себе, мириться с женой.

Так они и не сыграли в домино.

Сапожная мастерская

Если ловить рыбу, осушив поток, улов будет богатым, но на следующий год рыба исчезнет. Если охотиться, выжигая леса, добыча будет обильной, но на следующий год дичи не станет.

«Весна и осень Люя». Китай. III в. до н. э.

Долгие годы в городе Великий Гусляр был только один ресторан – при гостинице. Он пользовался сомнительной славой, потому что туда, как бывает в небольших провинциальных городах, никто не ходил питаться, а ходили гулять. Правда, порой белыми воронами возникали в нем гостиничные постояльцы. Они хотели кефира и яичницы. Они получали бифштекс и сто граммов коньяка.

Два года назад положение изменилось, потому что открылся новый ресторан, ресторан-баржа, при общежитии для туристов. У ресторана было игривое название «Гусь лапчатый», и он был оформлен в русском стиле. На стенах трюма висели прялки, грабли и чеканенные по меди домашние животные. Здесь туристов кормили комплексными обедами, в днище баржи стучала вода, и, если поднимался ветер, баржу слегка покачивало. За рекой начинались дремучие леса – место было романтическое, и там можно было проводить время, а не только гулять.

Сюда директор кожевенного завода пригласил милого, еще молодого, склонного к полноте и романтике Мирона Ивановича, городского архитектора, на обед. Обед должен был быть приятным, но деловым, а дело было деликатным. Завод строил корпус заводоуправления, рядом положено быть проходной и стоянке для машин.

На месте предполагаемой стоянки и проходной торчала и всем мешала старая развалюха-часовня, которую занимала сапожная мастерская. Часовню надо было снести, но мешала общественность во главе с Еленой Сергеевной, директоршей городского музея. Сейчас директорша уехала в отпуск, и надо было снести развалюху, пока она не вернулась.

– Я же не против. – Мирон Иванович и не скрывал своей позиции. – Часовня вылезает на мостовую, мешает движению.

– Не только мешает, а нарушает, – говорил директор завода, сводя к переносице схожие с черными мохнатыми гусеницами брови. – Нарушает общий вид твоего проекта. Ну представь себе, ты же творческий человек, что останется от лица, если она будет высываться? Ты кушай рыбку, Мирон, хорошая рыбка. Ничего, что я с тобой попросту?

Завод был намерен построить два типовых дома. Мирон Иванович привязывал их к местности и рассчитывал на квартиру в одном из них. Житейская история. И часовня была обречена, ничто ее уже не могло спасти.

Есть маленький город, в нем относительно крупный завод, городу завод нужен. К тому же эстетический момент тоже играл роль – городу хотелось иметь новое здание из стекла и сборного железобетона.

– Спасибо, рыбка вкусная, – отвечал Мирон Иванович. – Архитектурной ценности часовня не представляет. Я осматривал.

– Видишь, даже осмотрел, – сказал заместитель директора, при первом же взгляде на которого было ясно, что он шалун и страстный рыбак. – Значит, проявил ответственность. А что ты завтра делаешь, в субботу?

– Не планировал, – ответил Мирон Иванович.

– Завтра нас Степанцев на рыбалку зовет. Присоединишься?

Мирону Ивановичу, человеку в городе сравнительно новому, было приятно общаться с городской элитой.

– Я, честно говоря, совсем не имею опыта, – сказал Мирон Иванович.

– А мы рыбку с собой возьмем, – засмеялся директор густым голосом. – Степанцев свинными шашлыками обеспечит.

Степанцев был заведующим свинофермой. Мирон Иванович плядел на своих собеседников, и ему было приятно. И от несильного опьянения, и от забавных мыслей, которые неожиданно посещали его. Например, о том, что Степанцев совсем не похож на заведующего свинофермой. А похож на писателя Гоголя и даже пишет стихи. А заместителя директора завода зовут в область, на новый пост, а он всем говорит: «Лучше быть первым парнем на деревне, понимаешь?»

Они выпили еще, за прогресс. Заместитель директора сказал, что, будь он архитектор, он бы половину города снес. Эти подслеповатые хибары, в которых жили купцы, только портят пейзаж. Директор не дал Мирону Ивановичу возразить, он сам ответил.

– Ты что же думаешь, Сергей, – сказал он, – туристы едут с разных концов нашей родины, только чтобы твоим заводом полюбоваться? Им дорога история.

– Правильно, – поддержал директора Мирон Иванович. – Вы в самую точку попали. Я потому и согласился поехать в Великий Гусяр, что здесь удивительное сочетание старины и новизны. Мы должны сохранять память о культуре. Это живая нить.

– Живая нить на живую нитку, – пошутил заместитель.

Мирон Иванович заметил краем глаза, что за соседним столиком сидит девушка в голубом платье, одна, и прислушивается к его словам. Незаметно для себя он повысил голос:

– Отсюда уходили на восток землепроходцы, которые несли память о Великом Гусяре к берегам Камчатки и Ледовитого океана.

Директор не смог более терпеть – ему тоже хотелось сказать. Он остановил Мирона Ивановича мягким, но властным движением ладони и подытожил:

– Туристы едут с разных сторон нашей Родины не только, чтобы нашим заводом полюбоваться. Им дорога и история.

Тут заместитель директора догадался, что можно уточнить. И он сказал, тоже подняв ладонь, мягко, но решительно, чтобы Мирон Иванович не вмешался:

– Но им дорог и наш завод. Потому что это завтрашний день Великого Гусяра. Им будет чем любоваться.

Мирон Иванович взглянул на девушку в голубом. Она смотрела на него.

– С другой стороны... – решительно произнес он.

Но тут директор снова остановил его движением ладони, которого Мирон Иванович не мог ослушаться, и добавил:

– Но это не исключает.

После этого Мирону Ивановичу нечего было добавить.

В голове приятно шумело, и захотелось покурить. Но курить в трюме баржи нельзя, а спутники его были некурящими, так что он

извинился и пошел наверх, на палубу, где был прибит железный лист и стояло ведро для окурков.

Мирон Иванович стал глядеть вниз по реке. Вечерело, оттуда тянуло сырым еловым воздухом, и он представил себе, как завтра рано утром они поплывут на катере к Веселому омуту. По реке будет плыть утренний туман, а потом они будут есть шашлыки и весело беседовать.

И тут он уловил движение у поручней. Он быстро поглядел в ту сторону и увидел, что девушка, та самая, взгляд которой он перехватил в ресторане, стоит совсем близко. И в этом не было ничего удивительного, потому что бывают счастливые вечера, когда все в жизни получается, когда судьба идет тебе навстречу, даря славных собеседников и неожиданную щемящую встречу.

– Вы курите? – спросил Мирон Иванович, обычно крайне стеснительный с девушками. Но сейчас в нем жило глубокое убеждение, что девушка вышла на палубу именно из-за него, что она ждет, когда он осмелится к ней обратиться, и не возмутится такой самоуверенности.

– Нет, спасибо, – сказала девушка, – я не курю.

– Душно стало? – спросил Мирон Иванович, смело разглядывая девушку и удивляясь ее изяществу, хрупкой и угловатой линии шеи и рук, светящейся в полутьме голубизне платья, а главное, естественной воздушности небрежно парящих над плечами русых волос.

– Нет, – ответила девушка, поглядев на него в упор, и Мирон Иванович увидел ее глаза – они раскрылись навстречу ему, голубые, а может, серые, но впитавшие в себя отблески бесцветного сумеречного неба, большие и доверчивые.

– А почему? – вдруг защекотало у него в груди.

Она должна сейчас ответить, и от этого ответа в его жизни все может перемениться – то был момент сладкого страха, вызвавшего такую слабость в ногах, что Мирон Иванович быстро выкинул сигарету за борт и вцепился в поручень.

– Я вышла вслед за вами.

– А, – сказал Мирон Иванович.

Стеснение и щекотание в груди не прошло, а усилилось, но никакого ответа он придумать не смог.

– Мне надо с вами поговорить, – сказала девушка и чуть приблизилась к нему.

Можно было протянуть руку и дотронуться до ее тонких пальцев. Но, конечно, Мирон Иванович не посмел этого сделать.

Мирон Иванович молчал. Девушка заговорила тихо, как будто они были на свидании, когда близко злые любопытствующие уши и нельзя им открыться.

– О чем... поговорить?

– О вас, Мирон Иванович.

– А вы откуда знаете, как меня зовут?

– Я вас увидела еще вчера, – сказала она, – и узнала ваше имя.

Трап, ведущий на палубу, закрипел, кто-то поднимался. Девушка еще тише, настойчивее, чем прежде, сказала:

– Я вас буду ждать на берегу. Не спешите, я дождусь.

На палубу поднялся заместитель директора.

– Ты здесь, – сказал он, – а я уж решил, что ты утонул. – Он подошел к Мирону Ивановичу и обнял его за плечо мягкой несильной рукой. – Пошли вниз. Директор хочет тост сказать.

Девушки на палубе не было.

Мирон Иванович вырвался из дружеской компании только через полтора часа. Мирон не мог сказать старшим товарищам, что у него свидание с девушкой, имени которой он не знает. Впрочем, для себя он не называл встречу с девушкой свиданием. Это было не свидание, а нечто высшее – как юношеская мечта.

Он извелся за последний час, потому что официантка не спешила со счетом, а директор желал, чтобы к кофе принесли ликер, которого в ресторане не было.

После каждой досадной задержки Мирон Иванович представлял себе, как девушка смотрит на часы и уходит, растворяется в синей тьме навсегда. Она же не местная! Мирон Иванович работает здесь второй год, но никогда ее не видел. Может, приехала к кому-нибудь на студенческие каникулы? Или туристка?

На выходе из трюма висело зеркало, и, пока его спутники получали в гардеробе шляпы, он украдкой поглядел на себя. Обычно он не переоценивал своих мужских качеств и зеркал не замечал. Но сейчас посмотрел, даже расправил плечи и убрал недавно приобретенный животик. И тут же пожалел, что поддался слабости.

На берегу Мирон Иванович крутил головой, стараясь увидеть девушку. На высокий берег тянулась деревянная лестница. Наверху горели огоньки окраинных домов, по откосу росли кусты, но девушки нигде не было. Мирон Иванович огорчился и чуть не дал себя отвезти домой на директорской машине. Но наверху лестницы он вдруг заупрямился и заявил, что пойдет домой пешком.

– Ладно, – сказал директор, – гуляй, пока молодой, в машине еще наездишься.

Заместитель директора засмеялся этой шутке. Машина уехала. Мирону Ивановичу не хотелось уходить, надо было справиться с разочарованием. И тут он услышал голос:

– Вы заставляете себя ждать.

– Ой! – обрадовался Мирон Иванович. – Неужели вы меня дождались? Я этого даже не ожидал. Знаете, это как... как небо в алмазах.

– Преувеличение, – сказала девушка, и в ее голосе Мирон Иванович уловил улыбку. – Вы меня проводите?

– Если бы вы знали, – сказал Мирон Иванович доверительно, – как было трудно уйти. Вы поймите меня правильно. Они такие милые люди, а иногда чувствуешь необходимость общения.

– Милые? – сказала девушка будто в сомнении.

Она пошла по набережной. Мирон Иванович в два шага догнал ее и стал размышлять, имеет ли он моральное право взять ее под руку или это будет нетактично.

– Вы их не знаете? – спросил Мирон Иванович. – Вы местная?

– Нет.

– А как вас зовут? А то получается смешно: вы меня знаете, а я вас нет.

– Меня зовут Таней, – сказала девушка.

– Вы на каникулы приехали?

– Простите, Мирон Иванович, – сказала девушка, – но разговор сейчас не обо мне.

– Конечно, – согласился Мирон Иванович и вдруг понял, что ему нельзя взять девушку под руку: что-то в ее голосе запретило ему это сделать. – О чем же? – спросил он.

– Разговор пойдет о ваших ошибках, – сказала девушка.

– Правильно, – согласился Мирон Иванович. – Грешен. Ошибался. – И взял девушку под руку.

Та освободила руку, без враждебности, но очень равнодушно, словно смахнула бабочку.

– Я весь внимание, – сказал Мирон Иванович, совсем не обидевшись.

– Сегодня вы наконец-то решились снести часовню.

– Часовню? А, часовню! Это не принципиально.

– Вам ее не жалко?

– Жалко, – сказал Мирон Иванович. – Очень жалко. Она такая милая. Чудесная часовня. Но мешает движению.

– Так вот, Мирон Иванович, – сказала девушка. – Часовню мы вам сносить не дадим.

– Ну и отлично, – согласился Мирон Иванович. Ему совсем не хотелось ссориться с девушкой. – А у вас платье так нежно светится. Как вы этого добиваетесь?

– Вы меня поняли?

– Я вас понял. Пускай стоит.

– Значит, вы ничего не поняли. Вы отлично знаете, что в понедельник, пользуясь вашим потворством, директор завода часовню снесет. А вы потом, когда придет Елена Сергеевна или когда к вам прибегут возмущенные пенсионеры, разведете руками и будете отчаянно доказывать, что часовни и не было, а если была, то никому не нужна.

– Не было? А может, мальчика и не было? – Мирону Ивановичу эта мысль понравилась. Он даже засмеялся. – А Елену Сергеевну вы тоже знаете? Чудесная женщина. Такая патриотка, а стоит на пути прогресса. На пенсию ей пора.

Они вышли на замощенную часть набережной. Одноэтажные домики, глядевшие на речку маленькими, светящимися голубым телевизионным светом глазками, кончились. Пошли дома каменные, двухэтажные. Пока они еще стояли редко, потеснее они столпятся у центра, за гостиными рядами. С речки тянуло холодком, комары не приставали, набережная была совсем пустой, никто не гулял, потому что по телевизору показывали третью серию французского фильма о любовных связях Берлиоза.

Они миновали церковь Святого Духа, повернули на Гоголевскую улицу. И тогда Мирон Иванович понял, что гуляют они не без цели, а приближаются к часовне. Ему показалось, что приход сюда был его инициативой, и потому он сказал:

– Вот о ней мы и спорили. Никакой ценности, а углом вылезает на улицу.

Купол часовни давно исчез, она была крыта двускатной железной крышей и покрашена в желтый казенный цвет. Над дверью, сохранившей еще следы лепнины, была прибита вывеска: «Мастерская по ремонту обуви». А по сторонам двери у маленьких окошек были прикреплены щиты с изображением всяких видов обуви и написано: «Ремонт срочный и в течение недели». Часовня вылезала углом на проезжую часть, потому что строилась она, когда улица была куда уже. За часовней начинался забор – там была строительная площадка заводоуправления. Фонарь, горевший на вершине крана, казался звездочкой.

– Я вам честно скажу, Таня, – произнес Мирон Иванович. – У меня есть тщеславие. Вы думаете: вот архитектор, наверное, неудачник, живет в городишке, черт знает где. Это неправильно. Я как настоящий полководец – я ношу в сумке маршальский жезл.

И Мирон Иванович похлопал себя по карману пиджака.

– А зачем? – спросила девушка.

Они стояли перед сапожной мастерской, порывы ветра дергали за край плохо прикрепленной вывески, и та мелко дрожала, а иногда была по штукатурке.

– Другие мои сверстники, даже более талантливые, просиживают штаны в больших душных комнатах столичных мастерских, воплощая чужие идеи. В тридцать, в сорок лет они остаются мальчиками на побегушках. А ради чего? Чтобы перейти площадь и попасть в Зал Чайковского на симфонический концерт? Нет, я хочу всегда быть первым. Сегодня в Великом Гусяре, завтра в области. И я вернусь в Москву победителем!

– Я сделаю все, чтобы так не случилось, – сказала девушка.

Мирон Иванович не понял, надо ли улыбнуться или обидеться, но предпочел улыбнуться, хотя улыбка вышла неуверенной.

– Если вы решили оставить меня здесь, потому что сами остаетесь, я не возражаю, – сказал он и снова протянул руку, но Таня

сделала маленький шаг в сторону, будто ветер отнес ее, как лепесток.

Рука Мирона Ивановича повисла в воздухе, потом он указал ею на часовню и сказал:

– Что ее стоило снести сто лет назад? Никто бы не возмутился, никто бы не бил в барабаны общественности. Старое должно уступать дорогу.

– Чему?

– Новому.

– Вот этому? – Таня показала на забор, за которым спал подъемный кран.

– Именно. Хотите посмотреть? Там уже вышли на нулевую отметку.

– Нет, не хочу, – сказала девушка. – Мне некогда.

– А я думал, что мы гуляем.

– Это вы гуляете.

– Странно. Самое удивительное свидание, которое было в моей жизни.

– Теперь послушайте меня, – сказала Таня. – А то вы все говорите, а дело не движается.

– Пожалуйста, – согласился Мирон Иванович. – Пойдем тогда в сквер. Там лавочки.

– Что вы знаете об этой часовне? – спросила Таня, будто не слышала приглашения.

– Старая, – сказал Мирон Иванович серьезно, так как вопрос был задан серьезно. – Если что и было, то ничего не осталось. И очень нам мешает.

– Эта часовня, – Таня подошла к ней поближе и дотронулась до обрамления узких окошек, – одно из первых каменных зданий такого рода на севере России. Построена она в четырнадцатом веке. Уже поэтому она уникальна. Это самое старое каменное здание в городе.

– Вы архитектор или историк? – спросил Мирон Иванович.

– Я генетик, – ответила Таня. – Часовню, конечно, перестраивали, но внутренняя планировка и стены, к счастью, полностью сохранились. Зайдите внутрь.

– Нельзя, – сказал Мирон Иванович. – Заперто. Там чужие ботинки лежат. – И он тихо засмеялся.

– Нам с вами не нужны чужие ботинки, – строго возразила девушка. Она подошла к двери, что-то сделала с замком, и дужка его послушно отвалилась. Таня вынула дужку из скобы и толкнула дверь. Дверь тяжело заскрипела, и Мирон Иванович вдруг захотел убежать, потому что никогда еще не взламывал дверей.

– Таня! – прошептал он. – Не надо.

– Заходите, – сказала Таня, уверенно зажигая свет, как делают, вернувшись домой.

Часовню пополам разделяла стойка. По эту сторону выстроились стулья для тех заказчиков, которые в ожидании срочного ремонта сидели, поджав под себя ноги или поставив их на газеты, расстеленные на полу. За стойкой были видны два станка, рабочие столы сапожников и во всю заднюю стену – полки с ячейками. В ячейках, выставив носки наружу, стояли парами ботинки и туфли. Мирону Ивановичу приходилось здесь бывать, но только днем, когда заходил починить ботинки. Тогда здесь было шумно,людно, сильно пахло лаком и кожей. Сейчас почему-то даже запахи сапожной мастерской куда-то исчезли.

– Таня, – сказал Мирон Иванович, – там, на стройке, есть сторож. Он услышит, и будут неприятности.

– Посмотрите на потолок. Видите эти своды? – сказала Таня.

Мирон послушно посмотрел вверх и подумал, что потолок давно пора покрасить. Он на самом деле был сводчатым, и в плавных линиях его была неправильность, будто его не выкладывали из кирпичей, а лепили из глины.

– Таня, – сказал Мирон Иванович, – давайте там, в сквере, поговорим.

При ярком свете лампы Таня была куда менее романтичной, чем в ресторане или на улице. И глаза у нее оказались меньше, чем десять минут назад. И в движениях девушки была какая-то сухость, точность, словно яркий свет сорвал с нее вуаль и ограничил ее в пространстве жесткими линиями. И платье не светилось. Обычное голубое платье.

– Под моими ногами, – сказала Таня, топнув по истертым, крашенным в шоколадный цвет доскам пола, – на глубине полуметра находится настоящий пол часовни. Он представляет собой мозаику. Уникальную мозаику конца четырнадцатого века. Это вам что-нибудь говорит?

– Я ухожу, – сказал Мирон Иванович.

– Сейчас пойдем, не волнуйтесь. Сторож спит. А если снять все эти слои белил и штукатурки со стен, то вы увидите чудесные фрески, повествующие о жизни Николая Мирликийского. А почему именно Николая?

– Ума не приложу, – сказал Мирон Иванович, глядя на голубые стены, покрашенные масляной краской до уровня груди.

– Потому что Николай-угодник – покровитель моряков и путешественников. А эта часовня была знаменита тем, что именно сюда приходили те отважные путешественники, что оправлялись из Великого Гуслияра в Сибирь или на Камчатку. Здесь они просили покровительства у святого. Здесь они проводили последние минуты. Неужели у вас не дрогнуло сердце?

Мирон Иванович пошел к двери и, выйдя, вкусил свежий ночной воздух, пропитанный ароматом цветущей липы, закурил, глядя на синее звездное небо. Ему было грустно. Уж лучше бы он поехал на машине вместе с директором завода, посидели бы у него, поговорили. Любая романтика не выдерживает яркого света, сказал он себе. И это очень обидно. Не хватает еще очередной краеведши, которая решила обольстить архитектора ради никчемной часовни.

Он услышал, как Таня запирает часовню.

– Давайте я вас провожу домой, – сказал он скучным голосом.

– Лучше я вас провожу, – ответила Таня так, что Мирон Иванович сразу подчинился и даже обрадовался такому предложению, потому что ему очень хотелось домой и он уже боялся, что не успеет выспаться перед завтрашней рыбалкой.

Таня шла уверенно, словно знала, где живет Мирон Иванович. Впрочем, он не удивился бы теперь и этому – в ней была очевидная, никак не связанная с романтикой цель, и эта цель была неприятна Миرونу Ивановичу. Он шел на некотором расстоянии от Тани, как бы показывая, что не испытывает к ней никакого влечения, а если ей и показалось что-то ранее, то это была ошибка.

– У меня такое впечатление, – сказала Таня, – что я вас не убедила.

– В чем?

– В том, что часовню нельзя сносить.

– Почему нельзя? Потому что вы придумали сказку о мозаичном поле и каких-то фресках? Я могу такое придумать про любую развалину в этом городишке.

– Елена Сергеевна еще не все знает об этой часовне, но она уже нашла документы о ее освящении.

– Елена Сергеева найдет любые документы, – Мирон Иванович старался не раздражаться, – потому что ее святая цель – превратить Великий Гусяр в мертвый музей, куда бы приезжали оголтелые туристы, ахали и щелкали фотоаппаратами.

– Почему же оголтелые?

– Да потому, что турист живет в нормальном высотном доме, пользуется водопроводом и ездит по широким улицам. Ему и в голову не приходит, что здесь тоже живут люди, не менее его склонные к комфорту и прогрессу.

– Кто вам мешает строить дома не на месте старых, а в стороне?

– А вам известно, Танечка, – слово «Танечка» было лишено всякой ласки, оно было куда официальнее нежного «Таня», – что такое коммуникации? Вы слышали что-нибудь о транспорте? Знаете что, – наконец-то Мирону Ивановичу удалось распалить себя справедливым негодованием, – занимайтесь своей генетикой и не мешайте тем, кто строит вам дома! Если каждый будет лезть в чужие дела, мы ни черта не сделаем!

– Это не чужое дело, – сказала Таня и чуть улыбнулась при этом. – Это наше общее дело.

– Я все знаю. Я не меньше вас берегу природу и культурное наследие. Но нельзя же держаться за это культурное наследие, как за соску. Мы выросли из колыбели!

– Ах вот вы какой! – сказала Таня заинтересованно. – А на вид кажетесь мягким, даже растяпой.

– Спасибо.

– Вы знаете, что будет на месте этой часовни?

– Знаю. Стоянка для автомобилей. К тому же мы наконец-то сможем спрямить улицу.

– А палаты, которые стояли раньше за часовней, вы уже снесли.

– Какие, к черту, палаты? Там стояли бараки.

– Не надо мне врать, – сказала Таня учительским голосом. – Вам удалось их снести, потому что вы вместе с вашими новыми друзьями

смогли доказать, что реставрировать их обойдется дороже, чем построить заново. И вы победили Елену Сергеевну.

– Вот видите! – сказал Мирон Иванович.

Такая осведомленность девушки была удивительной, потому что решение о сносе каменных бараков, которые Елена Сергеевна упорно именовала палатами, не было обнародовано.

– Ну вот и ваш дом, – сказала Татьяна.

Они дошли до трехэтажного типового дома, в котором у Мирона Ивановича была небольшая квартира. А он и не заметил, как дошли.

– Тогда спокойной ночи, – сказал Мирон Иванович.

– Может, посидим на скамеечке? Или вам уже расхотелось?

– Мне спать пора.

– Чтобы завтра браконьерствовать?

– Не надо громких слов. Завтра мы едем на рыбалку.

– Знаю я эту рыбалку, – сказала Таня и села на скамеечку. – Садитесь.

– Нет.

– Я вам сказала – садитесь! Пока вы надеялись, что будете со мной целоваться, вы никуда не спешили.

– Пять минут, – сказал Мирон Иванович.

Он сел.

– Знаете что, – сказала Таня, – если вы согласитесь не сносить часовню, я вас поцелую. Честное слово.

– Дешево цените мою принципиальность, – сказал Мирон Иванович.

– Да поймите же, принципиальный архитектор. Я знаю куда больше вас. Я знаю, что часовню вы не снесете, мы вам этого не позволим. Я знаю, что вы не поедете завтра на рыбалку, потому что в шесть утра вам позвонит этот толстяк... ну как его... заместитель директора, и все отменит.

– Не думайте, что вы меня заинтриговали. – Мирон Иванович клял себя за слабость. Надо было сразу уйти.

– Я и не пытаюсь. Неужели вы думаете, мы будем тратить время и силы на то, чтобы я сидела с вами на лавочке или гуляла под луной?

– Тогда идите спать.

– Последний раз обращаюсь к вашему разуму – спасите часовню!

– Глупости! Часовня нам мешает. Она никому не нужна. Мы возводим города будущего – башни из стекла и сборного железобетона.

– Я вам гарантирую, что эта часовня переживет ваши шедевры из сборного железобетона, потому что они, в сущности, временки. Стандартные временки, поставленные за неимением лучшего. Пройдет совсем немного времени, и строительство снова станет созиданием прекрасного.

– У нас с вами разные вкусы.

– Не сравнивайте, потому что у вас нет никакого вкуса. Откуда быть вкусу у человека, лишённого корней?

– Всё, – сказал Мирон Иванович. – Мне это надоело.

– Если бы вы знали, как вы мне надоели, – сказала девушка. – Ведь такие уроды, как вы, думающие только о сегодняшней выгоде, о том, чтобы посидеть в ресторане с заказчиком и выполнить план, снесли в этом городе шесть церквей, гостиные ряды и не счесть сколько старых домов, созданных людьми, которые знали, что такое красота.

– Зачем же обвинять меня в перегибах тридцатых годов? – удивился Мирон Иванович. – Это нечестно. Я сам выступал за реставрацию крепостной башни.

– К счастью, ваше поколение – последние истребители русской культуры.

– Вы надеетесь, что придут другие? Лучше?

– Я убеждена.

– Что ж, подождем, – сказал Мирон Иванович. – Спокойной ночи.

Он не знал, надо ли прощаться за руку, потом решил, что не надо, кивнул и пошел к подъезду.

Таня догнала его в дверях.

– Погодите, – сказала она. – Я вам только покажу один снимок. Надеюсь, это останется между нами.

Она протягивала ему цветную фотографию, размером с открытку. В подъезде было светло, и Мирон Иванович явственно разглядел картинку – небольшую приземистую белую церквушку с куполом, двумя узкими стрельчатыми, в глубоких нишах, окошками и низкой дверью под тяжелым, будто витым из ветвей порталом.

– И что? – спросил он.

– Это она, – сказала Таня. – Нравится?

Мирон Иванович сразу догадался, что, если переделать оконные проемы, восстановить портал, да еще барабан и купол, из сапожной мастерской получится памятник архитектуры.

– Пришлось снять метр земли, – сказала Таня, – ведь культурный слой здесь трехметровый, зато сразу изменились пропорции, правда?

Мирон Иванович заметил, что за часовней, там, где должен возвышаться корпус заводоуправления, видны только зеленые деревья.

– Липа, – сказал он уверенно.

– Почему?

– Здания нет. Рисуете, так соблюдайте историческую правду. Где заводоуправление?

– Снесли, пока совсем не развалилось.

– Снесли? В прошедшем времени?

Почему-то Мирон Иванович подумал о том, какие тонкие в доме стены и соседи услышат, что он поздно вечером беседует с девушкой, причем на странные темы. Поэтому конец вопроса он произнес шепотом.

Девушка ничего не сказала. В руке у нее были еще две фотографии. Одна изображала какой-то довольно грубый орнамент, вторая – белесую картинку с наивными волнами и кораблем, полным примитивных человечков.

– Это мозаичный пол, – сказала девушка, – и фреска. Как видите, я вас не обманывала.

– Я не знаю, зачем вы все это нарисовали, – сказал шепотом Мирон Иванович, – но на мое решение эти фальшивки не окажут никакого влияния.

Он чувствовал себя оскорбленным судьбой заводоуправления. Совсем неплохое получилось здание, с просторными кабинетами, столовой, залом заседаний – такое здание не стыдно построить и в крупном городе.

– Это не фальшивки, – сказала Таня, – а фотографии.

– А когда же, простите, их сделали? Где, простите, – Мирон Иванович не скрывал сарказма, – вы увидели купол над сапожной мастерской?

– Эти фотографии будут сделаны через сто двадцать лет.

Неестественность и в то же время уверенность этого ответа заставили Мирона Ивановича забыть, что он не хочет терять ни минуты на пустые разговоры. Если допустить совершенно невероятное, если счесть, что ты не жертва дурацкого розыгрыша, а очевидец невероятного события... Впрочем, в облике этой девушки с самого начала виделось нечто неземное и совершенно необыкновенное, иначе почему Мирона Ивановича, человека сдержанного и никак не влюбчивого, потянуло к ней, как мотылька к яркому свету?

И пока эти спутанные и неосознанные мысли прыгали в мозгу, как кузнечики в высокой траве, Мирон Иванович так и стоял с фотографиями в руке, не желая глядеть на них и в то же время не смея поднять глаз на Таню.

– Что же вы предлагаете? – спросил наконец Мирон Иванович.

– Не сносить часовню.

– Но ведь вы считаете, что ее и так не снесут.

– Правильно. Но мы еще не знаем, какой ценой.

Таня поглядела в пустые от шока глаза Мирона Ивановича, взяла его за руку и вывела в летнюю ночь. Мирон Иванович покорно сел на лавочку.

– Я отказываюсь понимать, – сказал он, наконец возвращая фотографии.

– Вы всё понимаете.

– Так чего же вы раньше ждали?

– Все очень просто – мы на пределе проникновения.

– Проникновения к нам? – догадался Мирон Иванович.

– Да, глубже мы опуститься в прошлое не можем. Сто двадцать лет – предел.

– И вы столько всего упустили?

– Сегодня нас очень мало, – сказала Таня. – Единицы. Завтра будет больше. Пока на это уходит три четверти энергии всей Земли.

– Ну зачем так много! – Потрясение боролось с недоверием в душе Мирона Ивановича.

– Неужели вы не поняли? Мы живем в мире, который сделан вами. Сделан вами вчера и сегодня. Построен или разрушен. Облагорожен или загажен. Если мы можем остановить дурное, мы

будем это делать. Завтра, послезавтра, каждый день. Сегодня – один из самых первых дней.

Таня положила узкую ладонь на руку Мирона Ивановича, как бы успокаивая его.

– Вы не волнуйтесь, – сказала она. – Мы вообще стараемся ничего не говорить людям прошлого. Но вы были такой упрямый.

– Впрочем, эта часовня – пустяк, – оживился Мирон Иванович. Он вдруг не только поверил – внутренне, искренне, окончательно, что именно его избрали в качестве интеллигентного доверенного собеседника, но и понял, что они поступили верно. – С ней вы справитесь. Я вам должен сказать, что есть куда более важные проблемы. Бесперывно загрязняются водоемы, леса – знаете, как идет рубка и сплав леса? А загрязнение атмосферы? Вам же этим надо дышать. Или вы занимаетесь только культурой?

– Мы занимаемся всем.

– Вот вы и займитесь. Это не терпит отлагательства.

– Мирон, милый, – сказала Татьяна, и глаза ее светились ярче голубого платя, – вы, по-моему, не все поняли. Мы вам не няньки. Мы – это вы, только завтра. Не нам, а вам надо остановиться и не травить себя и нас.

– Конечно, – сказал Мирон Иванович. – Разумеется. Это очень точно сказано о нашей общей ответственности.

– Я тут всего несколько дней, и меня, честно говоря, потрясает пропасть между благими пожеланиями и вашими каждодневными действиями. Вы все согласны не губить лесов и не травить рек. Вы все согласны не сносить древних памятников и не кидать в траву консервные банки. Но когда это касается именно тебя, когда ты совершенно один и никто не видит и не может схватить тебя за руку, почему ты кидаешь консервную банку и глушишь рыбу динамитом? Почему?

Мирон Иванович держал в руке окурок, который он намеревался бросить в кусты. Окурок жег пальцы, но бросить его было как-то неловко.

– Рыбу я не глушу, – сказал он, поджимая, чтобы не обжечь, пальцы. Он понял, что надо спешить. Таня уйдет. В любой момент. Ей Мирон не нужен. Добьется своего и уйдет. – Мне надо узнать, я никому не скажу. Пожалуйста, в виде исключения. Я, конечно,

понимаю, что заводоуправление сто лет не продержится. Материалы оставляют желать лучшего. Но ведь в будущем я перейду на монолит. У меня есть кое-какие задумки. Мне очень важно знать, что я осуществлю. Скажи, пожалуйста.

Сигарета обожгла пальцы, и Мирон Иванович кинул ее в кусты.

– Я только знаю, что заводоуправление снесут. Это еще до меня случится. А больше я ничего не знаю.

– Жалко, – сказал Мирон Иванович. – Впрочем, архитекторов везде забывают. А часовню будем беречь.

– Хорошо, – сказала Таня. – На той неделе вы вступите в общество охраны памятников. Не формально, а как его активный член.

– Разумеется, – сказал Мирон Иванович. – Можно личный вопрос?

– Я не замужем.

– Нет, я про часовню. – Мирону Ивановичу показалось, что наверху приоткрылось окно. Может, кто-то подслушивал. Он опять перешел на шепот. – Вот вы мне показали фотографии, и это означает, что часовня обязательно сохранится. И доживет до ваших дней. Мне лично это очень приятно. Но если в этом уже есть определенность, как бы закон вечности – можно мне в этом не участвовать?

– Как так?

– Лично не участвовать. Мы сегодня так хорошо посидели с моими заказчиками, с ними мне и дальше придется работать: завод в городе – это сила. А если я завтра приду и скажу им, что я отказываюсь, потому что ко мне пришла одна девушка из будущего...

– Этого вы никогда не скажете. Вы не дурак. Вам не поверят и правильно сделают. Вы объясните, что как городской архитектор...

– погоди, Танюш, пойми... Если все равно эта проклятая сапожная мастерская сохранится, то значит, мне можно ничего им не говорить?

– Ах, вот вы о чем! – Таня так громко это сказала, что Мирону Ивановичу захотелось зажать ладонью ее пухлые тубы. – Значит, я в принципе за, но и пальцем ради этого не пошевелю.

– Ну зачем так категорично! Ты здесь чужой человек – при шла-ушла, а мне жить. Они же мне не простят, я лишусь их доверия.

– А ведь нет доверия.

– Есть. Есть добрые человеческие отношения. Я буду совершенно откровенен – мы сдаем заводской дом. Улучшенной планировки. В нем они дают мне двухкомнатную квартиру. Это не аргумент для такого светлого будущего. Там у вас проблем, может, и нет. Сколько у тебя комнат?

– Не скажу. Я тебе больше ничего не скажу.

– Но ведь часовня все равно будет стоять! Значит, кто-то другой примет меры. Кто-то более высокостоящий.

– Архитектор, – и тут Мирон увидел, как глаза Тани зажигаются голубоватым, ослепительным прожигаящим светом, – ты ничего не понял. Часовня будет спасена именно потому, что ты ее спасешь.

– Нет. – Мирон покачал головой. – Не я.

– И если ты не спасешь ее добром, мы перейдем к действиям.

– К каким же, простите, вы приступите действиям в чужом веке? Вы здесь, простите, не прописаны.

– Слушайте. Я сейчас ухожу. И больше тратить времени на вас не буду. Я все объяснила. Я сказала, что мы идем в прошлое, чтобы спасти свое настоящее – и ваше будущее. Мы знаем, кто конкретно виновен в том или ином проступке против земли, воздуха, планеты, людей. Мы идем к этим людям. Мы говорим с ними добром. Но бывают случаи, когда нам попадается темный эгоист, себялюбец, преступник.

– Таня!

– И тогда мы принимаем другие меры. Неужели ты полагаешь, что ради будущего всей Земли мы пощадим нескольких подонков?

– Я тебе не давал повода!

– Я виновата. Я подумала: ах, какой милый человек! Он все поймет.

– Я все понимаю – ты не хочешь понять меня!

– Ты завтра же скажешь, что часовня остается. Даже если рискуешь потерять новую квартиру и собутыльников.

– А если нет – убьете?

Мирон Иванович сказал это роковое слово будто в шутку, но глаза Татьяны стали колючими, как обломки льдинок.

– Да, – сказала она.

– Мы для вас... так? Ничто?

– Я пошутила. Но подумай о судьбе Степанцева.

– Кого?

– Заведующего свинофермой.

Таня быстро поднялась, словно взлетела над скамейкой.

И побежала прочь.

Мирон Иванович ринулся было за ней, но понял, что бессмысленно бегать. Ему было обидно. Он не хотел ничего дурного, он хотел только, чтобы его поняли, каждый человек хочет, чтобы его понимали.

Вдали за кустами светлячком мелькнул голубой огонь.

Мирон Иванович поднялся к себе в малогабаритную однокомнатную квартиру – скорее бы в новую переехать! – лег спать и сразу заснул, хотя полагал, что будет всю ночь думать.

Ему казалось, что он только прилег, как раздался телефонный звонок. Он гремел, как колокол, он заставил вскочить, кинуться к телефону, еще не вспомнив о вчерашнем.

– Что? Кто?

– Спишь? Прости, старичок. – Это был голос заместителя директора завода. – Я думал, ты уже во дворе стоишь с рюкзачком.

– Здравствуйте. А сколько времени?

– Скоро семь.

– Я сейчас. Сейчас выйду.

– Не спеши, отдыхай. Отменяется путешествие. И шашлыки тоже.

– А что случилось?

– Через час дамбу прорвет.

– Какую дамбу? – Мирон Иванович уже проснулся, но никак не мог вспомнить никакой дамбы в Великом Гусляре.

– Не знаешь ты еще нашей специфики, Мироша, – сказал заместитель и вздохнул. – Дамба у Степанцева на свиноферме, где пруд с отходами. Все никак не наладит вывоз на поля. Вот этот пруд каждый год переполняется и – у-ух! – прорывает! Черт знает что! Надо же, чтобы сегодня!

– Куда прорывает?

– В реку, куда же еще. Каждый год. Так что до завтрашнего дня к реке не подходи. А какая рыба сбежит от этого навоза, ей надо недели две, чтобы вернуться. Усек? Вся рыбалка прикрывается.

– Надо же принять меры!

– Какие?

– Всех мобилизовать – молодежь, школьников, чтобы дамбу укрепить.

– Во-первых, там вонь – с мобилизацией не выйдет. Во-вторых, зачем ее укреплять? Ее укрепишь, через две недели все равно прорвет – еще хуже. Нет, стихийное бедствие должно быть стихийным. Ты спи, отдыхай, только к реке сегодня не ходи.

Заместитель хихикнул, но как-то невесело и повесил трубку. Мирон Иванович отдыхать не стал. Он уже окончательно проснулся и все вспомнил. И вчерашнюю Таню, и сомнительную – теперь, ярким утром, она казалась сомнительной – историю с фотографиями. Почему он поверил ей? Это же чепуха. Может, потому, что светилось платье?

Ему захотелось выйти к реке. Пока еще можно. Он оделся и пошел. У скамейки остановился, как будто там мог остаться след Тани. Никакого следа не было. Потом он пошел вниз, к реке. Сапожная мастерская еще была закрыта, но за забором шумела машина – стройку гнали в две смены. Он поглядел на сапожную мастерскую, но угадать в ней той часовни с фотографии не смог. И это еще более укрепило его в мысли, что он стал объектом злого розыгрыша, и стало стыдно, что он унижался перед этой студенткой.

Он остановился на высоком берегу реки. Далеко справа была видна баржа-ресторан. «Если прорвет, – подумал он, – то на баржу тоже не поедешь». И он начал раздражаться против этого заведующего. Как его фамилия – Степанцев? А что говорила Таня? «Подумай о судьбе Степанцева». Она знала о нем. Значит, она имела в виду прорыв дамбы. И штраф, который тот Степанцев заплатит рыбоохране. И Мирон Иванович снисходительно улыбнулся, потому что Степанцев каждый год платит эти штрафы – привык. Наверное, субъективно, подумал Мирон Иванович, Степанцеву как рыбаку горько сознавать, сколько рыбы гибнет, но что поделаешь? Через час прорвет? Час уже прошел. Может, пойти поглядеть на дамбу, что-то придумать – он же главный архитектор города. Но тут Мирон Иванович вспомнил об отвратительном запахе, который исходит от того пруда. Нет, туда он не пойдет.

Река текла чистая, только ближе к берегу тянулась, как всегда, полоса рыжей воды – от кожевенного завода. «Мы можем быть жестокими», – говорила Татьяна, или ему это померещилось?

Интересно, дамбу прорывает сразу, с шумом, или она просто расплзается?

Стоять на берегу и ждать стихийного бедствия надоело.

Мирон Иванович пошел домой – все равно день получался как кой-то неустроенный. Куда же девалась эта Таня? Кого-нибудь еще пугает? Нет, голубушка из так называемого будущего, нас не запугаешь! Вам нужны великие потрясения – нам нужна великая Россия!

Ему понравилась последняя фраза! Как будто он сам ее сочинил. Но, будучи честным человеком, Мирон понимал, что фразу сочинили раньше – кто-то из классиков. Может быть, сам Маркс.

Дома он позавтракал – холостяцкая яичница да простокваша из скисшего молока. Скромно жил Мирон Иванович, да и не бегал за богатством.

Тут снова зазвонил телефон. Снова на проводе был заместитель директора завода.

– Ты не спишь, Мирон? – спросил он.

– Нет, не сплю.

– А тут такое дело...

Голос заместителя Мирону не понравился. Беспокойный был голос.

– Говорите, – потребовал Мирон.

И уже заранее знал – что-то связанное с этой Татьяной, принесла ее нелегкая в наше время. Хотя, вернее всего, она и не из будущего, а из-за самого элементарного кордона. Враг.

– Прорвало дамбу. Слышишь?

– Так вы же предупреждали.

– Понимаешь, не в ту сторону прорвало. Должно было в речку прорвать, как всегда, а прорвало вверх, к лесу. Такого и быть не может.

– Ну и слава богу! – сказал с чувством Мирон. – Значит, едем?

– Куда?

– На рыбалку.

– Чудак-человек! Дослушай сначала, а потом говори. В том направлении дом Степанцева стоит. У самого леса, со стороны господствующего ветра, чтобы амбре не достигало...

– И пострадал?

– Степанцев?

– Дом пострадал?

– Дом затопило, говорю! До второго этажа. И ковры, и мебель, и картину в раме. Степанцев как увидел, что на него девятый вал от фермы идет, успел пожарную команду вызвать, но те остановились, не доехали, издали смотрели.

– А Степанцев?

– Степанцев? Что Степанцев... Тело достали – его вынесло на лужайку. Но откачать не смогли. В противогазах откачивали, а не смогли.

– Что? Утонул?

– Царство ему небесное... Несчастный случай. Во цвете лет... Ты чего замолчал?

– Так... думаю.

– Чего думать? Мы его не возвратим. Хороший хозяйственник был, смелый. И человек хороший. Бутылку из горла за минуту выпивал. По часам.

– А там никого не заметили посторонних?

– Думаешь, акция?

– Не знаю...

– погоди, не вешай трубку. Я тебе что звоню... Ты насчет сапожной мастерской придумал аргументы? Ты не тяни, думай. В понедельник общественность ломать будем. Какой-то мерзавец Елену Сергеевну из отпуска вызвал. Телеграммой. Она завтра приезжает. «Молнию» нам отбила: «Иду на вы!» Эх, не люблю я некоторых! Бой будет, как под Полтавой. Чтобы порох был сухим, понял?

Мирон молчал... Полминуты молчал и его собеседник, слушал его частое дыхание, ждал.

– Я вот думаю, – сказал Мирон Иванович наконец. – Все-таки постройка четырнадцатого века, культурное наследие... Не исключено, что под полом есть мозаика.

– Мироша, ты себе цену не набивай, – сухо ответил заместитель директора. – Ты и вчера знал, какая ценность. В случае надобности мы тебя прикроем, в другой район переведем. А в случае ненадобности – берегись!

– Вот и Степанцев берегся.

– Степанцев утонул, как крейсер «Варяг». В бою. За что ему слава.

– Крейсер «Варяг» в воде утонул.

– Думай до понедельника, – сказал спокойно заместитель директора. – И учти: мы всегда побеждаем.

Мирон попрощался, повесил трубку, медленно подошел к окну. День был светлый, ветреный, солнечный. Сквозь листву был виден угол крыши сапожной мастерской. Заныл зуб...

Подоплека сказки

Появление археологической экспедиции в окрестностях города Великий Гусляр было сенсацией куда более неожиданной, чем, скажем, прилет космического корабля с Сириуса.

Это не означает, что в Гусляре не было археологических ценностей. Своими корнями история города уходит в далекое прошлое. А если как следует поискать в соседних лесах и по берегам озер, найдутся и стоянки троплодитов, и остатки древних скитов, и даже языческие капища. Не исключено, что в сосновом бору за озером Копенгаген, куда дороги нет, стоит упорно упоминаемый в легендах, ушедший в болото город Крутояр.

Но археологи эти места упорно обходили стороной. Они пытались оправдать свое равнодушие дикостью здешних мест, молчанием о Великом Гусляре «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». На самом деле они панически боятся гуслярских лесных комаров, которые отличаются злобным нравом и чужаков бьют с лету.

И вот свершилось! Самая настоящая археологическая экспедиция, во главе с рыжим кандидатом исторических наук Анатолием Борисовичем Гамалеевым, разбила лагерь в двух километрах от города, там, где в реку Гусь впадает ручей Старока и где возвышается обширный и крутой лысый холм, издавна известный под характерным названием Городище.

Несмотря на относительную молодость, тридцатилетний Анатолий Борисович был ветераном девяти экспедиций, изнывал от жажды в Туркмении, замерзал на Чукотке, чуть не утонул при раскопках Червяковского водохранилища, был трижды арестован в пограничной зоне на Кавказе. Он был без корысти предан археологии, но долго оставался на вторых и третьих ролях, несмотря на то что ему всегда сопутствовала удача.

Как известно, удача в археологии играет куда большую роль, чем в сапожном деле или при эксплуатации атомных ледоколов. Если ей вздумается, она одарит сказочной славой профана Шлимана и

отвернется от неизвестного нам профессионала, который из-за этого за сорок три полевых сезона соберет лишь тонну кухонных черепков.

Везение Анатолия Борисовича было притчей во языцех университетских коллег. Ну кто еще, будучи студентом и убегая от сторожа совхозного виноградника, умудрится провалиться в гробницу хазарского хана, откуда выберется лишь на третьи сутки, обросший огненной щетиной, умирающий от жажды, но не тронувший ни одного из ста восьмидесяти пяти золотых предметов и трехсот сосудов, которыми была наполнена гробница! Тем не менее в специальной литературе, не говоря уж о средствах массовой информации, будет сообщено, что гробница хазарского кагана Купака обнаружена экспедицией доцента Спирина, который, если обратиться к документам, в те дни болел скарлатиной в Ростове. Правда, Спирин успел вернуться к последнему дню сезона и подписать отчет, а затем многократно выезжал за рубеж со слайдами и докладом о сенсационной находке.

Не менее известен в кругах археологов случай при раскопках кургана Кривая Могила. Курган был ограблен еще скифами, и начальник экспедиции Муля Дудкин готов был довольствоваться остатками конской сбруи и костяками принесенных в жертву рабов, оставленными грабителями для археологов, однако интуиция подсказала Толе Гамалееву, что уходить с Кривой Могилы рано.

Ночью он сидел на склоне разворошенного кургана, целуясь с экспедиционной поварихой Аришкой, из местных жителей. В один прекрасный момент страстная повариха откинулась назад и прошептала: «Ой, какие вы настойчивые!» Намереваясь подчиниться властному шепоту, Толя опьянел, не бродит ли по соседству кто-нибудь из коллег, могущих ложно истолковать значение этой интимной сцены, и тут его случайный взгляд отметил неровность склона. «Погоди, Ариш», – сказал он поварихе, с трудом освободился от ее объятий и пополз к отмеченному месту. Приложив ухо к земле, Толя убедился, что от этого места исходит иная, чем от прочих, эманация, и удовлетворенно произнес: «Здесь!» Что сказала на это Аришка, история умалчивает, зато известно, что с рассветом Толя начал копать сам, а после завтрака к нему присоединились товарищи во главе со скептически ухмыляющимся Мулей Дудкиным. К полудню лопата Гамалеева ударилась о край бревенчатого сруба. Это было

более позднее впускное погребение, в котором, помимо прочего, лежала совершенно неповрежденная золотая ваза со сценами из амазономахии, исполненная греческим ювелиром, жившим среди королевских скифов. Разумеется, Дудкин прославился и поехал на конгресс в Рио-де-Жанейро, а Гамалеев остался в университете сдавать кандидатский минимум и склеивать керамику.

Гамалееву принадлежала находка на мысе Дежнева резного моржового клыка с нанесенным на него путем миграции протоиндейцев в Америку. В то время Толя работал в экспедиции Арутюняна, и хоть Арутюняну этот клык был вовсе не нужен, потому что опровергал его гипотезу о передвижении народов, он вошел в историю как «клык Арутюняна». О Толе ни слова!

Так продолжалось десять лет. На исходе этого срока Анатолий Борисович обратился в инстанции с просьбой дать ему под начало любую замухоренную экспедицию, но назначить его начальником.

Собрались корифеи археологии. Им не хотелось отпускать Гамалеева в вольное плавание, потому что у каждого из них были свои эгоистические планы и надежды, связанные с Толей. Но так как вслух о таких надеждах они говорить не смели, то в конце концов коварно порешили отдать Гамалеева на съедение гусярским комарам. Тем более что экспедиция в те края была запланирована еще в начале двадцатых годов.

Корифеи надеялись, разумеется, что Гамалеев струсит и откажется от гусярских лесов, но Толя с радостью ухватился за открывшуюся вакансию. Он верил в свою звезду.

Несмотря на то что экспедиция была невелика (сам Толя, аспирант Лютый, три студента и шесть рабочих из местных старшеклассников), с первого же дня работы пошли битые горшки, пряслица, шейные гривны, бересты, подвески и неизвестные предметы культового назначения. Корреспондент гусярской газеты поседевший Михаил Стендаль буквально дневал на раскопках в ожидании очередного чуда. В воскресных выпусках газеты регулярно публиковались его заметки «Героическое прошлое нашего края?», «А был ли город?», «Мы потомки славных предков?». Стендаль был склонен к риторическим вопросам.

Мостовые в поселении, раскрытом археологами на Городище, были сложены из могучих листовенничных бревен. По мере износа

предки клали новый слой бревен на предыдущий. И это давало возможность установить возраст каждой из мостовых, а потому и всего Городища.

С этой целью в середине июля Анатолий Борисович, захватив также наиболее ценные находки, уехал в Новгород, чтобы посоветоваться со знаменитым профессором Яновым, докой по этой части.

Совещания в Новгороде затянулись на неделю, аспиранты, оставленные без присмотра, вставали поздно и ложились за полночь, влюблялись в гусярских барышень и купались до одури в реке Гусь. Но Анатолий Борисович отсутствовал не впустую. Задержался он потому, что сделал, оказывается, открытие настолько большое, что ему никто не поверил, как не поверили в свое время открывателю Трои археологу Шлиману.

Верхние мостовые Городища относились к раннему Средневековью, когда там был город, впоследствии перенесенный туда, где теперь стоит Великий Гусляр. Под этими мостовыми оказался толстый слой пустой земли и валунов, а еще ниже снова пошли мостовые. Эти нижние мостовые оказались древнее Вавилона и Иерихона, о чем свидетельствовала дендрохронология, определяющая даты по срезам бревен.

Самое разумное было свернуть раскопки, чтобы не стать посмешищем. Но Толя был не таков. Смелая интуиция заставила его вспомнить о сомнительной и даже порочной гипотезе, высказанной Салимой Хабибовной Мансуровой, сотрудницей Шамаханского районного музея. Салима Хабибовна высказала в республиканской печати предположение, что, помимо известных исповедующему марксизм человечеству эпох рабовладельческой, феодальной и первобытнообщинной, существовала еще и неучтенная эпоха, название которой она дать не осмелилась. Эпоха эта разместилась между предпоследним и последним ледниковыми периодами и практически не оставила следов, так как они были стерты ледниками с лица земли. По той же причине, а также ввиду невысокого уровня социально-экономического развития исчезли материальные следы этой эпохи. Но осталась народная память.

Салима Хабибовна утверждала, что люди ничего целиком не придумывают, а в основе всех, казалось бы, самых невероятных

выдумок лежит историческая правда. Нападения половцев на русские земли и деяния Ивана Грозного отразились в фольклоре и частично модифицировались. Чем дальше от нас отстоит событие, тем большим налетом неправдоподобия оно покрывается. Эпоха Мансуровой отстоит от нас так далеко, что факты ее биографии скрылись под очень толстым слоем времени. И все же их можно угадать.

Салима Мансурова утверждала, что последний ледниковый период, погубивший множество животных типа саблезубых тигров или мастодонтов, погубил также и цивилизацию, которая бурно развивалась в те тысячелетия. Однако шла она иными путями, чем наша. Разумные существа той эпохи не трудились, зато отличались удивительными качествами, и память о них осталась в таких сказочных персонажах, как Кощей Бессмертный, гномы, лешие, русалки и так далее. Обладая громадными возможностями в духовной сфере, эти существа не смогли освоить материальных ресурсов и изнежились. Ледниковый период застал их врасплох, и они либо вымерли, либо совершенно одичали в борьбе с холодом и льдами. Так что после ледникового периода человечеству пришлось все начинать заново.

Разумеется, научная общественность отнеслась к сообщению Салимы Хабибовны с иронией. Посмеялся над ним и Толя Гамалеев, но потом задумался, ибо любил смелые гипотезы и даже назвал для себя ту эпоху эпохой легенд.

Бревна мостовой, обнаруженной Анатолием Борисовичем на высоком крутом холме у Великого Гусяра, были такими древними, что специалисты не смогли их датировать. Тогда Анатолий Борисович побежал к палеоботаникам, и они подтвердили, что лиственница, из которой сложены мостовые, вовсе не лиственница, а ископаемая лиственница, исчезнувшая на Земле как раз в начале последнего ледникового периода.

Вернувшись в Великий Гусяр, Толя написал письмо Салиме Хабибовне, а затем сделал сообщение для гусярской прессы, то есть лично для Михаила Стендаля. Результатом чего явилась заметка в газете, которая называлась «Древнейший город на Земле – Гусяр?».

Жители Великого Гусяра с интересом посещали раскопки, которые возобновились после возвращения Толи Гамалеева, и предлагали ему добровольные услуги. Многие из них давно

подозревали, что Великий Гусляр древнейший город на свете, так что не удивились. Теперь на раскопках трудилось вдесятеро больше работников, а Толя потерял сон и аппетит – его приходилось каждый вечер связывать и запирать в палатке, чтобы не ночевал на раскопе.

Следует сказать, что предметов быта в поселении легендарной эпохи попадалось немного. И это понятно. Если верить гипотезе Мансуровой, люди, наши непосредственные предки, в ту эпоху занимали подчиненное место. Они обитали в примитивных хижинах, спасаясь от постоянных раздоров и схваток, которые кипели вокруг. Богатыри сражались с драконами, волшебники заколдовывали красавиц, феи порхали над долинами, русалки рвали сети... Мало где людям удавалось объединиться, возвести укрепленные поселения. Они старались строиться в стороне от излюбленных волшебниками путей. Толя предположил, что предки гуслярцев уцелели и сберегли независимость на холме Городища, потому что гуслярский комар уже в те времена был настолько злобен, что волшебники не посмели с ним состязаться.

Тем временем сенсационные находки продолжались. Десятого августа из земли показалась большая кость, за ней другая. При дальнейших раскопках обнаружилось, что это фаланги пальцев крупного дракона, который старался пробиться в Городище, но погиб у его ворот. Голов у дракона было три. Все три были найдены тринадцатого. Они оказались так велики, что в каждой можно было устроить пивной ларек.

Пока добровольцы раскапывали дракона, Анатолий Борисович посвятил все свое время изучению остатков дворца, в котором обитал князь города. Остатки дворца несли следы пожара. Он был тоже деревянным, и от него мало что осталось. Это означало, что когда-то кому-то из врагов все же удалось взять город штурмом или обманом. Среди угольев Толя отыскал каменный трон, подлокотники и сиденье которого были сильно стертые от длительного употребления. В тронном помещении удалось также раскопать оружие – наконечники стрел и копий, обломок щита и каменное ядро. Были обнаружены также украшения, немногочисленные предметы быта и черная непрозрачная бутылка.

Четырнадцатого августа аспирант Лютый, работая за тронном, отыскал в спекшейся золе смятую царскую корону, сделанную из

низкопробного золота. Радости гусярцев не было предела. Нашлось неопровержимое доказательство того, что некогда Гусяр был суверенным царством!

В атмосфере приподнятости и народного энтузиазма раскопки продолжались.

В одном месте, сразу за стеной дворца, слой сгоревшего дерева был толще, чем в других местах. Это доказывало, что здесь стояла башня. Там Толя Гамалеев нашел несколько медных гвоздей и небольшую золотую птицу, которая, возможно, выполняла роль флюгера. Птица была полая внутри. От искусно сделанных ножек, оканчивавшихся медным штырем для крепления, до гребешка на макушке она достигала шестнадцати сантиметров. Глаза птицы были сделаны из темного агата, а перья доведены резцом. Птица поражала своей примитивной выразительностью и отличием от всех известных искусству стилей и школ. Уже одной этой находки было бы достаточно, чтобы прославить Гамалеева.

Гамалеев разрешил Стендалю сфотографировать птицу, а затем осторожно запаковал ее в большую коробку из-под дамских сапог.

Слух о находке птицы быстро разнесся по городу. Уже после обеда некоторые жители стали подходить к раскопкам и вызывать Толю с просьбой показать птицу. Возникло даже подозрение, что она инопланетного происхождения. Некоторое время Толя сопротивлялся, так как не хотел отвлекаться от любимого дела, но потом поддался настойчивым просьбам и пригласил зрителей к себе в палатку. Птица лежала на столе рядом с бутылкой и обломком щита.

Она произвела большое впечатление на собравшихся, и Корнелий Удалов из стройконторы сказал:

– Где-то я такую видел.

Другие тоже согласились, что птица кого-то напоминает. Потом старик Ложкин сказал:

– Полагаю, что это сходство с петухом.

– Первобытный петушок, – сказал Удалов. – И со штырем. Зачем он им был нужен?

– Есть целый ряд предположений, – сказал Гамалеев. – Я склоняюсь к мысли, что эта птица должна была украшать собой жреческий жезл или царский скипетр.

– Какие в легендарную эпоху жрецы? – удивился Стендаль.

– И зачем скипетр? Ведь это все потом уже придумали, после ледниковых периодов, – поддержал его Грубин.

– Может быть... – задумчиво произнес Толя, поворачивая петушка в руке. – Но какая у птицы может быть сказочная функция?

– А вот американский писатель Вашингтон Ирвинг... – начал образованный Удалов, но тут же старик Ложкин, который, к сожалению, Вашингтона Ирвинга не читал, перебил его.

– Ясное дело! – сказал он. – Это Золотой петушок!

– Вот именно! – повысил голос Удалов. – Учтите, что я первым сказал. Это бродячий сюжет, оставшийся от легендарной эпохи. Видно, в те времена эти петушки изготавливались почем зря. Стояли они на вершинах башен и крутились в ту сторону, откуда шла опасность.

– Ку-ку! – вспомнил Грубин. – Царствуй, лежа на боку.

– Не может быть! – возрадовался Анатолий Борисович, который был склонен прислушиваться к мудрым советам. – Разумеется! Очень похоже! Но как проверить?

– Проще простого, – сказал Удалов. – Укрепим его на пожарную каланчу посреди Гуслияра и будем смотреть, куда петушок повернется.

– Бред какой-то! – возмутился Стендаль. – И сколько же мы будем ждать?

Удалов не ответил. Он понял, что Стендаль по большому счету прав. Вряд ли скоро половцы или татаромонгольские захватчики нападут на Великий Гуслияр.

– Ну, тогда, – сказал Ложкин, – воздвигнете столб возле экспедиции и будете ждать. Экспедиции грозит куда больше опасностей, чем районному центру.

Хоть никто не знал, что за опасности могут подстергать археологическую экспедицию, времени терять не стали, притащили с берега бревно, заострили его, вкопали и укрепили сверху золотого петушка, несмотря на вялые протесты руководителя экспедиции, который опасался, что петушок может стать жертвой злоумышленника и пропадет для науки.

Жители Великого Гуслияра коллективно поклялись, что в городе не найдется такого варвара. И петушок, отмытый, как новенький, гордо поднял гребешок над лагерем экспедиции.

Весь следующий день нескончаемым потоком шли к лагерю гусярцы. Стояли, смотрели на петушка, ждали, когда он повернется хоть куда-нибудь. Но петушок стоял неподвижно.

Гамалеев тоже часто отрывался от раскопок и, прикрыв глаза от солнца ладонью, всматривался в петушка. С одной стороны, ему не хотелось набегов и опасностей, с другой – желательно было, чтобы петушок заработал. Это будет замечательное и неотразимое свидетельство в пользу легендарной эпохи.

Ни в тот день, ни на следующий петушок не шелохнулся. Завистливый к славе начальника, аспирант Лютый сказал в кругу своих знакомых:

– Во-первых, сказочного петушка не было, он – плод литературного творчества А.С. Пушкина, а во-вторых, наш дорогой начальник сошел с ума на почве бредовой идеи.

Толя нечаянно подслушал эти слова. Он был внутренне согласен с аспирантом Лютым. Конечно, в высшей степени наивно прикреплять ценную археологическую находку на заостренное бревно и ждать от нее работы. Притом сказочной.

Но снять петушка он не мог. Что-то сопротивлялось внутри. Словно само Городище оказывало волшебное влияние на археологов.

И петушок остался на вершине бревна.

Вдруг на третье утро, часов в десять, когда все уже трудились на раскопе, а первые зрители из города начали собираться под холмом, при полном безветрии золотой петушок дрогнул, скрипнул и медленно повернулся в сторону шоссе.

– Ой! – сказал кто-то детским голосом.

Было так тихо, что все услышали. Старик Ложкин, который стоял там с подзорной трубой, повернул ее в сторону шоссе.

– Голые суеверия, – злобно произнес аспирант Лютый. И, чтобы доказать, что он выше суеверий, Лютый взял длинную палку, подошел к бревну и, встав на цыпочки, дотянулся концом палки до петушка.

Окружающие были так возмущены этим демонстративным поступком, что не успели ничего сказать, когда, сильно толкнув петушка в клюв, аспирант Лютый отвернул его на девяносто градусов от шоссе.

– Вот так-то, – сказал он нагло, оборачиваясь к зрителям. – Его же ветром повернуло!

– Как ты смел! – закричал Гамалеев. – Палкой! По уникаму!

– Был бы уникамом, давно бы вернулся в исходное положение, – ответил аспирант.

– А вы лучше поглядите! – прервал конфликт Удалов. – На петушка поглядите!

Петушок (а было полное безветрие) медленно и упорно, будто кто-то тащил его за клюв, вернулся в исходное положение – клювом к шоссе.

Тут у аспиранта Лютого опустились руки, а на шоссе показалась черная точка.

В экспедицию ехала ревизия из Москвы.

Ревизия – гость непрошенный и нежеланный, особенно для такой маленькой и бедной экспедиции. Но кто-то где-то, выбирая маршрут для ревизии, ткнул пальцем в Великий Гусяр.

Ревизоры были строги, они не только просмотрели все ведомости и нормы питания сотрудников, но даже пересчитали лопаты и сняли показания спидометра у экспедиционного «рафика». Все обошлось, но работа экспедиции затормозилась. Ведь Анатолий Борисович был материально ответственным лицом и два дня подряд оправдывался, хоть и не был виноват. Перед ревизией положено оправдываться.

Когда ревизия наконец отъехала, Гамалеев сказал Корнелию Удалову:

– Спасибо, Корнелий Иванович. Именно вам принадлежит честь открытия. Именно вы связали нашу находку с известной сказкой. Как человек и ученый, я вам многим обязан. Просите что хотите, никогда не откажу.

– Эх, что с вас взять, с археологов! – вздохнул Удалов. Но был польщен признанием. – Как-нибудь сочтемся.

– Я своих слов на ветер не бросаю, – сообщил Толя.

– Отложим этот разговор, – великодушно сказал Корнелий.

С тех пор даже аспирант Лютый замолчал, хоть в кругу знакомых любил повторять, что поворот петушка лицом к ревизии – пустая случайность. Если бы от петушка был толк, он бы предсказал ревизию за неделю.

В следующий раз петушок повернулся двадцать восьмого августа. Это было уже в конце рабочего дня, и за исключением археологов и подпaska Тимофея, зубного техника в отпуске, никто движения не

заметил. Петушок несколько раз крутанулся вокруг оси, как будто не был уверен, откуда грозит Анатолию Борисовичу опасность. Наконец повернулся к реке и замер.

На этот раз никто не подвергал действия петушка сомнению. Археологи и молодые добровольцы вылезли из раскопа и стали смотреть в сторону реки. Река была спокойна. Но все равно люди уже верили петушку больше, чем собственным глазам. Даже аспирант Лютый, известный скептик, взял в руки лопату, как винтовку, и направил на реку.

Настороженность археологов была вознаграждена. Воды реки расступились, и на поверхности показались две зеленые выпуклости. Выпуклости беззвучно и зловеще неслись к берегу. У берега они затормозили, а затем из воды показалась длинная зеленая морда, усеянная множеством острых желтоватых зубов...

Затем в полном молчании из воды вылез громадный, метров пять длиной, крокодил и, шустро перебирая кривыми короткими ногами, направился вверх по склону холма – туда, где стоял в окружении помощников Анатолий Борисович.

Надо сказать, что никто не струсил, не убежал, не закричал от страха. Держа на изготовку лопаты, археологи ожидали приближения чудовища, перебрасывались отрывистыми словами:

- Это крокодил.
- Или аллигатор.
- Может, аллигатор.
- У нас они не водятся.
- Они в Африке водятся.
- Или в Бразилии.
- Своим ходом доплыть не мог?
- Нет, не мог. А на вид голодный.
- Значит, злой. Лопату перекусит?
- Лопату точно перекусит.

Крокодил добрался до вершины холма и широко разинул пасть. Тут было от чего пасть духом, но археологи дружно взмахнули лопатами, показывая, что шутить не намерены. При этом они продолжали разговаривать:

- Типичный хищник.
- И мозг примитивный.

- Из него сумочки делают.
- Он, наверное, в Красную книгу записан.
- Должен быть записан.
- Так что, ребята, вы его осторожнее!
- Лучше раз пожалеть, чем потом раскаиваться.

Крокодил увидел строй поднятых лопат и раздумал нападать на начальника экспедиции. Несколько раз он разинул и закрыл пасть, словно безмолвно угрожая, и начал отступать к воде. Его не преследовали.

По пути он наткнулся на куст и зацепился за него ошейником.

Раньше никто этого узкого ошейника не видел, потому что археологи были заняты обороной. Теперь же все поняли, что крокодил в ошейнике. А это категорически меняло дело.

Отважный Анатолий Борисович сумел зайти крокодилу сбоку, пользуясь кустом как прикрытием. На ошейнике висел медальон. Гамалеев медальон сорвал. В нем оказалась записка: «Крокодил ручной, принадлежит цирку № 6 им. Парижской коммуны. Просьба мясом не кормить, телеграфировать по месту гастролей в город Новороссийск».

Гуслярцы подивились способностям крокодила к путешествиям, привязали его к кустам, дали телеграмму в Новороссийск, где выступал цирк, упустивший крокодила во время морского круиза. Многие приходили смотреть на крокодила, но больше на Золотого петушка, так замечательно себя проявившего.

Не прошло и суток после того, как был увезен крокодил, а петушок встрепенулся вновь. На этот раз он глядел на автобусную остановку.

Увидев движение петушка, Анатолий Борисович неожиданно обрадовался и воскликнул:

- Правильно! Она приехала!

Он поспешил к автобусу, за ним побежал аспирант Лютый с лопатой, который не хотел оставлять начальника в минуту опасности, за ними побежали школьники.

Автобус остановился на площади. Из него среди прочих пассажиров вышла девушка невероятной красоты, черноволосяя, кареглазая, в джинсах, белой блузке и кроссовках «Адидас».

– Здравствуйте! – вскричал Гамалеев. – Я поражен вашей красотой! Вы наверняка сотрудница Шамаханского городского музея Салима Мансурова?

– Салима Хабибовна, – ответила шамаханская научная сотрудница, протягивая Анатолию Борисовичу узкую изящную ладонь.

Аспирант Лютый тут же влюбился в сотрудницу и забыл на площади лопату.

Гамалеев под локоток отвел Салиму Хабибовну к гостинице. По дороге он беспрестанно ворковал, а жители Великого Гусяра смотрели на эту пару с удивлением.

С утра следующего дня Салима Хабибовна находилась на раскопках. Гамалеев показал ей все, что нашли археологи. Он беспрестанно хмурился и краснел. Аспирант Лютый не мог заставить себя вернуться в раскоп. Он ходил следом, только улыбался и тоже краснел. В тот день всем было не до раскопок. Петушок беспрерывно крутился на вершине бревна, показывая этим, какие неладные дела творятся во вверенном ему царстве.

После обхода площадки и любования петушком Анатолий Борисович со своей шамаханской гостьей удалился в палатку, и больше никто не видел его до самого вечера, когда он наконец вышел, взволнованный и, можно сказать, отрешенный. Он рассеянно взглянул на петушка, который все еще вертелся в лучах заходящего солнца. Потом пошел провожать в гостиницу Салиму Хабибовну.

– Завтра, – сказал он, прощаясь, – все решится.

Поздно вечером во двор дома № 16 по Пушкинской улице, где проживают Удалов и старик Ложкин, вошел расстроенный аспирант Лютый. Друзья сидели под сиреневым кустом, отдыхали. По виду Лютого они сразу поняли – случилось нечто тревожное.

– Что произошло, аспирант? – спросил Удалов.

– Что-нибудь на раскопках? Что нашли? Или потеряли? – спросил старик Ложкин.

– Вы на петушка глядели? – спросил Лютый.

– Все вертится? – сказал Удалов.

– Это же ненормально! – воскликнул Лютый. – Петушок извертелся. Он сигнализирует, что от Салимы Хабибовны нам всем грозит страшная опасность.

– А, – сказал Ложкин, – понимаю. Я вчера ее видел. Очень представительная девушка. А моей супруге она не показалась.

– А почему ты к нам пришел? – спросил Удалов.

– Вы уважаемые люди, общественники. Вы должны спасти Гамалеева. Что он делает с ней в палатке?

– Дело молодое, – сказал Ложкин. – Даже если и целуются...

– Раскопки прерваны! – произнес Лютый, сгорая от ревности. – Тайна города останется неоткрытой.

– Ну ничего, Гамалееву тоже отдохнуть надо, – сказал Удалов.

– Он не вернется в археологию, – сказал Лютый. – Я это понимаю, петушок это понимает. Только вы не понимаете.

– А производит она такое положительное впечатление, – вздохнул Ложкин.

– Вы наивные или притворяетесь? – закричал аспирант Лютый. – Вы знаете, откуда она приехала?

– Откуда?

– Я видел ее командировочное удостоверение! Она приехала из так называемого Шамаханского музея!

Значение слов Лютого далеко не сразу дошло до Удалова и Ложкина.

Они смотрели на аспиранта выжидающе, думая, что он разъяснит, чем Шамаханский музей хуже другого.

– Шамаханский музей! Ша-ма-хан-ский! – кричал Лютый.

Во дворе открывались окна, выплядывали соседи.

– Шамаханский музей, шамаханский дворец, шамаханский шатер...

– О! – тихо и значительно произнес Ложкин. – Роковая шамаханская царица!

– Она самая. Теперь вы понимаете, что Анатолий Борисович обречен?

В другой ситуации жители дома № 16 подняли бы аспиранта на смех. Мало ли какие бывают смешные совпадения. Но после случая с ревизией и крокодилом все понимали, что факт существования эпохи легенд доказан. А если так, то сказочные явления, которые теоретически прекратились с наступлением последнего ледникового периода, на самом деле не совсем прекратились.

И это заставило всех глубоко задуматься. Начали обсуждать, что предпринять. Можно было, конечно, написать письмо директору института археологии и объяснить ему, что творится в Великом Гусяре. Но, вернее всего, очень занятой директор института не примет всерьез жалоб гусярцев, так как относится к числу тех археологов, которые категорически не согласны с существованием эпохи легенд. Можно было написать Розе Григорьевне, маме Гамалеева, с просьбой приехать и воздействовать на Толю, можно было сигнализировать в Шамаханский музей... Последнее, правда, отметили сразу – понимали, что, если даже таковой музей и существует, никто в нем Салимы Хабибовны не видел, которая десантировалась к ним из легендарного прошлого с туманными зловещими целями.

И вот в разгар споров Удалов сказал:

– Эврика!

– Чего? – спросил Ложкин.

– Все свидетели, что начальник экспедиции, – сказал Удалов, – обещал выполнить любое мое желание за то, что я разгадал тайну Золотого петушка.

– И что?

– А я пожелаю, чтобы он отдал мне... – Тут Удалов понизил голос, чтобы его супруга Ксения не услышала и не истолковала ложно его слова: – Чтобы он отдал мне шамаханскую царицу.

– Ну что ж, – сказал старик Ложкин. – Поглядим, хозяин ли он своему слову!

Наутро, когда Удалов и Ложкин в сопровождении Саши Грубина шагали к лагерю экспедиции, Ложкин выразил опасение:

– Ты только осторожнее, Корнелий. Он ведь расставаться с этой шамаханской соблазнительницей не захочет. Может быть, в отчаянии постарается тебя убить.

– Ничего, – сказал Удалов с наигранной храбростью, – в случае чего петушок за меня отомстит.

Ему было не по себе. Он уже раскаивался, что согласился идти. Но отступить было некуда. Раскопки следовало завершить – и этим исполнить долг Анатолия Борисовича перед наукой и Великим Гусяром.

Полог палатки был опущен. Возле палатки монотонно шагал – пять шагов направо, пять шагов налево – бледный, лохматый,

остервеневший аспирант Лютый. На раскопе кто-то лениво копался в земле, но в целом работы затормозились.

– Они здесь? – спросил Удалов.

Лютый нервно кивнул. Из палатки донеслось: «Хи-хи-хи, ха-ха-ха». Это был голос шамаханской царицы.

Друзья Корнелия стояли за его спиной, готовые, если надо, прийти Удалову на помощь.

– Анатолий Борисович! – позвал Удалов и отступил на шаг назад.

Никто не отозвался. Из палатки доносились тихие голоса. Потом снова зазвучал нежный женский смех, от которого у всех дрожь прошла по коже.

– Гамалеев, выйди! – еще громче закричал Удалов.

Полог палатки поднялся, и оттуда выпянул рыжий археолог. Он заморгал от солнечного света и улыбнулся.

– Доброе утро! – сказал он. – Вам чего?

– Выходите, разговор есть, – сказал Удалов. – От имени общестственности.

Анатолий Борисович вышел из палатки.

– Только ненадолго. Я очень занят.

– Видим, – сказал Ложкин. – Весь город видит, как вы заняты.

– Обещание давали? – спросил Удалов.

– Какое обещание?

– Выполнить любое мое желание. За петушка. – Удалов показал на золотую птичку, что по-прежнему вертелась на бревне.

– Разумеется, – сказал Анатолий Борисович, не удержавшись от смеха. – Так что же вы надумали?

– Отдавай мне шамаханскую девицу! – решительно произнес Удалов.

В этот момент полог еще раз шевельнулся, и возникла шамаханская девица во всей своей свежей красоте. На этот раз она была облачена в розовую блузку и белые брюки.

– Кого надо отдать? – спросила она, посмеиваясь.

– Вас, гражданка, – сказал Удалов тверже.

– Зачем? – Девица приподняла соболиные брови и сверкнула карими очами.

– Раскопки под угрозой, а петушок скоро сойдет с ума от опасности, которая грозит Анатолию Борисовичу. Вы только поглядите

наверх.

– А что вы со мной будете делать? – спросила шамаханская девица.

– Я? С вами?

– Вот именно! – раздался сзади грозный голос Ксении, жены Удалова. – Что ты с ней делать намылился, старый распутник?

Удалов в некоторой растерянности бросил взор на красавицу шамаханского происхождения, затем метнул взгляд на собственную жену. Но нашелся.

– Отправлю обратно! – заявил он.

– Товарищи! Вы неправильно все поняли! – возмутился Гамалеев, который, видно, понял, что произошло. – Сейчас не легендарная эпоха! Салима Хабибовна – квалифицированный и уникальный специалист по археологии и филологии легендарной эпохи.

– Значит, не отдашь? – спросил Удалов зловещим тоном. – Петушок жестоко отомстит!

От этих слов все внутренне сжались. Ложкин поглядел на петушка. Петушок тоже замер. Даже Ксения Удалова замерла.

– Товарищи! – сказала тогда прекрасная Салима Хабибовна. – Прошу минуту внимания. Я приехала сюда в командировку для оказания профессиональной помощи моему коллеге кандидату исторических наук Гамалееву. Двое суток мы с ним, практически не отрываясь, горя творческим энтузиазмом, проводили опыты над откопанным здесь материалом.

– Знаем мы ваши опыты! – ревниво вякнул аспирант Лютый. – Зачем в палатке прятались от общественности?

– Мы не хотели знакомить общественность с опытами до тех пор, пока они не будут завершены. Однако недоразумение, возникшее здесь, хоть и не делает чести вам, товарищи, должно быть рассеяно. Попрошу желающих пройти в палатку.

Желающие вошли в палатку и остановились у входа. И замерли. Было от чего удивиться.

На рабочем столе, рядом со старой темной бутылкой, сидел маленький человечек с длиннющей белой бородой, в красной чалме и цветастом поношенном халатике. Перед ним стояло блюдо с клубникой, которую он ел, хватая каждую ягоду обеими руками. На вошедших он не обратил ровным счетом никакого внимания.

– Не бойтесь, подходите ближе, – сказала Салима Хабибовна. – Как вы видите, вокруг джинна, обнаруженного в черной бутылки при раскопках дворца, проведен мелом круг волшебного свойства, создающий силовое поле, за пределы которого он выйти не в состоянии. Этот волшебник – последний представитель разумной фауны эпохи легенд. Его показания при нашем совместном докладе в Академии наук будут неопровержимыми свидетельствами правильности нашей с Анатолием Борисовичем теории. Поэтому мы, – тут Салима Хабибовна показала на видеоманитофон в углу палатки и ворох кассет возле него, – двое суток непрерывно записываем все, что нам говорит этот волшебник. Если же вы подозреваете, что у нас, охваченных научным энтузиазмом, было время, чтобы предаваться личным отношениям, вы глубоко заблуждаетесь.

– Куда им предаваться! – сказал джинн, дожевывая ягоду. Сок стекал по бороде, окрашивая ее в розовый цвет. – Я им ни одной минуты отдыха не дал! То излагаю, то словесно хулиганю!

Говорил он по-русски, но с сильным восточным акцентом.

– Я понимаю, – виновато сказал Удалов. – Мы вас оторвали от работы. Простите нас!

Ксения, которой было страшно глядеть на джинна, взяла мужа за руку.

– В частности, – добавил Анатолий Борисович, – без помощи Салимы Хабибовны мне никогда бы не извлечь джинна из бутылки. И я не смог бы заставить его держать себя в рамках. Что касается беспокойства Золотого петушка, то оно вызвано присутствием джинна, которого Золотой петушок не выносит, потому что джинн многократно навязывал петушку свою недобрую волю.

– Я до тебя доберусь, археолог, – грозно сказал джинн. – Мне смертельно надоели твои разоблачения!

Он запустил пальцы в бороду и невнятно завопил на восточном языке.

– Осторожно! – крикнула Салима Хабибовна, которая единственная поняла угрозу джинна.

Раздался треск, что-то тяжелое ударилось о крышу палатки, в крыше возникла дыра, и внутрь, словно метеор, свалился Золотой петушок. Судя по всему, он намеревался ударить клювом по голове

Анатолия Борисовича, однако присутствие шамаханской сотрудницы спасло археолога. Она успела оттолкнуть Гамалеева, тот упал на Удалова, а петушок ушел по плечи в земляной пол.

Джинн расхохотался и принялся доедать клубнику. Завершение этой истории буднично, как сама наша жизнь.

Раскопки под Великим Гусяром более не дали любопытных находок, но и то, что удалось найти, вызвало бурю восторгов и споров среди археологов и журналистов. Трудно поверить, но рок неизвестности, преследующий Гамалеева, вновь догнал его. Отчет об экспедиции был подписан Салимой и Толей. Фамилия дамы стояла первой, поэтому эпоха легенд, как вам известно, называется теперь эпохой Мансуровой. Доклад об экспедиции на общем собрании Академии наук сделала Салима, и степень доктора «гонорис кауза» была присвоена ей. В этом году доктор Мансурова уезжает копать эпоху легенд (эпоху Мансуровой) на остров Сопотру где-то в Красном море, и неизвестно, возьмет ли она с собой Гамалеева или оставит его дома с близнецами Толенькой и Салимочкой.

Старый джинн прожил осень в академическом санатории «Узкое» и всем смертельно надоел своими дешевыми фокусами. Особенно невзлюбили его академики и обслуживающий персонал за то, что он в больших количествах сотворял из воздуха рахат-лукум и трюфели, жрал их килограммами и ни с кем не делился.

Спасла всех сестра-хозяйка, которая хитростью заманила джинна в бутылку из-под шампанского, заткнула ее пробкой и бросила в верхний пруд.

Петушок хранится в Историческом музее, на шкафу в кабинете директора, предупреждая его об опасных визитерах.

Отцы и дети

Преимущества новой жизни в Великом Гусяре пожирала инфляция.

– Словно черная пасть, – произнес Николай Белосельский, расхаживая по своему кабинету и не глядя на собеседников. – Мы подняли пенсию, и тут же подорожал хлеб. А что я могу поделаться, если муку присылают из области по новым ценам?

– Пенсионерам трудно, – сказал Удалов, которому скоро уже было пора на пенсию – а так хотелось еще пожить и даже съездить на Канарские острова. Не исключено, что, если дальше так будет продолжаться, закроют границу, как при Сталине, и прозеваешь жизненный шанс.

– Вот мы и решили обратиться к вам, Лев Христофорович, – продолжал Белосельский, не услышав реплики Удалова. – Изобретите что-нибудь кардинальное.

– Новую пищу? – спросил профессор Минц.

– А из чего ее делать будете?

– Из органики, – неуверенно ответил Минц и замолчал.

– Это может пройти в больших городах, – сказал тогда умный Белосельский. – А у нас завтра все будут знать, откуда вы взяли эту самую органику.

– Мы не космический корабль, где все оборачивается по сто раз, – поддержал Белосельского Удалов.

Его пригласили на беседу Минца с Белосельским как представителя общественности и третейского судью, потому что трезвое мнение Корнелия Ивановича было важно для собеседников. Даже если он его не высказывал.

– Что-то из ничего не бывает, – сказал Минц, будто был в том виноват. Хотя закон сохранения энергии и иных вещей придумали задолго до него.

– Вы думайте, профессор, думайте! – приказал Белосельский. – Люди не могут поддерживать достойное существование.

– Будем думать, – сказал профессор.

Он был серьезен. Никогда в жизни перед ним еще не ставили такой глобальной проблемы – спасти государство от кризиса.

– Майские праздники у нас с Пасхой совпадают – людям хочется сесть за стол и на свои средства досыта наесться и напиться, – закончил беседу Белосельский. Он надеялся на Минца. Не раз профессор находил парадоксальные выходы из безвыходных положений.

Профессор Минц разбудил Удалова на следующую ночь, часа в три.

Удалов открыл на нерешительный звонок, полагая спросонья, что сын Максим пришел с очередного приключения и боится потревожить маму. Но это был Минц в пижаме. Остатки волос торчали как крылышки над ушами, очки были забыты высоко на лбу.

– Корнелий, прости, но надо поделиться, – громко прошептал Лев Христофорович.

– Неужели «эврика»? – спросил тоже шепотом Удалов. – Неужели так скоро?

– Вижу свет в конце туннеля, – сообщил Минц. – Спустись ко мне, а то на лестнице зябко.

Когда они спустились к профессору, Минц поставил перед Удаловым лафитничек с фирменной настойкой сложного лесного состава и предложил плотнуть.

– Спасибо, – сказал Удалов. – Горю желанием узнать первым.

– Вот именно! – обрадовался профессор. – Дружба для меня стоит выше прочих привязанностей. От твоей реакции на мое очередное изобретение зависит судьба страны.

– Спасибо, – потупился Удалов, потом налил себе плоток из лафитничка. Все-таки исторический момент.

– Какая была поставлена задача городскими властями? – задал Минц риторический вопрос. И сам, разумеется, ответил: – Накормить на праздники, а потом и вообще городское население при условии, что ни зарплата, ни пенсии, ни другие доходы не увеличатся. Полагаю, что любой другой ученый в мире, исключая Ньютона и Эйнштейна...

– А они померли, – вмешался Удалов.

– А они скончались, не смог бы решить такую проблему. А я ее, кажется, решил именно потому, что мыслю оригинально. Наоборот.

Казалось бы, что надо сделать?

На этот раз вопрос был обращен к Удалову, и надо было отвечать.

– Надо пенсии прибавить.

– Чепуха. Денег на это нет.

– Надо... аппетиты уменьшить.

– Удалов, ты гений. Так проблему мог бы поставить лишь выдающийся ум современности.

Удалов смутился и налил из лафитничка в рюмку.

Настойка была крепка и душиста.

– А как уменьшить аппетиты?

– Таблетки от аппетита, да? – попробовал догадаться Удалов.

– А как уменьшить ткани на одеяла и простыни? На пеленки? Как разместить в автобусе пятьсот человек, когда с трудом помещается сто? Ну? Один шаг остался, Удалов! Таблетки тут не помогут.

Удалов этого шага сделать не смог.

Тогда Минц взял со стола коробку из-под ботинок. В ней шуршало.

– Смотри! – приказал он.

На дне коробки лежала кошка с двумя котятами. Кошка была размером с мышку, а котята – с мышат.

– О нет! – воскликнул Удалов. – Только не это!

– Не бойся, все не так трагично, – улыбнулся Минц. – Я не намереваюсь превращать людей в мышей. Мы уменьшим нас лишь в два раза. В тебе сколько сейчас?

– Метр шестьдесят шесть.

– Будет восемьдесят сантиметров. И тогда аппетит у тебя вдвое уменьшится, и в автобус тебя вдвое влезет. А так как все остальные будут такие же, то разницы никто не заметит. Зато благосостояние возрастет вдвое!

– А стулья? – спросил Удалов.

– Подпилим ножки, – ответил профессор.

Все было не так просто, как можно подумать. Времена у нас демократические. Компартия собрала митинг протеста, хотел было приехать один депутат Думы, но в последний момент испугался уменьшиться вместе со всеми. Именно со всеми, потому что референдум дал 78 процентов голосов за минимизацию, 9 процентов были против, а остальные мнения не имели.

Внесено было одно уточнение. Его сформулировал старик Ложкин, который перед референдумом сказал:

– Детей жалко. Мы-то свое отжили, нам бы покушать, а вдруг они расти перестанут?

Минц согласился с мнением Ложкина, поддержанным всем городом: хоть ты, Минц, и обещаешь нас вернуть в обычное состояние, как только инфляция закончится, рисковать здоровьем детей детсадовского и младшего школьного возраста, которые, считай, много не съедят, народ не намерен.

Ночью над городом поднялся воздушный шар, и Грубин с Минцем опылили спящие дома, а детям перед сном дали таблетки, чтобы с ними чего не случилось.

Сделав дело, Минц, все еще в противогазе, попрощался с Грубиным за руку и сел за руль своего «Москвича». Его ждали в области на конференции по благосостоянию.

Грубин махал ему вслед, уменьшаясь на глазах. Отъехав от города, Минц снял противогаз. На следующий день жители Великого Гусяря проснулись уменьшенными в два раза.

На конференции доклад Минца вызвал страстные споры. Некоторые отвергали его с порога, защищая права человека, другие просили поделиться опытом и самим средством.

Так что Минцу пришлось задержаться в области на несколько дней, а затем вылететь в Москву для переговоров на высоком уровне.

И возвратился он домой только перед самыми Майскими праздниками.

* * *

С тревожным чувством подъезжал профессор к Гусярю. Он боялся, не вызвало ли его изобретение побочных эффектов, а главное – смогут ли им достойно распорядиться в центре, где сталкиваются интересы могучих ведомств.

Странная тишина встретила Минца на въезде в Великий Гусярь.

Улицы были пустынные, нигде ни души.

Пушкинская улица недалеко от центра была перекрыта баррикадой из ящиков. Минц вышел и негромко крикнул:

– Есть кто живой?

Отозвался только утренний ветер, что нес по улицам мусор.

Вот и продовольственный магазин. Витрины разбиты, внутри тоже разорение. Больше всего досталось кондитерскому отделу – от него остались только осколки и груды ярких оберток. Винный отдел сохранился лучше прочих, и хоть часть бутылок была разбита, но ни одна не почата.

Махонькая, уменьшенная вдвое мышка пробежала, как паучок, по полу и исчезла в углу.

Минц пошел по улице дальше, прижимаясь к стенам домов. Чувство ужаса овладело им.

Когда он проходил мимо подвала магазина сельхозтехники, он услышал стон.

Вровень с тротуаром было окошко, забранное решеткой. Стон доносился оттуда.

– Кто там? – спросил Минц.

– Это мы, люди...

Минцу показалось, что он узнал голос Удалова.

В несколько секунд Минц сбегал вниз по ступенькам, откинул засов, и из темного подвала стали выползать ослабевшие, изможденные, несчастные люди. Некоторые из них были избиты и исцарапаны. Можно было подумать, что на город в отсутствие Минца напала стая пантер.

Среди теней, в которые превратились гусярцы, Минц встретил Удалова и самого Белосельского. Махонькие, не достающие до пояса профессору, они столпились, пошатываясь, и пищали, требуя внимания, пищи и обвиняя Минца в предательстве. Перебивая друг друга, пигмеи поведали Минцу страшную историю о гибели Гусяра, подготовленную необдуманном открытием профессора.

Когда утром жители Гусяра проснулись уменьшенными, сразу возникло множество проблем. Одни стали пилить ножки у стульев, другие не доставали до верхней полки на кухне, третьи не могли почистить зубы... Но морально шокирующей и, главное, совершенно неучтенной оказалась встреча с детьми. Представьте себе положение ребенка, который намерен идти в детский садик, но его будит не мама, а как бы мамина кукла, ростом меньше самого дошкольника. А в соседней квартире папа пытается отправить в школу первоклассницу,

которая на голову выше его... Сначала родители попытались подтвердить свое право распоряжаться детскими судьбами с позиции силы, и надо сказать, что растерянные дети покорно разошлись по детским садам, школам и всяким площадкам. Но затем по мере того, как родители прибегали ко все более репрессивным мерам и даже телесным наказаниям, чтобы удержать детей в руках, те стали объединяться. На третий день они выбрали вождя – второклассницу и второгодницу по прозвищу Дылда, самую высокую теперь жительницу города. От имени детей Дылда потребовала открыть кондитерские магазины и выдать детям бесплатно все жвачки и конфеты, затем закрыть школы и отменить умывание и суп.

Тут нашла коса на камень. Родители встали как один, пытаясь остановить детей, но у родителей нет такого опыта рукопашных, как у младшекласников, а им хочется порядка и уважения к личности, тогда как дети не знают, что такое уважаемая личность. Таким образом, исход сражения, охватившего город, был предрешен. На четвертый день родителей безжалостно заточили в подвалы, и началась вольница: грабежи кондитерских и игрушечных отделов, разгром магазина «Кукла Барби» и еще многое другое, о чем и упоминать в цивилизованном обществе не пристало. Я уже не говорю о том, что за три последних дня ни один ребенок ни разу не почистил зубы. Даже те, кто хотел это сделать, не смели показаться паиньками в глазах зачинщиков переворота...

Минц отослал друзей открывать другие подвалы и узилища, а сам перебежками спешил к своему дому, надеясь, что новые господа Гусляра не добрались до его лаборатории.

Первое массовое скопление детей он увидел на площади Землепроходцев.

Там шел веселый бой яйцами, вывезенными из ближайшего продовольственного магазина. В стороне стояло несколько ящиков из-под шоколада – детишки дрались, роясь в обертках в надежде отыскать забытую плитку.

– Эй! – услышал Минц пронзительный детский голос. – Шпион!

Он обернулся. К нему неслась толпа детей во главе с длинноногой прыщавой девочкой, очевидно, Дылдой. Они были вооружены игрушечными и настоящими пистолетами из магазина «Охотник».

Несмотря на свой вес, возраст и живот, Минц помчался так, как не бегал с десятого класса. Ему удалось юркнуть во двор и промчатся к себе, оторвавшись от преследователей настолько, что они потеряли его из виду.

Переведя дух, Минц открыл последний баллон с антигазом и включил газовый насос. Облако газа заполнило город, вновь превращая взрослых во взрослых. И когда Минц подошел к телефону, он уже слышал, как с улицы несется детский плач – выросшие взрослые взялись за воспитание неблагодарных отпрысков всерьез.

Под отдаленный и близкий рев детей Минц набрал телефон области. Он хотел срочно предупредить руководство об опасности, грозящей последователям гусярцев.

В области никто не отвечал.

Тогда Минц положил в свой «Москвич» баллоны с антигазом, позвал на помощь Удалова, и они помчались в область.

Город встретил их молчанием.

Сначала Минц решил, что там тоже произошла детская революция.

Но магазины были не тронуты. Даже кондитерские отделы.

Минц стоял посреди гастронома и прислушивался, не донесется ли человеческий голос.

Голос донесся, но был таким тонким, что Минц сначала не сообразил, откуда он прилетел.

– Это же надо! – закричал Удалов и как молодой кинулся туда. Падая, он поймал жирного магазинного кота.

Кот завопил и выпустил из зубов махонькую обнаженную толстушку – как оказалось впоследствии, заведующую молочным отделом его гастронома.

Нежно держа несчастную женщину в кулаке, Удалов выбрался на улицу.

В тени цветущей сирени он увидел шевеление.

Минц доставал из машины баллоны с антигазом.

Удалов раздвинул листья – несколько человечков, размером в полспички каждый, пытались спастись от курицы, которая деловито склевывала их.

– Скорее! – закричал Удалов, отгоняя курицу.

Через полчаса немногочисленные жители области, которые смогли пережить эти дни, скрываясь под крылечками и в щелях в асфальте, поведали им страшную историю. Оказывается, городское начальство посчитало идею Минца половинчатой. И решило продовольственную проблему одним ударом – дали стократную концентрацию газа. Оказав услугу населению, чиновники разъехались по дачам. Так что многие остались целы.

...Когда друзья возвращались в Гусяр, они молчали. Только у въезда в город Минц прошептал словно самому себе:

– А там, на совещании, ведь разные хозяйственники были...

– И что? – спросил Удалов.

– Не исключено, – ответил Минц, – что в некоторых городах население без микроскопа не отыщешь...

Отражение рожи

Разговор начался банально – с собак. Минц с Удаловым сидели на лавочке у дома № 16, чувствуя себя старичками, хотя, конечно, в душе ими не были. И смотрели, как внучка Ложкина Дашенька, приехавшая в Гусяр на каникулы, гуляла со своей стройной, поджарой, почти породистой собачкой и вся была под стать ей поджарая, стройная, почти породистая.

– Любопытно, – сказал профессор, – каков механизм подбора людьми собак?

Удалов, который понимал Льва Христофоровича с полуслова, возразил:

– Но, может, это собаки подбирают себе хозяев, похожих на них?

Так как разговор происходил в сентябре и окна были открыты, с первого этажа откликнулся Грубин:

– Я думаю, что собаке и хозяину надо пожить вместе, тогда они становятся на одно лицо.

Спорить с Грубиным не стали. Тем более что в подтверждение общих мыслей из-за угла вышел хулиган Корочкин, крутой качок, как называла его с придыханием Дашенька, мелкий рэкетир и террорист, который недавно приобрел в области за баксы настоящего бультерьера – существо, более всего похожее на большую жирную корявую крысу. Говорили, что Корочкин, известный в уголовном мире Великого Гусяра под кликухой Крыс, в память о популярном в детстве мультфильме, ходит со своим булем на операции и тот уже задушил двух или трех лоточников. Может, и не в самом Гусяре, но на станции или в Потьме. В любом случае хозяин и собака были похожи, и, только когда они прошли, пугнув по пути Дашеньку Ложкину, Удалов несмело произнес вслед кожаной спине Корочкина:

– При взгляде на собаку понимаешь суть хозяина. А вы говорили!..

Удалов ждал возражений, но не дождался. Через некоторое время Грубин сказал из открытого окна:

– Это даже неплохо.

Удалов, который прожил с Грубиным больше двадцати лет в одном доме, все понял и возразил:

– В тех случаях, когда облик соответствует содержанию, собака может многое поведать о своем хозяине. Но бывает множество исключений. Идет болонка, ведет болонку, а внутри бульдог-душитель.

Все помолчали.

На втором этаже открылось окно, и старик Ложкин позвал:

– Даша, ужинать пора.

Даша застучала каблучками, собака – коготками. И скрылись в подъезде за хлопнувшей дверью. Ложкин сказал:

– Главная беда человечества – несовпадение облика и содержания.

Значит, он весь разговор о собаках слышал.

– Я сейчас по телевизору министра слушал, не буду называть его фамилии. Он врет, улыбается, дикторшу по заднице гладит, а я знаю – врет!

– Ну уж и гладит! – засмеялся Грубин.

– Морально гладит. А она хвостиком виляет.

– Он, наверное, сам себя со стороны не видит, – сказал Удалов. – Это часто бывает с людьми. Даже удивляешься порой – ну как же ты не видишь, что ты скотина!

– А что делать? – спросил напряженно молчавший Минц, что свидетельствовало о бурной работе его мысли. – Как открыть истинное лицо? По собаке?

– Чудесная мысль! – донесся сверху голос Ложкина. – Вижу волкодава – и сразу владельца в тюрюгу!

– Я же не о действиях, – возразил Минц. – Я хотел обратить ваше внимание на неточность выводов, которые можно сделать из нашего наблюдения. Не раз человечество пыталось найти способ определить наклонности и способности человека по формальным признакам. Одни искали преступников по форме черепа, другие гениев по почерку, третьи определяли характер с помощью звезд.

– Хорошо вам говорить, ученым, – откликнулся Ложкин. Сказал он так, чтобы его опровергли, потому что считал себя человеком грамотным и в свое время, пока еще перо рука держала, сочинил немало кляуз в журнал «Знание – сила». Даже печатали их порой.

Но никто Ложкина не опроверг, никто не закричал: «Ты у нас первый ученый, дедушка Николай!»

– Конечно, – сказал Удалов, – легко было бы жить, если бы каждому человеку выдать по лицу, которое бы соответствовало его поступкам и душевному состоянию. Посмотрел на человека – и сразу на другую сторону улицы. Потому что видишь не лицо, а убийственную рожу.

– Интересная задача, – задумчиво произнес Минц. Словно задачу эту задали ему и он готовился ее разрешить.

– А как этого добьешься? – подумал вслух Грубин, который и сам был не последним изобретателем.

– Впрыснуть! – не выдержал Ложкин. – Каждому впрыснуть средство от лжи. А то идет, видите ли, улыбается, красавчик! А сам только что тетеньку задушил.

– Не получится, – сказал Минц, подумавши. – Люди куда сложнее, чем вам кажется. Человек – это целый мир. Он может быть сейчас грабителем, а через полчаса вытащит ребенка из проруби или в горящую избу войдет.

– Но все равно, – подзуживал соседа Удалов, который подумал, как будет славно, если он придет домой, а у Ксении все на лице написано и не надо гадать. Успеешь принять меры против семейного конфликта. – Эта задача по плечу только гению.

– Если вы имеете в виду меня, то я не претендую на уникальность, – скромно возразил Лев Христофорович. – Я всегда с благодарностью вспоминаю своих учителей – Ньютона и Эйнштейна.

– Их с нами нет, – сказал Грубин.

– В самом деле? – рассеянно спросил Минц и, неожиданно поднявшись, быстрыми шагами пошел в подъезд, к себе. Думать. Творить. Пробовать. На горе или на счастье человечества.

Дня три Минца никто не видел. Соседи, зная о том, какие научные «запой» бывают у профессора, ставили у двери молоко, хлеб и пепси-колу. Минц инстинктивно отворял дверь и брал приношения. Не замечая этого.

На четвертый день веселый Минц с утра включил оживленную музыку Гайдна, отворил окно, потопал немного, изображая зарядку, выпил принесенное Ксенией молоко, а потом отправился к Удалову. Корнелий только что вышел из ванной, побритый и добрый.

– Корнелий, кажется, я решил проблему, – сказал Минц.

– Истинной рожки? – догадался Удалов.

– Или истинного лица.

– Вы проходите, проходите. Ксюша, принесешь каши Льву Христофоровичу?

– Несу! – откликнулась Ксения. – Вам с молочком или с вареньем?

– С медом, – ответил профессор и продолжал, обращаясь к Удалову: – Мы с вами пошли по неправильному пути. По пути, лишенному парадоксов. Мы хотим увидеть истинное лицо человека. Но зачем?

– Чтобы он стал лучше, – без запинки ответил Удалов. – Или чтобы задержать его и сдать в милицию.

– Именно твой первый ответ, Корнелий, меня порадовал. А второй огорчил. Мы хотим увидеть истинное лицо человека, чтобы уменьшить на планете число преступлений и злых дел, изжить несправедливость и жестокость. А для этого надо, чтобы человек увидел самого себя!

– Не понимаю, – сказал Удалов.

Минц не спеша поскреб ложкой по тарелке, собрал с каши мед и сунул в рот.

– А когда человек увидит собственное лицо таким, каков есть его внутренний облик, он ужаснется и скажет: что я наделал! Каждый из нас живет с самим собой, и воспитание человечества я переношу на индивидуальный уровень.

Удалов ничего не понимал.

– Сиди здесь, я тебя позову, – приказал Минц.

Он поднялся из-за стола, подошел к платяному шкафу, узкая створка которого была зеркальной, вынул из кармана пузырек с какой-то мазью и ватку. И, потряхивая пузырьком, чтобы мазь попадала на ватку, он стал возить ваткой по зеркалу.

Когда работа была завершена, Минц сказал:

– Теперь подождем, пока просохнет.

Удалов сделал вид, что ничему не удивляется, хотя не переставал удивляться гениальности Минца, и принялся за чай.

Но не успели они допить чай, как Лев Христофорович, кинув взгляд на зеркало, произнес:

– Ну вот, все готово.

– Что готово?

– Истина, Корнелий. Подойди к зеркалу.

Корнелий послушно поднялся и подошел к зеркалу. И ничего особенного не увидел. Полчаса назад это же лицо он лицезрел в ванной, в тамошнее зеркало.

– Ничего особенного не вижу, – сообщил он. Наверное, эксперимент провалился.

– Что и следовало доказать! – ответил профессор. – Потому что ты, Удалов, полностью соответствуешь сейчас своему внутреннему содержанию.

– А что дальше?

– Дальше я хотел тебе сказать, что видел вчера на улице Батыева. Вернулся он к нам в Гусляр, ходят слухи, что назначат его главгором вместо Коли Белосельского.

– Что?! – воскликнул Удалов. – Не может быть!

– Посмотри на себя в зеркало! – приказал Минц.

Удалов обернулся к зеркалу и был поражен тем, что из зеркала на него глядело странное животное, похожее во многом на Удалова – например, лысиной и цветом венчика волос вокруг лысины. Но уши его стояли высоко, на лице почему-то росла шерсть, верхняя губа была раздвоена – Удалов увидел себя в образе зайца, правда, зубы у зайца были хищные, оскаленные, и это нарушало полноту образа.

– Кто это? – спросил Удалов.

– Кто это? – откликнулся зверь в зеркале.

– Это ты сам, Корнелий, – ответил Минц. – Это твоя истинная сущность на настоящий момент. Мое сообщение о Батыеве испугало тебя, превратило внутри в дрожащего зайчишку, а все сильное в тебе сконцентрировалось в зубах, так что получился заяц, который будет кусаться до последнего патрона.

– Это я?

Но на вопрос Корнелия и не стоило отвечать, потому что изображение зайца на глазах расплывалось, возвращаясь к привычному образу Корнелия Удалова.

– А теперь сам покажись, – попросил Удалов профессора. Ему нужно было время, чтобы осознать величие изобретения.

Минц безропотно подошел к зеркалу.

Корнелий увидел Минца. Но вокруг его головы сияли яркие лучи, отчего в комнате Зазеркалья было куда светлее, чем в комнате Удалова.

– А это что? – спросил Удалов.

– Думаю, что отблеск моей гениальности, – сказал профессор и начал в зеркале надуваться, превращаясь в гигантский воздушный шар, и даже стал покачиваться, намереваясь оторваться от земли.

– Высокого мнения о себе? – спросил Удалов, догадавшийся о причине метаморфозы.

– В сущности, я ничего особенного не изобрел, – быстро ответил профессор и принял первоначальный вид. Даже нимб вокруг его головы потускнел.

– Спасибо, Лев Христофорович, – сказал тогда Удалов. – Я думаю, что человечество отныне начнет новую жизнь. У вас найдется еще мазь?

– Я хочу сделать ее побольше. Чем больше истинных зеркал, тем выше моральный облик жителей города.

И с этими словами профессор помазал зеркало в ванной, трюмо в спальне и еще зеркало в прихожей.

Когда он возвратился в комнату, друзья принялись обсуждать возможности великого изобретения.

– Надо в общественных местах намазать, – подумал вслух Удалов.

– В общественных местах у нас зеркал нету, – усомнился Минц. – Трудно отыскать такое, чтобы все в него смотрели.

– А что, если установить? – спросил Удалов. – Ты пришел куда-нибудь, допустим, на собрание пенсионеров, посмотришь сначала в зеркало. Если увидел что-то непотребное, поворачивай и иди домой, не порти людям настроение. Пусть везде будут зеркала!

И тут из ванной донесся дикий крик.

Кинувшись туда, мужчины столкнулись в дверях с Ксенией Удаловой. Она была бледна как мел, руки ее тряслись, а сама она старалась через плечо показать на зеркало, висевшее в ванной.

– Там... – бормотала несчастная женщина. – Там чудовище...

Удалов все понял.

– О чем ты думала, когда в зеркало смотрела?

– Я... Да я ни о чем не думаю, когда в зеркало смотрюсь! – Ксения нервным движением поправила упавшую прядь волос.

– А сейчас думала?..

– Ну только об этой...

– О ком?

– О Ванде, вот о ком! Вчера к ним аргентинскую индюшатину привезли, дешевую, под соусом. Она мне оставила? Нет, ты мне скажи, почему она мне не оставила?

– Все ясно, – сказал Удалов. – Работает наше изобретение.

И он рассказал пораженной Ксении о волшебной мази.

Ксения встретила известие с искренним восторгом. Правда, восторг был эгоистического свойства. Суть его сводилась к фразе: «Вот теперь я их всех выведу на чистую воду!»

Николай Белосельский использовал изобретение практически. Во-первых, приказал милиции установить зеркала на автобусной станции, в ресторане «Золотой Гусь» и у входа в парк культуры. Возле зеркал распорядился поставить милиционеров с записными книжками, которые должны были фиксировать особо неприятные отражения. Милиционеры, конечно же, поставили еще одно зеркало у себя в отделении, а Белосельский на столе в приемной, так что в ближайшие два дня раскрылось множество преступлений, дурных замыслов и планов.

На третий день обычный поток посетителей к Белосельскому иссяк. Оказалось, что людям не так уж и приятно оглядываться на зеркало, которое строит тебе рожи.

Кризис наступил, когда к Белосельскому пришла Маша Дюшина, человек тихий, невзрачный и безвредный. Она просила помочь с пособием ей как матери-одиночке, а Белосельский, прежде чем начать беседу, нажал на кнопку, связался с секретаршей, и та сказала условным шифром:

– Катастрофа!

Это означало крайнюю степень озверелости на лице Маши Дюшиной.

Так что, руководствуясь объективным средством заглядывания в душу, Белосельский сразу внутренне сжался, готовясь отказать женщине. На все его вопросы Маша отвечала робко, ласково и беззлобно. Но Белосельский понимал, что имеет дело с крайне хитрой и замкнутой стервой. Отказав, он проводил плачущую Дюшину до приемной и поглядел, что же отразится в зеркале.

В зеркале отразилось существо махонькое, бабочка с обломанными крыльями, которая беспомощно ползла по лужайке...

– Стойте! – вскричал Белосельский, понимая, что трагически ошибся.

И в этот момент картинка в зеркале изменилась. Страшное лицо женщины-убийцы заняло все зеркало.

– Стой! – повторил Белосельский. Но уже другим тоном: – О чем вы сейчас подумали?

– Я их ненавижу, – произнесла Маша Дюшина, – я их всех перебить готова. – И она показала на таракана, который мирно полз по плинтусу.

Тогда Белосельский пригласил Дюшину снова в кабинет, выписал ей чек на материальную помощь, а сам задумался. И понял, что к изобретению Минца следует относиться с осторожностью. Не исключено, что в городе из-за этого могут произойти трагические ошибки и неприятные недоразумения.

Сам он попросил секретаршу зеркало убрать, а после работы подъехал к своему приятелю, семью которого любил за уют и взаимную любовь.

Когда он вошел в дом к приятелю, то увидел, что зеркало в прихожей разбито, а осколки его сметены в угол.

– Здравствуй, – сказал Белосельский, делая вид, что не заметил погрома. – А Белла где?

– А Белла твоей милостью уехала к маме, – ответил его приятель.

– Что такое?

– Она в зеркало заглянула, когда я брился и думал о палестинских экстремистах, которые вчера самолет с заложниками захватили.

– И что?

– Она сказала, что с убийцей жить не может.

– А кто зеркало в гостиной разбил? – спросил Белосельский, входя в комнату.

– А это уже сегодня утром, – ответил приятель. – Она собиралась к маме, а телевизор был включен. Там в сериале этот самый играл... усатый Педро!

– И что?

– Я смотрю, а она в зеркале уже голая и к кровати бежит. Тогда я ей и сказал, что она правильно делает, что к маме уезжает.

К рассвету четвертого дня все зеркала в Великом Гусяре были разбиты. Даже в милиции – с помощью кулака начальника отделения майора Пронина, увидевшего себя при входе в отделение в тот момент, когда переживал за судьбу футбольной команды «Гусляр», которой грозил переход в нижнюю областную лигу.

Минц так сказал Удалову, когда они обсуждали эту проблему:

– Само мое изобретение гениально. Но оно не учитывает того, что человек внутренне может реагировать на события неадекватно. Он может показаться страшилищем, хотя подумал всего-навсего о соседской собаке, которая лает во дворе, и равнодушно отнестись к землетрясению в соседнем городе, из-за чего тот провалился под землю. Понимаешь?

– Что же делать?

– Передать зеркала следователям с предупреждением быть осторожными.

– А в городе?

– В городе мы придумаем что-нибудь другое.

Удалов вернулся к себе. У него, конечно же, тоже все зеркала были разбиты: большое – сыном Максимом, а туалетное – Ксенией.

Но тут Удалов вспомнил, что в чулане должно оставаться старое зеркало, намазанное профессором Минцем на всякий случай.

Он открыл чулан. Там было пыльно и пусто. Лишь низкое рычание донеслось из того угла, где стояло на полу, прислоненное к стене, зеркало. Удалов прищурился, приглядываясь к полутьме, и не мог не рассмеяться.

Перед зеркалом сидел кот Васька. У его ног лежала придушенная мышь.

В зеркале отражался могучий бенгальский тигр, а у его ног лежала дрожащая Ксения Удалова с половой щеткой в руке.

Платье рэкетира

Меняется жизнь в стране, меняется она и в Великом Гусяре. Не так быстро, но тоже драматично.

Поэтому, если раньше в людях ценились законопослушность, активность в рамках профсоюзного собрания, товарищеское отношение к женщине и коммунистическая начитанность, то теперь многие качества, за которые гладили по головке, только мешают стать богатым и веселым.

Так случилось с Колей Гавриловым.

Гаврилов вырос, кое-как окончил речной техникум, поработал в одной конторе, второй конторе, и разочарование в жизни схватило его за плотку железной рукой. К тому же его бросила Тамарка по прозвищу Томи-Томи, финалистка городского конкурса «Лучший бюст», и ушла к лавочнику Ахмету. Любопытно, что Ахмет раньше был Василием, жил на Пролетарской, но не мог пробиться в люди, так как не имел связей и друзей. Объявив себя Ахметом, он вызвал к себе настороженное отношение соседей, но нашел друзей в области.

И тогда, видя, как гибнет ее сын, мать Гаврилова пришла к профессору Минцу, который все еще обитал в доме № 16 по Пушкинской улице. Профессор, к сожалению, состарился, что не повлияло на его научный гений, но резко ослабило тормоза и ограничители в его мозгу. Раньше, прежде чем изобрести что-нибудь, профессор трижды отмерял, а потом, может, даже и не резал. Хотя и тогда случались накладки. Теперь же профессор потерял способность предвидеть, чем закончится очередное его вторжение в земную цивилизацию.

– Лев Христофорович, – взмолилась гражданка Гаврилова, что она уже не раз делала за последние десять лет, – помогите моему великовозрастному. В последний раз.

Профессор повернул к Гавриловой крутолобую лысую голову и спросил:

– Опять Николай?

– Не в том дело, что наделал чего, – ответила мать Коли, – а в том, что нет ему дороги в новой жизни. А деньги нужны.

– Как же так? – удивился профессор. – И мальчик вроде неплохой.

– Никому такой не нужен, – всхлипнула Гаврилова. – Слишком он хороший.

– Это качество еще никому не мешало, – ответил Минц. – Я вас попрошу высказаться конкретнее.

– Вы тут сидите в своей изоляции, – сказала Гаврилова, – и не видите, кто у нас правит миром. Негодяи у нас правят миром! Бандиты и капиталисты.

– А раньше? – спросил профессор.

– А раньше правили душевные люди, коммунисты, – сказала Гаврилова. – Раньше если что – в райком! А теперь только вы и остались.

– В чем ваша идея? – спросил Минц, задумываясь над тем, зачем же раньше чуть что Гаврилова бегала в райком.

– Моя идея в том, чтобы дать ему, то есть Коле, шанс в этой жизни. Чтобы он перестал всем дорого уступать и извиняться.

– А как же я узнаю, какие еще качества ему мешают, а какие помогают?

– Мы сейчас же пойдем с вами по улице, – решила Гаврилова, – а я как уловлю лишнее качество, буду вам сообщать.

– А я?

– А вы воздействуйте на мозг.

– Как бы заблокировать? – Идея показалась профессору интересной. К сожалению, если профессору идея покажется интересной, он забывает о ее моральном аспекте. И как назло, он недавно смастерил биоблокатор, правда, с целью лечения шизофреников.

– Вот именно! – согласилась Гаврилова и побежала одеваться и звать Колю на прогулку.

Коля собрался послушно, благо все равно делать было нечего – он лежал на диване и предавался рефлексии. Он думал о том, что жизнь прошла зря, что он не сделал в ней ничего красивого, а наступающая смерть – закономерный исход.

Профессор Минц представляет в науке искреннюю школу. Эта школа говорит больному или подопытному всю нелицеприятную правду. Так что Лев Христофорович уже у подъезда сообщил Гаврилову:

– Сейчас мы с тобой будем избавляться от лишних качеств и чувств, потому что твоя мать считает их вредными.

– А как избавимся, – сказала Гаврилова, – сходим в кафе-мороженое, угостим Льва Христофоровича и начнем новую жизнь.

В этот момент мимо пробежал котенок, имени не имеющий, из дворовых животных. Колю он знал и выделял из прочих людей. И на этот раз Коля при виде остановившегося животного сказал:

– погоди, где-то я тебе специально котлетку захватил.

– Лев Христофорович, видите! – закричала Гаврилова. – Немедленно уберите! Это же лишнее качество!

Гаврилов отыскал кусок котлеты, завернутый в бумажку, котенок кинулся к нему и встал на задние лапки, опершись передними о штаны Коли. В этот момент Минц вытащил свой блокатор и нажал на кнопку.

Эффект был мгновенным. Гаврилов больше не видел котенка. Глаза его потухли, и он сделал шаг к воротам, стряхнув по пути котенка с брюк. Но, к счастью, котенок этого не заметил, потому что пытался развернуть бумажку с котлетой. Минц остановился, нагнулся, несмотря на свой тугий живот, и помог котенку. А с улицы уже неслись призыв гражданки Гавриловой:

– Лев Христофорович, вы только поглядите!

Выйдя за ворота, Лев Христофорович был удивлен таким зрелищем.

Увидев надломанный сук росшей на улице липы, Гаврилов стащил с себя галстук и перевязал им дерево.

– Идиот! – кричала на него любящая мать. – Ну кто тебя после этого уважать будет!

Профессор Минц был иного мнения, к тому же в нем зрело желание показать этой женщине, что человека любят именно за слабости, но он не стал возражать, а отключил в Коле чувство жалости.

Коля рванул за конец галстука, сук липы обломился, а Коля на ходу принялся повязывать себе галстук большим узлом.

И тут они встретили Тамарку по прозвищу Томи-Томи, которая шла по улице вся в слезах и соплях, потому что потерпела жизненное крушение. Несколько минут назад Ахмет поменял ее на Римку,

которая была старше Ахмета в полтора раза и бюстом уступала Томи-Томи, зато была умела в любви и соблазнении наивных мужчин.

– Оу, Николая! – кинулась к бывшему возлюбленному девица.

Коля замер, и лицо его озарила робкая улыбка надежды.

– Лев Христофорович, включай блокатор! – зашипела Гаврилова.

Минц послушался. Драма жизни, разворачивавшаяся перед ним, его забавляла.

И тут же вместо того, чтобы раскрыть свои объятия согрешившей, но раскаявшейся подруге, Коля прорычал неприличное слово и поднял кулак, чтобы вместо чувства любви ввести в дело чувство мести.

Но Гаврилова и тут решительно вмешалась.

– Лев Христофорович, ненависть слишком близко расположена к любви, – сообщила она профессору. – Ненависть нам не нужна.

И вот щелкнул блокатор, опустилась рука Николая, и он прошел мимо рыдающей девушки, словно не было между ними ничего и не соблазняли его знаменитый на весь город бюст и эти прекрасные телячьи глаза.

На следующей улице чуть не произошла трагедия. Навстречу им бежал взбешенный Ахмет-Василий, который при виде Коли прорычал вопрос:

– Где Римка? Куда дел? Убью!

Римка в этот момент нежилась в объятиях пенсионера Батыева, но это особый рассказ.

Николай побледнел. Он всегда боялся Ахмета и его дружков. Он стал отступать назад, и Минц тихо спросил его маму:

– Блокировать или как?

– Блокируйте! – воскликнула мать древнегреческим голосом.

Коля остановился, подобрался, сжал пальцы в кулаки, и все увидели, что он на полголовы выше Ахмета, а уж о кулаках и говорить не приходится. Коля спокойно пошел на Ахмета, а Ахмет с той же скоростью пошел задом наперед, пока не натолкнулся на провизора Савича, но получил от того подзатыльник и кинулся бежать – что-то испугало его в глазах Коли Гаврилова.

Это что-то, уже по пути домой, увидел и профессор Минц: глаза Коли были спокойными, равнодушными и чуть сонными.

Во дворе, у подъезда, он оттолкнул профессора, который мешал ему открыть дверь, а когда увидел, что мама задержалась возле Льва

Христофоровича, выражая ему благодарность, позвал ее:

– Обедать пора. – Чувство стыда он тоже потерял за эту прогулку. И Гавриловы скрылись в своей квартире.

Черная звезда Коли Гаврилова взошла над Великим Гусляром быстро, грозно, но в отсутствие Льва Христофоровича, который отбыл на конгресс биофизиков в Утрехте, а оттуда в гости к Иву Кусто, с которым решил побывать на острове Пасхи.

– Удалов, – сказал он перед отъездом, – я никогда в жизни не был на острове Пасхи. Я боюсь, что там случится землетрясение, удивительные скульптуры меня не дождутся и тогда никто не догадается, кто и зачем их изваял. Так что ради человечества я обязан плыть в Тихий океан.

Они в тот момент стояли на автобусной остановке. Профессор прошептал ему на прощание:

– И черт его знает, чилийцы могут закрыть остров Пасхи, особенно для евреев. А я всю жизнь мечтал.

– Я думаю, – ответил Удалов, – что специально евреями теперь заниматься не станут. Слишком мало их осталось. Вот для лиц кавказской национальности остров Пасхи закрыть могут.

Постояли. Помолчали. Больше Минца никто не пришел провожать, потому что все были заняты своими делами. Раньше бы весь дом сбежался...

– Как с твоей мастерской? – спросил Минц.

– Спрос есть, но больше среди приезжих, – ответил Удалов. – У нас народ консервативный.

Мастерская также была изобретением профессора Минца. Он как-то натолкнулся на смешную идею – не сделать ли одежду, которая сама бы подгоняла себя по фигуре. Это же такой прогресс для легкой промышленности! Минц сразу пошел на швейную фабрику имени Клары Цеткин. Профессора там знали и некоторые даже любили – многим успел помочь Лев Христофорович за годы жизни в Великом Гусляре. Поэтому, когда профессор предложил руководству фабрики свое новое изобретение, в кабинет к Варваре Ипполитовне набились все свободные работницы.

– Дайте мне образец вашей продукции, – попросил профессор.

– Стандартный или выставочный вариант? – спросила Варвара Ипполитовна.

- Самый обычный.
- Размер какой?
- Да как на вас!

Наступила неловкая пауза, потому что Варвара Ипполитовна была женщиной грузной и широкой в кости. И платьев, способных на нее налезть, фабрика не выпускала. К тому же к продукции своей фабрики Варвара Ипполитовна относилась скептически и шила в ателье № 1.

– Как на меня нельзя, – сказала директорша.

Никто не рассмеялся. Все знали, что она уже истратила триста долларов на иностранное средство гербалайф, но в результате поправилась килограммов на десять.

– А мы попробуем! – радостно сказал Минц, потирая крепкие короткие руки. – Несите средний размер.

Раздался визг и женская суэта. С хихиканьем швеи притащили сразу три платья. Модели «Красная Шапочка», «Просто Мария» и «Орлица».

Минц выбрал серую обвислую «Орлицу» и предложил надеть ее Кларе Анапко, стройной, как ива, робкой, как тушканчик, швее-мотористке второго разряда. Анапко стала отнекиваться. Тогда вперед выступила Дарья Шейлоковна, художник-модельер фабрики, и сказала, что готова пожертвовать собой и примерить любую модель бесплатно.

Не лишенные чувства юмора работницы фабрики все же настояли на том, чтобы платье надела Клара.

Обливаясь слезами, та подчинилась, и платье повисло на ней, как дряхлая гигантская медуза, севшая верхом на палочку.

– А теперь смотрите, – заявил Минц, как фокусник, который вот-вот вытащит из-за пазухи зайца или шелковый платок.

Он провел рукой над плечом Кларочки, нечто маленькое и плоское прикрепилось к плечу платья, и, повинувшись невероятному закону совершенства, платье резко уменьшилось в размерах, силуэт его точно улегся на тонкую фигурку швеи-мотористки, вытачки и пуговочки тоже нашли свои места, и через минутку директриса фабрики Варвара Ипполитовна погрозила кулаком Шейлоковне, а та рухнула в обморок, так как контраст был непереносим.

Профессор Минц не стал делать секрета из своего нового изобретения. Он вообще не умел держать секретов. Оказывается, ему удалось изготовить микрокомпьютер-закройщик, который работает только тогда, когда готовое изделие соприкасается с человеческим телом. И тогда этот мини-компьютер превращает изделие или материю в оптимальную одежду, которую хотел бы носить объект эксперимента; в соответствии, конечно, с современной парижской модой, но без ее закидонов.

Профессор Минц предложил свое изобретение фабрике № 1 имени Клары Цеткин, полагая, что в расчеты ее коллектива и руководства входит превратиться в один из центров мировой моды. Но на деле получилось иначе.

Сначала все согласились. И даже выпустили пробную партию и передали ее на реализацию в универмаг Ванде Савич. Женщины примеряли, удивлялись и вешали платья и пальто обратно на вешалки. А когда Ванда Казимировна спрашивала их, что же не понравилось в изделии, клиентки отвечали:

– Если такое, то уж лучше от Кардена, чем свое.

И переубедить жительниц Великого Гусяря не удалось.

Партию чудо-одежды отправили в Вологду, а тем временем на фабрике произошла революция. Сначала руководство, а потом и рядовые работницы отказались от «штучки» Минца: фабрика катастрофически теряла свое лицо, мощный отдел конструирования во главе с Дарьей Шейлоковной терял работу, особенно когда обнаружилось, что достаточно задрапировать себя отрезом ткани нужной длины и он превращается в красивое платье без помощи тени Клары Цеткин.

Минцу, не сказав спасибо, возвратили аппаратик, и он, чтобы не пропадать добру зазря, отдал его Ксении Удаловой и старухе Ложкиной, которые на двоих открыли в подвале, выходящем на улицу, «Ателье-молния». Без всяких объяснений они обещали изготавливать платья в течение десяти минут на теле заказчика. И клиентура нашлась. Немного, но нашлась. Одна девушка спешила в ЗАГС и прожгла свое платье утюгом, а другой жених упал за день до свадьбы – в лужу. У Барыкиных сгорел шкаф, а Барыкину надо было на следующий день ехать в командировку... А Римка, хитрая душа,

шила себе платья у Удаловой, а наклейки привозила из Вологды. Многие думали, что платья импортные. Но далеко не все.

Вот об этой мастерской и спросил Минц, когда прощался с Удаловым перед отъездом на остров Пасхи.

– Нормально наши дела, – сказал Удалов. – Завтра приезжает делегация из Южной Кореи.

– Вы с ними осторожнее, – предупредил Минц. – Очень хитрые на руку джентльмены.

– Знаем, – согласился Удалов. – Да и моя баба не лыком шита. Сказала, чтоб без предоплаты не появлялись. Пускай открывают счет в нашем городском «Гуснепорочбанке». Нужны счета на строительство нового роддома и машины времени.

– Ты прав, – согласился Лев Христофорович и нежно обнял Корнелия на прощанье.

А Корнелий смотрел вслед автобусу, махал и при этом представлял, как готовятся сейчас женщины к встрече иностранных гостей.

Проводив автобус, Корнелий Иванович пошел домой и по дороге увидел соседского юношу Колю Гаврилова. Коля ехал в своем новом «Москвиче», который был замаскирован под «Мерседес» специфическим кольцом на радиаторе. Добродушный Удалов поднял руку, узнав соседа, и подумал: вот проходит жизнь, одни уступают дорогу, другие растут и, может, составят нашему городу мировую известность... Коля Гаврилов на Удалова не обратил внимания, вернее, это Удалову показалось, что не обратил, а на самом деле он чуть притормозил, дожидаясь, пока Удалов поравняется с океанской лужей, и тогда, не жалея своей собственности, дал газу так, что облил мутной водой пожилого соседа с ног до головы. При этом он позволил себе лишь снисходительно улыбнуться, не оборачиваясь, но кося взглядом.

– Ах ты, мерзавец! – воскликнул Удалов, который гонял этого Гаврилова крапивой еще в нежном возрасте.

Но Гаврилов уже мчался дальше по улице и, увидев впереди милую девушку Клару Анапко со швейной фабрики, направил машину прямо на нее, перепугав девушку до полусмерти.

Но во дворе дома Удалов снова увидел псевдо-«Мерседес» Коли Гаврилова. Псевдо-«Мерседес» стоял посреди двора, подмяв и

поломав любимый всеми сиреневый куст, а самого Гаврилова уже не было видно.

Удалов заходить домой не стал, а постучал в окно Саше Грубину и, когда тот высунулся, сказал:

– Подвинем машину, что ли?

Грубин так давно дружил с Удаловым, что понимал его с четверти слова. Он вышел во двор и присоединился к Корнелию. Рядом стоял Ложкин, уже очень пожилой, но еще крепкий мужчина.

– С Колей надо что-то делать, – сказал Ложкин. – Он стыд потерял, честь и всякие человеческие качества.

Из окна второго этажа высунулась мама Гаврилова и громко прошептала:

– Это я виновата. Я попросила Льва Христофоровича у Коли лишние качества отменить, чтобы ему в современной жизни легче было вертеться. Как бы профессор не перемудрил...

– Ты своего не защищай, – сказал Грубин. – Ведь как меня или Удалова не обездоливай, мы плохого не сделаем.

– Тш-ш! – Гаврилова захлопнула окно, видно, почему-то испугалась сына.

– Хуже нет, и на исторических примерах это доказано, – вздохнул Ложкин, – когда королева-мать боится своего сына, значит, скоро слететь ее голове.

– Николай Иванович, окстись! – испугался Удалов. – Нам еще этого не хватало!

Он обернулся к окну Гавриловых и сказал громко, зная, что через летнюю раму его слова проникнут внутрь квартиры:

– Николай, я тебя предупреждаю! Мы сейчас твой «Мерседес» отодвинем, и это тебе будет первое предупреждение. Сирень оберегается законом и экологией.

Удалов поплевал на ладони, и они втроем взяли за задок «Москвича» и оттащили его в сторону. Правда, в этой операции мерседесовский кружок, что был прикреплен к самому носу машины, упал и покатился по земле.

И тут, подобно пулеметной очереди, раздался стук каблучков Николая по лестнице, хлопнула дверь, и тот выскочил на улицу, сжимая в руке газовый баллончик и сверкая глазами, как Александр Македонский.

– Да я вас сейчас! – закричал он. – Да я вам сейчас...

– Обратите внимание, – сказал друзьям Грубин, – одно чувство Лев Христофорович убрать забыл – чувство собственности.

– И чувство злости, – добавил Ложкин.

– Это не чувство, а постоянное состояние людей, у которых других чувств не осталось, – поправил его Корнелий.

Коля грозно махал газовым баллончиком, а Удалов сказал ему:

– Коля, ты случайно не нажми, а то выпорем тебя по-соседски!

Открылось окно, и Гаврилова стала умолять соседей:

– Пожалуйста, не надо! Он еще фактически мальчик и обязательно исправится. Вот как разбогатеет, так сразу исправится.

Коля схватил мерседесовское кольцо и, ругаясь сквозь зубы, стал прилаживать его к «Москвичу». Бить его не стали. Поглядели, покачали головами, имея в виду общее падение нравов, и разошлись по домам.

В четыре часа ночи кто-то кинул камень в окно Грубину. Окно вдребезги, недостроенная новая модель машины времени повреждена... А кто? Грубин решил, что это Гаврилов, но мать его клялась, что Коля спал.

На следующий день разбили окно у Ложкиных. К тому же вдребезги разлетелся аквариум, и, пока суд да дело, ценных рыбок пришлось держать в трехлитровых банках. Кто сделал – догадывайтесь.

В машине Васи-Ахмета также окошки разбиты, а шины распороты. А ведь раньше в Великом Гусяре ни угонов, ни повреждений не случалось.

Вася-Ахмет пошел к Гаврилову. Но не дошел. Оказывается, два приезжих качка в камуфляжах, которые проживали уже четыре дня в гостинице «Гусь», приехали в город не для закупки льна, а с целью выполнять некоторые дела для Коли. Вот они и избili Васю так, что он попал в больницу.

Город был встревожен, на Колю смотрели косо, а он все ждал, когда же у него будет настоящий «Мерседес». На это не хватало лишь двадцати тысяч баксов.

Южные корейцы посетили мастерскую Удаловой «Ателье-молния», а там новые манекенщицы Тамарка Томи-Томи и Клара Анапко со швейной фабрики демонстрировали одежду, которая сама

себя подгоняет по фигуре заказчика. Более того, они поделились с корейцами некоторыми задумками, полученными для перспективных разработок от Льва Христофоровича. Больше всего потенциальным заказчикам показалась перспективной модель «Сними-наденься» – «для тех, кто всегда спешит». Сначала модель вела себя как обычная – подгонялась по фигуре, но потом, если нужно, сама снималась с тела и возносилась на вешалку или возвращалась на заказчицу по условному сигналу. Ты ей свистнешь, она отзовется коротким птичьим лепетом, как иномарка, стоящая на электронной охране, – и летит к тебе или от тебя большим крылом.

Южные корейцы не удержались от аплодисментов, а потом устроили ужин владелицам и работницам мастерской в ресторане при гостинице, а после ужина попрощались за руку с Ксенией и старухой Ложкиной, а девиц пригласили к себе в номера, чтобы совместно полюбоваться оттуда видом на ночной Гусяр. Клара Анапко еще была непривычна к иностранному вниманию и выпрыгнула в окно, но без вреда для себя, потому что была гимнасткой-перворазрядницей, а Томи-Томи осталась и веселилась с корейцами.

Ксения с Ложкиной перед сном вернулись в мастерскую, чтобы прибрать там, запереть все, обесточить, повесить замок и договориться, как они завтра будут требовать деньги – франками на текущий счет или сразу оборудованием для роддома?

Старуха Ложкина села на диван для посетителей и сказала:

– Ох и устала я, Ксения, будто дрова возила.

А Ксения ответила:

– Чую, выгонит меня Корнелий из дома за то, что я хозяйство запустила.

Сказано это было не без гордости. Почти всю жизнь Ксения прожила в трепете. На совещании ли муж задержался, на встрече с инопланетными пришельцами или изменяет ей, домашней хозяйке? А теперь вот она сама стала фигурой международного масштаба.

... Не постучавшись и открыв дверь ногой, в ателье ввалился Коля Гаврилов в легком подпитии и сказал:

– Слушайте меня, бабки! Чтобы завтра подготовить в пакете двадцать тысяч баксов. Иначе ваши уши будут доставлены вашим мужикам. Усекли?

– Каких басков, Колечка? – спросила Ксения, которая с детства любила этого мальчонку.

– Молчать! – рявкнул Коля. – Двадцать тысяч. Или уши.

Первой опомнилась старуха Ложкина.

– Коля, а тебя давно никто не порол? – спросила она. – Постыдись!

– Что-что? – ответил Коля. – Я теперь как Терминатор. С дерьмом смешаю и не замечу. Такой вот я человек.

Ксения Удалова очень осерчала и пошла гнать Колю из мастерской. Но Коля словно ждал этого. Он врезал пожилой женщине в скулу так, что та упала на диван, оттолкнул старуху Ложкину к стенке, свистнул, и тут в ателье вошли два мужика в камуфляжах, с мешками, в которые они стали складывать, срывая с вешалок, международные туалеты.

– Дурак, – сказала Ксения, опомнившись, – если ты туалеты возьмешь, за что нам деньги заплатят? – Это означало, что жена Корнелия уже пришла в себя и принимала меры.

Ее аргумент подействовал на бандитов-рэкетиров. Они взяли лишь себе по костюму да Римке пару платьев, потому что Римка теперь с Колей сожительствовала, несмотря на превышение в возрасте.

– Двадцать тысяч завтра, как стемнеет, – приказал Коля. – У памятника Землепроходцам. И если кому-нибудь проговоритесь, хоть вздохом, тетя Ксения, то вашему Максиму не жить, а Корнелию Ивановичу тоже, не говоря уж о Николае Николаевиче.

Стеная и хромая, несчастные предпринимательницы поплелись домой. Уже на подходе к дому они услышали отдельные дикие крики: во дворе их ждали мужчины, встревоженные долгим отсутствием женщин. Сразу хотели звонить в милицию, арестовывать Колю, но потом Удалов увел всех к себе, чтобы обсудить проблему без свидетельницы. Они же понимали, что мать – она и у Гитлера мать, а уж у Гаврилова – тем более союзник.

Дома Удалов сказал так:

– Нам его сейчас не взять. Доказательств никаких. А вот положим ему деньги, тут его и возьмем с поличным.

Утро было деловым.

Удалов дал факс на остров Пасхи, и с острова ответили, что профессор Минц в последние дни был задумчив, встревожен, на статуи почти не смотрел и все повторял: «Ах, как я был неосторожен! Ах, зачем я дал такое необычное и страшное оружие, как бесчувственность, Коле Гаврилову!» Так что уже вчера он сел на попутный самолет и вылетел в Дели с пересадкой в Джакарте.

Когда корейцы пришли в мастерскую, для них уже был упакован контейнер, а они выписали чек на швейцарский банк и генеральное соглашение. Из разных концов города между тем в дом № 16 стекались неприятные новости. Преступная троица сожгла табачный киоск у станции, угнала и бросила трактор, устроила драку в станционном буфете. А когда стемнело, то на «Москвиче» с мерседесовским кружочком на радиаторе ракетиры подъехали к памятнику Землепроходцам.

Надо сказать, что к тому времени весь город уже знал, что сегодня возможна разборка, и потому старшина Пилипенко взял бюллетень по поводу катара верхних дыхательных путей, но не от страха, а потому, что так попросил его Удалов.

– Дело соседское, – сказал он. – Чего нам стрелять! Ты же понимаешь.

Пилипенко понимал.

Многие люди, которые в это время гуляли по набережной и площади Землепроходцев, на этот раз отошли подальше к домам или выпядывали из-за старых лип у гостиного двора. А у памятника стояли лишь Удаловы – так было решено – Корнелий и Ксения. А между ними на постаменте лежал пакет. В синей пластиковой обертке.

В девять часов «Москвич» с мерседесовским кружком выехал на площадь и, сделав круг, остановился у памятника, представляющего собой нос ладьи землепроходцев. На носу, прислонив ладошки к козырькам шлемов, стоят Ермак, Дежнев и Крузенштерн – уроженцы этих мест.

– Давай капусту, – сказал Коля Гаврилов, спокойно вылезая из машины и подходя к Удаловым. – Остальные-то где?

Его спутники целились в Удаловых из пистолетов, может, газовых, а может, и боевых.

– Коля, – сказал Корнелий в последней попытке урезонить соседского юношу и спасти его от позора, – опомнись! Как тебе не стыдно!

– Быстро! – ответил Коля. – Гони капусту! Будешь мне отстегивать по двадцать «лимонов» в месяц. У меня весь город схвачен.

– Коля, подумай о маме, – произнесла Ксения металлическим голосом.

Гаврилов насторожился.

Он направил пушку на Удаловых. Телохранители тоже. Их кожаные куртки блестели под фонарями.

– Все на колени! – зарычал Гаврилов нечеловеческим голосом. – Весь город на колени!

– Мне тоже? – спросила его мать, которая пришла на площадь.

– Тебе в первую очередь. Забыла, как в детстве меня порола?

Гаврилова пала на колени. Остальные не подчинились. Более того, повинуясь жесту Ксении, пустившей микрокомпьютер задом наперед, одежда бандитов превратилась в бесформенные хламы, которые тут же стреножили их по рукам и ногам. Пистолеты грохнулись на землю, а сами негодяи стали бороться и выпутываться из одежд, словно жрец Лаокоон и его сыновья на античной скульптуре.

К тому времени, когда им это удалось, Корнелий подобрал пистолеты, и, видя неминуемую гибель, телохранители, подобно голым королям, осознавшим весь ужас своего положения, убежали в ближайший лес. Одежда же рэкетиров таинственным образом взлетела кверху и облегла широкие плечи каменных землепроходцев.

Единственным, кто не потерял присутствия духа, был Коля. Он спокойно забрал пакет с долларами и пошел прочь с площади, заявив на прощание Удалову, что стоял с пистолетами в обеих руках:

– Ты стреляй, дядя Корнелий, стреляй в ребенка.

Но тут на площадь ворвался и замер междугородный автобус, из которого выскочил профессор Минц.

– Ах, как я виноват! – воскликнул он и вытащил деблокатор, изобретенный им на острове Пасхи. Он направил его на уходящую голую фигуру.

Голубая молния догнала Колю и пронзила его.

– Возьми обратно стыд! – громовым голосом вскричал профессор.

Коля попытался прикрыться пакетом с деньгами. Он с ужасом оглядывался.

– Жалость! – сказал профессор.

Коля увидел Ксению и робко протянул ей пачку с деньгами.

– Доброту...

Коля рухнул на колени.

Его мать подбежала к нему и обняла молодого человека. Он стоял, прижавшись к ней, как блудный сын на полотне Рембрандта.

– Страх! – продолжал Минц.

Колю охватила дрожь.

– Любовь! – громовым голосом воскликнул Минц.

Безумный взор Коли отыскивал в полутьме фигурку Томи-Томи, которая уже забыла о корейцах. И они оба зарыдали...

Домой жильцы возвращались все вместе. Только Гавриловы с Томи-Томи шли поотстав. На Коле был ладный костюм, вернувшийся с памятника.

– Вот мы и победили! – сказала старуха Ложкина.

– Ага, – согласилась Ксения. – Надо бы нам теперь железные двери заказать.

– Наука поможет нам исправить нравы! – Минц был настроен оптимистично. – На каждое безобразие мы придумаем противоядие.

– А они – новое безобразие, – вздохнул Удалов.

Так они и не пришли к единому мнению.

Новый Сусанин

В лесах под городом Великий Гусяр таится озеро Копенгаген, окутанное тайнами и легендами, заветная Мекка гусярских рыболовов.

Многие десятилетия оставалось загадкой название озера, непривычное для здешних мест. Рассказывают, что в тридцать седьмом году покойный отец старика Ложкина поехал в Вологду продавать метровую щуку, выловленную им в том озере. На вологодском рынке к нему подошел один человек, одетый в штатское, и спросил, где Ложкин выудил такую рыбину. Ложкин честно признался, что в Копенгагене, и после многих допросов и несправедного суда отправился в лагерь как датский шпион, а Николай Ложкин дождался папу только через восемнадцать лет.

Лишь лет двадцать назад директорша краеведческого музея Елена Сергеевна выудила в городском архиве информацию, что озеро получило свое название случайно. Оказывается, в начале прошлого века в тех краях построил свой охотничий замок англоман Архип Гулькин, велевший именовать его просто Гулем. Как-то приехавший к Гулю на рыбалку либерально настроенный гусярский мировой посредник пошутил, что Копенгаген – английский вице-адмирал. Гуль был потрясен звучностью адмиральского имени и велел переименовать озеро Темное в озеро Копенгаген. Название окрестным мужикам понравилось, хотя казалось ругательным. Гуль пытался разводить в озере крокодилов, крокодилы прижились, но мужики их выловили и пустили крокодилью шкуру на подошвы валенок.

Уже в почтенном возрасте Гуль влюбился по переписке в проживавшую на Украине госпожу Ганскую, представительницу старого шляхетского рода. Но, несмотря на переписку, теплые слова и даже обещания, госпожа Ганская вышла замуж за француза Бальзака. Помещик Гуль не выдержал такого расстройствa и утопился в Копенгагене. Его охотничий замок, разграбленный поселянами, превратился в руины. И люди обо всем забыли.

Елена Сергеевна послала заметку о помещике Гуле в «Вестник Вологодского пединститута», но заметку не напечатали, как

лишенную актуальности. Зато в Великом Гусяре об открытии Елены Сергеевны некоторые люди узнали, потому что она провела беседу на эту тему в лектории музея.

Несмотря на то что Великий Гусяр лежит в стороне от основных коммуникаций государства, а население в нем обитает консервативное, новые веяния долетают и до его площадей и переулков. В Гусяре есть свои демократы, коммунисты, сторонники парламента, поклонники президента и даже представители капитализма. И как положено российской глубинке, в недрах ее таятся такие социальные движения и водовороты, что порой и Москва бы позавидовала прыти нашего городка.

Поджарый Салисов и грузный Ахмет Собачко пришли в газету «Гусярское знамя» к ее корреспонденту Михаилу Стендалю и изложили свою позицию. Тот, желая им помочь, повел их на бывшую Пушкинскую, ныне, в результате кампании за возвращение исторических названий, переименованную в Старозалупенскую, в дом № 16, где проживает его старый друг, а также заядлый рыболлов Корнелий Иванович Удалов.

В то субботнее утро Корнелий страдал радикулитом, отчего не смог пойти на рыбалку и даже спуститься вниз сыграть в домино. Правда, и в домино он играть не очень стремился – пришло новое поколение, которое привнесло в игру денежный интерес. Раньше люди собирались вокруг стола, чтобы как следует стукнуть по столешнице, сделать «рыбу», а то и просто поговорить с соседом. Молодежь, занявшая стол, играла теперь на деньги, причем порой с улицы Софьи Перовской приходили сущие террористы, а играли они на «зеленые», или баксы, сам вид которых Корнелию Ивановичу, как человеку старой закваски, был неприятен. Ведь во времена его молодости такими «зелеными» агенты США расплачивались с отщепенцами за измену Родине.

Корнелий Иванович стоял у окна, глядел во двор и рассуждал, соберется ли дождик или обойдет стороной. Он увидел, как осторожно, словно катафалк, влекущий тело члена Политбюро, в ворота вполз «Мерседес», замер и из него вылез помятый и встрепанный корреспондент газеты «Гусярское знамя» Михаил Стендаль, а за ним два закованных в кожу молодых человека. Мода, осчастливившая революцию кожаными куртками, сделала странный

исторический виток и вновь призвала кожаные куртки в период контрреволюции.

Один молодой человек был бородатеньким, маленьким и щедушным, а второй – внушительным и полным, но куртки скрадывали различия в комплекции.

Стендаль поднял голову, угадал за стеклом Корнелия и сделал жест рукой, означавший просьбу отворить дверь.

Корнелий обернулся и крикнул:

– Ксюша, открой, пришли!

Никто не откликнулся, и Корнелий вспомнил, что Ксения ушла на рынок.

– Максим! – позвал тогда Удалов.

Но сын тоже не откликнулся, потому что с утра забрал гитару и смылся из дома, чтобы не готовиться к экзаменам в училище парикмахеров.

Пришлось Удалову, припадая на левую ногу и держась за позвоночник, брести к двери.

У двери Удалов выпрямился и принял бодрый вид. И даже улыбнулся гостям.

Гости вежливо поздоровались и сразу проникли в комнату, причем сделали это так ловко, что Удалов со Стендалем далеко отстали от них и оказались в комнате, когда молодые люди уже заканчивали поверхностный обыск.

– Все в порядке, заходите, – пригласил Удалова худой и злой на вид человек, утонувший в кожаной куртке и заросший густым черным волосом. – Располагайтесь.

После этого гости уселись в кресла, а Стендалю и Удалову достались стулья. Впрочем, когда у тебя приступ радикулита, то лучше сидеть на стуле.

– Наши гости, – сдавленным голосом сообщил Стендаль, – приехали из Москвы. У них есть сенсационная информация, связанная с Великим Гусяром, и они просят нашего содействия.

– Не так громко, – предупредил худенький гость.

– Разрешите, я вам их представлю, – сказал Стендаль. – Товарищ Салисов – аквалангист и экстрасенс.

– С мировым именем, – добавил бородатый и чуть наклонил остроносую голову. – И предупреждаю: все ваши мысли мне известны.

Помолчали. Видно, экстрасенс читал мысли Удалова, а Удалов удивлялся, почему же это у него с утра ни одной мысли в голове не было. А сейчас мысли появились и были связаны с ненормальным взвинченным состоянием корреспондента.

– А вот, познакомьтесь, – продолжал Стендаль, – господин Ахмет Собачко.

– Не господин, а товарищ, – поправил Стендаля грузный, лысый, украшенный лишь длинными висячими усами человек. – Не люблю этих модных штучек.

Выждав деликатную паузу, Стендаль сообщил:

– Наши гости смогли сделать важное открытие. Они приехали, чтобы поделиться им с нами.

– Не продаст? – спросил Салисов.

Михаил Артурович совсем смутился.

– Ну как можно! – сказал он.

– А это вопрос суммы, – сообщил Собачко. У него был высокий девичий голос и очень красные губы.

– Удалов молчалив как могила, – сказал Стендаль, смущенный ролью, которую ему пришлось играть.

Могилей Корнелий себя не считал, но спорить не осмелился. Ждал.

– Знаете ли вы, в каких местах совершал свои подвиги Иван Сусанин? – резко спросил Салисов. Его черные глаза горели отчаянным нутряным огнем.

– В отдаленных отсюда, – послушно ответил Удалов. – В костромских лесах, если не ошибаюсь. Я в Костроме ему памятник видел – рукой за речку показывает, куда идти не следует.

Удалов хихикнул, приглашая остальных присоединиться. Никто не присоединился.

Удалов осекся. Здесь никто не собирался шутить.

– Подскажите мне, – произнес Салисов, – чем прославился Иван Сусанин в памяти русского народа?

– Он завел поляков в лес, – послушно ответил Удалов, – где не было видно ни зги. Сусанину с сердцем вскричали враги: «Куда ты завел нас – не видно ни зги!»

– Хватит! – оборвал Удалова Салисов. – Не пытайтесь показаться глупее, чем вы есть.

В комнате воцарилось молчание. С каждой секундой оно все тяжелее ложилось на плечи присутствовавших.

Наконец Удалов не выдержал и пискнул:

– Ну?

– Стендаль сказал, что вам можно доверять, – произнес Собачко с некоторым удивлением, словно хотел показать всему миру, что на самом деле Удалову лучше не доверять.

– Выхода нет, – помог гостям Стендаль.

– Историческая правда, – строго сказал Собачко, – заключается в том, что поляки, которых завел Сусанин, несли с собой большой и важный груз – награбленные в Вологде ценности.

– Золото, драгоценности, мебель, бусы, янтарь, жемчуг, – подытожил Салисов.

Он вытащил из кармана черный лаковый бумажник, раскрыл его, вынул листок, исписанный мелко и густо, и проверил по нему, правильно ли перечислил награбленное поляками.

– По нашим сведениям, – продолжал Салисов, – оставленные в глуши Сусаниным поляки, в отчаянии перед гибелью, прорубили полынью в озере Темном в окрестностях города Великий Гусяр, а потом замерзли в чаще леса.

– Исторический факт! – воскликнул Собачко и погладил себя по животу, радуясь тому, что ему сытно, тепло и не грозит смерть от холода.

– Все это обнаружено нами в архивах КГБ, – сказал Салисов. – Большевики скрывали эти сведения от народа, надеясь сами отыскать сокровища. Но не вышло, потому что документы были утеряны в годы великих чисток. Вы понимаете?

– Но мы теперь знаем, – продолжил Собачко. – Озеро Темное! Мы должны отыскать это озеро и нырнуть в его глубины. Сокровища, которым нет цены, лежат на его дне. В тине. И вы нам поможете.

– Почему? – спросил Удалов.

– Потому что это ваш гражданский и нравственный долг, – сказал Собачко.

Стендаль в отчаянии глядел на Удалова.

– Сокровища, говорите... – протянул Удалов, поглаживая лысину, обрамленную пегими выющимися кудрями. – Тогда вам, товарищи, следует обратиться в наш музей. Он и заботится о сокровищах.

– Ах, оставьте! – отмахнулся Салисов. – В музее сидят некомпетентные, ограниченные люди.

Удалов укоризненно покачал головой. Стендаль взволнованно вмешался в разговор:

– Корнелий Иванович, эти господа просят им помочь.

– В чем?

– Проведите нас к Темному озеру, – жестко произнес Собачко. – Мы вам заплатим.

– Я бы рад, – сказал Удалов, которому эти люди страшно не нравились. – Но, к сожалению, такого озера в наших краях не существует.

– Ложь! – отрезал Собачко. – Такое озеро у вас есть, хотя, может быть, под другим названием. Так что вы, Корнелий Иванович, не манкируйте. Иначе нам придется принять меры.

– Корнелий Иванович! – Голос Стендаля дрожал от волнения и страха. – Корнелий, помоги им!

Произнося эти отчаянные слова, Стендаль старался незаметно для приезжих подмигивать Удалову.

Удалов и без подмигивания знал, что положение критическое. К озеру Копенгаген, которое ранее звалось Темным, тайных троп нет. Лесом по шоссейке районного значения доезжаешь автобусом до шестнадцатого километра, потом тропинкой, довольно исхоженной, идешь еще километр с небольшим. Вот ты и на месте. Эту дорогу знает каждый пятый житель Великого Гусяра. Секрет лишь в том, что мало кому известно прежнее название озера Копенгаген. Если ты не был на памятной беседе Елены Сергеевны в позапрошлом году и не читал опубликованной тогда же заметки Стендаля в «Гусярском знамени», то сочетание слов «Темное озеро» ничего тебе не скажет. Впрочем, если подозрительные молодые люди выйдут на улицу, покажут десяти прохожим зеленую купюру, то наверняка отыщут хотя бы одного проводника в гусярские леса.

– И как же вы намереваетесь искать этот клад? – спросил Удалов, глядя на Собачко проникновенно и целеустремленно.

Тот принял этот взгляд за чистую монету и ответил:

– Оборудование на подходе. Летит вертолетами. Батискаф, катер, надувной плот, скафандры...

Собачко загибал пальцы. Салисов добавил, глядя на его пальцы:

– Акваланги, сухой паек, гранатомет...

– Базилио! – оборвал спутника Собачко.

– Имеется в виду гарпуномет, – поправился Салисов и тонко усмехнулся под бородой.

– А потом? – спросил Удалов.

– У нас есть фонд. Международный фонд – пострадавшим от землетрясения детям Ашхабада.

– В каком же году было там землетрясение? – удивился Стендаль.

– Важен факт, – отрезал Собачко.

– У тех детей уже внуки, – заметил Удалов, но никто его не услышал.

– Выходим сейчас, – сказал Салисов. – Берем удочки, резиновые сапоги.

– Кепку! – подсказал Собачко.

– Стендаля берем? – спросил Удалов.

– Обойдется! – ответил Собачко.

Говорил Собачко тонким пронзительным голосом с какой-то странной бабской кухонной интонацией, будто бранился.

– А чего я без Миши пойду? – сказал Удалов. – Что вы меня, купили, что ли?

– Наш фонд людей не покупает. Они добровольно ходят, – проворчал в бороду сублильный Салисов.

Удалов стоял как небольшая круглая скала. Непоколебимо.

– Иди, Корнелий, – прошептал Стендаль. – Понятно же!

Корнелий понимал, что сопротивляться бесполезно, но упрямство было его второй натурой. Он повторил:

– Вы меня купили, да?

Салисов был обижен.

– Корнелий Иванович, уважаемый человек, а не понимаете простых вещей. У вас дачный участок с летней постройкой есть?

– Ну?

– А то ну, что сгорит ваше строение сегодня ночью вместе с запасенной на зиму семенной картошкой.

– А на вашего сына Максимку нападут злые парни, сломают ему гитару и нижнюю челюсть, – добавил Собачко. – Так что, ты идешь, падла, или как?

– Иди, иди! – умолял Стендаль.

– Видите, и товарищ из газеты подсказывает, – обрадовался Салисов. – А ведь мы его почти не пугали.

Собачко ступил в прихожую, сорвал с вешалки брезентовую куртку Удалова, которую тот использовал для рыбачьих походов, кинул под ноги Корнелию резиновые сапоги.

И Удалов перестал сопротивляться. Радикулит почти прошел.

Они сели в «Мерседес». Собачко за руль, Салисов на заднее сиденье рядом с Удаловым. Салисов тут же развязал рюкзак, лежавший на сиденье. Там была маскировочная одежда для туристов-рыболовов. Искатели кладов тоже намеревались переодеться.

Своим спутникам Удалов не верил. Против этого был его жизненный опыт и школьные знания. Ведь Ивану Сусанину от родных костромских мест добираться сюда лесами недели две. Неужели ему достались такие живучие поляки? Быть не может. Сейчас бы какой-нибудь учебник или знающего человека, чтобы подсказал: а доходили ли поляки до Вологды? Если не доходили, то и грабить не могли.

– Правильно едем? – спросил Салисов. Удалов поглядел на его лицо и подумал: в таком узком лобике никакому уму или чувству не уместиться. Только злость удержится. Несчастный человек!

Удалов не знал, какую информацию эти люди получили заранее. По крайней мере направление, притом правильное, они выбрали без его совета, значит, были осведомлены. Так что Удалов, как и Сусанин за четыре века ранее, постарался не вызывать подозрения у незнакомцев, а вместо ответа спросил:

– Какое я получу вознаграждение?

– Покажешь – поговорим.

– Нет, – возразил Удалов, – так не пойдет. Вам жемчуга и золото, а мне сапогом под зад, правильно?

– Правильно! – злобно ответил Салисов.

– Ты к нам хорошо, и мы к тебе хорошо, – исправил грубость своего товарища Собачко. – Не обидим.

– Сколько? – спросил Удалов.

Внимание Собачко и Салисова было приковано к Удалову, и, конечно же, они просмотрели тропинку, которая углублялась в лес от автобусной остановки.

– А сколько ты хочешь? – спросил Салисов, не скрывая злобы.

– Миллион, – ответил Удалов.

Собачко даже тормознул.

– Ты что, – спросил он, – с луны свалился?

– Каждая жемчужина, погребенная в озере, – наставительно сообщил Удалов, – стоит не меньше миллиона. А их там целый сундук, правда?

– А ты откуда знаешь? – спросил Собачко.

– У нас свои местные легенды, – сказал Удалов.

Собачко промолчал, по его круглой кожаной спине видно было, как сильно он думает.

Салисов больно ткнул Удалова в бок кулачком.

– Кончай придуриваться! – рявкнул он. – Какой еще клад? Какой еще сундук?

Теперь настала очередь Удалова промолчать. Тропу на озеро Копенгаген они уже миновали, скоро надо будет высаживаться. И если раньше, перед отъездом, у Удалова оставались какие-то сомнения, то теперь было совершенно ясно: эти люди – жулики и бандиты, нужно им на озере Копенгаген что-то иное, нежели клад, и Удалов, разумеется, подозревал, что и зачем им нужно. И потому был готов сыграть благородную, но рискованную роль патриота Ивана Сусанина.

– Остановливай машину, – приказал Удалов.

– Зачем?

– Дальше идем пешком. По чаще. Лишнего с собой не брать, проверить обувь!

Собачко проехал чуть дальше, где был удобный съезд с дороги на лужайку, и загнал «Мерседес» под одиноко стоящий могучий дуб.

Потом они вылезли из машины.

В лесу было мирно. Не боясь пришельцев, пели птицы, грибы выглядывали из-за пней, кузнечики сигналы из травы, стараясь долететь до солнца. Чудесное время, чтобы гулять по лесу!

Удалов пошел первым, «поляки» за ним.

Видно было, что они не приспособлены для дальних походов, так как шли суетливо, тратя много сил. Удалов знал, что впереди их ждет обширное болото, и заранее злорадствовал.

Он на ходу рассуждал, и его рассуждения были пессимистическими. Сусанину было куда легче, потому что тогда стояла зима и был жгучий мороз. Так что заблудившиеся поляки

вскоре замерзли до смерти. Собачко и Салисову смерть от охлаждения не грозила, следовательно, их надо уничтожить другим способом, а если способа не было, то завести в глухие дебри без возможности выхода. В таких глухих дебрях самому Удалову бывать не приходилось и, ясное дело, самому оттуда тоже не выбраться.

Не читая удаловских мыслей, но постепенно проникаясь тревожным чувством, которое навевали тесно стоящие вековые ели, искатели кладов нервно задавали вопросы.

– А вы-то сами на том озере бывали? – спросил Собачко.

Удалов заметил, что толстяк перешел на цивилизованную форму обращения, значит, в себе не уверен.

Когда такие люди в себе уверены, они обязательно тыкают.

– Как-то приходилось, – ответил Удалов, раздвигая удочкой еловые лапы. Зря он согласился взять с собой удочки – явная помеха в глухом лесу.

– Там опасно? – спросил Салисов.

Тут он запутался своей удочкой в ветвях и принялся тупо дергать ее вместо того, чтобы распутать леску.

– У нас тут везде опасно, – признался Удалов.

– А каких-нибудь редких животных на озере не замечали? – спросил Салисов, кидая свои удочки в кусты.

Хорошие, импортные, бамбуковые удочки. Надо бы запомнить место, чтобы на обратном пути подобрать.

– Я повторяю свой вопрос! – строго сказал Салисов. – Редких животных на Темном озере не встречалось?

Вот он, роковой вопрос! Его Удалов ждал и боялся. А как его боялся Стендаль – подумать страшно! Удалов взял левее, к болоту.

– Был случай, – отозвался он. – Сам я не присутствовал. Но Ложкин рассказывал. Только вы не поверите.

– Погодите! – позвал сзади Собачко. Он вырвался из еловых объятий и прыгал через корни и ветви. – Вы признавайтесь, – попросил Собачко. – А наше дело – верить или не верить.

– Была одна, – сказал Удалов, останавливаясь и поджидая Салисова. – Крупного размера.

– Крупного?

– Метра два по крайней мере.

– Таких не бывает, – сказал Собачко.

– Наши мерили.

– И какая она? – крикнул Салисов. Он догнал спутников и тяжело дышал.

– Зеленая, тинной воняет, – сообщил Удалов.

– Говорящая?

– Сказок начитались? – рассмеялся Удалов. – Разве щуки бывают говорящие? Они даже в цирке молчат, ей-богу!

Удалов счастливо смеялся, а Салисов, высоко прыгая через корни, догнал его и как следует врезал ботинком по заду.

– За что?! – закричал Удалов.

– Тоже мне хохмач нашелся! – ответил Салисов. – Щука, говорит.

– А что я должен говорить? Дельфин, да? Акула? Кашалот? Что я должен говорить?

Сейчас бы самое время бежать от этих мерзавцев, но, вернее всего, они догонят и убьют. Сусанина ведь тоже убили.

Эта мысль Корнелия огорчила. Он как-то об этом не подумал. Знал о древнем подвиге, помнил памятник Сусанину в городе Костроме, но начисто забыл, что Сусанин сначала принял мученическую кончину, а уж потом его почтили как могли. Кто-то этому был свидетелем. Кто-то бежал за ним по лесной чаще, скрываясь за темными стволами. А потом доложил о подвиге в партизанском штабе. А то бы никто ничего не узнал о Сусанине. Думали бы, что тот честно отработывал свой предательский хлеб, да заблудился.

В надежде на объективного свидетеля своего подвига Удалов внимательно обозрел окрестные кусты. Ему показалось, что он видит неясное шевеление за одним из них, но это мог быть какой-нибудь лесной зверек. На всякий случай Удалов подмигнул животному и побрел дальше в чаще.

– Ты над нами не издевайся, – бормотал злобный Салисов. – Щука!

Он так произнес это слово, будто Удалов и был вонючей скользкой щукой.

Удалов пожал плечами. Чего спорить с жуликами! Все Удалову было ясно: откуда-то Собачко и Салисову, а вернее всего, тому спонсору, которому они служат, попала в лапы ценная информация о фауне озера Копенгаген. Информация неполная, настолько неполная,

что даже современное название озера, к счастью, им неизвестно. Как же это могло случиться? Впрочем, сейчас не время и не место заниматься расследованием. Важнее зайти в болото так, чтобы и их загубить, и в живых остаться.

Болото, известное всем грибникам, окружало истоки ручья Комсомольского, который, зародившись в тростниках, питаемый ключами, протекал с километр по густой чащобе и давал жизнь затем самому озеру Копенгаген. Надо сказать, что Удалов, как и Михаил Стендаль, не надеялся, что пришельцы из Москвы навсегда сгинут в зыбучих глубинах болота – не было там таких глубин. Главное было оттянуть время, дать возможность Стендалю предупредить своих на озере, эвакуировать кого успеется.

Так что Удалов с каждым шагом сбивался все левее, и, по его расчетам, они уже были близки к цели.

Под ногами уже начало всхлипывать, почва теряла свою изначальную твердость, и это смутило чуткого Салисова, который спросил:

– А правильно идем, а?

– Видишь, мокрее стало, – откликнулся Удалов. – Значит, приближаемся к водному резервуару.

– Не завязнуть бы в этом резервуаре! – передразнил Удалова Собачко.

– Не завязнете, – серьезно ответил Удалов. – Вы же мягкий.

Нельзя сказать, что Собачко воспринял слова Удалова как комплимент, но выругался он сдержанно, без истерики – приходилось смотреть под ноги, чтобы не провалиться между кочек.

Теперь надо было уже подумывать об отступлении, ведь кладоискатели добровольно не сдадутся. Но для этого следовало завести их поглубже в болото.

– Я дальше не пойду, – заявил Салисов.

– И не надо, – откликнулся Удалов. – Пошли обратно.

– Помолчи! – рявкнул Собачко.

Он вышел вперед и начал продвигаться сквозь тростники, с каждым шагом поднимая фонтаны брызг.

Попискивая от страха, махонький Салисов следовал за ним, быстро промокнув до пояса. Удалов замыкал шествие, стараясь

отыскивать глазами и ногами незаметные для посторонних кочки. Но все равно промок.

Чтобы не было так страшно, Собачко начал петь бодрую песню прежних эпох:

Сердце мое ты отыщешь всегда
Там, за облаками, там, за облаками,
Там, та-та-там, та-та-там!

Под этот шум и плеск Удалов затормозил.

Громкое пение Собачко удалялось к непроходимому центру болота. Салисов пытался подтягивать, но голос его срывался на хриплый визг. Удалова тянуло за язык крикнуть кладоискателям, что им не повезло, так как они встретили на своем пути современного Ивана Сусанина в лице Корнелия Ивановича. Конечно, приятно кинуть врагам в лицо описание их ужасного будущего, но опасно, что в таком случае они кинутся к Удалову, догонят его и побьют. Не оставалось ничего иного, как незаметно отстать от кладоискателей и тропкой вдоль Комсомольского ручья, порой проваливаясь в грязь, побежать в сторону озера Копенгаген.

Вскоре Удалова догнали возмущенные крики заведенных им в трясины неприятелей, но он взял себя в руки, не поворачивал назад, не давая жалости овладеть собою.

Пробежав с полкилометра, Удалов услышал встречное хлюпанье по грязи и увидел, что сквозь кусты и камыши пробивается к нему Михаил Стендаль в сопровождении молодой девушки в скромном синем сарафане и платочке.

– Ну и что? – крикнул запыхавшийся Стендаль.

– Поляки заплутались в глубоких снегах, – с облегчением ответил Удалов, который устал от своего приключения. – Можете брать их голыми руками, товарищ Минин-Пожарский.

– А если без шуток? – спросила молодая девушка. Она была привлекательна собой, хоть и бледна в прозелень, глаза у нее были завлекательного болотного цвета, губы полные и светло-розовые.

– Где они?

В ответ издалека донесся крик о помощи.

– Ясно, – отсекла девушка возможные пояснения. – Пока они выбираются из Куриной лужи, ими займется дедушка Водограй, я уже попросила.

– Вот и ладушки, – заметил Удалов. – Надеюсь, он их не утопит?

– Гарантирую, что к темноте они снова будут на шоссе, – сказала девушка.

– Какая ты у меня умница! – восторженно произнес Стендаль, глядя на девушку нежным взглядом.

– А как на озере? – спросил Удалов. – Меры приняты?

– Тетя все сделает, – ответила девушка. – Наша задача – не пропустить их на Копенгаген с этой стороны.

– Я бы к вам зашел погреться, – сказал Удалов.

– Правильно, – сказал Стендаль. – Не дай бог, простудишься.

Они поспешили к озеру, полагая, что им удалось отвлечь кладоискателей от цели. Они весело разговаривали и даже смеялись, представляя, как их противники возьмется в жидкой грязи, марая импортные кожаные куртки.

Но на самом деле никаких оснований для радости у них не было – никогда нельзя недооценивать противника.

Читатели историй о Великом Гусяре привыкли к их оптимизму, к тому, что пришельцы, как правило, оказываются доброжелательными или по крайней мере миролюбивыми созданиями, изобретения идут на благо человечеству, негодяи раскаиваются и перевоспитываются или послушно уходят со сцены.

К сожалению, в реальной жизни такое случается все реже и реже.

В том числе и в Великом Гусяре.

История, которую я рассказываю, начавшаяся на тревожной ноте, закончится, предупреждаю, на ноте грустной. Так что не желающие встречаться с горькой правдой жизни прекратите, пожалуйста, чтение. Возьмите в руки «Тома Сойера» или «Дэвида Копперфилда».

Молодая женщина, которую Стендаль называл Машенькой, а Удалов – Марией, вывела друзей не к самому озеру, а, миновав его, к непроходимой чаще леса, где в зеленых ветвях открылся туннель, приведший их к заросшим листвой и опутанным корнями развалинам погибшего еще в революцию имения помещика Гуля.

Раздвинув ветви малины, Мария толкнула деревянную дверцу, и та послушно, хоть и со скрипом, отворилась. В низком, кое-как

освещенном помещении – некогда винном погребу имения Гуля – стоял большой бак, наполовину налитый водой.

Пришедшие первым делом кинулись к этому баку и заглянули внутрь.

Михаил Стендаль шевелил губами и загибал пальцы, Удалов улыбался. Послышались шаги. В погребу появилась женщина средних лет, похожая на Марию. Она несла ведро.

– Вроде все, – сказала она Марии, а потом поздоровалась с Удаловым и вылила ведро в бак.

– Поосторожнее, тетя Поля, – сказала Мария.

Она подошла поближе к баку и склонилась над ним, помешивая в нем пальцем. Удалов последовал ее примеру.

– Агу! – произнес он. – Агусеньки!

В баке плавали друг за дружкой, взволнованные необычной обстановкой, шустрые головастики крупного размера.

– Осторожнее, – предупредила молодая женщина. – Для них это большая душевная травма.

– Это так, – согласился вошедший в погреб известный в Европе ветеринар-ихтиолог, член Ганноверской академии болезней рыб и лягушек Иван Шлотфельдт. – Я тут привез витамины для малышей.

Пока женщины вместе с ихтиологом занимались подготовкой к уколам, Стендаль метался по погребу, заламывая руки и взывая к небу.

– Что делать? – кричал он. – Куда эвакуироваться?

Женщина, которую называли тетей Полей, заметила:

– Не иначе как у них есть осведомитель в нашей среде.

– Наверняка, и не один! – воскликнул Удалов. Он разулся и сушил сапоги над железной печкой-«буржуйкой», стоявшей рядом с баком. – Я никогда не доверял женским коллективам. В них всегда найдутся сладострастные или корыстные особы.

– Ну ты, Корнелий, поосторожнее, – оборвала его тетя Поля. – Дурные люди и в Гусяре водятся.

Корнелий не ответил. Он глядел, как ветеринар Иван Андреевич вытащил из воды головастика. Тот был размером с пол-литровую бутылку, снабжен зеленым хвостиком, и в облике его была одна необычная черта – совершенно человеческие ручки и девичья, хоть еще и не до конца оформившаяся головка с короткими черными

волосами. То есть, судя по всему, ветеринар держал в руке маленькую русалочку, которая еще жила под водой и не сбросила хвоста.

– Боже мой, осторожнее, Иван Андреевич! – воскликнул Стендаль.

– Ох уж эти мне молодые папаши! – в сердцах ответил ихтиолог. – Вы, наверное, не представляете, сколько русалочек я перехватал в жизни.

– Наверное, чаще взрослых, – сказал уже частично обсохший Удалов, за что был награжден негодующим взглядом Маши, которая тоже подошла к ветеринару и любовалась маленьким земноводным созданием.

Удалов заглянул в бак. Там кружилось десятка три русалочек. Посторонний взгляд наверняка спутал бы их с крупными головастиками, что, впрочем, и помогает русалкам выжить в наших отдаленных речках и озерах, иначе браконьеры давно бы их истребили.

Иван Андреевич делал русалочкам витаминные уколы, а Удалов дивился тому, как они похожи. Впрочем, что в этом удивительного, ведь они все вылупились из икринок, снесенных чудесной девушкой Машей.

За десять месяцев до описываемых событий редактор газеты «Гуслярское знамя» Малюжкин вызвал с утра Михаила Стендаля в свой кабинет, обшитый фанерными панелями под дуб.

– Тираж падает, – сказал Малюжкин. – Накладные расходы растут. Мы на краю краха.

Малюжкин являл собой внушительное зрелище – большую, благородных линий голову украшала буйная седая шевелюра, взгляд был пронзительный, орлиный. Однако редактор не любил вставать из-за стола – приходил в газету раньше всех, садился за стол и сидел до тех пор, пока все не разойдутся. Малюжкин стеснялся своего малого роста и коротких ног.

Стендаль покорно стоял, как царевич Алексей перед своим грозным отцом Петром Великим на картине художника Ге, и не понимал, куда клонит шеф.

– Вот наши коллеги в «Потемской правде», – продолжал редактор, подвигая по столу газетный лист в сторону Стендаля, – идут на постыдные меры для привлечения подписчиков. Видишь –

утверждают, что их газета заряжена взглядом великого колдуна Эпикурея и излечивает от геморроя.

– Вы же знаете, – вздохнул Стендаль, понимая, что разговор перешел в привычное и даже надоевшее русло, – что этого Эпикурея два месяца назад выпустили из нашей тюрьмы за злостное уклонение от алиментов и воровство в детском саду.

– К сожалению, верующих этим не убедишь. Они что нам ответят? Они ответят, что их родного Эпикурея оболгали завистники. А ты сам читал эту газету?

– У меня нет геморроя, – сухо ответил Стендаль, поправляя указательным пальцем очки на переносице.

– Я и говорю – шарлатаны! Куда деваться? Белый маг Тапочкин по имени Азерналий Третий предлагает нам рекламу. Шестнадцать тысяч рублей. А нам деньги нужны...

Малюжкин принялся задумчиво катать по столу карандаш, а Стендаль наблюдал за ним и ждал, когда беседа кончится.

– Надо что-то делать, – сказал наконец Малюжкин. – Если мы не привлечем читателей чем-то необыкновенным, можно закрывать газету. Ты согласен?

– Так вы будете объявление Тапочкина печатать?

– А почему нет? – вскинулся Малюжкин. – Разве мы живем не в свободной стране? Одни рекламируют сигареты и вино – бич человечества, а мы – народную медицину.

– Мне можно идти? – спросил Стендаль.

– Какие мы гордые и принципиальные! погоди. Мы тоже принципиальные. И я обещаю тебе, что не Тапочкина, не Эпикурея в «Гусллярское знамя» не допущу, если ты сделаешь мне такой материал, чтобы газету из рук рвали. Чтобы с мистикой и загадкой.

– Где я его возьму?

– А вот это твое профессиональное мастерство.

Стендаль хотел было уйти, решив, что дело ограничилось пожеланиями и теперь, очистив совесть, Малюжкин откроет страницы всем колдунам и экстрасенсам области, но редактор, оказывается, еще не закончил.

– погоди, – сказал он. – Есть идея. Мне тут как-то Савич рассказывал, что в озере Копенгаген русалки водятся или заплывают туда. Ну, бред в общем, а все-таки и тайна, и народная мудрость.

– Я слышал, – сказал Стендаль, – там налимы крупные, вот их и принимают за русалок.

– И все-таки я бы на твоём месте не отмахивался. Поезжай туда, поищи русалок. Найдешь – твоё счастье, не найдешь – сделаешь материал о том, что найдешь их завтра. Лады?

И Малюжкин счастливо расхохотался.

* * *

Днем в столовой № 2 Стендаль встретил Корнелия Удалова. И так, между делом, со смехом рассказал ему о задании редактора.

Но Удалов смеяться не стал. Ведь Стендаль был здесь приезжим, он после Ленинградского университета получил сюда распределение, вот и остался в Гусяре, живет много лет. Совсем свой, да не местный. А Удалов местный. Его дедушка на озеро Копенгаген ходил, когда оно еще Темным озером называлось, у дедушки были до революции отношения с одной русалкой, а чем они кончились – семейная тайна. Ничего хорошего, говорят, не вышло. А Панкрат Сивов, купец второй гильдии, и вообще сгинул в озере. Говорили, но шепотом, что и сам Гуль имел с русалками соглашение, но какое – никто не запомнил.

Так что в отличие от Стендаля Удалов в русалок на озере верил. Но посоветовать Стендалю отправиться на озеро с целью выследить водяных жительниц он не имел морального права. Это было рискованное дело и могло плохо кончиться для Стендаля.

Но чем больше Удалов отговаривал Михаила Артуровича от похода, тем сильнее тот стремился на озеро. И вот, сказав дома, что уезжает в командировку в Потьму, в теплый июльский вечер он выбрался на Копенгаген, взяв с собой лишь записную книжку и бутерброды.

Полагая, что русалки вряд ли выходят на истоптанный, близкий к шоссе берег озера, он за час обогнул водоем и оказался в местах нехоженых, топких, комариных и явно русалочьих.

Отбиваясь от комаров, он затаился за кустом. Совсем стемнело, вышла луна. Прошло полчаса, и Стендаль уже готов был бежать из леса, пока всю его кровь не выпили комары, как услышал мелодичный девичий голос:

– Простите, что вы здесь делаете?

Обернувшись, Стендаль увидел невысокую худенькую стройную девушку с длинными прямыми волосами, которые представляли единственный предмет ее одежды. Даже при слабом свете луны было видно, что ее ноги от бедер до щиколоток покрыты мелкой чешуей. Это была русалка.

В первый момент Стендаль смутился из-за наготы девушки, но ее доверчивые глаза, ее робкая и чистая улыбка развеяли его смущение. И уже через десять минут они разговаривали, не обращая внимания на комаров, так, словно были давно знакомы.

Русалку, которая влюбилась в Стендаля с первого взгляда, звали Машей. В отличие от большинства своих сверстниц, она была от природы умна, умела читать и писать, знала географию. Всем этим она была обязана своей тете Поле – дочери одного волжского водолаза.

И нет ничего удивительного в том, что уже к полуночи Маша и Михаил, несмотря на двукратную разницу в возрасте, обнялись и принялись целоваться. Ведь издавна известно, что, несмотря на примесь рыбьей крови, русалки – существа страстные и их соблазну поддавались многие железные люди. Романы с русалками были у Александра Македонского, Вольтера и командарма Фрунзе.

Когда другие русалки узнали о том, что Маша стала возлюбленной земного корреспондента, они тут же стали завлекать Стендаля в хоровод в надежде заманить его в озеро и утопить, как и положено поступать с мужчинами, уже выполнившими свой генетический долг перед русалочьим племенем. Но за Стендаля вступилась тетя Поля – представительница новых тенденций в этом обществе. Да и Маша так полюбила Мишу, что готова была сама утонуть, только не погубить возлюбленного.

Маша старалась быть достойной своего избранника, она читала книжки, которые Миша приносил ей, слушала радиоприемник, а когда вылезала из воды, то обязательно надевала сарафанчик, который ей купил Стендаль. В будущем она намеревалась поступить в речной техникум, хотя побаивалась, что над ней будут смеяться из-за ее чешуйчатых ног.

А потом старые русалки по известным лишь им признакам догадались, что Маша уже с икрой.

Значит, скоро вылупятся на свет девчухи, мальки, русалочки. К сожалению, а может, к счастью, русалки устроены так, что мальчики из икринок не вылупляются, только девочки, будущие русалочки. Так распорядилась мудрая природа. Распорядись она иначе, весь фольклор полетел бы к чертовой бабушке – что бы вы стали делать с мускулистыми рысаками, которые бы утаскивали в камыши проходящих доярок или туристок?

Издавна известно, что, полюбив мужчину и понеся от него, русалка мечет икру– крупные, с лесной орех, икринки, которые попадают в стоячую воду. Из икринок, избежавших зубов щуки или жвал жука-плавунца, выводятся десять, двадцать, тридцать головастиков-русалочек, идеально одинаковых, как две капли воды похожих на маму, а изредка на папу. Дочки Стендаля были похожи на него – те же серые близорукие выпуклые глаза, тот же короткий прямой нос и полные, хорошо очерченные губы. Если для мужчины облик Стендаля был излишне мягок, то в женском варианте это лицо было очаровательным.

Когда множество одинаковых русалочек вывелось в озере, сладостная весть об этом событии разнеслась по всем лесам, речкам и озерам, где еще сохранились русалки.

Русалочек берегли всем миром – не только водяные жители, но и друзья Михаила Стендаля. Некоторые старые русалки готовы были держать детей в аквариуме, но выписанный специально из Ганновера Иван Андреевич Шлотфельдт приказал аквариум разбить, потому что детям нужно движение воды и ее естественное перемешивание.

Несмотря на все меры и круглосуточное дежурство, всех детей вывести не удалось. Десяток икринок погибло, еще двадцать пропало без вести, но двадцать шесть вылупились, подросли и шустро плавали по озеру.

Нельзя сказать, что Стендалю легко жилось. Он все время разрывался. Разрывался между любовью к Маше и невозможностью построить с ней настоящую дружную семью, разрывался между любовью к дочкам и невозможностью играть с ними на лужайке или кормить их кефиром из соски. Да и как это сделаешь, если, только вылупившись из икринок, его доченьки кинулись на охоту за жуками, лягушками и прочей озерной мелочью.

Тяжело было Стендалю и на службе. Ну не мог он стать источником нездоровой сенсации. Представляете заголовок статьи: «Молодой журналист ждет, когда его двадцать шестая дочь вылупится из икринки», «Нам с милой уютно под водой!», «Где твой хвост, невеста?» Эти заголовки снились Стендалю, и он вскакивал в поту с криком: «Мама, что они со мной сделали!» Его мама Раиса Федоровна, которая не знала точно, что происходит с сыном, но понимала, что происходит неладное, утешала Мишу как могла, приносила холодный чай с мятой и поила на сон грядущий отваром из столетника.

Лишь близкие друзья – Удалов, Минц и Грубин – знали о тайне Стендаля и даже надеялись, что все образуется. И хоть формально Стендаль оставался холостяком, а русалка Маша, как и все русалки, пребывала в девках, для друзей они составляли молодую семью, о которой следовало заботиться.

Кто, кроме профессора Минца, мог бы вызвать из Ганновера тамошнюю ихтиологическую знаменитость, выходца из рода Шереметевых, ветеринара Шлотфельдта? Кто, кроме Саши Грубина, смог бы изобрести автоматическую кормушку для девочек, которая выдавала им строго отмеренные порции пищи и витаминов, разработанных профессором Минцем? А кто застолбил весь южный низменный, болотистый берег озера надписями «Купание и ловля рыбы запрещены!», «Внимание! Повышенное содержание технеция и калифорния!», «Вход и распитие воспрещены по причине энцефалитного клеща!»? Разумеется, это сделал трудолюбивый Удалов и этим отпугнул от озера рыболовов.

Теперь, когда читатель полностью в курсе необычных событий, имевших место на берегу и в глубинах озера Копенгаген, он поймет, почему Михаил Стендаль так испугался «Мерседеса», нагло затормозившего возле редакции газеты «Гуслиарское знамя», и почему он срочно повел кладоискателей к Удалову – старшему находчивому другу.

Ни Стендаль, ни Удалов ни на секунду не поверили в историю с подводным кладом. Нечего здесь было делать Ивану Сусанину и ведомым им полякам – в эти места в семнадцатом веке даже бурые медведи не осмеливались совать носы.

Было очевидно, что Собачко и Салисов откуда-то пронюхали о местных русалках и возжелали на них заработать, а может быть, запланировали нечто еще более страшное.

О погребке в руинах замка помещика Гуля знали единицы, даже среди русалок, но, как сказал по-немецки Иван Андреевич, молодую поросль следовало бы эвакуировать в более надежное место. А такого в лесу не было.

– Отвезем их ко мне домой, – молил Стендаль. – Моя мама так хотела, чтобы у меня были дети.

– Только не двадцать шесть, – отрезал Удалов. – Как она их будет отличать?

Стендаль только махнул рукой – он и сам понимал, что его предложение относится к разряду платонических. Исход встречи с внучками для нервной мамы мог быть только трагическим.

Снаружи доносился некий неясный шум, встревоживший Удалова. Он решил, что должен немедленно выбраться наверх и посмотреть, что там творится, и, если опасность реальна, попытаться еще раз изобразить Сусанина и отвести ее в сторону. Стендаль вызвался сопровождать его, так же как и тетя-русалка. Маша осталась с ихтиологом стеречь бак, который они принялись забрасывать сухими ветвями.

Как и следовало ожидать, шум производили выбравшиеся из болота Собачко и Салисов, грязные, мокрые, злые, но в то же время торжествующие.

– Черт побери, какая трагическая ошибка! – вырвалось у Стендаля.

Проследив за его взглядом, Удалов понял, что произошло.

Оказывается, кладоискателей сопровождал, медленно вплывая в озеро из ручья, сам пан Водограй – личность отвратительная, вредная, но почти никому лично не известная.

Еще со времен помещика Гуля он каким-то образом перебрался в эти края из Волги, где его не терпели, и обосновался в болоте, страшно завидуя русалкам, плескавшимся в чистых озерных водах. Почему-то эта хитрая злобная бестия полагала себя поляком и требовала, чтобы его именовали паном, на что не имела никаких прав. Но, кстати, водяной не имел прав и на то, чтобы носить пришитые к

голому голубому телу генеральские эполеты французского Иностранного легиона и лампасы от генеральских брюк.

Водограй, которого на Копенгагене все звали просто водяным, неоднократно пытался сблизиться с кем-нибудь из русалок для продолжения рода, но даже самые некрасивые и одинокие из них этого себе не позволяли.

Так он и вековал в болоте, нападал на лягушек, порой ловил и пожирал нутрию или кролика, если тот лез выкупаться в самую жару. Рассказывали, что он утопил двух маленьких девочек, которые пошли за грибами и пропали без вести. Но это было еще до войны, и факт этот теперь трудно проверить.

Хоть его не любили, но давно уже привыкли к нему, звали то дядей, то дедушкой, пользуясь его глупостью, устраивали розыгрыши, а то со скуки водили вокруг него хороводы.

Внешность пана Водограя оставляла желать лучшего не только с человеческой, но и с рыбьей точки зрения. Водограй являл собой желеобразный студенистый шар, к которому снизу были прикреплены короткие лапы с перепонками, с боков были приделаны руки тоже с перепонками между пальцев, а венчала это сооружение круглая нашлапка с белыми глазами, которую условно называли головой.

Водограй порой выбирался на берег, ворошил добро, брошенное на берегу туристами выходного дня, и если находил там газету, то прочитывал ее от корки до корки. Так что он знал о переменах в стране, о падении Варшавского Договора, отделении Прибалтийских республик и даже Украины. Когда же он узнал о желании Польши вступить в НАТО, он назло ей объявил о своем вступлении в Коммунистическую партию СССР, потому что лишь она одна могла вернуть империю, без которой Водограю жить далее не хотелось.

Будучи водяным немолодым, Водограй знал грамоту и держал на болоте под пнем много бумаги и карандашей из трофеев, собранных за столетия, – то подберет нужную вещь на берегу, то снимет с утопленника, то сам кого утопит за авторучку или хороший блокнот. Высушит потом на солнышке – и в дело.

Никто не знал в лесу, что Водограй – графоман-кляузник. За свою жизнь он написал тысячи анонимных писем на всевозможные злобные темы. Но обратного адреса он никогда не указывал, поэтому никто не мог принять мер против птиц, которые слишком громко

поют, против комаров, которые слишком тонко пищат, против людей, которые топчут траву, против лесника, который срубил ель, против русалки Поли, которая грубо разговаривала с Водограем.

Так и прошла бы жизнь, но, ощутив свежий ветер перемен, водяной понял, что пора выходить в люди.

Поэтому он написал письмо в Москву, в акционерное общество «Секстрансинвест», которое рекламировало казино с эротическими услугами. В письме коряво, неубедительно водяной сообщил, что на озере Темном под городом Великий Гусляр скрывается целая банда русалок, которые могут оказывать эротические услуги кому угодно, а он, пан Водограй, за эту информацию требует себе пост директора. И приписал обратный адрес. Только вместо слова «Копенгаген» по старческому убеждению обозвал озеро Темным, как было в дни его молодости.

Долго не было ответа из Москвы. И вдруг сегодня к нему прибежала эта шлюха Машка и велела идти на болото и придержать там двух бандитов, которые хотят пробраться на озеро.

Тут-то Водограй и понял, что пробил его звездный час.

И он был прав.

Приехали по его письму.

Поэтому вместо того, чтобы придерживать незваных гостей, водяной торжественно привел их на озеро.

Еще не увидав Удалова, который пригнулся за кустом, Водограй визгливым голосом закричал, распугав уток и встревожив далеких, кажущихся муравьями рыболовов, которые коротали время на том близком к шоссе и удобном для рыбалки берегу озера.

– Уголовное дело! – вопил он. – Попытка убийства отечественных бизнесменов! Страшное преступление! Где милиция?

Из озера неподалеку от берега, таясь в густых камышах, выглядывали русалки. Не все знали, что происходит, ведь некоторые из русалок глупы, как рыбы, но любопытны, как кошки.

– Сиди, – прошептал Удалову Стендаль и не спеша вышел на открытое место. – С прибытием, – сказал он. – Что случилось?

– Это он, – прошипел злобный, мелкий, бородатый и промокший Салисов. – Это он нас к Удалову привел, это он организовал наше потопление.

– Кстати, – спросил Стендаль, снимая и протирая очки, – а где же Корнелий Иванович? Вы его не кинули в лесу?

Стендаль нервничал и переигрывал. Врать он не умел, врал обычно только маме и главному редактору Малюжкину. Но друзья Водограя не ожидали такой наглости от Стендаля и даже опешили.

– Вы что, не видели его? – спросил дискантом толстый Собачко. С него свисали водоросли.

– И где мы будем искать сокровище Вологодского кремля? – спросил Стендаль.

– Чего? – удивился Водограй, существо подозрительное и жадное.

– Наши друзья приехали сюда за кладом, который спрятали поляки в начале семнадцатого века.

Водограй всем телом медленно развернулся к кладоискателям.

– Какой такой клад? – спросил он визгливо, но тем не менее грозно.

– Ах, это тактический прием! – отмахнулся Собачко. – Не обращайтесь внимания.

– Какой клад, я спрашиваю!

Старый бездельник был подозрителен и всю жизнь мечтал отыскать клад. Любая русалка, любой карась в окрестных лесах знали, что Водограй перерыл всю тину в окрестных болотах, надеясь сказочно разбогатеть. Отыскал старую шину, остов зонта, танк времен Гражданской войны, случайно потерянный англичанами, неоткрытую банку сгущенки и, говорят, скелет утопившейся жены помещика Гуля. С зонтиком Водограй почти не расставался, шутил, что ждет дождя. А если дождь начинался, то водяной нырял в воду, а зонтик оставлял снаружи.

– Да погоди ты! – возмутился Собачко. – Не буду же я этому Стендалю рассказывать, что мы озеро в аренду взяли. Что мы тут клуб интересных встреч устраиваем. Так бы он нас сюда и привел!

– Спросили бы кого-нибудь другого!

– Спрашивали. Никто не знает, что за озеро – Темное. Сказал бы ты с самого начала, что это и есть озеро Копенгаген, мы бы давно здесь оказались.

– Забыл я, забыл, чего уж там! – рассердился Водограй. – Старый стал, вот и забыл.

– Какой еще клуб интересных встреч? – не выдержал и вмешался Стендаль. – Кто с кем будет встречаться?

Не удостоив его ответом, Собачко достал из кармана переносную рацию, вытер ее о рубаху и начал бормотать. Это тем более встревожило Удалова. Они, конечно же, имели дело с мафиозной организацией. Но что значат слова о клубе?

Салисов уже малость обсох и обнаглел.

Он стал прохаживаться по берегу и громко вещать в расчете на обитателей озера:

– Живут некоторые в тишине, бедности и полном отрыве от цивилизации. Нигде не бывают. А вокруг творятся удивительные вещи. Американцы ходят по Луне, машины играют в шахматы, а в разных странах уже укрепилась свободная любовь.

При последних словах в камышах произошло оживление, так как некоторые русалки уже слышали о свободной любви, но не умели отличить ее от несвободной.

Под влиянием слухов многие русалки решили, что им все дозволено. Были совершены даже две попытки эмиграции – нет, не на соседнее озеро и даже не в реку, а в город Гуслияр. А совсем уж тупую русалку Прасковью Филипповну Удалов с тетей Полей выловили у самой станции – она подалась в Америку.

Будто там своих русалок нет! А как такой дуре объяснишь, что без регулярного купания в настоящей лесной воде русалки умирают, как птицы в стратосфере?

Слова Салисова падали на благодатную почву. До появления здесь Салисова с Собачко русалки действовали по собственной неумной инициативе. Теперь же появились вожди. И возможности для бунта.

– Ты говори, говори, любезный! – закричала из камышей перезревшая в девках русалка Римма. Она всюду распространяла сплетни, будто живет с лешим, но так как каждому разумному человеку известно, что леших на свете не бывает, то ясное дело – Римма томилась в девках.

– Мы пришли дать вам свободу! – закричал Салисов басом. – Теперь каждая русалка получит столько мужчин, сколько пожелает, и, самое интересное, – любого цвета.

– Это еще что значит – любого цвета? – удивился Стендаль.

– А у нас уже создано, молодой человек, – заявил Собачко, – акционерное общество по эксплуатации вашего озера. Теперь, когда мы с вашей помощью обнаружили его и нанесли на карту, сообщили его координаты в область, проходит приватизация озера его трудовым коллективом.

– Каким еще трудовым коллективом?

– Вы задаете слишком много вопросов, молодой человек, – оборвал Стендаля Салисов. – Трудовой коллектив – это наши отечественные русалки, гордость советских лесов и рек.

Из камышей выплывали глупые хорошенькие русалочки физиономии.

Блестящий мир приключений и чувственных наслаждений сверкал ожиданием в их зеленых глазах.

– Да вылезайте, вылезайте! – торопил их Салисов, который не был до конца уверен в своей правоте. – Покажитесь вашим сопредседателям!

– Девочки! – закричала тетя Поля. – Остановитесь!

Честь русалке дается единожды. Лишь раз в жизни можно метать икру. И надо выметать ее так, чтобы не было мучительно больно за пустые хлопоты! Но ее мало кто слушал.

Из камышей, из прибрежного тростника, а то и прямо из глубины поднимались все новые стройные девичьи фигуры. И вот уже первая из них – известная нам Римма – вышла из воды и замерла по щиколотку в озере, совершенно обнаженная, если не считать занавески длинных волос, прикрывавших правую грудь. Но ее живот и бедра, плавно и изящно покрытые мелкой зеленой чешуей, были открыты и представлены для всеобщего обозрения.

Удалов со Стендалем эту чешую не раз видали, к ней привыкли, находя в том свою прелесть. Но Салисов с Собачко были поражены. Пожалуй, им легче было бы увидеть не обычные девичьи ноги зеленого цвета, а настоящие рыбы хвосты, как изображалось на средневековых картинках.

– Вот это да! – закричал Собачко, восторженно принявший такое зрелище.

– Закройся! – закричал громче и басовитее Салисов.

Однако русалкам нечего было закрываться в собственном доме, да и не привыкли они это делать. Единственная приемлемая одежда

для диких русалок – речные водоросли да ночной туман.

Шорох камышей, куда отступили испуганные окриком русалки, был не слышен из-за шума вертолета, который снизился над озером, пустив по нему концентрические волны. Вертолет сместился к берегу и замер у самой земли. Из него выскочил кавалерийского вида человек в милицейской фуражке и розовом аргентинском плаще. Он держал в руках стопку бумаг.

– Это документы! – кричал он, стараясь перекрыть шум вертолета. – До-ку-мен-ты!

Приказывая жестами вертолету убираться, Салисов развернул бумаги и принялся проглядывать их.

Вертолет покрутился над озером, отлетел в сторону и завис над соснами.

– Тут мне прислали план местности, утвержденный райисполкомом, – объявил Салисов. – Можете полюбоваться, Стендаль.

Стендаль подошел к Салисову, они стали смотреть на чертеж, а водяной, которому было тоскливо и которого мучили подозрения, как бы его не обманули сообщники, постарался вползти на берег, но тело его было таким мягким и скользким, что пришлось оставаться наполовину в воде.

– Видите, что здесь обозначено? – спросил Салисов, указав пальцем на квадрат неподалеку от озера. – Читайте...

– Развалины усадьбы помещика Гулькина, – прочел Стендаль.

– Показывайте, где развалины.

– А зачем они вам?

– А затем, что там будет построен нами дом отдыха и развлечений для трудящихся из-за рубежа. Именно в этом культурном заведении девушки-русалки получают заодно и среднее образование, они будут плодотворно трудиться и хорошо отдыхать.

– Как трудиться? – Нехорошее предчувствие охватило Стендаля.

– Они будут оказывать нашим клиентам сексуальные услуги, – улыбнулся Собачко. – За валюту.

Тут кусты у берега раздвинулись и оттуда вылетел кипящий справедливым гневом Удалов.

– Какие еще сексуальные услуги! – кричал он. – Это же невинные дети лесов и морей! Я в милицию заявлю, я до Москвы дойду!

– А вот и явление третье, – сказал Собачко. – Мелкий преступник Корнелий Удалов, взявшийся за восемьдесят долларов отвести нас на ваше озеро, дорогие русалки. Деньги он взял, прикарманил, а нас завел в болото. Как это называется?

Русалки отозвались из камышей отдельными негромкими возгласами ужаса и отвращения, а Удалов принялся выворачивать карманы и кричать:

– Да я доллара в жизни не видал! Нужны мне ваши доллары!

Салисов провел пальцем воображаемую линию и последовал по ней – воображаемая линия вела к спрятанным в лесу руинам замка Гуля.

Стендаль попытался преградить ему дорогу, но человек в милицейской фуражке ловко отбросил несчастного молодого отца приемом карате. Такая же судьба постигла и Удалова.

Вертолет спустился пониже, как бы страхуя своих хозяев. Русалки вышли из озера и любопытствующей и даже сочувственно настроенной к соблазнителям толпой робко последовали за Собачко. Собачко отстал немного, приблизился к Римме и легонько провел ладонью по ее бедру. Ощущение чешуи ему не понравилось, и он сказал:

– Во, блин, экзотика!

Римма громко рассмеялась. Маленькие изящные жабры, похожие на вторые ушки, затрепетали.

– Ах ты, мой налим! – проговорила она.

Тетя Поля, которая присоединилась к процессии, выругалась сквозь зубы. Среди русалок бытовало убеждение, что у Риммы завязался неприличный роман с налимом двухметрового размера. Это не было сплетней, хоть любовники и уединялись в камышах, ведь в озере Копенгаген все стены прозрачные. Но одно дело, когда о связи русалки с налимом говорят свои, озерные, другое – когда такая весть вырывается наружу. К счастью, налим погиб в прошлом году, когда на озере проходили соревнования по ловле рыбы на банан. Налим пожадничал и погиб.

С шумом и треском прорвавшись на прогалину перед руинами, Салисов остановился, не скрывая торжества.

– Вот тут, – сказал он, – мы воздвигнем дворец-казино под названием Салисания! Сюда будут прилетать денежные мешки.

– Мешки? – удивилась одна из молодых русалок, что следовали за Салисовым. – Зачем нам мешки? Мы хотим любви.

– Помолчите, вы мешаете мне думать! – оборвал ее Салисов. – Ну, где же техника и живая сила? Почему не завозят кирпич?

– Вы когда же строить будете? – упавшим голосом спросил Удалов.

Чувство неминуемого поражения охватило его. Он понимал, что с появлением казино не только погибнет озеро, не только будут совращены и пойдут по рукам невинные русалки, но рухнет и весь мир Великого Гусяра. Неумолимые законы рыночной экономики в их самом худшем выражении взяли родной Удалову город в свои безжалостные тиски.

– Строить будем немедленно. Вот постановление городской администрации, вот документы на акционирование, приватизацию и ваучеризацию.

Документы выглядели совершенно настоящими. Загадочно было, когда дельцы успели получить их, если еще час назад и не подозревали, как добраться до озера с русалками?

Но надежды на подлог и последующее разоблачение были тут же развеяны. Из окошка низко спустившегося вертолета высунулся недавно пробившийся в председатели комиссии по приватизации Пупыкин. Он грозил сверху Удалову и пронзительным голосом, перекрывая шум винтов, кричал:

– Все законно! Все законно! Я проверял! Не смей препятствовать!

– Ты лучше технику сюда гони! – крикнул Собачко. – Давай!

Спешил Собачко, волновался. Не был уверен в себе. Но и Удалов не мог придумать, как бы противостоять этой агрессии. Он был как отсталая Абиссиния в войне с Италией в тридцатых годах нашего века, когда против стрел и копий защитников свободы выступали итальянские танки и тяжелые мортиры.

Салисов подошел к заросшему лазу, ведущему в развалины, и спросил:

– А там что?

– А там ничего! – слишком громко откликнулся Стендаль и этим выдал себя.

– А мы посмотрим, – сказал Салисов, подзывая жестом человека в милицейской фуражке и вторым жестом кидая его внутрь развалин.

Стендаль кинулся перекрывать дорогу к убежищу, где скрывались его дочери, но новое развитие событий остановило его.

Из черного лаза, согнувшись втрое, но не потеряв при этом гордого достоинства потомка одновременно германской и русской аристократии, вышел, сверкая моноклем в левом глазу, граф Шереметев по матери, а по отцу великий ихтиолог Нижней Саксонии Иван Андреевич Шлотфельдт.

– Прошу остановиться, – сказал ихтиолог, и все послушно остановились. Стендаль, Удалов и русалки остановились потому, что были знакомы с Иваном Андреевичем, приехавшим в Гусяр, чтобы оказывать гуманную помощь русалкам, а Салисов и его сообщники потому, что почувствовали в голосе, акценте и движениях Ивана Андреевича настоящего европейского джентльмена. Перед такими наши мошенники почему-то до сих пор тушуются. – Видите? – спросил Иван Андреевич, поднимая над головой объемистую книгу, которую Удалов поначалу принял за Библию и решил, что Шлотфельдт хочет обратиться к богу как к последнему защитнику русалок.

Никто не ответил. Все понимали, что ихтиолог задает риторический вопрос.

Ростом ихтиолог был очень высок, носил бороду и усы, как Николай II, и было в его повадках нечто строевое и даже конногвардейское.

– У меня в руках есть Красная бух! Вы понимаете?

Все, кроме русалок, понимали, что значит – Красная бух. Это означает – Красная книга, куда записывают всех редких и вымирающих животных.

– В этой бух записано следующее: русалка есть легендарное существо, которое уже есть вымереть во всем мире, и если не вымирать, то последний экземпляр охранять в настоящий заповедник, а никакой частный сектор ни-ни! Ферботтен!

– Ну это мы еще посмотрим, – нагло ответил Салисов, который уже пришел в себя от первого шока. – Это, может, в вашей Бенилюксе русалок не осталось, а мы еще с ними побалуемся. Побалуемся, девочки? – обратился он к столпившимся сзади русалкам. Их зеленая

нагота казалась жалкой и превращала их в часть леса. Русалки дрожали, потому что не привыкли стоять на холодном ветру.

– Летят! – закричал человек в милицейской фуражке. – Наши летят!

И впрямь со стороны Вологды строем шли грузовые вертолеты, к которым были привязаны балки и швеллеры, стропила, сетки с кирпичом.

Небо усеяли белые пятнышки парашютов – спускались архитекторы, сметчики, счетчики, бухгалтеры и прочие работники проектных организаций, которые, приземлившись на берегу и не обращая внимания на обнаженных зеленоногих русалок, тут же принялись раскладывать столы, разбивать палатки и платить профсоюзные взносы.

– О, найн! – воскликнул граф Шереметев. – Так далеко не пойдет!

И тут всем пришлось стать свидетелями зрелища, подобного которому никому еще видеть не приходилось. Вверх по речке Скагеррак, со стороны большой реки Гусь, видно проникнув во внутренние воды России посредством Северной Двины или через Мариинскую водную систему, поднимая носом белый бурун, ворвался с песнями и гудками сверкающий белой краской, стройный и решительный корабль международного общества «Гринпис», что для непонятливых русалок можно перевести как «Зеленый мир». Эти отважные люди, невзирая на опасности, побои и даже уничтожение, самоотверженно охраняют животный и растительный мир нашей планеты. Для этих людей Красная книга всегда лежит рядом с Библией. Известно даже, что в штаб-квартире организации «Гринпис» есть древний свиток на еврейском языке, где подробно перечислены все особи, вывезенные Ноем на ковчеге, и как только на земле вымирает очередная пара, спасенная Ноем, но погубленная современным человечеством, по всем местным организациям «Гринпис» объявляется трехдневный траур. А так как на земле каждый день исчезает какой-нибудь вид птиц или насекомых, то патриоты и сотрудники «Гринписа» траура не снимают.

– Спасибо, – тихо произнес Иван Андреевич Шлотфельдт, – вы приплыли даже быстрее, чем я ожидал. Ни одна из русалок еще не обещена, никто не успел умереть, хотя эта судьба всем грозила.

С этими словами тайный резидент «Гринписа» по Российской Федерации сбросил белый халат и твидовый пиджак, и обнаружилось, что он облачен в скромный траурный костюм, который он не снимал с того дня, как в экологически грязной речке погибла последняя говорящая золотая рыбка.

Испуганные появлением корабля, проектанты во главе с Салисовым и Собачко погрузились в вертолеты и умчались в областной центр, чтобы там с помощью интриг, подкупа и угроз добиваться строительства казино и публичного дома с русалками.

– Мы еще вернемся, сионисты проклятые! – кричал с неба Салисов.

Некоторые русалки были разочарованы, потому что ждали любви и приключений. Что поделаешь – примитивные создания! Другие, поумнее, радовались сохранению привычного образа жизни. Хотя всем было понятно, что даже создание заповедника для русалок не спасет их от порочного влияния цивилизации.

К счастью, русалки не были разочарованы и обижены тем, что их не возьмут в публичный дом, так как были потрясены видом корабля и его экипажа – молодых людей в траурных одеждах, словно черных рыцарей возмездия. Русалки призывно улыбались молодым людям и звали их купаться. Тем временем более взрослые и разумные представительницы русалочьего племени проводили краткое совещание с профессором Шлотфельдом. Всем было ясно, что даже создание заповедника для русалок в озере Копенгаген не решает проблемы – слишком уж близко и доступно озеро для подозрительных личностей. Единственный выход заключался в срочной эвакуации племени в дикое, нехоженое место. Рассматривалось несколько вариантов: бразильская сельва, озеро Лох-Несс, склоны горы Килиманджаро, а также заповедные леса к востоку от Архангельска.

Пока кипел горячий спор, Удалов, заметивший отсутствие Стендаля, решил заглянуть в погреб помещика Гуля и узнать, как себя чувствуют Стендаль и двадцать шесть его дочек.

Погреб встретил его пустотой и тревожной тишиной.

– Миша, где ты?

Никакого ответа.

– Маша, отзовись!

Тишина.

Удалов ощупью добрался до темного угла, где только что, скрытый ветками и тряпьем, стоял бак с мальками-близняшками. Но и бака не было – лишь мокрая щебенка под ногами.

Впереди был подземный сумрак. Удалов сделал несколько осторожных шагов, ступая по кирпичам и пыли, отодвинул доску – и в глаза ударил зеленый свет лесной чащи. К свету вели стесанные кривые ступени. На ступенях темнели пятна – пролитая вода. Кто-то волочил здесь бак, понял Удалов. Хорошо бы не враги – Миша этого не переживет.

Мокрые следы вывели Удалова к заросшей нехоженой тропинке, а та, через полсотни метров, к речке Скагеррак, той самой, что вытекает из озера Копенгаген и впадает в реку Гусь.

На берегу сидела и рыдала Маша. Возле нее валялся опрокинутый бак.

На коленях возле Маши стоял Стендаль, нежно и как-то неумело гладил ее темные зеленоватые волосы и тоже плакал.

Удалов подождал с минуту – не хотел прерывать горе друзей. Но потом все же поинтересовался:

– Что за беда стряслась?

– Я хотела... – ответила сквозь слезы молодая русалочка, – я хотела дочек спасти. Они же... эти... работорговцы, они бы их захватили.

– И что же ты сделала? – в ужасе спросил Удалов, уже догадываясь о страшном ответе. – Ты их убила, чтобы не достались врагам?

– Да ты что, Корнелий Иваныч, – испугалась русалочка, даже плакать перестала. – Да разве мать на такое пойдет? Разве можно собственную икру уничтожить?

– Она их в речку выплеснула, – печально ответил Стендаль. – Уплыли мои девочки.

– Но они же могут заблудиться, простудиться, попасть в зубы щуке!

– Не терзайте мою душу, – ответила русалочка. – Я же думала, что лучше смерть на свободе, чем жизнь в зоопарке.

– Этой фразе я ее научил, – горько, но не скрывая гордости за возлюбленную, ответил Стендаль. – У человека должны быть высокие принципы.

Они замолчали и стали смотреть на быструю веселую воду узкой речушки.

– Может, их выловят, – сказал Удалов. – Ты скажи своим подругам, чтобы поискали.

– Нет, туда нельзя! – закричал Стендаль. – Там ее поймают и отдадут в вертеп разврата!

– Дурак, ты не заметил, что наши временно победили. Сейчас обсуждается проблема, куда эвакуировать русалок, чтобы скрыть их от коммерческих структур...

– Неужели... – Тут Стендаль оборвал себя. Он-то знал, что в нашей действительности справедливость если и восторжествует, то лишь на время, а потом за это придется дорого расплачиваться.

– Ну, может, сколько-нибудь поймаете, – сказал Удалов. – Все лучше, чем ничего.

– Правильно! – К Стендалю постепенно возвращалось умение владеть собой. – Ты возьмешь тех дочек, кого удастся отловить! Я останусь здесь, и мы с Удаловым будем каждый день ходить с бреднем. Правильно, Корнелий?

– Только не каждый день, – робко возразил Удалов, но Стендаль его не слышал. Он был готов нестись в город покупать бредень для ловли мальков-русалочек.

– Ой! – прервал его мысли отчаянный крик Маши.

Удалов со Стендалем обратили взоры на середину речки, где из воды высунулась голубая прищепка – студенистая голова пана Водограя. Его белесые глаза смотрели бессмысленно и нагло, в открытой пасти желтели щучьи зубы. В толстой блестящей конечности он держал маленькую русалочку, которую только что поймал, и, не скрывая торжества, подносил ее ко рту, чтобы сожрать.

Маша стрелой кинулась к воде и нырнула, подняв фонтан до неба. А так как речушка была всего метров шесть шириной, то вода в ней покачнулась и оголила сизое пузо водяного. Тот потерял равновесие и промахнулся мимо пасти – русалочка ударилась о его ухо, и в тот же момент русалка Маша, в обычных условиях опасаящаяся водяного, так ударила Водограя, что тот окунулся с головой в воду, вырвала дочку, а когда водяной выскочил, чтобы погнаться за ускользнувшей добычей, подоспевший Стендаль долбанул его по студенистой голове осиновой дрыной так, что голова

его ушла в плечи и на ее месте образовалась круглая впадина, подобная небольшому лунному кратеру.

В таком виде водяной, как заснувшая медуза, медленно и безвольно поплыл по течению. Удалов крикнул с берега:

– Ты его не до смерти?

Маша, которая нежила, гладила, ласкала дочку, ответила за Стендаля:

– А он бессмертный... К сожалению.

Оставив дочку Стендалю, Маша нырнула в речку и поплыла по течению, надеясь догнать и перехватить хоть сколько-нибудь из дочерей, а Удалов отправился обратно к озеру, где уже началась погрузка русалок на белый корабль союза «Гринпис». Некоторые русалочки, поднимаясь на борт, сразу же начинали соблазнять экологов, но капитан строго осаживал пассажиров. Удалов понял, что устал от всей этой колготни. Незамеченный, он пошел по тропинке обратно к городу. Роль Ивана Сусанина оказалась ему не по нутру, и выполнил он ее неудачно.

И настроение было плохое. Ведь история не знает обратных дорог.

Пришельцы не к нам

Старик Ложкин, почетный пенсионер Великого Гусяра, постучал к Корнелию Ивановичу, когда тот доедал компот «Дары Гонолулу», купленный обленившейся Ксенией в магазине «Альмавива», открытом супругами Савичами на площади Землепроходцев. С прошлого года этой площади возвратили историческое наименование Скотский выгон, однако жители Гусяра все еще редко его употребляют. Нелегко проходит реинкарнация исконных ценностей!

– Корнелий, – сказал Ложкин, – опять прилетели.

– Кто прилетел? – спросил Корнелий.

– Пришельцы.

– Какого вида?

– Не знаю.

– Почему? Невидимые?

– Нет, что-то они не опускаются. Уже полчаса как над площадью кружат, а не опускаются.

– А чем я тебе могу помочь? – спросил Корнелий.

– Ты не мне должен помочь, а всему человечеству. Как нам с ними в контакт войти? Может, надо предотвратить конфликт? Может быть, они готовятся нас истребить?

Корнелий тяжело вздохнул, отложил ложку и отмахнулся от экзотического аромата.

– Зря ты иностранными продуктами себя балуешь, – заметил Ложкин. – Когда они кончатся, тосковать будешь.

Корнелий не ответил соседу, а крикнул жене:

– Ксюша, я на минутку, на небо взгляну и обратно.

Выйдя во двор, Корнелий закинул лицо к небу. И в самом деле, над желтеющей кроной липы виднелся край висящего над городом космического корабля.

– Значительный корабль, – сказал Удалов. – Давно таких не видал.

– Может, завоевывать будут, – ответил Ложкин.

– Зови Грубина, – приказал Корнелий. В трудные моменты жизни в этом немолодом полном лысом человеке пробуждался Наполеон,

который всегда готов вызвать огонь на себя.

Ложкин подбежал к приоткрытому окну на первом этаже и принялся звать Александра Грубина – для друзей все еще Сашу. Тот долго не отзывался. Оказалось, у него были в гостях благодетели, те, которых в больших городах, подверженных иностранным влияниям, называют спонсорами. В благодетелях состояли бывший редактор городской газеты Малюжкин и кожушовка Глаша – посол немногочисленного лесного народа кожухов, обитающего в окрестностях Великого Гуслияра. Совместно они создали горнодобывающее предприятие, но не о нем сейчас речь. Главное заключалось в том, что это предприятие «Недра-Гусь» субсидировало будущий кругосветный полет Саша Грубина на воздушном шаре, на котором руками девушек из текстильного техникума было вышито метровыми буквами: «Недра-Гусь! Повезет, за что ни возьмусь!»

– Что случилось? – спросил Саша Грубин, высовывая в окно поседевшую, но еще буйную шевелюру. – Что могло привести сюда моих друзей во время обеденного перерыва?

Все засмеялись веселой шутке Грубина, но тут Удалов оборвал смех, сказав:

– А вот на небо поглядеть – это вам чуждо!

– Что случилось? – С этим вопросом благодетели и Грубин выбежали во двор и тоже увидели космический корабль пришельцев.

– Пришельцы, однако, – сказала скуластая Глаша.

– Если это, конечно, пришельцы, а не замаскированная налоговая инспекция, – ответил осторожный и подозрительный Малюжкин.

– Пришельцы, – уверенно произнес Удалов. – Таких кораблей у налоговой инспекции пока нет.

– Я сам видел, как они опустились! – поддержал Удалова старик Ложкин. – Сначала была звездочка, потом она превратилась в тарелочку.

Беседуя, они отошли на середину двора, чтобы лучше разглядеть корабль.

Он представлял собой диск, очевидно, огромных размеров, что подчеркивалось тремя рядами из сотен круглых иллюминаторов, а также различными надстройками поверх диска.

– Ну что ж, – сказал Удалов, – давай, Саша, выходи на связь на галактической волне.

Галактический передатчик стоял у Саши на письменном столе, и, если возникала необходимость о чем-то поговорить с Космосом, Саша никогда никому не отказывал.

Сам Удалов сопровождал Сашу на переговоры, но остальных попросил подождать во дворе, не создавать толкотни. И никто не посмел возразить Удалову, хотя, конечно, хотелось послушать инопланетян – зачем прилетели, что за намерения у них, будут ли завоевывать или, наоборот, предложат дружить.

В большой комнате Грубина, набитой приборами и книгами, было неопрятно и полутемно, к тому же зрители торчали у окна, засты свет.

Грубин быстро отыскал на экране пульсацию, соответствующую инопланетному гостю, и, когда она сформировалась, вызвал корабль на нужной волне.

– Отзовитесь! – сказал он. – Зачем прилетели?

Корабль не ответил.

– Повторяю! – настаивал Грубин. – Мы, жители свободной планеты Земля, настаиваем на вашем ответе.

– Нужно будет – ответим, – послышался в динамике грубый голос с неизвестным акцентом. – Сначала надо разобраться.

– В чем будете разбираться? – спросил Удалов.

В ответ царило молчание.

Больше ни слова от визитера добиться не удалось.

Отчаявшись наладить контакт, Грубин с Удаловым вышли наружу. Остальные настороженно молчали, не смея нарушать ход мыслей Корнелия Ивановича.

– Придется подниматься, – сообщил он наконец.

– Да, – согласился Грубин. – Придется подниматься.

Глаша заголосила, сообразив, что подниматься придется на рекламном шаре, но Малюжкин ее остановил.

– В интересах человечества, – сказал он. – Придется рискнуть.

– А если собьют? – спросила Глаша.

– Вся Галактика увидит нашу фирму, – ответил Малюжкин. – Большими буквами в языках пламени.

– Окстись! – осерчал Ложкин. – Там же на борту наш человек, а ты – «в языках пламени».

– Значит, обойдется, – сразу же поправился Малюжкин и бессмысленно улыбнулся. Так всегда улыбаются миллионеры, когда их уличают в обмане трудящихся.

Все вместе пошли на поле за церковь Параскевы Пятницы, где в пустом гараже хранился воздушный шар. Корабль пришельцев все так же висел посреди неба, ничего не излучая и не выказывая признаков жизни. У многих жителей города возникало от этого паршивое ощущение, будто ходишь под плохо привязанной связкой арматуры или нависшей скалой, готовой рухнуть от слабого движения воздуха. Но люди в Великом Гусяре ко многому привыкли, они продолжали ходить по улицам, дети бежали в школу, а матери готовились рожать.

Воздушный шар резво разложили на траве, разогнав гуляющих там собачников, затем принесли горелку и принялись надувать. Шар уже не был новостью для гусярцев, и на него обращали внимания не многим больше, чем на летающую тарелку.

В открытую корзину шара забрались Удалов с Грубиным. Хотел забраться и Ложкин, но ему не разрешили из-за пожилого возраста.

Осень была ранняя, теплая, именуемая в наших краях бабьим летом. Даже на высоте было не холодно.

Удалов глядел вниз, на родной город, панорама которого, постепенно расширяясь, разворачивалась под ногами. Улицы с каждой секундой становились уже, дома ниже и теснее друг к дружке, к городу приблизились леса и заречные заросли...

– Нет, ты только погляди! – услышал задумавшийся об относительности жизненных ценностей Удалов удивленный голос Грубина.

Он обернулся на крик и поразился не менее своего спутника.

Оказалось, что они достигли корабля пришельцев куда быстрее, чем рассчитывали. Висел он не под самыми облаками, как казалось наблюдателю с земли, а немного повыше церковной колокольни. И лишь по причине отсутствия в небе предметов, с которыми его можно было сравнить, казался таким гигантом. Правда, он был все равно раза в три побольше, чем воздушный шар фирмы «Недра-Гусь». Но если бы полчаса назад Удалова спросили о размерах корабля, он сказал бы, что тот в несколько раз больше футбольного поля.

Стоя в корзине воздушного шара, Удалов попытался привлечь к себе внимание пришельцев, размахивая руками и подавая сигналы

голосом. Однако ответных сигналов с корабля не поступало, хотя Грубин уверял, что видит в иллюминаторах миниатюрные головки космонавтов, которые глядят на воздушный шар и даже двигаются.

Воздушный шар имеет малые возможности для маневра, и поэтому толком облететь пришельцев не удалось. Поднялись повыше, поглядели сверху на антенны и оборонительные системы корабля в надежде на то, что действия воздушного шара не будут сочтены враждебными, – хоть ракеты и пушки корабля были невелики, убить можно и иголкой.

Покружившись возле таинственного пришельца, воздушный шар пошел вниз. И вскоре без особых приключений опустился на поле, где его поджидали остальные.

– Ну как? Вы живы? – с таким криком кинулась к шару кожушовка Глаша и стала гладить его корзину, видно, уж и не надеялась дождаться свою собственность обратно.

– Что они сказали? – спросил Ложкин.

– Отмалчиваются, – ответил Удалов.

– Плохо дело, – сказал Ложкин. – Надо ПВО вызывать.

– Погоди с ПВО, – ответил Удалов. – Тут неувязка с размерами получается.

И он рассказал, что корабль рассчитан не на людей, а на существ малого размера, судя по приблизительным измерениям, на существ двух– или трехсантиметровых, меньше мышки, ну примерно как небольшие оловянные солдатики.

Эта информация заставила всех задуматься. Разумеется, Космос полон тайн и загадок, но раньше таких лилипутов в окрестностях Земли не встречалось.

– И что же будем делать? – спросил Малюжкин.

– Ждать, – твердо ответил Удалов, в голове которого уже созрел план, подсказанный ему жизненным опытом.

Удалов поделился своим планом только с Грубиным, потому что ему нужен был помощник.

– Саша, – объяснил он ситуацию Грубину, – ведь они не просто так прилетели. Если просто так прилетают, то покружат, поснимают, поглазеют – и домой. А эти уже вторые сутки висят, многим даже надоели. Значит, планируют.

– Ты прав, Корнелий, – согласился Грубин.

– А раз планируют – значит, выйдут на связь.

– Точно.

– И наша с тобой задача – узнать, кто с ними на связи. Мало ли какие опасности могут исходить для нашего с тобой города от такого странного союза...

Сойдясь на этом, друзья взяли бинокль и, разделившись на шестичасовые смены, стали вести наблюдение за кораблем с крыши дома № 16, надеясь, что долго это дежурство не продлится, по крайней мере не до осенних холодов, а главное – не до того, как истощится терпение ревнивой Ксении.

Идея Удалова дала плоды на вторую ночь. Отбив очередную проверку Ксении, которая была в глубине души уверена, что к Удалову на крышу лазает на свидание небезызвестная Римка, Корнелий вновь взялся за бинокль и увидел, как от корабля отщепился небольшой предмет круглой формы и медленно спланировал к земле.

Поднаторевший в космических делах, Удалов тут же определил предмет как посадочный катер. Он оказался прав! Пришельцы вышли на связь!

Корнелий проследил место, куда спустился катер, продовольственный магазин № 2 «Гастроном», и, спустившись по пожарной лестнице, стукнул кулаком в окно Грубину.

Грубин спал одетым и потому тут же выскочил в окно и побежал следом за Удаловым.

Но, как ни спешили друзья, они опоздали.

Магазин был, разумеется, закрыт, сторож крепко спал, и будить его не имело смысла. Удалов решил обойти вокруг магазина, надеясь отыскать катер в непосредственной близости от гастронома либо найти место, через которое он мог проникнуть внутрь.

Первая версия принесла результат.

На заднем, хозяйственном дворе гастронома в одном из деревянных без крышки ящиков, что были раскиданы по асфальту, и находился искомый катер. Однако Удалов не сразу догадался о ящике как о возможном месте укрытия и потерял минуту или две. Он стоял посреди хозяйственного двора и крутил головой, когда из ящика поднялся матовый шар и, набирая скорость, помчался в небо.

– Стой! – крикнул вслед катеру Грубин.

А Удалов молча бросился к ящику, надеясь увидеть связников.

Но и тут опоздал.

Ящик был пуст. Только два или три таракана разбежались по щелям под грозным взглядом Корнелия Ивановича.

Несолоно хлебавши Грубин с Удаловым вернулись домой. Больше сидеть на крыше не было смысла. Пришельцы уже сделали свое дело, но что это было за дело, осталось неизвестным.

Ясность в ситуацию внесла Ксения Удалова, когда на следующее утро кормила мужа яичницей. Она уже побывала на рынке и в магазине, так что в городе от нее секретов не оставалось.

– Ну что, зря сидел на крыше? – спросила она ехидно.

– Не совсем так, – ответил невыспавшийся Удалов. – Односторонний контакт все же произошел – мы за ними наблюдали и проследили место посадки. Во дворе гастронома.

Удалов никогда ничего не скрывал от Ксении. И хотя ее мало волновали космические проблемы, для средней гусярской женщины она была в них достаточно информирована.

– Никого не увидели?

– Кроме тараканов, никого, – признался Корнелий. – Пустой номер.

– Вот именно, – сказала Ксения. – Люди то же самое говорят.

– Что говорят люди? – насторожился Удалов. Его всегда интересовало общественное мнение. У общественного мнения, которое, конечно, склонно преувеличивать всякую чепуховину, есть свои законы, и, следуя им, оно порой удивляет прозрениями.

– А люди врать не будут, – ответила Ксения. – Они с тобой согласны.

– А я ничего такого не сказал, чтобы со мной соглашаться.

– Сказал, ангел мой, сказал, – ответила Ксения. – Сказал, что твои пришельцы, – тут она показала пальцем в потолок, напоминая, что корабль мелких пришельцев все еще висит над городом, – к тараканам прилетали.

– Что?

– Весь народ уже знает.

– Да ты с ума сошла! На что им тараканы?

– Родственники им, – ответила Ксения. – Из одной расы. Так сказать, из одной весовой категории.

– Нет! – закричал Удалов. – Быть того не может, потому что тараканы неразумные, отсталые, безмозглые насекомые!

– Ты так думаешь? А если это так, почему они за наш счет живут и ничем их вывести нельзя? Почему люди всегда терпят поражение в борьбе с тараканами?

Ксения говорила, встав в позу оратора, и текст у нее получился торжественным.

– Ну уж поражение... – неуверенно возразил Удалов.

– А вот теперь сомнений у тебя не будет. Эти, что наверху, прилетели специально, чтобы защитить тараканов от наших нападков, от истребления. По тараканьей жалобе.

– Ну уж...

И тут взгляд Корнелия упал на небольшое черное существо, которое стояло на диванной подушке и поводило в воздухе передними лапками. Это был крупный таракан-прусак, таких Удалов даже на кухне редко видел, а уж чтобы такое неприятное существо осмелилось выйти на свет днем – такое было немыслимо.

– Это еще что? – Корнелий стал искать глазами, чем бы смахнуть на пол и раздавить вечного человеческого противника, но Ксения, догадавшись, схватила его за руку.

– Корнюша, опомнись! – закричала она. – Внуков пожалей.

Ксения висела на руке Удалова, и тот, удивившись, спросил:

– Ты-то чего испугалась?

Ему почудилось, что таракан, которого резкие движения Удалова вовсе не испугали и не заставили спрятаться, слегка улыбается. Он даже пригладил усы передней лапкой!

– Дай я его хоть с дивана сгоню, – сказал, сдаваясь, Корнелий.

– Захотят, сами уйдут, – сказала Ксения о таракане, как говорят о сумасбродном барине, которого нельзя раздражать и дразнить.

– Откуда ты набралась этой чепухи? – грозно спросил Удалов, отворачиваясь от дивана и нахального таракана.

– Люди говорят, – ответила Ксения. – Люди врать не будут.

– И что же еще они говорят?

– А то говорят, что тараканы объединились и направили к своим собратьям послание, что мы, люди, их угнетаем и уничтожаем. И потому они просят помощи.

– А эти прилетели! – Сарказм бушевал в голосе Удалова.

– А эти прилетели, – ответила Ксения мирно, собирая крошки на блюдечко и капая туда же варенья. – И не только в Гусяр. Говорят, что уже над всеми городами Земли они повисли. И скоро выйдет приказ, чтобы люди отдали всю власть тараканам и подчинялись им во всем. Чтобы любили, кормили и так далее.

– Что такое «так далее»? – подавленно спросил Удалов.

– А это нам тараканы сами скажут, – пояснила Ксения. – Говорят, что будут девушек наших брать в гаремы, что запрягать нас будут в ихние кареты, а еще положено будет спать с тараканами, потому что тараканы уважают человеческое тепло.

– Еще чего не хватало! – Удалов в гневе обернулся к прусаку, но тот уже был не один – на подушке сидело и стояло штук двадцать тараканов.

Удалов не успел даже дотронуться до них, как Ксения ласковым голосом заблеяла:

– Миленькие мои, голодненькие, идите, покушайте, подкрепитесь.

И с ужасом Удалов наблюдал за тем, как тараканы вереницей пересекли пол, поднимаясь по ножке стола, окружили блюдце с едой и принялись дружно питаться.

В отвращении Удалов погрозил тараканам кулаком и увидел, как самый крупный из тараканов погрозил ему лапкой в ответ.

Тараканы, почувствовавшие, что наконец-то историческая справедливость, как они ее, паразиты, понимали, восторжествовала и теперь они с людьми поменялись местами, в течение нескольких минут вылезли из всех укрытий и темных мест. Они и в самом деле нагло заходили в места общественного питания, в столовые, ресторан «Золотой гусь», в коммерческие кафе и даже служебные буфеты, всюду требуя лучшей еды, и были совершенно ненасытны. К тому же они умудрялись хапать куда больше, чем были в состоянии сожрать, и разбрасывали объедки по всему городу.

Удалов как раз пришел к городскому голове Коле Белосельскому, чтобы спросить его совета – что делать, как жить дальше под тараканами и нельзя ли вызвать из центра ракетную дивизию, когда делегация из нескольких крупных тараканов выставила Белосельского из кабинета, сказав, что он числится в главных тараканьих врагах и потому отныне ему вход в помещение запрещен.

– На что я надеюсь, – сказал Белосельский, стоя на лестнице, – так это на их внутренние дразги. Мне звонили из райпищеторга, что отмечен первый конфликт между рыжими и черными тараканами.

– Дай-то бог! – ответил Удалов.

Они помолчали. Из оставленного кабинета доносилось шуршание. Тараканы уничтожали неприятные им бумаги.

Прибежал Савич. Он был разорен. Магазин супругов Савичей подвергся нападению. Наиболее нахальные тараканы потребовали, чтобы его жена Ванда открывала для них консервные банки, в ином случае грозились обесчестить.

Но наибольшая сенсация ожидала Удалова, когда он добрался до дома. Это путешествие заняло куда больше времени, чем обычно, потому что по улицам семьями фланировали тараканы и приходилось их пропускать. Сенсация заключалась в том, что пресловутая Римма сделала предложение руки и тела старшему таракану их дома и получила милостивое согласие. Церемония была назначена на ближайшее время...

– Черт знает что! – мрачно сказал Грубин, стоя у стола для домино во дворе их дома. – Может быть, эвакуировать население? У нас же воздушный шар есть.

– Куда бежать, – вздохнул Удалов, – если над каждым городом планеты по такому кораблю висит? Они же все продумали и, пока мы ушами болтали, подготовили переворот со всей тщательностью. Что ты будешь делать, на земле каждый наш шаг контролируется тараканами, а в небе висят враждебные космические корабли тараканьих покровителей. И как только мы допустили, чтобы они связались между собой?

– Я слышал, – сказал Грубин, – что какой-то таракан пробрался на земной космический корабль. Может, даже с семьей. А дальше все дело техники.

– Интересно, они людей потом начнут истреблять или нет?

– В их среде на этот счет нет согласия, – ответил Грубин. – Но если сегодня они этого не планируют, то через год-другой бесконтрольного размножения обязательно возьмутся за уничтожение людей.

Они помолчали.

Корабль тараканьих союзников висел над ними как дамоклов меч.

– Да, – сказал незаметно подошедший Ложкин, – не следовало нам так их уничтожать. В чем-то по большому счету мы сами виноваты.

Небольшой, но строгого вида рыжий таракан сидел у него на ухе и, видно, осуществлял цензуру высказываний почетного пенсионера.

– Нет, – сказал Удалов. – Вы как хотите, а я не сдамся. Я в леса уйду. В лес они не сунутся. В шалаше буду жить.

Остальные молчали. План Удалова показался им наивным.

Сила силу ломит.

Из дома доносилась музыка, бухал барабан, взвизгивала скрипка – свадьба Риммы была в полном разгаре.

Ночью тараканы набились к Удаловым в постель: им нравилось ночевать на простынях и жаться к человеческим телам. Удаловы сбежали и сидели кое-как одетые на лестнице, благо еще было не холодно. Другие соседи разделяли их изгнание.

Не спалось. Было стыдно и больно за человечество.

– И чего мы их раньше не передавили! – прошептала жена Ложкина.

– Тише, – попросил ее муж. – Они же с тарелочки подслушивают.

– Вот именно, – сказал проходивший мимо таракан.

И тогда над плохо спавшей встревоженной Землей разнесся, казалось бы, негромкий, но всепроникающий голос с корабля пришельцев:

– Тараканы Великого Гусяря! Ваш час пробил. Просим всех вас собраться на поляне за церковью Параскевы Пятницы для торжественного посещения корабля ваших братьев и союзников. Гарантируются бесплатные подарки и питание.

И тут по всему городу пошло шуршание – в путь двинулись миллионы тараканов. Пьяный Малюжкин, проходивший в то время по площади, был потрясен зрелищем сплошного шевелящегося покрова, на несколько сантиметров покрывшего траву. В ужасе Малюжкин застыл, не сделав следующего шага, и увидел, как на космическом корабле раскрылись широкие по его масштабам ворота и оттуда к земле протянулся плоский яркий зеленый луч. По лучу, как по пандусу, широким потоком потекли счастливые победители – тараканы. Один из последних, ожидавших своей очереди, заметил несчастного Малюжкина и пискнул ему:

– Историческая справедливость рано или поздно всегда торжествует. Угнетенные массы поднимаются против угнетателей, и нашим врагам становится страшно, что они родились на свет.

– Я в жизни не раздавил ни одного таракана, – возразил ему Малюжкин.

– Из отвращения, а не из гуманизма! – рявкнул таракан. – А другие, даже дети, – они нас сотнями уничтожали. И учтите, что когда мы вернемся с подарками и инструкциями, то возьмемся за вас всерьез.

С этими словами последний таракан поспешил вверх по зеленому лучу и вскоре скрылся в чреве корабля пришельцев. Люк закрылся. Наступила тишина.

Люди начали выходить из домов и смотреть наверх. Что-то будет, когда возвратятся тараканы? Постепенно уныние все более охватывало людей.

И тут, когда напряженное ожидание беды полностью охватило жителей Великого Гусяра, рядом с кораблем образовалось светящееся пятнышко, которое превратилось в небольшой посадочный катер, помчавшийся к земле. На полпути к ней он, видный из любого окна и с любой улицы, замер.

Свечение вокруг шарообразного катера становилось все ярче, распространялось во все стороны, пока не превратилось в овальный вогнутый экран в несколько метров диаметром.

И тогда все жители города впервые увидели пришельца, который решил лично обратиться к людям.

Обитатель корабля и в самом деле был отдаленно похож на таракана, вернее, скажем, на насекомое тараканьего семейства. Но надо признать, что было и множество отличий – например, у пришельца была куда более крупная голова, выразительные глаза, передние лапы заканчивались несколькими пальцами, в одной руке он даже держал сигарету. И самое главное заключалось в том, что пришелец был одет. Скучно, но со вкусом.

– Господа! – обратился пришелец к замершим людям. – Простите, что заставили вас поволноваться. Но нашей вины в том нет. Вы сами придумали и распространяли лживые слухи. И сами стали их жертвой. Нам трудно понять, как вы могли попасться на такую дешевую уловку. К сожалению, мы не могли вас успокоить раньше,

так как тогда рухнула бы схема, столь тщательно продуманная и не раз опробованная нами. На самом деле наш корабль – один из эскадры кораблей, направленных на Землю для истребления напых тараканов, которые стали просто стихийным бедствием. Простите нас за то, что из-за необходимости соблюдения тайны вы вынуждены были терпеть, как распустились и обнаглели тараканы, всерьез поверившие в сплетню о том, что если мы с ними одного размера и несколько схожего вида, то обязаны быть их друзьями и покровителями. Но теперь ваши мучения кончились. Тараканы завлечены на наш корабль и уже сожжены в печке. Больше тараканов на Земле нет! Спите спокойно.

На этих словах экран потускнел и погас, катер возвратился к кораблю и растворился в нем.

Люди не могли поверить своему счастью.

На этот раз обошлось!

Были предприняты попытки отыскать виновного за распространение страшной сплетни, но, конечно же, никого не нашли.

Несмотря на поздний час, людям не хотелось расходиться.

Молодой Гаврилов принес магнитофон, и все танцевали на площади под его музыку. Некоторые торговцы открыли свои магазины и бесплатно или задешево раздавали свои товары. Это была чудесная, славная, дружная ночь.

Когда шли домой, Удалов спросил Грубина:

– И чего же они на тараканов взъелись?

– Я думаю, что им за них стыдно. Как бы существа одного племени, но одни – интеллигентные и гуманные, а другие – ну просто мелкие хищники!

Удалов согласно кивнул головой.

– Улетает, улетает! – крикнул кто-то в толпе. И в самом деле, темное округлое тело корабля пришельцев растворилось в черном небе.

Ксения взяла мужа под руку.

– Вот оно – счастье, – сказала она. – А ведь мы живем и не чувствуем его, пока не случится беда.

Так, прижавшись друг к другу, словно в молодости, они поднялись на второй этаж.

Попили чаю.

Перед сном Удалов пошел мыться.

На краю раковины сидел похожий на таракана, но куда более приятный на вид пришелец из корабля и шевелил усами.

– Ты чего? – удивился Удалов. – Опоздал вернуться?

– Я теперь здесь буду жить, – сказал пришелец. – Вместо таракана.

– Как так? Вы же сами сказали...

– А крошки будешь оставлять мне на кухонном столе, – приказал пришелец.

notes

1

Вы американец?

2

Какое у вас задание? Вы шпион?

3

Вам нравится наша страна?